

Д-02

ВЗ887

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

Журналъ Юридическаго Общества

при

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

XXXII.

ЯНВАРЬ

1902

№ 1.

Проверено 15.12.02 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1902.

Провірено 1984 г.

-- МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

Условія підписки на 1902 г. см. 4 стр. обложки.

СПЕЦ

О ПОДПИСКѢ НА 1902 Г. НА

„ВѢСТНИКЪ ПРАВА“,

Журналъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества,

издаваемый подъ редакціею Г. Б. Слюзберга.

Въ составъ каждой изъ 10 книгъ „Вѣстника Права“, выпускаемыхъ въ теченіе года, входятъ:

1) Статьи по гражданскому, торговому, уголовному и административному праву.

2) Юридическія обозрѣнія, заключающіяся въ изложеніи и обсужденіи новыхъ законовъ, законопроектовъ, въ обсужденіи вопросовъ текущей практики кассационныхъ и административныхъ департаментовъ Сената, въ частности вопросовъ по *городскому* и *земскому самоуправленію*. Въ обозрѣніяхъ, состоящихъ изъ отдѣльныхъ небольшихъ статей, редакція стремится отмѣтить по возможности всѣ болѣе или менѣе крупныя явленія нашей текущей юридической жизни.

3) Литературныя обозрѣнія, заключающіяся не только въ краткой оцѣнкѣ, но и въ сжатой передачѣ содержанія новыхъ явленій въ юридической литературѣ.

4) Иностранная хроника.

Въ приложеніяхъ въ 1902 г. имѣется въ виду помѣстить кромѣ трудовъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества и матеріаловъ по обычному праву, обработанныхъ въ Отдѣленіи Обычнаго Права С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, переводъ сочиненія Берлинскаго профессора I. Kohler'a, „Введеніе въ науку права“, въ возможно популярномъ изложеніи; эта книга составляетъ какъ бы краткій курсъ энциклопедіи права, одинаково полезный какъ для начинающихъ изученіе права, такъ и вообще для юристовъ. Переводъ будетъ сдѣланъ подъ редакціею сенатора С. О. Платонова. Сверхъ сего, предполагается помѣстить переводъ съ нѣмецкаго наиболѣе авторитетнаго учебника торговаго или вексельнаго права.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

	На годъ:	По полугодіямъ.	
		Январь	Іюнь.
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . .	8 р. — к.	4 р. — к.	4 р. — к.
” ” съ доставкою . . .	8 » 50 »	4 » 50 »	4 » — »
Въ другихъ город. съ доставкою . . .	9 » — »	5 » — »	4 » — »
За границей	12 » — »	7 » — »	5 » — »
Отдѣльныя книги журнала	1 »		

Съ приложеніемъ Сборника рѣшеній Кассационныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Сената, въ официальномъ изданіи, разсылаемаго подписчикамъ немедленно по выходѣ листовъ изъ Сенатской типографіи (въ распоряженіи редакціи имѣется 500 экземпляровъ): за Журналъ съ Сборникомъ съ пересылкою въ другіе города—13 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ 12 р. 50 к. или по полугодіямъ—въ январѣ 8 р. и въ іюнѣ 5 р.

Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности и учащіеся платятъ при подпискѣ по 4 р. 50 к. въ годъ съ доставкою и пересылкою, а съ приложеніемъ рѣшеній 8 р. 50 к. Подписчики на 1902 г. могутъ получить всѣ 10 книгъ 1901 г. при высылкѣ 5 р. 50 к. Книги 1900 г. 6 р. и 1899 г.—5 р.

Подписка принимается: въ Конторѣ „Вѣстника Права“, С.-Петербургъ, Верейская ул., д. № 12 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи:
СПБ., Сергіевская, 62.

Печатано по распоряженію Предсѣдателя С.-Петербургскаго Юридическаго Общества.

Сенатская типографія.

Вѣстникъ Права

Журналъ Юридическаго Общества

при

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

XXXII.

ЯНВАРЬ

1902

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1902.

Великий князь Владимир

Св. Синод

Святейший Патриарх Московский и всея Руси

1917

1917

1917

1917

1917

СВЯТАГО ПЕТРА И ПАВЛА

1902 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ КНИГИ „ВѢСТНИКА ПРАВА“.

-
- I. М. Б. Горенбергъ. О городскихъ выборахъ
(продолженіе) . . . . . 1—50
- II. И. М. Страховскій. Современное положеніе и
значеніе крестьянскихъ волостей (окончаніе). 51—82
- III. А. С. Лыкошинъ. Реформа военно-уголовнаго
законодательства въ Сербіи . . . . . 83—119
- IV. М. А. Гордонъ. Правда и скорость въ граж-
данскомъ процессѣ . . . . . 120—126
- V. А. Е. Скобельцынъ. Потерпѣвшее отъ преступ-
ленія лицо въ уголовномъ процессѣ по проекту
Высочайше утвержденной Комисіи для пере-
смотра законоположеній по судебной части
изд. 1900 г. . . . . 127—136
- VI. Г. Сл. Новые германскіе законы объ автор-
скомъ и издательскомъ правѣ отъ 19 іюня
1901 г. . . . . 137—152
- VII. Юридическое обозрѣніе: 153—245
1. Наше законодательство (юридическая бесѣда).
Призваніе нашего времени къ законодательству.—Поря-
докъ законодательныхъ работъ.—Партикуляризмъ нашего
законодательства.—Обычное право для крестьянъ.—Но-
вый законъ объ акціонерныхъ компаніяхъ. Сл. . . . . 153—167
2. Распространяется ли дѣйствіе 122 ст. X т. 1 ч.
изд. 1842 г. на дѣтей, рожденных внѣ брака?
С. Г—кій . . . . . 168—181
3. Законъ и практика по „еврейскимъ дѣламъ“ (по
поводу сборника г. Лозина-Лозинскаго) (оконча-
ніе). Д. Л. . . . . 182—192

II

4. Изъ текущей практики Уголовнаго Кассационнаго Департамента: *А.* Необходимо ли признаніе умышленной вины для примѣненія наказанія за храненіе въ торговомъ помѣщеніи вредныхъ для здоровья напитковъ?—*Б.* По вопросу о примѣненіи 142 ст. уст. о наказ.—*В.* По вопросу о правѣ душеприказчиковъ приносить кассационныя жалобы . . . . . 193—202
5. Изъ текущей практики Гражданскаго Кассационнаго Департамента: *А.* Разрушаетъ ли презумпцію законнорожденности лица, родившагося при существованіи брака, но не имѣющаго метрическаго свидѣтельства о законности рожденія,—тотъ фактъ, что искъ этого лица о признаніи законности его рожденія отвергнуть судомъ, какъ недоказанный?—*Б.* Съ какого момента начинается судебная отвѣтственность казны по подрядамъ?—*В.* Какимъ порядкомъ должна совершаться продажа дома, построеннаго на чужой землѣ?—*Г.* Можно ли дарить или жертвовать искъ? *Г.* . . . . . 203—245
- VIII. Литературное обозрѣніе:**
Литература по гражданскому праву въ нашихъ юридическихъ журналахъ за 1901 годъ. **С. П. Никонъ.** 246—276
-

О ГОРОДСКИХ ВЫБОРАХ¹⁾.

Глава III.

Избираемые.

(Продолженіе).

I. Послѣ того, что сказано было о такъ называемомъ активномъ избирательномъ правѣ, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что „пассивное“ избирательное право тѣмъ болѣе не является субъективнымъ публичнымъ правомъ въ техническомъ смыслѣ этого слова²⁾. Понятіе права пред-

¹⁾ Вѣстникъ Права. Сентябрь 1901.

²⁾ Это косвеннымъ образомъ признаютъ даже тѣ писатели, которые называютъ пассивное избирательное право субъективнымъ правомъ, ибо, говоря это, они имѣютъ въ виду вовсе не избираемость, а право лица уже избраннаго. Такъ, Sarvey, *Das oeffentliche Recht und die Verwaltungsrechtspflege*, 1880, стр. 483, называетъ пассивнымъ избирательнымъ правомъ „право лица отправлять публичную дѣятельность, если оно призвано къ ней результатомъ законныхъ выборов“. Такъ же точно, по мнѣнію Loening'a, *Lehrbuch des Deutschen Verwaltungsrechts*, 1884, стр. 810, пассивное избирательное право заключается въ правѣ юридически дѣйствительнымъ образомъ избраннаго быть допущеннымъ къ исполненію возложенныхъ на него, благодаря выборамъ, функций. Напротивъ, правомъ въ субъективномъ смыслѣ считаетъ избираемость Nauriou, хотя по соображеніямъ крайне не убѣдительнаго свойства: „L'éligibilité n'est peut-être pas un droit individuel aussi accusé que l'électorat, mais elle l'est cependant et surtout elle a toujours été réclamée et voulue (?) comme un droit par la démocratie, la preuve (?) d'ailleurs qu'elle est un droit, c'est qu'elle est constamment associée à l'électorat, qu'en principe tout électeur est éligible“. *Précis de droit administratif*, 1901, стр.

полагаетъ наличность, по крайней мѣрѣ, двухъ субъектовъ: лица управомоченнаго и лица обязаннаго. Право можетъ имѣть своимъ содержаніемъ либо чужое дѣйствіе, либо чужое бездѣйствіе, опущеніе опредѣленныхъ дѣйствій. Пассивное избирательное право лишено того и другого условія. Это „право“ не имѣетъ, съ одной стороны, никакого содержанія, такъ какъ имѣющій возможность быть избраннымъ не предпринимаетъ никакихъ дѣйствій и ничего не можетъ требовать отъ другихъ лицъ; а, съ другой стороны, онъ не имѣетъ передъ собою и обязаннаго субъекта, которому онъ могъ бы предъявить какое либо требованіе. Способность быть избираемымъ, баллотироваться, такъ же точно не представляетъ собою права въ субъективномъ смыслѣ, какъ и способность занимать опредѣленныя должности на государственной службѣ, хотя бы лицо удовлетворяло всѣмъ специфическимъ условіямъ, установленнымъ закономъ для замѣщенія данныхъ должностей и хотя бы къ замѣщенію такихъ должностей допускались лица лишь точно опредѣленныхъ категорій. Установленіемъ этихъ специфическихъ условій ограничивается лишь тотъ кругъ лицъ, изъ среды которыхъ могутъ быть избраны гласные или назначены должностныя лица; о правѣ входящихъ въ этотъ кругъ лицъ говорить въ отличіе отъ лицъ, стоящихъ внѣ этого круга; никакого субъективнаго права въ техническомъ смыслѣ слова для первыхъ благодаря этому не возникаетъ. Но не являясь правомъ, пассивное избирательное право, въ отличіе отъ активнаго, не является вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанностью. Законодатель воленъ, конечно, установить обязанность баллотироваться для всѣхъ тѣхъ, которые удовлетворяютъ установленнымъ въ законѣ требованіямъ. Но тамъ, гдѣ такого специ-

---

331, вып. 2; Lafférière, по столь же неосновательнымъ соображеніямъ, избираемости правомъ не считаетъ: „L'éligibilité n'est pas comme l'électorat un droit civique et individuel placé sous la sauvegarde des tribunaux judiciaires; c'est une aptitude d'ordre administratif, aptitude à la fonction ou au mandat que l'élection a pour but de conférer“. *Traité de la juridiction administrative*, II, 2 éd., 1896, стр. 332. Это опредѣленіе принимаетъ и Charles Uzé, *De la nullité en matière d'élections politiques*, 1896, стр. 21.

ального постановленія не существуетъ, пассивное избира-
тельное право не имѣетъ характера обязанности, хотя бы
законъ воспрещалъ лицу уже избранному отказываться отъ
роли гласнаго. Эти два момента: обязанность баллотироваться
и обязанность занять должность или мѣсто гласнаго нужно
различать, ибо если законъ послѣдняго рода обязанность и
устанавливаетъ, то она наступаетъ только для того, кто уже
избранъ ¹⁾). Нельзя утверждать, что разъ существуетъ обя-
занность занимать должности по городскому общественному
управленію, то каждое лицо, способное быть избраннымъ,
обязано подвергнуться баллотировкѣ, ибо такъ какъ занимать
должности обязанъ только избранный, а для того, чтобы
быть избраннымъ необходимо баллотироваться, то уклоня-
ющіеся отъ баллотировки тѣмъ самымъ уклоняются и отъ
занятія должности. Такое разсужденіе было бы неправильно.
Обязанность занимать должности или принять избраніе въ
гласные можетъ существовать и существуетъ обыкновенно
безъ обязанности баллотироваться. Изъ факта уклоненія отъ
баллотировки нельзя еще дѣлать вывода объ уклоненіи лица
отъ принятія избранія. Лицо можетъ быть и желаетъ быть
гласнымъ или занять ту или другую должность, но оно не
увѣрено въ своемъ избраніи или даже увѣрено въ против-
номъ. Оно не желаетъ поэтому баллотироваться или вообще
ставить свою кандидатуру. Вотъ почему тамъ, гдѣ обязан-
ность отправлять „общественныя“, по терминологіи нашего
законодательства, должности и существуетъ—обыкновенно под-
черкивается, что отказъ отъ принятія должности тогда лишь
имѣется на лицо, когда по окончательномъ избраніи при-
званный на должность откажется принять ее. Отказъ въ пред-
шествующихъ стадіяхъ не имѣетъ такого значенія и не мо-
жетъ влечь за собою мѣръ взысканія ²⁾). Но по нашему за-
конодательству, въ отличіе отъ иностранныхъ, обязанности за-
нимать должности по городскому общественному управленію

---

¹⁾ См. напр. Gemeindestatut f. d. Landeshauptstadt Linz. § 35: In der Regel ist jedes Mitglied verpflichtet die auf dasselbe gefallene Wahl anzunehmen.

²⁾ Oertel, Die Städteordnung v. 1853, 2 Aufl, 1893, стр. 410, п. 4.

или носить званіе гласнаго не существуетъ ¹⁾). Принятіе на себя роли гласнаго зависитъ отъ согласія лица избраннаго. Законъ предоставляетъ право отказаться и отъ баллотировки

¹⁾ Кромѣ австрійскаго (см. Scheda, Erläuterungen zur Gemeindeordnung, 2 Aufl., 1895, стр. 55 и слѣд.: Haemmerle, Handbuch f. d. Gemeinden, 1890, стр. 743; Ulbrich, Lehrbuch des Oesterreichischen Staatsrechts, 1833, стр. 268 и слѣд.), и прусское законодательство возлагаетъ на гражданъ обязанность принимать на себя избраніе въ гласные. § 74 des Städteordn. v. 1853; § 9 des Städteordn. f. Schleswig-Holstein и др. Также точно въ Англии каждый членъ общины обязанъ принять павшій на него выборъ въ councillor'ы или alderman'ы, если у него нѣтъ законныхъ основаній къ отказу. Таковыми являются: тѣлесная или умственная неспособность, глухота, слѣпота и другія продолжительныя болѣзни; далѣе, возрастъ свыше 65 лѣтъ или отправленіе общинной должности въ теченіи послѣднихъ до выборовъ пяти лѣтъ. Въ случаѣ отказа безъ законныхъ къ тому причинъ, виновный подвергается штрафу въ 50 фунт. стерл. Redlich, Englische Lokalverwaltung, 1901, стр. 267, 269. Кромѣ причинъ, исчисленныхъ въ законѣ (возрастъ свыше 60 лѣтъ, отправленіе въ Пруссіи бесплатной должности, а въ Австріи—должностей бюргермейстера или члена управы въ послѣдній избирательный періодъ; въ Пруссіи—продолжительная болѣзнь, дѣла, требующія частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ; отправленіе какой либо иной публичной должности, врачебная практика; въ Австріи—военные, не состоящіе на дѣйствительной службѣ, священники и лица, состоящіа на государственной службѣ); въ Австріи управы, а въ Пруссіи городская дума могутъ освободить лицо отъ обязанности принять на себя званіе гласнаго и по другимъ причинамъ, которыя они найдутъ уважительными; п. 7 § 74 d. Städteordn. v. 1853; Gemeindestatut f. d. Landeshauptstadt Linz, § 35, Gemeindevahlordn. f. d. Stadt Waidhofen a. d. Ybbs, § 37. Такъ, въ Пруссіи большая семья, завѣдывавіе какимъ либо торговопромышленнымъ предпріятіемъ безъ помощника, какъ управленіе, напр., аптекой, могутъ служить достаточнымъ основаніемъ къ освобожденію. Oertel, die Städteordn. v. 1853, 2 Aufl., 1893, стр. 410. Уклоняющійся отъ исполненія обязанности гласнаго можетъ быть въ Пруссіи привлеченъ къ платежу прямыхъ налоговъ, въ размѣрѣ отъ $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{4}$ превышающемъ обложеніе другихъ гражданъ. Въ Австріи онъ подвергается денежному штрафу до 100 гульденовъ и лишается кромѣ того активнаго и пассивнаго избирательнаго права для дополнительныхъ выборовъ въ текущій и для выборовъ вообще въ ближайшій трехлѣтній избирательный періодъ. Въ Пруссіи дума *можетъ*, но она не обязана, кромѣ усиленнаго платежа налоговъ, лишиться осуществленія правъ гражданства, т. е. активнаго и пассивнаго избирательнаго права на время отъ 3—6 лѣтъ. Мѣры эти могутъ быть приняты и неодновременно. Постановленія думы о лишеніи правъ гражданства и объ усиленномъ обложеніи не нуждаются для своей дѣйствительности ни въ согласіи управы (какъ по другимъ предметамъ), ни въ утвержденіи учрежденія, на которомъ лежитъ надзоръ за дѣйствіями городского общиннаго управленія. Но какъ потерпѣвшему, такъ и магистрату принадлежить *право обжалованія* въ двухнедѣльный срокъ постановленія думы *въ порядкѣ суда по административнымъ дѣламъ*. Oertel, стр. 410, Schön, Das Recht der Kommunalverbände in Preussen, 1897, стр. 91.

(ст. 43 дѣйствующаго городского положенія). Избираемость есть, такимъ образомъ, ни что иное, какъ опредѣленная объективными признаками закона способность подлежать избранію ¹⁾, и хотя она можетъ быть обставлена положительными условіями (возвышенные цензъ, возрастъ и т. п.), тѣмъ не менѣе по существу своему она носитъ отрицательный характеръ, свидѣтельствуя объ отсутствіи препятствій къ тому, чтобы подвергнуться баллотировкѣ и чтобы въ случаѣ юридически дѣйствительнаго избранія быть гласнымъ.

II. По дѣйствующему городскому положенію „въ гласные избираются только лица, имѣющія право голоса на выборахъ“. Ст. 43. Но кто же эти лица, которыя имѣютъ право голоса на выборахъ? Имѣетъ ли въ виду эта статья всѣхъ лицъ, способныхъ участвовать въ выборахъ, хотя бы они не могли или не должны были лично осуществлять актъ избранія, или только такихъ лицъ, которыя не только могутъ участвовать въ выборахъ, но могутъ въ нихъ участвовать лично? Терминологія городского положенія совершенно въ этомъ отношеніи не выдержана. Сопоставленіе ст. 24 ²⁾ со ст. 25 ³⁾ даетъ основаніе заключить, что городское положеніе разли-

¹⁾ Die Wählbarkeit „erscheint ebenso als eine Fähigkeit, wie die Testamenti factio die Fähigkeit ist ein rechtsgültiges Testament errichten“. Dantscher v. Kollesberg, Die politischen Rechte der Unterthanen 1888, I, стр. 102. Kulisch. Beiträge zum österreichischen Parlamentsrecht, стр. 161, который правильно указываетъ на юридическую несостоятельность выраженія „пассивное избирательное право“. См. также Max Seydel, Der Deutsche Reichstag, Annalen des Deutschen Reiches, 1880, стр. 365. Его же Bayerisches Staatsrecht. Bd II, 1887, стр. 130. Georg Meyer, Lehrbuch des Deutschen Staatsrechts, 4 Aufl, 1895, стр. 270. Laband, Das Deutsche Reichsstaatsrecht, объ юридической природѣ избираемости не высказывается. Но, судя по взгляду его на активное избирательное право, онъ избираемости правомъ несомнѣнно не считаетъ. Не высказывается объ этомъ и Arndt, Staatsrecht des Deutschen Reiches, 1901, стр. 120.

²⁾ Ст. 24: „Правомъ участія въ выборѣ гласныхъ пользуются: 1) лица, состоящія въ русскомъ подданствѣ, а также благотворительныя, ученныя и учебныя учрежденія и учрежденія правительственныя, если эти учрежденія и лица не менѣе одного года владѣютъ въ предѣлахъ городского поселенія на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія и т. д.

³⁾ Ст. 25: „Изъ лицъ, имѣющихъ право участія въ избраніи гласныхъ на основаніи ст. 24 и не состоящихъ подъ опекою или попечительствомъ, достигшіе двадцати пяти лѣтъ отъ роду и лица женскаго пола *пользуются симъ правомъ* не лично, а чрезъ уполномоченныхъ, снабженныхъ отъ нихъ довѣренностями“.

чаетъ „право участія въ выборахъ гласныхъ“ отъ пользова-
нія „симъ правомъ“. Этимъ не разрѣшается однако вопросъ
о томъ, кто такія лица, „имѣющія право голоса на выбо-
рахъ“, о которыхъ говоритъ ст. 43 городского положенія.
Въ ст. 31 положенія сказано, что „никто не можетъ имѣть
на городскихъ выборахъ болѣе двухъ голосовъ: одного по
личному праву и другого по праву представительства, по
довѣренности или уполномочію“. Изъ смысла этой статьи вы-
текаетъ, что имѣть голосъ на выборахъ—значить лично осу-
ществлять избирательный актъ, независимо отъ того, будетъ ли
это пользованіемъ своимъ правомъ или осуществленіемъ права
чужого. Напротивъ того, изъ смысла ст. 34, въ которой гово-
рится, что „для производства выборовъ въ гласные изъ лицъ,
имѣющихъ право голоса на выборахъ (ст. 24), образуется
одно избирательное собраніе“, вытекаетъ, въ виду ссылки ея
на ст. 24, что подъ имѣющими право голоса на выборахъ
статья 34 понимаетъ лицъ, имѣющихъ право участвовать
въ выборахъ, независимо отъ того, могутъ ли они его осуще-
ствлять лично. То или иное пониманіе выраженія закона
„лица, имѣющія право голоса на выборахъ“ имѣетъ огром-
ное практическое значеніе. Если подъ лицами, имѣющими
„право голоса на выборахъ“, понимать лицъ, способныхъ
участвовать въ выборахъ, независимо отъ того, могутъ ли
они лично осуществлять актъ избранія, то нужно будетъ
признать, что избранными въ гласные могутъ быть и жен-
щины, и лица, не достигшія двадцатипятилѣтняго возраста, и
даже несовершеннолѣтнія и малолѣтнія, которыя несомнѣнно
имѣютъ право голоса на выборахъ, хотя право ихъ осуще-
ствляется опекунами и попечителями. Въ особенности же
будутъ подлежать избранію въ гласные предсѣдатели и члены
мѣстнаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, свя-
щенно - и церковнослужители христіанскихъ исповѣданій,
мѣстные чины прокурорскаго надзора и лица, занимающія
полицейскія должности въ губерніи, ибо относительно этихъ
лицъ въ ст. 32 сказано, что они удовлетворяютъ условіямъ,
опредѣленнымъ въ ст. 24, т. е. правомъ участія или пра-
вомъ голоса на выборахъ они пользуются, но не должны

въ нихъ участвовать. Въ виду такой дилеммы, подъ выраженіемъ закона „въ гласные избираются только лица, имѣющія право голоса на выборахъ“ остается понимать только то, что избранію подлежатъ лица, могущія лично участвовать въ выборахъ, независимо отъ того, осуществляютъ ли они собственное право или дѣйствуютъ лишь по праву представительства. По городскому положенію 1870 года ¹⁾, въ гласные городской думы могъ быть избираемъ „каждый, имѣющій право голоса на выборахъ (ст. 17-я, п.п. 1—3-й, 18, 19, 22-я), считая въ томъ числѣ и лицъ, которыя получили это право по довѣренности (ст. 20 и 21-я)“. Въ виду прямой оговорки въ законѣ относительно лицъ, дѣйствующихъ по довѣренности, вопросъ о томъ, подлежали ли они избранію, не возбуждалъ никакихъ сомнѣній. По смыслу ст. 17 городского положенія 1870 года, представителями вѣдомствъ, учреждений, обществъ и т. д. могли быть лишь лица, удовлетворяющія всѣмъ условіямъ активнаго избирательнаго права и личнаго участія въ выборахъ. Это вытекало изъ содержавшихся въ ст. 21 ссылокъ на ст. 17, 18 и 19 городского положенія 1870 года. Право этихъ лицъ подлежать избранію не вызвало сомнѣній, хотя бы особой оговорки объ избираемости ихъ въ законѣ и не содержалось. Но и при дѣйствіи городского положенія 1870 года имѣлись такіе представители физическихъ лицъ, какъ уполномоченные родственники женщинъ, неотдѣленные сыновья, дѣйствующіе за своихъ отцовъ (ст. 20), которые не совмѣщали въ себѣ всѣхъ условій, требуемыхъ для активнаго избирательнаго права. При отсутствіи спеціальнаго правила ст. 35, эти лица не пользовались бы пассивнымъ избирательнымъ правомъ. Установленіе такого правила не вытекаетъ, однако, изъ принциповъ права. Если отправляться отъ того положенія, что пассивное избирательное право есть результатъ права активнаго участія въ выборахъ, то нужно прійти къ выводу, что лица, дѣйствующія на выборахъ, если они активнаго избирательнаго права не имѣютъ, не должны подлежать и избранію, по-

---

¹⁾ Ст. 35.

тому что на выборах они осуществляют не свое, а чужое право. Вышеупомянутое постановление городского положения вызвано соображениями не права, а целесообразности. Оно установлено было, чтобы „устранить возможные затруднения въ замѣщеніи общественныхъ должностей“. Отступление отъ принципа приводитъ, однако, на практикѣ къ большимъ затрудненіямъ при обсужденіи послѣдствій установленнаго изъятія, какъ, напр., при разрѣшеніи вопроса о значеніи для избраннаго въ гласные представителя потери довѣрителемъ его имущественнаго ценза.

Въ западно-европейскихъ государствахъ такого изъятія, въ смыслѣ избираемости представителей, не удовлетворяющихъ условіямъ пассивнаго избирательнаго права, не существуетъ. По прусскимъ городovýmъ положеніямъ право гражданства даетъ право участвовать въ выборахъ и подлежать избранію въ думу. Такъ какъ правомъ гражданства женщины и несовершеннолѣтніе не пользуются, то они eo ipso ни избирать, ни быть избираемыми не могутъ. Представительство на выборахъ не имѣетъ здѣсь мѣста, за исключеніемъ представительства юридическихъ лицъ, а также лицъ физическихъ, живущихъ внѣ городской территоріи, если они уплачиваютъ наивысшую сумму налоговъ. Представителями тѣхъ и другихъ могутъ быть только граждане, пользующіеся правомъ голоса на выборахъ ¹⁾, т. е. имѣющіе активное избирательное право. Никакихъ исключеній въ томъ смыслѣ, чтобы представители физическихъ и юридическихъ лицъ, не пользующіеся самостоятельно пассивнымъ избирательнымъ правомъ, подлежали бы тѣмъ не менѣе выбору въ гласные, прусскія городовыя положенія въ себѣ не содержатъ. Еще болѣй интересъ представляетъ для насъ австрійское законодательство, которое допускаетъ представительство на выборахъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, нежели законодательство прусское. Въ Австріи, какъ и у насъ, существуетъ категорія лицъ, которыя, какъ опекуны, представители учреж-

---

¹⁾ „Die Bevollmächtigten müssen selbst stimmungsfähige Bürger sein“. § 25 d. Städteord. v. 1853.

деній или обществъ, уполномоченные лицъ женскаго пола, осуществляютъ на выборахъ не свою, а чужую волю. При этомъ условія, требуемыя отъ лицъ, могущихъ быть представителями, не совпадаютъ съ условіями пассивнаго избирательнаго права. По австрійскому законодательству избранію въ гласные подлежатъ такіе мужскаго пола члены общины, которымъ исполнилось двадцать четыре года, которые пользуются всѣми гражданскими правами и имѣютъ кромѣ того право участвовать въ выборахъ въ качествѣ избирателей. Представителями же могутъ быть на выборахъ австрійскіе совершеннолѣтніе (двадцать четыре года) граждане, не будучи даже членами общины, если они только не осуждены за перечисленные въ законѣ преступления. Представители не должны обладать активнымъ избирательнымъ правомъ, какъ это требуется въ Пруссіи. Поэтому и въ Австріи представитель, осуществляющій чужое избирательное право, избранію въ гласные не подлежитъ, если самъ не удовлетворяетъ условіямъ избранія. Специальнаго же постановленія, которое предоставляло бы такое право представителямъ юридическихъ и физическихъ лицъ, австрійскія общинныя положенія не знаютъ.

Для способности подлежать избранію въ гласные по родовому положенію 1892 года необходимо: либо имѣть право участія въ выборахъ и право лично осуществлять избирательный актъ (лица мужскаго пола, русскіе подданные, достигшіе двадцатипятилѣтняго возраста и обладающіе имущественнымъ цензомъ), либо же, не имѣя активнаго участія въ выборахъ, принимать въ нихъ тѣмъ не менѣе участіе въ качествѣ опекуна, уполномоченнаго лица женскаго пола, неотдѣленнаго сына, дѣйствующаго по довѣренности своего отца, или же представителя учрежденія, общества, товарищества или компаніи.

Этимъ опредѣляется вмѣстѣ съ тѣмъ и кругъ тѣхъ лицъ, которыя избранію не подлежатъ. Какъ имѣющія активное избирательное право, но не могущія его лично осуществлять, не могутъ быть избираемы: лица женскаго пола, лица мужскаго пола, не достигшія двадцатипятилѣтняго возраста, и

наконецъ, лица юридическія. Какъ не имѣющія активнаго избирательнаго права или возможности его осуществленія, избранію не подлежатъ: лица, удовлетворяющія условіямъ пола, подданства, возраста и ценза, если они лишены права участія въ выборахъ навсегда или временно, если ихъ право приостановлено, или если они не должны его осуществлять. Въ случаѣ производства выборовъ по участкамъ, способности быть избираемымъ лишены также всѣ тѣ, пользующіеся какъ правомъ участія въ выборахъ, такъ и способностью личнаго его осуществленія, которые не имѣютъ права голоса въ данномъ участкѣ.

III. Изложенный принципъ знаетъ, однако, два исключенія. Первое касается лицъ нехристіанскаго вѣроисповѣданія вообще. Второе относится спеціально къ евреямъ. Отдѣльныя лица нехристіанскихъ вѣроисповѣданій въ своей избираемости неограничены. Ограничено лишь число ихъ въ составѣ городской думы. Напротивъ того, евреи, кромѣ ограниченія числа ихъ въ составѣ думы, изъяты отъ избираемости. По дѣйствующему городовому положенію „число гласныхъ изъ нехристіанъ не должно превышать одной пятой части общаго числа гласныхъ (ст. 56). Въ тѣхъ городскихъ поселеніяхъ, въ коихъ по недостаточному числу христіанъ, исполненіе сего правила оказалось бы затруднительнымъ, отступленія отъ онаго, по постановленію мѣстнаго по земскимъ и городскимъ или по городскимъ дѣламъ присутствія, разрѣшаются Министеромъ Внутреннихъ Дѣлъ.“¹⁾ Губернскія начальства предполагали подвергнуть подобнымъ ограниченіямъ и всякаго рода сектантовъ, какъ то: молоканъ, поморцевъ и др., допуская ихъ въ составъ гласныхъ въ числѣ, не превышающемъ одной десятой „части того числа гласныхъ, какое причитается на долю собранія или группы.“ Относительно татаръ высказано было при этомъ приблизительно то же, что говорятъ о евреяхъ: „большинство ихъ является аккуратно (!) на выборы; ими заранѣе намѣчаются лица, которые должны быть избраны. Въ силу историческихъ и другихъ причинъ, а равно рели-

---

¹⁾ Ст. 44.

гіозныхъ вѣрованій, они держатся обособленно, сплоченно между собою, дисциплинированы въ своей средѣ и вотируютъ, какъ одинъ человѣкъ; а потому, при разрозненности (!) остальныхъ избирателей и членовъ общественныхъ учреждений, они могутъ легко дѣйствовать въ личныхъ своихъ и племенныхъ интересахъ въ ущербъ общегородскимъ интересамъ и господствующей русской народности.“ Но очевидно, что аккуратное посѣщеніе выборовъ и избраніе заранѣе намѣченныхъ, а не случайно подвернувшихся кандидатовъ заслуживали бы только поощренія и, во всякомъ случаѣ, не должны бы служить основаніемъ къ ограниченіямъ. Врядъ ли могутъ быть поставлены также въ упрекъ избирателямъ ихъ дисциплинированность и единодушное вотированіе. Напротивъ того, казалось бы, что даже съ точки зрѣнія интересовъ, преслѣдуемыхъ авторами этого мнѣнія, слѣдовало бы только бороться противъ разрозненности остальныхъ избирателей, создавая благопріятныя условія для ихъ единенія, и стремиться къ развитію у нихъ такихъ качествъ, какъ аккуратное посѣщеніе избирательныхъ собраній или болѣе внимательное отношеніе къ избираемымъ лицамъ, наличность которыхъ, если она въ дѣйствительности имѣетъ мѣсто, напрасно ставится въ упрекъ татарамъ.

Относительно евреевъ имѣются спеціальныя постановленія, изложенныя въ примѣчаніи 3 къ статьѣ 24 городского положенія. „Въ городскихъ поселеніяхъ губерній, въ коихъ евреямъ дозволяется постоянное жительство (уст. пост. ст. 11), кромѣ города Кіева, евреи допускаются къ исполненію обязанностей городскихъ гласныхъ или уполномоченныхъ на слѣдующихъ основаніяхъ: а) по каждому городскому поселенію мѣстною управою или городскимъ старостою ведется особый списокъ евреевъ, которые на основаніи сего положенія (ст. 22, прил.: ст. 2; 24, 33 и 43) *могли бы быть избираемы* въ городскіе гласные или уполномоченные; б) изъ внесенныхъ въ списокъ лицъ избираются мѣстнымъ по земскимъ и городскимъ, либо по городскимъ дѣламъ присутствіемъ городскіе гласные или уполномоченные въ числѣ, опредѣляемомъ Министеромъ Внутреннихъ Дѣлъ, не свыше однако одной де-

сятой части общаго состава Думы или собранія; на постановленія присутствія по означенному въ предшедшемъ пунктѣ (б) предмету жалобъ не принимается“¹⁾). Департаменты Государственнаго Совѣта по этому пункту нашли, что „за устраненіемъ евреевъ отъ участія въ городскихъ выборахъ, надлежитъ постановить, что городскимъ обывателямъ изъ евреевъ, удовлетворяющимъ условіямъ, указаннымъ въ проектѣ, ведутся управами отдѣльные списки особо отъ списковъ прочихъ избирателей. Что касается самаго избранія гласныхъ и уполномоченныхъ изъ числа лицъ, внесенныхъ въ упомянутые списки, то возложеніе этой обязанности единолично на губернатора представлялось бы едва ли удобнымъ. Выборъ вполне благонадежныхъ гласныхъ изъ евреевъ будетъ нерѣдко сопряженъ съ значительными затрудненіями. Между тѣмъ всякія въ этомъ отношеніи ошибки, на практикѣ почти неизбежныя, подавали бы поводъ къ нареканіямъ на высшаго

---

¹⁾ Въ Пруссіи евреи подлежали избранію въ гласные городской думы и въ члены (управы) магистрата уже по городовому положенію 1808 года. Въ этомъ отношеніи рескриптъ отъ 14 марта 1809 года поучалъ: „Es ist ganz unbedenklich, dass jüdische Bürger Stadtverordnete und selbst Magistratsmitglieder werden können. Jedoch, so lange noch die Juden, besonders in den kleinen Städten, rücksichtlich ihrer Bildung u. s. w. in der Unvollkommenheit bleiben, worin sie sich mit wenigen Ausnahmen jetzt befinden, ist mit Vorsicht und Schonung dahin zu wirken, dass sie weder in der Stadtverordnetenversammlung, noch in den städtischen Verwaltungsbehörden, der Anzahl nach, irgendwo die Mehrheit ausmachen. Die unangemessene Protestation christlicher Bürger gegen deren Annahme, habt Ihr unter Anführung des Beispiels zurückzuweisen, dass bereits bei der Königsberger Magistratur auf die Wahl der Stadtverordneten, ein jüdischer Kaufmann als unbesoldeter Stadtrath angestellt worden“. L. v. Ronne, Die Preussischen Städteordnungen v. 19 November 1808 und vom 17 März 1831, 1840, стр. 135. По городовому положенію 1836 года евреи не могли занимать лишь должностей бюргермейстера или обербюргермейстера. См. § 89 der revidirten Städteordnung. Въ настоящее время дѣйствуетъ общепрусскій законъ отъ 3 июля 1869 г. betr. die Gleichberechtigung der Konfessionen in bürgerlicher und staatsbürgerlicher Beziehung: Alle noch bestehenden, aus der Verschiedenheit des religiösen Bekenntnisses hergeleiteten Beschränkungen der bürgerlichen und staatsbürgerlichen Rechte werden hierdurch aufgehoben. Insbesondere soll die Befähigung zur Theilnahme an der Gemeinde- und Landesvertretung und zur Bekleidung öffentlicher Aemter vom religiösen Bekenntnisse unabhängig sein“. Arndt, Die Verfassungsurkunde für den Preussischen Staat, 1889 2 Aufl., стр. 64 N. 4; Steffenhagen, Handbuch der Städtischen Verfassung und Verwaltung in Preussen., Bd., I, 1887, стр. 197.

представителя административной власти въ губерніи. Во избѣжаніе сего слѣдуетъ предпочесть такой порядокъ, при которомъ гласные евреи избирались бы учрежденіемъ коллегіальнаго устройства. По мнѣнію Департаментовъ, осуществленіе этой задачи всего удобнѣе возложить на губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе съ тѣмъ, чтобы распоряженія его по этому предмету не подлежали обжалованію“¹⁾). Законъ говоритъ, такимъ образомъ, что гласные изъ евреевъ „избираются“ мѣстнымъ по городскимъ дѣламъ присутствіемъ.

Въ дѣйствительности же рѣчь идетъ не объ избраніи, а о назначеніи гласныхъ изъ евреевъ, ибо слова: выборы, избраніе имѣютъ значеніе не только способа выдѣленія одного или нѣсколькихъ лицъ изъ числа многихъ, но и способа замѣщенія должностей. Въ первомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ обозначенія опредѣленнаго числа лицъ изъ массы ихъ, выборы предшествуютъ всякому исходящему отъ государства назначенію на должность, ибо, прежде чѣмъ замѣститъ какую либо должность, государство должно остановиться на комъ либо изъ имѣющихся въ виду кандидатовъ. Но въ государственномъ правѣ выборы противопоставляются назначенію не въ этомъ смыслѣ, а въ смыслѣ способа замѣщенія должностей. Послѣднимъ юридическимъ основаніемъ замѣщенія должностей является здѣсь не назначеніе, не административный актъ, исходящій отъ государства, а именно выборы, исходящіе отъ населенія. Выборы не имѣютъ въ послѣднемъ случаѣ значенія стадіи, предшествующей замѣщенію должности; они являются непосредственнымъ источникомъ такого замѣщенія. Этимъ и отличаются должности выборныя отъ должностей, замѣщаемыхъ государствомъ²⁾). Въ

---

¹⁾ Отчетъ по дѣлопроизводству Государственнаго Совѣта, стр. 355.

²⁾ Правильно замѣчаетъ Otto Mayer, Deutsches Verwaltungsrecht, II B., 1896, стр. 401—402: „Als Wahl bezeichnet man wohl auch den Mehrheitsbeschluss einer collegialen Gemeindebehörde, des Magistrats, sofern er eine Ernennung enthält. Das fällt noch unter die zuerst aufgeführten Formen; es ist in Wahrheit ein Verwaltungsakt. Rechtliche Eigenthümlichkeiten hat die Wahl nur da, wo sie ausgeht von Wählern, die keine Behörde bilden, fähig Verwaltungsakte zu erlassen, also unmittelbar von den Gemeindebürgern oder von Ausschüssen ihrer abgeordneten Vertreter:

этомъ смыслѣ избраніе гласныхъ изъ евреевъ городскимъ присутствіемъ не есть вовсе избраніе. Это есть назначеніе гласныхъ по постановленію коллегіального государственнаго учрежденія. Что понятіе назначеннаго гласнаго представляетъ собою *contradictio in adjecto*—это не требуетъ, кажется, дальнѣйшаго обоснованія. Но независимо отъ этого, мы видѣли, что какъ по городовому положенію 1870 года, такъ и по нынѣ дѣйствующему, члены присутствія по городскимъ дѣламъ не должны даже принимать участія въ выборахъ, гдѣ вліаніе ихъ, какъ отдѣльныхъ избирателей, во всякомъ случаѣ не могло бы быть значительнымъ. Они не должны осуществлять своего избирательнаго права именно потому, что входятъ въ составъ учрежденія, *на которомъ лежитъ надзоръ за дѣйствіями городского общественнаго управленія*. Учрежденіе государства, на которомъ лежитъ обязанность контроля, не должно, кромѣ этой функціи, стоять въ какой либо связи съ контролируемымъ учрежденіемъ въ особенности тогда, когда контролируемое учрежденіе входитъ въ составъ самоуправляющейся корпораціи, т. е. совершенно другого организма. Этимъ гарантируется какъ независимость думы отъ прямого воздѣйствія присутствія по городскимъ дѣламъ и непосредственнаго вмѣшательства въ ходъ ея дѣлъ, какового вмѣшательства ему по закону не предоставлено, такъ и неослабность и безпристрастіе его контроля надъ дѣйствіями городского общественнаго управленія. Ни о независимости, ни о безпристрастіи и неослабности контроля не можетъ идти рѣчи, когда само присутствіе назначаетъ гласныхъ. Надзоръ при такихъ условіяхъ обращается въ непосредственное руководство подлежащими лишь контролю органами и учрежденіями; онъ ослабляется и дѣлается пристрастнымъ, такъ какъ имѣетъ своимъ пред-

---

Stadtverordneten, Gemeinderäten, Gemeindebevollmächtigten. Eine solche Wahl ist möglicherweise nur die Bedingung für die Anstellung, die auf Grund derselben vollzogen wird durch einen behördlichen Akt, einen Akt der Gemeindebehörde oder der staatlichen Aufsichtsbehörde. Die Wahl durch Gemeindebürger oder abgeordnete Vertretungen kann aber auch so gemeint sein, dass sie unmittelbar Amt und Dienstpflicht begründen soll. Und zwar ist das die Regel. Bürgermeister, Gemeindevorsteher, Magistratsmitglieder werden so bestellt“ и т. д.

метомъ частью собственныя же свои дѣйствія; и учрежденія, по мысли закона независимыя, теряютъ свою самостоятельность, становясь вполнѣ подчиненными и безличными.

IV. Какъ по городовому положенію 1870 года, такъ и по нынѣ дѣйствующему, родственныя отношенія не служатъ препятствіемъ къ совмѣстному избранію въ гласныя. Напротивъ того, по прусскимъ городовымъ положеніямъ, отецъ и сынъ, а также братья не могутъ быть одновременно гласными городской думы. Если такіе родственники одновременно избраны, то въ составъ гласныхъ входитъ лишь старшій изъ нихъ ¹⁾. Такъ же точно и у насъ при выработкѣ городского положенія 1870 года, въ комисіи съ участіемъ экспертовъ „изъ опасенія, что въ небольшихъ городахъ, гдѣ составъ общества незначителенъ, два три семейства, при посредствѣ родственныхъ своихъ связей, могутъ совершенно захватить въ свои руки вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ и во вниманіе къ тому, что въ означенныхъ городахъ возможно образованіе партій именно по родственнымъ, преимущественно, а не по инымъ какимъ-либо связямъ,—полагали необходимымъ постановить въ проектѣ правило, что родственники въ опредѣленныхъ степеняхъ родства не могутъ быть допускаемы въ составъ городского собранія, тѣмъ болѣе, что подобное правило существуетъ и въ нѣкоторыхъ иностранныхъ законодательствахъ“. Противъ этого правильно однако указано было на то, что въ подобномъ ограниченіи относительно родственниковъ едва ли усматривается существенная надобность, ибо трудно предположить, чтобы при выборѣ гласныхъ двумя или тремя отдѣльными избирательными собраніями, при довольно значительномъ, сравнительно, численномъ составѣ городского собранія, родственныя связи могли оказывать дѣйствительное и особенно замѣтное вліяніе на направленіе и рѣшеніе дѣлъ по городскому управленію; что хотя въ нѣкоторыхъ иностранныхъ законодательствахъ дѣйствительно существуютъ ограниченія относительно совмѣстнаго служенія родственни-

---

¹⁾ § 17 d. Städtevrdrn. v. 1853; Schön, Das Recht der Kommunalverbände in Preussen, 1897, стр. 104. Въ Австріи такого постановленія не существуетъ.

ковъ, но необходимость и возможность такого правила въ Западной Европѣ объясняется, съ одной стороны, крайнею ограниченностью состава общинныхъ совѣтовъ (до 7 человекъ), съ другой, тѣмъ, что тамъ нѣтъ такого недостатка въ людяхъ, который ощущается у насъ и при коемъ подобная мѣра могла бы имѣть вредное вліяніе на составъ городского собранія чрезъ удаленіе изъ онаго способныхъ людей, связанныхъ между собою родствомъ; кромѣ того, принявъ мысль о необходимости упомянутаго ограниченія для родственниковъ, пришлось бы ввести въ законъ совершенно неудобную регламентацію: какіе именно родственники не могутъ быть допускаемы совмѣстно въ составъ городского собранія. Независимо отъ сего, нельзя не принять въ соображеніе того, разсуждали члены комисіи, что по отношенію къ общественной службѣ, какъ службѣ совершенно свободной и необязательной, не имѣющей ничего общаго со службою правительственною, устраненіе излишняго, неоправдываемаго необходимостью, опекунства со стороны правительства представляется весьма существеннымъ, ибо не говоря уже о томъ, что подобное опекунство могло бы выставляться нѣкоторыми какъ стѣсненіе и служило бы благовиднымъ предлогомъ къ объясненію равнодушія ихъ къ общественнымъ дѣламъ, правительство, устанавливая необходимыя ограниченія, принимало бы до извѣстной степени на себя нравственную отвѣтственность передъ обществомъ за такое равнодушіе“.

По обсужденіи изложеннаго, комисіи пришла къ единогласному заключенію въ томъ, что установленіе какихъ либо ограниченій для служенія въ составѣ городского избранія гласныхъ, имѣющихъ родственныя между собою отношенія, не представляется необходимымъ ¹⁾.

---

¹⁾ Мат., т. III. стр. 230—232. По поводу такого же постановленія относительно выборовъ въ законодательное собраніе Georg Meyer въ своемъ посмертномъ сочиненіи, изданномъ Георгомъ Геллинекомъ, замѣчаетъ: „Vereinzelt kommt auch die Bestimmung vor, dass nahe Verwandte oder verschwägerte Personen nicht Mitglieder derselben Versammlung sein können. Ein Bedürfniss für eine Vorschrift dieser Art besteht nur in kleinen Staaten, wo die Mitgliederzahl

V. По прусскимъ городovýmъ положеніямъ магистратъ по соглашенію съ думою вправѣ сообщить почетное гражданство лицамъ мужского пола, которыя оказали услуги городу, хотя бы они и не удовлетворяли установленнымъ въ законѣ требованіямъ для приобрѣтенія правъ гражданства. Почетное гражданство, не возлагая на лицо обязанностей по отправленію должностей, предоставляетъ ему всѣ права гражданства, т. е., слѣдовательно, и право избирать и подлежать избранію. Законъ говоритъ только объ услугахъ, оказанныхъ общинѣ. Но практика признаетъ, что почетное гражданство можетъ быть даровано и такимъ лицамъ мужского пола, которыя оказали услуги отечеству, искусству и наукѣ, такъ какъ, оказывая этого рода услуги государству, они ихъ косвеннымъ образомъ оказываютъ и городу ¹⁾. Такъ же точно и по австрійскому законодательству общинамъ предоставлено право по постановленію думы даровать почетное гражданство тѣмъ изъ австрійскихъ подданныхъ, которые, не будучи даже членами общины, оказали особенныя услуги. Они участвуютъ въ выборахъ и подлежатъ избранію въ гласные, хотя бы налоговъ вовсе не платили ²⁾. Подобнаго права учрежденіямъ нашего городского общественнаго управления по дѣйствующему положенію не предоставлено. Не предоставляло его и городовое положеніе 1870 года. Но при выработкѣ послѣдняго вопросъ этотъ возбуждался и разрѣшенъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ. Впрочемъ, и возбуждался онъ не въ такомъ чистомъ видѣ, какъ въ вышеуказанныхъ иностранныхъ законодательствахъ, а въ связи съ вопросомъ о предоставленіи городамъ права избирать въ гласные лицъ, получившихъ высшее образованіе независимо отъ имущественнаго ценза ³⁾.

---

der Volksvertretung eine sehr geringe ist. Sie findet sich daher auch nur in einigen deutschen Einzelstaaten und in Luxemburg“, Das parlamentarische Wahlrecht, 1901, стр. 462.

¹⁾ Städteordn. v. 1853, § 6; Oertel, стр. 135. См. также стр. 150, п. 6; Schön, стр. 98.

²⁾ Haemmerle, Handbuch für die Gemeinden, 1890, стр. 41—42, 764, 733 п. 6 и 735.

³⁾ Этѣхъ лицъ не слѣдуетъ смѣшивать съ почетными гражданами, получившими
Вѣстникъ Права. Январь 1902.

Въ комисіи съ участіемъ экспертовъ указано было на то, что едва ли слѣдовало бы стѣснять городское общество въ выборѣ своими представителями лицъ, которыя хотя и не имѣли бы въ городѣ избирательнаго права, но своею дѣятельностью и познаніями могли бы быть полезными для общества, какъ, напр., доктора, ученые, педагоги, артисты, художники, инженеры, архитекторы и проч., получающіе доходъ не отъ собственности или промысла, а отъ своихъ профессій... Предоставленіе городскимъ обществамъ права избранія означенныхъ лицъ, если бы по положенію дѣль города они усматривали въ томъ надобность *или хотѣли выразить такимъ лицамъ этимъ путемъ свою признательность за оказанныя уже услуги*, признавалось бы особенно полезнымъ въ городахъ незначительныхъ, при недостаткѣ тамъ людей достаточно образованныхъ и способныхъ. На это другіе члены комисіи возразили, что „допущеніе упомянутыхъ лицъ до избранія въ городскую общественную службу представлялось бы, во первыхъ, совершенно несправедливымъ и несогласнымъ съ коренными основаніями проекта, ибо съ примѣненіемъ подобнаго правила оказалось бы нужнымъ узаконить право обложенія жителей города налогами черезъ посредство такихъ лицъ, которыя сами непосредственно ничего не платили бы въ пользу города; во вторыхъ, едва ли необходимымъ, такъ какъ собственно для совѣщаній въ городскихъ собраніяхъ симъ послѣднимъ уже и безъ того полагается предоставить приглашать лицъ постороннихъ, отъ которыхъ можно ожидать полезныхъ объясненій; съ другой стороны, если бы въ средѣ сказанныхъ лицъ нашлись такія, которыя, сочувствуя пользамъ и нуждамъ города, имѣли бы желаніе и готовность войти въ составъ городского общественнаго управленія и оказать затѣмъ обществу свои услуги, въ интересахъ города

шими этотъ титулъ за оказанныя ими услуги. Въ Австріи доктора, получивше свою ученую степень въ австрійскихъ университетахъ, начальники и старшіе учителя городскихъ училищъ, а также директора, профессора и преподаватели высшихъ учебныхъ заведеній въ общинѣ участвуютъ въ выборахъ и подлежатъ избранію въ гласные, хотя бы не платили налоговъ и не получили права почетнаго гражданства. Haemmerle, стр. 732—733.

для тѣхъ или другихъ его улучшеній, то имъ дается, по проекту, полная къ сему возможность посредствомъ приобрѣтенія недвижимой въ городѣ собственности или же взятія торговаго или промысловаго свидѣтельства, нужныхъ для полученія права избирательнаго голоса, и, въ третьихъ, неудобнымъ въ томъ особенно соображеніи, что, при общей доступности, по матеріальнымъ условіямъ, полученія права голоса и при допущеніи со стороны лицъ постороннихъ совѣтовъ и указаній городскому собранію, пришлось бы съ принятіемъ означеннаго правила поколебать общія основанія проекта, ослабивъ ихъ значеніе и примѣненіе, тѣмъ болѣе, что предоставленіе усмотрѣнію городскихъ обществъ дѣлать отступленія отъ сихъ основаній не всегда могло бы примѣняться въ дѣйствительности со строгою обдуманностью и согласно желаніямъ лучшихъ представителей общества“.

Постановка вопроса, возбужденнаго въ комисіи съ участіемъ экспертовъ была несомнѣнно неправильна. Предложеніе предоставить пассивное избирательное право лицамъ образованнымъ, „получающимъ доходъ не отъ собственности или промысла, а отъ своихъ профессій“, безъ предоставленія имъ права участія въ выборахъ въ качествѣ избирателей, являлось по меньшей мѣрѣ недостаточнымъ и непослѣдовательнымъ. Несомнѣнно, что способность быть гласнымъ имѣетъ большее юридическое и политическое значеніе, нежели способность участвовать въ качествѣ одного изъ многихъ въ выборахъ, ибо предоставляетъ возможность непосредственнаго вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ. Вотъ почему законодательства обставляютъ подчасъ пассивное избирательное право болѣе строгими условіями, нежели право активное, но не наоборотъ. Имѣя право на большее, лица, способныя подлежать избранію, тѣмъ болѣе имѣютъ право на меньшее. Они должны поэтому участвовать въ выборахъ въ качествѣ избирателей. Съ другой стороны, предоставленіе „городскимъ обществамъ, т. е. *избирателямъ*“ права избирать въ гласные и такихъ лицъ, которыя активнымъ избирательнымъ правомъ вовсе не пользуются, поставленное въ зависимость исключительно отъ того, усматриваютъ ли избиратели „въ томъ надобность“ или хотять „выразить такимъ

лицамъ этимъ путемъ свою признательность за оказанныя уже услуги“, лишило бы всякаго значенія тѣ условія, которыми законъ опредѣляетъ право подлежать избранію въ гласные, ибо, такъ какъ избиратели подачи своего голоса за то или другое лицо не мотивируютъ, то свобода избранія была бы такимъ образомъ, вопреки мысли и постановленіямъ законодателя, совершенно неограничена. Коммисія смѣшала, очевидно, два независимыхъ одинъ отъ другого вопроса: вопросъ о допущеніи образованныхъ лицъ къ участию въ выборахъ наравнѣ съ прочими избирателями, участвующими въ выборахъ по имущественному или налоговому цензу, но независимо отъ наличности этого послѣдняго съ вопросомъ о правѣ городовъ, въ лицѣ ихъ волеизъявляющихъ органовъ, предоставлять отдѣльнымъ лицамъ, помимо какого бы то ни было, даже образовательнаго, ценза за оказанные ими услуги, почетное гражданство, влекущее за собою право избирать и подлежать избранію. При такихъ условіяхъ свобода избирателей не является неограниченной; постановленія закона сохраняютъ свой смыслъ и значеніе; но въ законодательство вводятся принципы, не только разумные по своему существу, но и оправдываемые опытомъ западно-европейскихъ государствъ. Съ другой стороны, врядъ ли могутъ быть признаны правильными и тѣ возраженія противъ указаннаго предложенія, которые сдѣланы были въ самой коммисіи. Положеніе о невозможности допустить обложеніе жителей налогами, исходящее отъ лицъ, налоговъ не платящихъ, въ своемъ послѣдовательномъ развитіи приводитъ къ тому выводу, что и всѣ другія разнообразныя мѣропріятія, которыя государство или городъ принимаютъ относительно разныхъ классовъ населенія или отдѣльныхъ частей территоріи, должны непременно исходить отъ лицъ, подлежащихъ дѣйствию этихъ мѣръ, т. е. къ выводу, который не только неправиленъ по существу, но опровергается практикой законодательныхъ и общинныхъ собраній современныхъ западно-европейскихъ государствъ, гдѣ въ обсужденіи и голосованіи по поводу всякаго постановленія принимаютъ участіе всѣ члены собранія, хотя бы дѣйствию этого постановленія они и не подлежали.

Предложеніе о допущеніи въ число гласныхъ образованныхъ людей опредѣленныхъ профессій и лицъ, оказавшихъ услуги отечеству или городу, т. е. о предоставленіи имъ рѣшающаго голоса по городскимъ дѣламъ, не можетъ быть очевидно опровергнуто и посредствомъ ссылки на то, что лица эти могутъ быть думою выслушаны. Такъ же точно соображеніе о возможности приобрѣсти недвижимость или взять торговое или промысловое свидѣтельство и вмѣстѣ съ ними получить избирательныя права потому не поражаетъ предложенія о допущеніи въ составъ избираемыхъ вышеуказанныхъ лицъ, что сущность его именно въ томъ и заключается, чтобы означеннымъ лицамъ предоставить пассивное избирательное право *наряду* съ такими лицами, которыя пользуются имъ по имущ. цензу и по платежу налоговъ. Выше было уже указано на то, что уплата налоговъ не является вовсе единственною связью, соединяющею жителей города съ этимъ послѣднимъ. Имущественный же цензъ можетъ служить основаніемъ въ *ограниченію* избирательнаго права, но никакъ не къ его *обоснованію*. Во всякомъ случаѣ ни то, ни другое начало не могутъ претендовать на исключительное ихъ примѣненіе. Вотъ почему и соображеніе объ ослабленіи этихъ началъ врядъ ли достаточно для устраненія пассивнаго избирательнаго права указанной категоріи лицъ. Наконецъ, указаніе на то, что это право будетъ примѣняться необдуманно и несогласно желаніямъ „лучшихъ представителей общества“ оставляетъ открытымъ вопросъ о критеріи, какъ для опредѣленія этого послѣдняго понятія, такъ и того, почему въ данномъ отношеніи презумируется необдуманность городского общества, въ то время какъ въ другихъ отношеніяхъ такая презумпція не имѣетъ мѣста.

Въ комисіи съ участіемъ экспертовъ ни то, ни другое мнѣніе не было принято; пассивнаго избирательнаго права не было предоставлено ни лицамъ, обладающимъ опредѣленнымъ образованіемъ, ни лицамъ, оказавшимъ услуги городу или государству. Восторжествовало же третье мнѣніе, согласно которому право быть избираемыми въ гласные слѣдовало предоставить „не всѣмъ безъ исключенія лицамъ,

не имѣющимъ сего права по проекту, которыхъ городское общество захотѣло бы имѣть въ средѣ своихъ представителей, а лишь тѣмъ изъ нихъ, которыя уплачивали бы опредѣленный городскимъ собраніемъ квартирный налогъ.“ Разрѣшеніе вопроса отложено было такимъ образомъ „до разсмотрѣнія правилъ о городскихъ сборахъ и налогахъ, ибо коль скоро было бы признано возможнымъ установленіе въ доходъ города квартирнаго налога, тогда уплачивающія оный лица сами собою получили бы право избирательнаго голоса“¹⁾.

VI. По дѣйствующему городовому положенію, какъ и по положенію 1870 года, занятіе должности члена управы и даже должностей, подчиненныхъ управѣ, исполнѣ совмѣстимо съ присутствіемъ въ составѣ думы въ качествѣ гласнаго. Напротивъ того, по прусскимъ городовымъ положеніямъ въ гласные думы не могутъ избираться члены магистрата и всѣ общинныя должностныя лица, получающія плату²⁾. Въ основѣ этого постановленія лежитъ та мысль, что „характеръ городской думы, какъ органа, контролирующаго общинное управленіе, исключаетъ тѣхъ, которые зависима отъ управляющаго учрежденія“³⁾. Между тѣмъ вопросъ о несомѣстимости званія гласнаго съ занятіемъ по крайней мѣрѣ такихъ должностей, которыя подчинены управѣ, совершенно основательно возбуждался губернскими начальствами при обсужденіи измѣненій въ городовомъ положеніи 1870 года. Въ сводѣ мнѣній указывалось на несомѣстимость званія гласнаго со службою по найму въ городскомъ общественномъ банкѣ—въ

¹⁾ Mat., т. III, стр. 232-233.

²⁾ Städteordn. v. 1853, § 17.

³⁾ Schön, Das Recht der Kommunalverbände, стр. 104, вып. 3. Получающимъ же плату считается такое должностное лицо, которое получаетъ отъ своего хозяина, т. е. отъ общины, вознагражденіе за свои услуги, независимо отъ того, будетъ ли это доходъ опредѣленный или измѣняющійся (schwankend), уплачивается ли онъ пренумерандо или постнумерандо, посвящаетъ ли получающій этотъ доходъ своей должности всѣ свои силы, или только часть ихъ. „Daher sind auch Sparkassenrendanten, wenn die Sparkasse eine Gemeindeanstalt ist, zu den besoldeten Gemeindebeamten zu rechnen“. Schön, ibid. „Dagegen nicht ein contractlich auf gegenseitige Kündigung vom Magistrat angenommener Communalarzt“. Oertel, Die Städteordn. v. 1853 2 Aufl., 1893, стр. 154, № 2.

устраненіе пристрастныхъ и одностороннихъ въ городской думѣ сужденій по дѣламъ, касающимся управы и банка; съ должностію городского врача и архитектора, базарныхъ смотрителей и др. „такъ какъ служба лицъ въ подвѣдомственныхъ городской управѣ и городскому головѣ учрежденіяхъ несовмѣстима съ требуемою положеніемъ гласнаго самостоятельностью“ Но и въ сводѣ мнѣній нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы званіе гласнаго несовмѣстимо было съ должностію членовъ управы. По дѣйствующему городскому положенію члены управы пользуются правомъ голоса въ думѣ, т. е. принимаютъ, за исключеніемъ точно указанныхъ въ законѣ случаевъ, участіе въ голосованіи, хотя бы не были гласными.

VII. По дѣйствующему городскому положенію, избранію въ гласные думы не подлежатъ, какъ мы видѣли, изъ должностныхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, кромѣ предсѣдателя и членовъ мѣстнаго по городскимъ дѣламъ присутствія, мѣстные чины прокурорскаго надзора и лица, занимающія полицейскія должности въ губерніи—согласно принципу, что лица, не могущія лично участвовать въ выборахъ, не подлежатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и избранію. Всѣ прочія должностныя лица, состоящія на государственной службѣ, могутъ быть избираемы въ гласные городской думы. По прусскимъ же городскимъ положеніямъ, кромѣ чиновъ прокуратуры и лицъ, занимающихъ полицейскія должности, избранію не подлежатъ также „судьи“, къ числу которыхъ не относятся такъ называемые техническіе члены коммерческихъ, промышленныхъ и т. п. судовъ ¹⁾. Такое же постано-

---

¹⁾ § 17 der Städteordn. v. 1853. Спорнымъ является вопросъ о томъ, принадлежатъ ли къ числу „судей“, о которыхъ говоритъ § 17 прусскаго городского положенія 1853 года, назначенные члены судебныхъ учреждений публичнаго права. Oertel, стр. 155, № 6, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно, такъ какъ, по господствовавшему во время изданія этого городского положенія словупотребленію, подъ судьями понимались только члены общихъ гражданскихъ судебныхъ учреждений. Напротивъ того, Leidig, Preussisches Stadtrecht, 1891, стр. 73, вын. 5 и со ссылкой на него Schön, Das Recht der Kommunalverbände, стр. 104, вын. 5 разрѣшаютъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Такъ какъ основаніе постановленія закона о воспрещеніи избранія судей еще въ большей степени

влѣніе существовало въ первомъ проектѣ городского положенія 1870 года, по ст. 54 котораго „члены судебныхъ мѣстъ“ не могли быть избираемы ни въ какія „должности“¹⁾. Устраненіе членовъ судебныхъ мѣстъ отъ избираемости министерство внутреннихъ дѣлъ мотивировало тѣмъ, что разбирательству этихъ мѣстъ предполагалось предоставить „жалобы на дѣйствія городского общественнаго управленія по нарушенію гражданскихъ правъ“²⁾. Второе отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи нашло однако, что, „такъ какъ до сихъ поръ въ число гласныхъ, какъ столичныхъ думъ, такъ и земскихъ собраній, допускались члены судебныхъ мѣстъ, то по всей вѣроятности слово „должности“, употребленное въ ст. 54-й, не должно было обнимать званіе гласныхъ, которое кажется всегда безъ неудобства соединялось и можетъ соединяться съ званіемъ члена судебного мѣста“³⁾. По мнѣнію второго отдѣленія слѣдовало бы, поэтому, для предупрежденія недоразумѣній, оговорить, что постановленное статьею 54 запрещеніе выбирать „въ какія либо должности“ не относится къ избранію въ гласные общей думы. Кромѣ того, второе отдѣленіе возбудило вопросъ о томъ, разумѣются ли здѣсь подъ членами судебныхъ мѣстъ и мировые судьи, „которые, какъ члены мирового съѣзда, суть также члены судебного мѣста“. Если въ виду ст. 42, учрежденія судебныхъ мѣстъ 20 ноября 1864 года, запрещающей соединеніе должности участковаго мирового судьи съ другою должностію по государственной или общественной службѣ, нельзя допустить выборъ въ исполнительныя должности городской общественной службы судей участковыхъ,—то выборъ въ эти должности почетныхъ мировыхъ судей во всякомъ

подходить и къ нимъ, т. е. къ членамъ судовъ публичнаго права, и они также могутъ быть названы „судьями“, то слѣдуетъ признать по мнѣнію этихъ изслѣдователей, что они неспособны занимать должность гласнаго. Въ проектѣ городского положенія 1876 года, не получившемъ, впрочемъ, силы закона, члены административныхъ судовъ включены были подъ особымъ номеромъ.

¹⁾ Мат., т. I, стр. 307.

²⁾ Мат., т. I, стр. 266.

³⁾ Мат., т. I, стр. 491, п. 26.

случаѣ могъ бы быть, по мнѣнію второго отдѣленія, допущенъ подобно тому, какъ допущенъ ихъ выборъ въ члены земскихъ управъ. Соотвѣтственно этимъ замѣчаніямъ второго отдѣленія въ проектѣ положенія о городскомъ общественномъ управленіи, внесенномъ въ Государственный Совѣтъ 31 декабря 1866 года ¹⁾ постановлялось, что не могутъ быть избираемы ни въ какія должности члены судебныхъ мѣстъ, за исключеніемъ почетныхъ мировыхъ судей. „Ограниченіе это не распространяется на выборы въ званіе гласныхъ“. Въ дальнѣйшихъ проектахъ ²⁾ и въ городскомъ положеніи 1870 ³⁾ года, рѣчь шла уже не о несовмѣстимости должности судьи съ званіемъ гласнаго, а о несовмѣстимости ея съ должностями городского общественнаго управленія въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ дѣйствующемъ законѣ нѣтъ воспрещенія ни чинамъ судебного вѣдомства, за исключеніемъ чиновъ прокурорскаго надзора, ни чинамъ другихъ вѣдомствъ, за исключеніемъ лицъ, занимающихъ полицейскія должности въ губерніи, быть избираемыми въ гласные городской думы.

Должностныя лица, состоящія на государственной службѣ, не нуждаются въ разрѣшеніи ихъ начальства для того, чтобы занять мѣсто гласнаго. Въ этомъ отношеніи наше дѣйствующее право выгодно отличается отъ законодательства прусскаго, по которому такое разрѣшеніе необходимо, причемъ начальство имѣетъ право во всякое время взять свое разрѣшеніе обратно ⁴⁾. Въ первыхъ проектахъ городского положенія 1870 года подобное постановленіе также содержалось. Здѣсь общимъ образомъ говорилось, что „лица, состоящія въ государственной службѣ, допускаются къ занятію

---

¹⁾ Мат., т. II, стр. 14.

²⁾ См. проектъ полож. о городск. общ. упр., исправленный въ 1869 г. въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, ст. 55, Мат., т. II, стр. 345; проектъ положенія съ объясненіями, составленный Высоч. утв. комиссіей до прибытія экспертовъ, ст. 49, Мат., т. III, стр. 125; проектъ городского положенія, составленнаго на основаніи бывшихъ въ комисіи сужденій, ст. 51, Мат., т. III, стр. 409.

³⁾ Ст. 89.

⁴⁾ Schön, Das Recht der Kommunalverbände, стр. 104; Oertel, стр. 155, п. 9, 156; Leidig, Preussisches Stadtrecht, стр. 74.

городскихъ общественныхъ должностей, если не желаютъ оставить той службы, не иначе какъ съ разрѣшенія ихъ начальства“ ¹⁾). Впослѣдствіи, именно въ проектѣ положенія о городскомъ общественномъ управленіи и хозяйствѣ съ объясненіями, составленномъ Высочайше утвержденной комисіей до прибытія экспертовъ ²⁾), постановленіе о разрѣшеніи начальства ограничено было случаями, когда рѣчь идетъ о замѣщеніи лицами состоящими на государственной службѣ нѣкоторыхъ перечисленныхъ въ проектѣ городскихъ общественныхъ должностей въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Для избранія же въ гласные должностныя лица государственной службы въ разрѣшеніи ихъ начальства ни по этому, ни по слѣдующему проекту ³⁾ не нуждались. Не требовало такого разрѣшенія и городское положеніе 1870 года ⁴⁾).

VIII. Какъ это ни странно, но грамотность не принадлежитъ къ числу условій, отъ которыхъ зависитъ участіе въ выборахъ и способность быть избраннымъ въ гласные думы. Нѣтъ такого постановленія и въ прусскихъ городскихъ положеніяхъ. Но тамъ, гдѣ населенію предоставлены всѣ средства къ элементарному обученію и гдѣ такое обученіе могло быть сдѣлано вслѣдствіе этого обязательнымъ, постановленіе о грамотности, какъ условіи активнаго и пассивнаго участія въ выборахъ, лишено было бы практическаго значенія. Напротивъ того, у насъ устраненіе совершенно невѣжественныхъ элементовъ, если не изъ состава избирательныхъ собраній, то по крайней мѣрѣ изъ состава думы представлялось бы вполне необходимымъ. На это указывали уже комисіи, которымъ циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1862 года предложено было представить свои соображенія относительно

¹⁾ Проектъ полож. о городск. общ. упр., ст. 57, Мат., т. I, стр. 308; проектъ, внесенный въ Государственный Совѣтъ 31 декабря 1866 года, ст. 59, Мат. II, стр. 14; исправленный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проектъ 1869 г., ст. 57, Мат., т. II, стр. 345.

²⁾ Ст. 50, Мат., т. III, стр. 125.

³⁾ Проектъ городского полож., составл. на основаніи бывшихъ въ комисіи сужденій, ст. 53, Мат., т. III, стр. 409.

⁴⁾ Ст. 90.

улучшенія общественнаго управленія въ городахъ ¹⁾. Такого постановленія не содержало въ себѣ однако ни городовое положеніе 1870 года, ни предшествовавшіе ему проекты. Въ сводѣ мнѣній объ измѣненіяхъ въ городовомъ положеніи 1870 года также указывалось на грамотность въ смыслѣ знанія русской грамоты, какъ на желательное условіе избранія въ гласные. Съ другой стороны, указано бы на то, что требованіе это будетъ стѣснительно для большинства уѣздныхъ городовъ и посадовъ „и поведетъ къ тому, что гласными будутъ избираться одни и тѣ же лица“.

Глава четвертая.

Избирательная система.

I. Городовымъ положеніемъ 1870 года введена была у насъ по образцу Пруссіи и Австріи трехклассная система выборовъ. Статья 24 означеннаго положенія постановляла, что „для производства выборовъ въ гласные учреждаются въ каждомъ городѣ изъ обывателей, имѣющихъ право голоса на выборахъ, три избирательныя собранія, изъ коихъ каждое избираетъ одну треть всего числа гласныхъ. Для сего обыватели вносятся въ списокъ избирателей въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ по суммѣ причитающихся съ cadaго изъ нихъ въ доходъ города сборовъ, дающихъ право голоса на выборахъ; затѣмъ лица, внесенныя въ означенный списокъ, дѣлятся на три разряда или собранія такимъ образомъ: къ первому разряду причисляются тѣ изъ показанныхъ въ началѣ списка избиратели, которые, внося высшіе размѣры сборовъ, уплачиваютъ вмѣстѣ одну треть общей суммы сборовъ, платимыхъ всѣми избирателями; ко второму причисляются слѣдующіе за ними по списку избиратели, уплачивающіе вмѣстѣ также треть всѣхъ сборовъ; къ третьему—всѣ остальные избиратели“. Постановленіе объ избраніи гласныхъ по разрядамъ содержалось уже въ первомъ проектѣ поло-

¹⁾ Матеріалы, I, стр. 120, 253—254.

женія о городскомъ общественномъ управленіи съ тою разницею, что введеніе этой системы было по проекту необязательнымъ, а факультативнымъ ¹⁾). Въ литературѣ нашей высказано было мнѣніе, что введеніе у насъ трехклассной системы выборовъ было недостаточно мотивировано ²⁾). Въ связи съ указаніемъ на то, что на западѣ трехклассная система имѣла цѣлью „обезпечить вліяніе наиболѣе крупныхъ капиталистовъ и замаскировать мѣры, обезпечивающія это вліяніе лучшимъ способомъ“ ³⁾), упрекъ этотъ получаетъ тѣмъ большее значеніе. Тѣмъ не менѣе упрекъ этотъ несправедливъ. Вводя въ проектъ трехклассную систему выборовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ выжарало надежду, что она будетъ „съ одной стороны, вполнѣ удовлетворять тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ собственно и устанавливается цензъ при выборахъ, а, съ другой стороны, *дать возможность принять участіе въ назначеніи представителей и обывателямъ менѣе достаточнымъ, которые при возвышенномъ цензѣ были бы совершенно устранены отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ*; послѣднее будетъ отчасти соотвѣтствовать и выраженному нѣкоторыми комиссіями желанію, чтобы недостаточные обыватели не были вовсе устранены отъ выборовъ, а пользовались бы правомъ составлять для этой цѣли *собираательные голоса*“ ⁴⁾). Составители проекта не только не стремились

¹⁾ Ст. 38 и 39; Мат. I, стр. 305.

²⁾ „Мотивировка предложеннаго заимствованія прусской системы выборовъ была крайне коротка и необстоятельна“. Н. М. Коркуновъ, Русск. госуд. право, т. II, изд. 1897 г., стр. 449; а по утвержденію М. И. Свѣшнікова „за трехклассную систему не было даже высказано „никакихъ (?) соображеній, а указаны были только ея простота и удобство“. Основы и предѣлы самоуправ., 1892, II, стр. 137.

³⁾ Свѣшніковъ, назв. соч., II, стр. 131.

⁴⁾ Комисіи: Нижегородская, Меленковская (Владимірской губ.) и Подольская (Московской) выразили пожеланіе, чтобы, если доходъ съ собственности, состоящей во владѣніи одного лица, не достигаетъ установленнаго размѣра, нѣсколько обывателей, имущество коихъ въ совокупности удовлетворяетъ условіямъ имущественнаго ценза, соединялись вмѣстѣ и избирали одного представителя. Холмогорская комиссія (Архангельской губ.) полагала лицъ, не имѣющихъ собственности, соединять въ десятки, изъ коихъ каждый назначалъ бы по одному уполномоченному для подачи голоса на выборахъ, а Шуйская комиссія (Владимірской губ.) полагала предоставлять избирать такого уполномоченнаго отъ каж-

такимъ образомъ къ тому, чтобы обезпечить господство имущихъ классовъ надъ неимущими, но, напротивъ того, введеніемъ трехклассной системы они желали ослабить это господство, такъ какъ система эта давала возможность понизить имущественный цензъ и расширить такимъ образомъ избирательное право путемъ привлеченія къ участию въ выборахъ менѣе зажиточныхъ классовъ населенія. Составители проекта не желали лишь допустить маіоризированія малоимущимъ населеніемъ болѣе зажиточнаго. Они не предоставили менѣе имущимъ того преобладанія, которое при другой системѣ явилось бы естественнымъ и необходимымъ результатомъ ихъ количественнаго большинства. Предоставляя же многочисленнымъ избирателямъ третьяго разряда право избранія количества гласныхъ одинаковаго съ менѣе многочисленными разрядами, т. е. сообщая голосамъ ихъ значеніе собирательныхъ, составители перваго проекта осуществляли въ сущности ту идею, которая лежитъ въ основѣ постановленія современныхъ западно-европейскихъ законодательствъ о множественности голосовъ. Мы отнюдь не считаемъ трехклассную систему послѣднимъ словомъ политической мудрости, но установленіе истинныхъ мотивовъ, которыми руководствовался законодатель, важно не только съ точки зрѣнія правильной оцѣнки дѣятельности составителей закона, но весьма часто и съ точки зрѣнія примѣненія его на практикѣ. Къ какимъ превратнымъ результатамъ привело бы однако такое толкованіе ст. 24 город. пол. 1870 г., которое усматривало бы въ ней желаніе обезпечить господство „капиталистическаго класса“!

На недостатки трехклассной системы указывалось уже во время выработки городского положенія 1870 г., и новѣйшіе изслѣдователи мало что въ этомъ отношеніи прибавили но-

---

днхъ 25 семействъ мѣщанъ, не имѣющихъ въ городѣ домовъ и платящихъ за наемъ торговаго или промышленнаго заведенія менѣе 100 рублей. Мат., т. I, стр. 92—93. Врядъ ли поэтому правильно указаніе проф. Коркунова на то, что въ отзывѣхъ комиссій не находится „хотя бы косвеннаго указанія на что либо подобное прусской трехклассной системѣ“. Русск. госуд. право, т. II, изд. 1897 г., стр. 449.

ваго. Но принципиальнымъ противникомъ ея явился лишь министръ финансовъ, который въ отзывѣ своемъ отъ 21 января 1865 г. находилъ, что „такой порядокъ можетъ косвенно обратиться въ возстановленіе тѣхъ самыхъ сословныхъ элементовъ, объ устраниеніи коихъ изъ общественнаго городского управленія озабочивается министерство внутреннихъ дѣлъ; образуемые при распредѣленіи отдѣлы будутъ имѣть весьма неравный числительный составъ; въ однихъ соберутся всѣ *богатые* граждане, въ другихъ всѣ *бѣднѣйшіе*, между тѣмъ каждому отдѣлу предоставляется избрать *равное* число гласныхъ. Могутъ возникнуть соперничество, неудовольствія, пререканія“¹⁾. Напротивъ того, второе отдѣленіе, не менѣе мѣтко освѣтившее предметъ съ другой стороны, возражало не столько противъ принципа трехклассной системы, сколько противъ достижимости той цѣли, которую преслѣдовали приверженцы этой системы; при трехклассной системѣ выборовъ „составъ каждаго отдѣла избирателей будетъ нерѣдко измѣняться отъ причинъ совершенно *случайныхъ*. Отъ случайныхъ же причинъ будетъ зависѣть и доля вліянія и значенія каждаго отдѣльнаго избирателя. Увеличеніе сборовъ, уплачиваемыхъ *однимъ* изъ избирателей отдѣла (вслѣдствіе покупки имъ недвижимаго имущества въ городѣ или иныхъ причинъ), можетъ имѣть послѣдствіемъ, что другой избиратель того же отдѣла перейдетъ въ отдѣлъ низшій, *безъ всякаго измѣненія въ количествѣ сборовъ, уплачиваемыхъ имъ самимъ*, а степень вліянія каждаго изъ остающихся въ высшемъ отдѣлѣ избирателей, вслѣдствіе уменьшенія ихъ числа, увеличится также безъ всякаго измѣненія въ количествѣ уплачиваемыхъ ими сборовъ. Можетъ также случиться, что присутствіе въ одномъ отдѣлѣ немногихъ очень крупныхъ плательщиковъ дастъ отдѣлу право на избраніе большаго числа гласныхъ, чѣмъ имѣется налицо избирателей“. Не слѣдуетъ ума-

---

¹⁾ „Не проще ли и не удобнѣе ли было бы — предлагая министръ — въ многочисленныхъ городахъ распредѣлять выборъ гласныхъ *по частямъ города*, соразмѣряя ихъ число съ числомъ наличныхъ избирателей“ и т. д. Мат. I, стр. 513—544.

лять значенія тѣхъ недостатковъ трехклассной системы, на которые указывали министръ финансовъ и второе отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи. Но въ западно-европейскихъ государствахъ недостатки эти извѣстны, конечно, не меньше, нежели у насъ. Тѣмъ не менѣе въ государствахъ, въ которыхъ трехклассная система выборовъ существовала во время выработки городского положенія 1870 года, система эта дѣйствуетъ и по настоящее время ¹⁾). Приняты лишь частныя мѣры къ ослабленію ея недостатковъ. Такъ, въ Пруссіи, по закону 24 іюня 1891 года, при составленіи отдѣловъ для выборовъ въ общинное представительство, а также въ другихъ случаяхъ, гдѣ для избирателей въ публичныхъ союзахъ имѣютъ значеніе размѣры класснаго и квалифіцированнаго подоходнаго налога, для каждаго необложеннаго налогомъ лица принимается фиктивная цифра налога въ три марки ²⁾). Это оказываетъ вліяніе на количественный составъ каждаго изъ отдѣловъ. Избиратели передвигаются въ высшіе отдѣлы, такъ что число ихъ въ двухъ первыхъ отдѣлахъ увеличивается на счетъ третьяго, въ которомъ, соотвѣтственно уменьшенію числа избирателей, возрастаетъ роль и значеніе каждаго изъ нихъ. Для того, чтобы устранить возможность сосредоточенія избирательнаго права въ рукахъ одного избирателя или очень немногихъ и для того, чтобы, наряду съ налоговымъ принципомъ трехклассной

¹⁾ Страннымъ представляется поэтому замѣчаніе М. П. Свѣшникова, что въ трехклассной системѣ была одна изъ причинъ неуспѣха (?) городского положенія 1870 года. Основы и предѣлы самоуправленія, II, стр. 138. Оно неправильно въ обоихъ отношеніяхъ: и въ томъ, что городское положеніе 1870 года не имѣло успѣха, и въ томъ, что неуспѣхъ этотъ коренился въ трехклассной системѣ. Городское положеніе 1870 года выработано было на широкомъ базисѣ теоретическихъ знаній и практическаго опыта. Просуществовало же оно менѣе четверти вѣка, т. е. менѣе того минимальнаго срока, который считается приличнымъ для подведенія итоговъ дѣятельности отдѣльнаго лица. При такихъ условіяхъ можно говорить о недостаточности тѣхъ или другихъ его постановленій; но о неуспѣхѣ его не можетъ быть рѣчи. Съ другой стороны, трехклассная система уже по одному тому не можетъ считаться причиною неуспѣха городского положенія 1870 г., что не приводитъ къ такому результату на западѣ.

²⁾ Oertel, Die Städteordnung v. 1853, 2 Aufl., 1893, стр. 149; Schön, Das Recht der Kommunalverbände in Preussen, 1897, стр. 105.

системы, предоставить значеніе и праву отдѣльнаго лица, нѣкоторыя прусскія городовыя положенія восприняли постановленіе, что въ первый и второй классъ должно входить извѣстное число ($1/12$ и $2/12$) избирателей, или чтобы первый классъ обнималъ по крайней мѣрѣ втрое, второй классъ впятеро больше избирателей, чѣмъ количество подлежащихъ избранію гласныхъ ¹⁾. Такъ же точно въ Австріи, когда первое избирательное собраніе не состоитъ по крайней мѣрѣ изъ двойного числа избирателей противъ числа подлежащихъ избранію гласныхъ и кандидатовъ, то это собраніе пополняется изъ состава тѣхъ, которые платятъ непосредственно меньше налоговъ—до этого двойного числа. Когда, напр., первое избирательное собраніе должно избрать шесть гласныхъ и трехъ кандидатовъ, а по избирательному списку числится въ этомъ собраніи только шестнадцать избирателей, то собраніе должно быть пополнено изъ слѣдующихъ плательщиковъ до восемнадцати, и тогда лишь можетъ быть произведено дальнѣйшее дѣленіе. Въ этомъ случаѣ сумма налоговъ всѣхъ, за восполненіемъ перваго собранія плательщиковъ, вычитается изъ общей суммы налоговъ, и тамъ, гдѣ имѣется три избирательныхъ собранія, остатокъ дѣлится на двѣ равныхъ части. Избиратели, уплачивающіе первую половину остатка, образуютъ затѣмъ второе, остальные—третье избирательное собраніе. Тамъ же, гдѣ составляется два собранія, избиратели, остающіеся за пополненіемъ перваго изъ нихъ, принадлежатъ ко второму избирательному собранію ²⁾. Нужно замѣтить, что въ Австріи въ первое избирательное собраніе входятъ кромѣ того почетные граждане и значительная категорія лицъ, пользующаяся избирательнымъ правомъ, независимо отъ платежа налоговъ ³⁾. Къ какому классу относятся почетные граждане въ

¹⁾ Oertel, Die Städteordn. v. 1853, стр. 150, № 5.

²⁾ Haemmerle, Handbuch für die Gemeinden, стр. 738.

³⁾ Духовныя лица мѣстнаго прихода безъ различія вѣроисповѣданія; чиновники государственной службы, отставные военные; доктора, получившіе свою ученую степень въ одномъ изъ австрійскихъ университетовъ, начальники и старшіе учителя народныхъ училищъ, а также доктора, профессора и преподаватели высшихъ учебныхъ заведеній въ общинѣ. Haemmerle, стр. 732—733.

Пруссіи, если они освобождены отъ налоговъ, въ городскомъ положеніи 1853 г. не опредѣлено. Проектъ 1876 года относилъ ихъ къ первому классу. Мѣстнымъ статутомъ правило это и въ настоящее время можетъ быть установлено повсюду ¹⁾. Съ этими поправками трехклассная система выборовъ дѣйствуетъ въ Австріи и въ Пруссіи.

II. Второе отдѣленіе, такъ ярко обрисовавшее недостатки трехклассной системы, возражало, какъ мы видѣли, не противъ принципа раздѣленія избирателей на три разряда и не противъ участія ихъ въ выборахъ соотвѣтственно размѣру уплачиваемыхъ ими налоговъ. Оно стремилось лишь къ тому, чтобы для избѣжанія случайностей и для установленія избирательнаго права на твердыхъ основаніяхъ опредѣлить положительно, кто именно принадлежитъ къ каждому изъ отдѣловъ избирателей. При опредѣленіи состава городскихъ избирательныхъ собраній необходимо было, по мнѣнію второго отдѣленія, „имѣть въ виду составъ уже существующихъ и дѣйствующихъ городскихъ избирательныхъ сѣздовъ, составленныхъ на основаніи ст. 28 положенія о земск. учр. для выбора гласныхъ въ земскія собранія“ ²⁾. Второе отдѣленіе не находило однако возможнымъ ограничить городское представительство лицами, созываемыми для земскихъ выборовъ, на основаніи полож. о земск. учр., такъ какъ это значило бы лишитъ участія въ

¹⁾ Oertel, Die Städteordn. v. 1853, стр. 150, Nr. 6.

²⁾ По ст. 28 пол. о земск. учр. 1 янв. 1864 г. полн. собр. зак., т. XXXIX, № 40457, въ городскихъ избирательныхъ сѣздахъ участвовали:

а) лица, имѣющія купеческія свидѣтельства;

б) владѣльцы находящихся на городской землѣ фабрикъ и другихъ промышленныхъ или торговыхъ заведеній, годовой оборотъ производства коихъ не менѣе 6000 рублей;

в) лица, владѣющія на городской землѣ недвижимою собственностью, оцѣненною для взиманія налога, въ городскихъ поселеніяхъ, имѣющихъ болѣе 10000 жителей, не ниже 3000 рублей, въ городскихъ населеніяхъ, имѣющихъ отъ 2000 до 1000 жителей, не ниже 1000 рублей и во всѣхъ прочихъ городскихъ поселеніяхъ не ниже 500 рублей;

г) назначенные на основаніи ст. 18—20 повѣренные отъ частныхъ владѣльцевъ, а также отъ разныхъ учреждений, обществъ, компаній и товариществъ, владѣющихъ заведеніями или имуществомъ, указанными въ пунктахъ б и в сей статьи пол. о зем. учр.

городскомъ представительствѣ многихъ лицъ, которыя до тѣхъ поръ пользовались правомъ такого участія (мелочные торговцы) или которымъ, какъ мелкимъ собственникамъ недвижимыхъ имуществъ, по проекту министерства полагалось предоставить такое право. Оно предлагало поэтому, „учредивъ три собранія или съѣзда для городскихъ выборовъ и предоставивъ каждому собранію выборъ одной трети гласныхъ, устроить ихъ такимъ образомъ, чтобы два первыя собранія соответствовали по своему составу городскимъ избирательнымъ съѣздамъ для земскихъ выборовъ“. Третье же собраніе должно было по проекту второго отдѣленія состоять изъ остальныхъ избирателей. Предположенія второго отдѣленія образовали затѣмъ съ нѣкоторыми отступленіями содержаніе ст. 43 проекта положенія о городскомъ общественномъ управленіи, внесеннаго въ Государственный Совѣтъ 31 декабря 1866 года. Въ виду однако сомнѣнія, возбужденнаго какъ въ особой комисіи по пересмотру проектовъ положенія о городскомъ общественномъ управленіи и устава о городскомъ хозяйствѣ, такъ и въ совѣтѣ министра внутреннихъ дѣлъ относительно того, достаточно ли было бы въ дѣлѣ организациі избирательныхъ участковъ въ городахъ ограничиться только тѣми числовыми данными, которыя находятся въ ст. 28 пол. о земск. учр., министерство внутреннихъ дѣлъ затребовало отъ губернскихъ начальствъ свѣдѣнія о количествѣ домовладѣльцевъ въ городахъ, имѣющихъ недвижимыя имущества опредѣленной цѣнности, а также о количествѣ купцовъ первой и второй гильдій. Изъ полученныхъ свѣдѣній оказалось, что „указанныя въ ст. 42 ¹⁾ цифры были бы вполне примѣнимы для составленія избирательныхъ участковъ по отношенію лишь къ весьма немногимъ городамъ. Въ большей же части ихъ представлялось бы невозможнымъ составить по означеннымъ цифрамъ не только перваго, но даже и второго полныхъ избирательныхъ участковъ, по незначи-

---

¹⁾ Рѣчь идетъ о ст. 42 направленнаго въ 1869 г. въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ проекта, соответствующей ст. 43 проекта, внесеннаго въ Государственный Совѣтъ 31 декабря 1866 года.

тельному числу владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ опредѣленной для сихъ участковъ цѣнности оныхъ ¹⁾). Поэтому, примѣнительно къ доставленнымъ въ министерство даннымъ, возвышена была цифра населенія для дѣленія городскихъ поселеній на разряды по составленію избирательныхъ участковъ, а сумма стоимости недвижимыхъ имуществъ, предоставляющихъ владѣльцамъ оныхъ участвовать въ избраніи гласныхъ по тому или другому избирательному участку, въ соразмѣрной степени уменьшена. Но такъ какъ и при этихъ цифрахъ, полныхъ перваго и втораго избирательныхъ участковъ, не составилось бы во многихъ городахъ и въ виду того, что въ новой организаціи городского общественнаго устройства, по мѣнью министерства, важно было не столько количество населенія, сколько цѣнность недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ необходимымъ, возвысивъ цифру населенія для организоваія избирательныхъ участковъ во второмъ разрядѣ городовъ, означенныхъ въ ст. 42 проекта, взять еще въ дополненіе къ сему соответственныя цифры общей стоимости недвижимыхъ имуществъ въ городахъ. Комбинація этихъ трехъ элементовъ и образовала новое содержаніе ст. 42 проекта.

По поводу указаній на крайне ограниченное въ большей части городовъ число лицъ, которыя бы имѣли право голоса

---

¹⁾ Такъ, первый избирательный участокъ пришлось бы составить, напр., въ Витебскѣ всего изъ 27 избирателей (включая въ то число и купцовъ 1 гильдіи, во Владимірѣ изъ 54, въ Калугѣ изъ 14, въ Новгородѣ изъ 22, въ Петрозаводскѣ изъ 11 и проч.; между тѣмъ, полагая, что во всѣхъ этихъ городахъ общественныя собранія состояются изъ 75 гласныхъ по 25 изъ каждаго участка, количество же избирателей должно превышать по проекту положенія (ст. 74) по крайней мѣрѣ втрое число избираемыхъ гласныхъ, необходимо, чтобы избирателей въ участкѣ было не меньше 75, не принимая еще въ расчетъ того, что въ большинствѣ случаевъ не могутъ являться въ собраніе непременно всѣ избиратели. Во многихъ же уѣздныхъ городахъ подь условія, опредѣленныя для перваго участка, не подходитъ ни одинъ изъ обывателей; а въ другихъ—и второй избирательный участокъ составилъ бы изъ крайне ограниченаго числа и притомъ не столько домовладѣльцевъ, сколько купцовъ 2 гильдіи. Такимъ образомъ, въ значительной части уѣздныхъ городовъ участіе въ общественномъ представительствѣ дворянъ-домовладѣльцевъ, особенно при небольшомъ числѣ ихъ въ данной мѣстности, совсѣмъ почти устранилось бы.

въ первомъ и даже во второмъ изъ избирательныхъ участковъ, предложенныхъ въ проектѣ, вслѣдствіе чего выборы въ этихъ участкахъ избирателей рѣдко могли бы состояться, такъ какъ по ст. 74 исправленнаго въ 1869 г. проекта „собраніе считается дѣйствительнымъ только въ томъ случаѣ, когда въ немъ участвуетъ число избирателей, превышающее, по крайней мѣрѣ, вдвое число подлежащихъ выбору гласныхъ“, второе отдѣленіе замѣтило, что ст. 74 проекта совершенно несогласна съ правиломъ, принятымъ въ ст. 34 положенія о земскихъ учрежденіяхъ, по которому „если на сѣздѣ число избирателей оказалось бы менѣ числа подлежащихъ избранію гласныхъ, то выборы не производятся, а всѣ наличные избиратели признаются гласными“. Второе отдѣленіе полагало распространить это правило и на городскія избирательныя собранія и считало умѣстнымъ поэтому замѣнить статью 74 проекта правиломъ, подобнымъ изложенному въ статьѣ 34 положенія о земскихъ учрежденіяхъ. „При подобномъ правилѣ, ограниченность числа избирателей въ первыхъ двухъ участкахъ никогда не лишала бы ихъ представительства въ думѣ“. Второе отдѣленіе не находило затѣмъ оснований и къ измѣненію принятаго въ проектѣ распредѣленія домовладѣльцевъ между избирательными участками. Это распредѣленіе, причисляя къ первымъ двумъ участкамъ тѣхъ именно домовладѣльцевъ, которые нынѣ имѣютъ право голоса при земскихъ выборахъ, имѣетъ то преимущество, что основывается на существующемъ уже порядкѣ, и потому можетъ быть примѣнено на практикѣ безъ особыхъ затрудненій. Независимо отъ этого, второе отдѣленіе находило, что *незначительное число образованныхъ и достаточныхъ жителей въ большей части городовъ требуетъ, кажется, чтобы доля участія каждаго изъ нихъ въ общественномъ управленіи была по возможности увеличивася*. Между тѣмъ, привлеченіе въ число избирателей первыхъ двухъ участковъ—владѣльцевъ малоцѣнныхъ домовъ будетъ послѣдствіемъ уменьшеніе участія въ городскихъ общественныхъ дѣлахъ каждаго изъ лицъ, имѣющихъ право голоса при земскихъ выборахъ. Напротивъ того, отнесеніе къ первымъ двумъ участкамъ изби-

рателей только этихъ лицъ (съ присоединеніемъ къ нимъ, въ случаѣ утвержденія заявленнаго въ совѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ предположенія, занимающихъ квартиры выше извѣстной цѣнности)—при дѣйствіи правила, подобнаго изложенному въ статьѣ 34 положенія о земскихъ учрежденіяхъ, — *обеспечитъ за лицами образованными и достаточными, наиболее участвующими въ уплатѣ городскихъ налоговъ, и наибольшее участіе въ общественномъ управленіи, и чѣмъ меньше будетъ такихъ лицъ въ городѣ, тѣмъ болѣе будетъ значеніе каждаго при городскихъ выборахъ* ¹⁾). Наконецъ, по поводу предложенія замѣнить, при опредѣленіи цѣнности домовъ, дающей право голоса на городскихъ выборахъ принятое въ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ (ст. 28) распредѣленіе городовъ на разряды по числу жителей—распредѣленіемъ ихъ на разряды по числу жителей и цѣнности находящихся въ городѣ недвижимыхъ имуществъ, второе отдѣленіе нашло, что, помимо уничтоженія удобства, вытекающаго изъ примѣненія правила, основаннаго на существующемъ уже распредѣленіи городовъ, принятіе двойного основанія при этомъ распредѣленіи могло бы возбуждать недоразумѣнія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда на основаніи числа жителей городъ долженъ былъ бы принадлежать къ одному разряду, а на основаніи цѣнности находящихся въ немъ недвижимыхъ имуществъ—къ другому. Второе отдѣленіе находило поэтому болѣе правильнымъ сохранить безъ измѣненія предположенное въ статьѣ 42 проекта распредѣленіе домовладѣльцевъ между тремя участками избирателей.

Соображенія второго отдѣленія встрѣтили возраженія со стороны Высочайше учрежденной комисіи по пересмотру

---

¹⁾ Эти соображенія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что возражающее противъ трехклассной системы второе отдѣленіе раздѣляло однако основной принципъ этой системы, составляющій ея сущность, именно участіе въ управленіи соответственно размѣру уплачиваемыхъ налоговъ. Этого не слѣдовало бы упускать изъ виду противникамъ трехклассной системы, ссылающимся на возраженія второго отдѣленія и на проектированную имъ избирательную систему. См. Свѣшниковъ, Основы и предѣлы самоуправленія, II, 1892, стр. 137; Коркуновъ, Русск. госуд. право, II, изд. 1897 г., стр. 450 и сл.

проектовъ положенія о городскомъ общественномъ управленіи и устава о городскомъ хозяйствѣ, которая указала на то, что примѣненіе къ городскимъ избирательнымъ собраніямъ ст. 34 полож. о зем. учр. едва ли могло бы быть признано соотвѣтствующимъ цѣли, такъ какъ этимъ нарушалось бы коренное основаніе дѣйствующаго и предполагаемаго городского устройства—о назначеніи общественныхъ представителей (гласныхъ), именно посредствомъ избранія. Допущенное въ земскихъ учрежденіяхъ отступленіе отъ этого, принятаго въ городскомъ устройствѣ, основанія вызвано было исключительными обстоятельствами, а именно совершеннымъ недостаткомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, землевладѣльцевъ, для составленія избирательнаго сѣзда въ числѣ, соотвѣтствующемъ количеству подлежащихъ избранію гласныхъ ¹⁾.

Подобной необходимости, которая вынуждала бы допустить отступленіе отъ выборнаго начала по отношенію къ городамъ, не существуетъ ни по одному городу; поэтому, если представляется возможность сохранить въ городскихъ поселеніяхъ выборное начало, то слѣдовало бы воспользоваться этою возможностью, чтобы не имѣть въ городскомъ собраніи лицъ, которыя при условіи избранія, быть можетъ, никогда не были бы выбаллотированы и которыя поэтому были бы плохими представителями города, обязаннаго вѣрить имъ участіе въ охраненіи своихъ интересовъ. Коммисія высказалась также противъ примѣненія къ организаціи городскихъ избирательныхъ собраній ст. 28 полож. о зем. учр. во первыхъ потому, что по земскимъ учрежденіямъ не допускалось раздѣленія городскихъ избирателей на участки; во вторыхъ, причисленіе, особо къ тому или другому избирательному разряду лицъ, имѣющихъ купеческія свидѣтельства и лицъ, владѣющихъ фабричными и другими промышленными

---

¹⁾ „Такія обстоятельства нельзя было не предвидѣть по нѣкоторымъ уѣздамъ, наприм., Пермской и др. губерній, гдѣ вовсе нѣтъ среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, и всѣ земли въ уѣздѣ принадлежатъ немногимъ крупнымъ землевладѣльцамъ, такъ что не представляется никакого способа къ назначенію гласныхъ въ уѣздное собраніе, кромѣ указаннаго въ приведенной выше ст. 34 полож. о зем. учр.“ Мат., т. III, стр. 56.

заведеніями, съ опредѣленнымъ оборотомъ производства, неудобно было бы въ виду того, что, съ одной стороны, едва ли возможно точное опредѣленіе количества годового оборота фабричнаго производства; а съ другой,—лица, имѣющія въ чертѣ городскихъ владѣній фабричное или другое соотвѣтственное промышленное заведеніе, обязаны имѣть купеческія свидѣтельства; они и безъ того должны поэтому войти въ составъ какого-либо избирательнаго участка; при примѣненіи же, относительно фабрикантовъ, ст. 28 полож. о зем. учр. могло бы случиться, что по годовому обороту производства они должны были бы причисляться къ одному избирательному разряду, а по купеческому свидѣтельству опредѣленнаго разряда—къ другому. Наконецъ, въ третьихъ, ст. 28 земск. полож. по существу ея имѣетъ временный характеръ. Она должна примѣняться и дѣйствительно примѣняется нынѣ вполнѣ (по отношенію къ земскимъ выборамъ) въ тѣхъ городскихъ поселеніяхъ, въ которыхъ на прежнемъ основаніи остается городское общественное устройство, не согласующееся съ организаціею земскаго представительства; но тамъ (въ столицахъ и г. Одессѣ), гдѣ общественное управленіе существуетъ на новыхъ началахъ, опредѣленные ст. 28 условія для избранія земскихъ представителей не имѣютъ примѣненія (ст. 52 полож. о зем. учр.). Примѣненіе сего не должно бы быть поэтому (опять по отношенію къ земскимъ собраніямъ) и въ другихъ городахъ, гдѣ преобразуется городское общественное управленіе ¹⁾. При такомъ же положеніи дѣла перенесеніе ст. 28 изъ земскаго въ городское положеніе едва ли было бы соотвѣтственно. Но если бы примѣненіе ст. 28 и

---

¹⁾ Въ объяснительной запискѣ къ проектамъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ и временныхъ правилъ для сихъ учреждений дѣйствительно говорилось, что „въ обѣихъ столицахъ, гдѣ по введеннымъ уже въ дѣйствіе особымъ положеніямъ организовано городское управленіе, съ участіемъ всѣхъ сословій, не имѣется нужды въ образованіи особыхъ городскихъ избирательныхъ собраній для земскихъ учреждений; общія собранія выборныхъ вполнѣ достаточны и для производства земскихъ выборовъ. Порядокъ этотъ, упрощающій значительно дѣло, долженъ быть распространяемъ и на прочіе города, по мѣрѣ введенія въ нихъ преобразованія городского управленія“. Матеріалы по земскому общественному устройству, т. II, 1886 г., стр. 372—373.

34 пол. о земск. учр. къ городскимъ избирательнымъ собраніямъ все-таки было допущено, то во многихъ городахъ собранія эти не могли бы быть правильно организованы, по совершенному отсутствію, какъ показываютъ вѣдомости, лицъ, подходящихъ подъ условія, опредѣленныя въ проектъ второго отдѣленія, примѣнительно къ ст. 28 пол. о зем. учр.; затѣмъ, сама собою осталась бы безъ примѣненія и ст. 34 сего положенія.

Коммисія не разрѣшила однако вопроса объ организаціи городскихъ избирательныхъ собраній для выбора гласныхъ, постановивъ оставить его до выслушанія замѣчаній экспертовъ.

Въ комисіи съ участіемъ экспертовъ правила объ организаціи избирательныхъ собраній въ городахъ, а равно и тѣ соображенія, на коихъ они основаны, были подвергнуты вновь подробному разсмотрѣнію.

Противъ необходимости дѣленія избирателей на разряды высказался одинъ только членъ комисіи. „Подчиненіе вообще городскихъ избирателей какимъ либо цензовымъ условіямъ не соотвѣтствовало бы, по его мнѣнію, ни духу времени, ни историческому складу русскаго народа. Въ настоящее время—объясняетъ онъ—съ введеніемъ въ дѣйствіе земскихъ учрежденій упали старыя сословныя обособленности и уже начинаетъ остывать сословная непріязнь; между тѣмъ раздѣленіе избирателей на разряды, хотя бы не по сословіямъ, а по капиталамъ должно неизбежно повести членовъ общества къ кастовой обособленности и враждѣ, всегда вреднымъ для общественнаго благосостоянія, къ борьбѣ „голытьбы съ людьми лучшими“. Прочіе же эксперты и члены комисіи признали дѣломъ самой настоятельной необходимости удержаніе въ проектѣ нормальнаго правила, въ силу коего выборы гласныхъ городского собранія производились бы не всѣмъ обществомъ въ совокупности, а посредствомъ отдѣльныхъ избирательныхъ собраній. Поэтому, исходя изъ того „всѣми признаннаго и едва ли не единственно правильнаго“ начала, что степень участія каждаго изъ отдѣльныхъ лицъ въ городскомъ общественномъ представительствѣ должна строго соразмѣряться съ количествомъ уплачиваемыхъ ими

въ городскую кассу сборовъ и налоговъ, члены комисіи находили, что „право означеннаго соразмѣрнаго участія городскихъ жителей въ выборахъ могло бы считаться упроченнымъ только тогда, когда лица, обложенныя высшими налогами, имѣли бы большее (сравнительно съ количествомъ ихъ) число представителей изъ среды себя; лица же, несущія меньше тягостей по городу, давали бы отъ себя меньшее число и представителей“. Согласно заявленіямъ большинства экспертовъ, комисія единогласно постановила: удержать въ проектѣ новаго закона о городскомъ общественномъ управленіи выраженную въ ономъ мысль о необходимости раздѣленія избирателей на разряды или отдѣльныя избирательныя собранія, по количеству уплачиваемыхъ ими въ пользу города сборовъ. При разсмотрѣніи въ комисіи вопроса о томъ, слѣдуетъ ли устанавливать законодательнымъ порядкомъ правило о распредѣленіи городовъ на разряды по количеству населенія или стоимости недвижимыхъ имуществъ и по поводу числовыхъ данныхъ, вновь собранныхъ министерствомъ в. д. и принятыхъ имъ въ основаніе дѣленія избирателей на разряды однимъ изъ членовъ комисіи ¹⁾, замѣчено было, что, помимо разнообразія нашихъ городовъ, препятствующаго ихъ классификаціи, вновь собранныя данныя также „едва ли отличаются необходимою для законодательной мѣры вѣрностью, и по неудовлетворительности существующей у насъ оцѣнки недвижимыхъ имуществъ вообще не представляется возможнымъ получить болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній“ и что „во всякомъ случаѣ, едва-ли было бы осторожно и практически удобно вводить въ законъ довольно сложную числовую регламентацію, которую потомъ пришлось бы измѣнять, для отдѣльныхъ городскихъ поселеній, въ законодательномъ порядкѣ“. ²⁾ Въ виду этихъ сообра-

---

¹⁾ Директоромъ хозяйственнаго департамента Шумахеромъ.

²⁾ Это послѣднее соображеніе Шумахера совершенно упускаютъ изъ виду, хотя соображеніе это представляется не менѣ существеннымъ, нежели первое. См. Свѣшниковъ, стр. 137, выноска; Коркуновъ, стр. 151. При наличности соображеній о томъ, что, помимо недостоверности цифръ, неудобно вводить въ законъ сложную числовую регламентацію, которую пришлось бы по-

женій означенному члену комисіи казалось болѣе удобнымъ „возвратиться къ первоначальной мысли министерства внутреннихъ дѣлъ, ибо предположенная для такого раздѣленія цѣль была бы несомнѣнно достигнута, а между тѣмъ законъ избѣгалъ бы регламентаціи и возникаемыхъ при этомъ ошибокъ“. Предложеніе это принято было комисіею единогласно и трехклассная система введена была въ городское положеніе 1870 года ¹⁾.

III. Городовое положеніе 1892 г. упразднило трехклассную

томъ измѣнять законодательнымъ порядкомъ для отдѣльныхъ городовъ, указаніе проф. Коркунова на случайность и неравномѣрность состава избирательныхъ собраний, какъ на „органическую принадлежность трехклассной системы“, не говоритъ противъ послѣдней, такъ какъ при случайномъ составѣ избирательныхъ собраний въ обѣихъ системахъ трехклассная все же заслуживала предпочтенія, потому что не влекла за собою внесенія въ законъ чисель, ненадежныхъ притомъ и подлежащихъ измѣненію. Что касается указанія проф. Коркунова на то, что, кромѣ случайности, не была принята въ соображеніе и неравномѣрность состава избирателей при трехклассной системѣ, то, какъ мы видѣли, предшествующіе проекты не только ея не игнорировали, но она совершенно послѣдовательно входила въ ихъ намѣренія.

¹⁾ Послѣ изложеннаго хода законодательныхъ работъ врядъ ли можно говорить, какъ это дѣлаетъ М. И. Свѣшниковъ, Основы и предѣлы самоуправленія, 1892, II, стр. 137, по поводу введенія трехклассной системы выборовъ, что „въ комисіи подъ предсѣдательствомъ князя Урусова *почему-то* эта система снова всплыла наружу“. Можно, конечно, спорить противъ соображеній, высказанныхъ составителями городского положенія 1870 года, но врядъ ли ихъ можно упрекать въ неосновательности („почему-то“!). Основательность ихъ представляется образцовой въ особенности, если принять во вниманіе то пониженіе уровня законодательной техники, которымъ отличается послѣдующее за реформами время. Напротивъ того, поверхностность сужденій автора названнаго сочиненія нигдѣ кажется такъ рельефно не обнаруживается, какъ именно въ той части его „перваго большого труда“, которая посвящена „мѣрамъ обезпеченія интересовъ имущественныхъ классовъ“. До какой степени трудно извлечь что либо определенное изъ пространной аргументаціи автора и какъ противорѣчива эта аргументація, можно судить, напр., по слѣдующей силовнѣйшей выдержкѣ изъ одной и той же страницы: „Въ государствахъ романскаго типа мы нигдѣ не замѣчаемъ той роли, которую можетъ играть высокій цензъ. Всѣ тѣ государства, которыя мы относили къ этому типу вмѣстѣ съ основательницей этого типа—съ Франціей, нельзя (sic!) причислить къ такимъ государствамъ, гдѣ желаютъ преимущественно (!) обезпечить капиталистическіе интересы. Мы уже говорили, что во всѣхъ этихъ государствахъ желаютъ скорѣе усилить вліяніе правительства на мѣстныя управленія, а тѣмъ самымъ *думаютъ (?) гораздо дѣйствительнѣе (!?) обезпечить капиталистическіе интересы*, такъ какъ здѣсь *весь (!?) государственный строй въ этихъ государствахъ служитъ главнымъ образомъ ихъ торжествѣ*“. Стр. 133, II т. И это на пространствѣ десяти строкъ, раздѣленныхъ между собою точкою!

систему выборовъ, но вовсе не вслѣдствіе тѣхъ ея недостатковъ, на которые указывали въ свое время министръ финансовъ въ упомянутомъ уже отзывѣ и второе отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Система эта, по правильному замѣчанію министерства внутреннихъ дѣлъ, „утрачивала свое значеніе при предстоявшемъ сокращеніи вообще числа избирателей, путемъ устраненія изъ ихъ среды многочисленныхъ мелкихъ плательщиковъ“. Соображеніе это еще разъ указываетъ на ту тѣсную связь, которая существуетъ между трехклассной системой и всеобщимъ избирательнымъ правомъ или избирательнымъ правомъ, основанномъ на низкомъ имущественномъ цензѣ. Вотъ почему, когда ставится дилемма—сохранить трехклассную систему выборовъ и низкій имущественный цензъ или упразднить первую, возвысивъ послѣдній, то предпочтительнымъ является конечно удержаніе трехклассной системы съ сопутствующимъ ей низкимъ имущественнымъ цензомъ. При такихъ условіяхъ трехклассная система имѣетъ цѣлю не „обеспечить вліяніе наиболѣе крупныхъ капиталистовъ и замаскировать мѣры, обезпечивающія это вліяніе лучшимъ способомъ“, а, какъ правильно говорило министерство внутреннихъ дѣлъ въ соображеніяхъ къ первому проекту городского положенія 1870 г.: предоставить „участіе въ назначеніи представителей и обывателямъ менѣе достаточнымъ, которые, при возвышенномъ цензѣ, были бы совершенно устранены отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ“. Такъ же точно и прусскій проектъ городского положенія 1876 года, не получившій силы закона, сохранялъ трехклассную систему выборовъ, сознавая всѣ ея недостатки. Отправляясь отъ того положенія, что въ настоящее время отказаться отъ системы постепенной подачи голосовъ можно было бы не иначе, какъ при одновременномъ повышеніи уплачиваемаго избирателями налога, проектъ находилъ, что противъ такой мѣры, устраняющей значительное число населенія отъ избирательнаго права, говорить безъ сомнѣнія еще большія основанія, нежели, противъ трехклассной системы ¹⁾.

¹⁾ Oertel, die Städteordnung v. 1853, стр. 159.

Кромѣ излишества трехклассной системы съ возвышеніемъ имущественнаго ценза, при внесеніи проекта городского положенія 1890 года въ Государственный Совѣтъ указывалось еще на то, что трехклассная система поощряла выборную борьбу и давала искаателямъ городскихъ мѣстъ возможность добиваться избранія поочередно въ каждомъ изъ собраній. Врядъ ли явленія эти обуславливаются самымъ существомъ трехклассной системы. Борьба на выборахъ всегда возможна, и причина ея заключается не въ той или другой системѣ, а въ самомъ существѣ ихъ, предполагающемъ борьбу мнѣній и предоставляющемъ торжество большинству. Не обуславливается существомъ трехклассной системы и искательство городскихъ мѣстъ. Ему могло благопріятствовать возстановленіе ст. 36 городского положенія 1870 года, согласно которому собранію или разряду избирателей предоставлялось „выбирать гласныхъ какъ изъ собственной среды, такъ и изъ числа избирателей, принадлежащихъ къ другимъ собраніямъ или разрядамъ“. Но это постановленіе не стояло въ неразрывной связи съ трехклассной системой. Оно могло бы быть замѣнено противоположнымъ началомъ—избранія гласныхъ изъ среды избирателей только соответствующаго класса, причемъ вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ той или другой системы мы оставляемъ конечно открытымъ, такъ же точно, какъ и вопросъ о томъ, не превышаетъ ли польза отъ свободы избирателей въ избраніи подходящихъ лицъ, не стѣсняемая принадлежностью кандидата къ тому или другому классу, тотъ вредъ, который приносить съ собою „искательство городскихъ мѣстъ“. Наконецъ, послѣднее соображеніе, которое приводилось проектомъ противъ трехклассной системы, что примѣненіе ея въ небольшихъ городскихъ поселеніяхъ при незначительномъ числѣ избирателей только стѣсняло этихъ послѣднихъ и замедляло ходъ выборовъ, говорило скорѣе противъ примѣнимости ея въ небольшихъ городахъ, нежели противъ самой системы. Какъ бы то ни было, но въ виду указанныхъ соображеній министерство внутреннихъ дѣлъ полагало: „постановить въ качествѣ общаго правила, что

для производства выборовъ гласныхъ изъ лицъ, имѣющихъ право участія въ нихъ, образуется одно избирательное собраніе. Но такъ какъ въ составѣ избирателей замѣчалось повсюду преобладаніе лицъ городскихъ состояній, то, дабы обезпечить избирательныя права за обывателями, не принадлежащими къ этимъ состояніямъ, признано было необходимымъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ число избирателей болѣе 300 и въ составѣ ихъ имѣется не менѣе $\frac{1}{5}$ части лицъ, не принадлежащихъ къ упомянутымъ выше состояніямъ, составлять изъ избирателей этой послѣдней категоріи, совмѣстно съ представителями ученыхъ, учебныхъ и благотворительныхъ учреждений, особое избирательное собраніе. При этомъ обоимъ собраніямъ въ такомъ случаѣ предоставлялось собирать причитающіеся на долю каждаго изъ нихъ число гласныхъ соотвѣтственно росписанію, составляемому губернскимъ по городскимъ дѣламъ присутствіемъ и утвержденному министромъ внутреннихъ дѣлъ¹⁾. Соединенные Департаменты Государственнаго Совѣта отвергли это раздѣленіе избирателей на два собранія. Они нашли, что способъ этотъ проектированъ примѣнительно къ установленному новымъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ порядку производства выборовъ въ уѣздныя земскія гласныя при помощи такого сочетанія избирателей, которое давало бы возможность соединить въ одну группу лицъ, связанныхъ общностью интересовъ и условій быта. При раздѣленіи отдѣльныхъ избирателей на группы по сословіямъ, каждая изъ земскихъ группъ заключаетъ въ себѣ все-таки владѣльцевъ недвижимости, главнымъ образомъ земельныхъ собственниковъ, интересы которыхъ вполнѣ солидарны. Но для выбора въ гласныя городской думы объединенія въ избирательныхъ собраніяхъ лицъ съ однородными интересами проектомъ не достигается. „Съ осуществленіемъ содержащихся въ немъ предположеній, въ составъ избирательнаго собранія городскихъ сословій входили бы крайне различныя слои населенія, какъ по происхожденію, такъ и по свойству занятій и интересовъ:

---

¹⁾ Отчетъ по дѣлопроизводству Государственнаго Совѣта за время съ 1 января 1892 г. по 31 мая 1893 г., т. I, стр. 288.

дѣти чиновниковъ, достигшихъ личнаго дворянства, и церковно-служителей, а также другія категоріи почетныхъ гражданъ, купцы, ремесленники, мѣщане и т. п. Съ другой стороны, во второмъ избирательномъ собраніи были бы соединены дворяне и крестьяне. Такимъ образомъ, оба собранія были бы составлены изъ лицъ, имѣющихъ мало общаго между собою¹⁾.

Но, независимо отъ недостижимости цѣли, на которую указывали департаменты Государственного Совѣта, группировка избирателей по различію ихъ интересовъ, если бы она даже удалась, должна быть въ самомъ своемъ основаніи признана неправильной. Проведеніе ея въ жизнь противорѣчило бы тому принципу, что гласные являются представителями всего города и что „избирательныя собранія не имѣютъ права давать избраннымъ гласнымъ инструкціи“²⁾. Гласные не суть стороны въ процессѣ, которыя призваны къ тому, чтобы представлять и добиваться осуществленія своихъ интересовъ. Отъ преслѣдованія послѣдними ихъ личныхъ интересовъ интересы правосудія не страдаютъ, такъ какъ рѣшеніе принадлежитъ нейтральной коллегіи судей. Дума же призвана не только къ тому, чтобы представлять интересы населенія, но и для того, чтобы законодательствовать и управлять въ кругу предоставленнаго ей вѣдомства. Она должна поэтому стоять выше отдѣльныхъ интересовъ, что не влечетъ за собою, конечно, необходимости ихъ игнорировать. Группировка избирателей по интересамъ даже при сохраненіи постановленій о томъ, что гласный является представителемъ всего городского общества и не связанъ инструкціями избравшей его группы, все-таки приводитъ къ тому результату, что депутаты считаютъ себя связанными необходимостью отстаивать интересы именно тѣхъ, благодаря которымъ они попали въ гласные.

Своекорыстная борьба интересовъ, какую представляетъ обывденная жизнь, переносится при такихъ условіяхъ въ за-

---

¹⁾ Отчетъ Государственного Совѣта, стр. 323.

²⁾ Ст. 40 город. пол. 1870 года. Срав. ст. 54.

конодательное собраніе или въ городскую думу, которыя теряютъ благодаря этому ту субъективность, которая составляетъ необходимое условіе общихъ мѣропріятій; да и активность ихъ при такихъ условіяхъ ослабляется.

Не слѣдуетъ поэтому поощрять сепаратизма на почвѣ случайной и мѣняющейся группировки интересовъ. Въ гласныхъ необходимо поддерживать сознаніе, что выборъ ихъ исходить не отъ отдѣльныхъ замкнутыхъ группъ, а отъ избирателей, принадлежащихъ къ различнымъ группамъ населенія. Это возвышаетъ роль и задачу гласныхъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, побуждаетъ оцѣнивать тѣ или другіе интересы съ точки зрѣнія блага общаго и отрѣшаетъ ихъ отъ того узкаго упорства и фанатизма, которые, въ стремленіи оправдать оказанное группою избирателей довѣріе, не знаютъ ничего, кромѣ осуществленія во чтобы то ни стало пожеланій этой группы, хотя бы они шли въ разрѣзъ съ общегородскими или общегосударственными интересами.

Департаменты Государственнаго Совѣта нашли себя вынужденными отказаться отъ мысли построить организацію городскихъ выборовъ на началѣ общности интересовъ избирателей въ городскомъ общественномъ управленіи. „Бытовымъ условіямъ этихъ городовъ всего болѣе отвѣчало бы, повидимому, другое начало, а именно территориальное, т. е. образованіе избирательныхъ участковъ по мѣстностямъ. Преимущество этого способа группировки избирателей, предусматриваемаго и проектомъ, заключается въ томъ, что въ каждомъ собраніи участвуютъ лица, проживающія по сосѣдству, а потому болѣе или менѣе извѣстныя другъ другу и могущія сознательно остановить свой выборъ на людяхъ наиболѣе достойныхъ“ ¹⁾. По дѣйствующему городскому положенію ²⁾ „для производства выборовъ въ гласные изъ лицъ, имѣющихъ право голоса на выборахъ (ст. 24), образуется одно избирательное собраніе“.

Однако, дѣйствующая избирательная система отличается отъ системы городского положенія 1870 года не тѣмъ, что

---

¹⁾ Отчетъ Государственнаго Совѣта, стр. 324.

²⁾ Ст. 34.

для производства выборов въ гласные образуется „одно избирательное собраніе“, въ то время какъ по прежнему городскому положенію избирательныхъ собраній было три, такъ какъ при многочисленности избирателей и это единое избирательное собраніе можетъ быть по дѣйствующему городскому положенію подраздѣлено на отдѣльные участки съ своими избирательными собраніями ¹⁾). Различіе между прежней и нынѣшней системой имѣетъ принципиальный характеръ. Городовое положеніе 1892 года отвергаетъ дѣленіе избирателей на группы по ихъ качественному составу. Въ этомъ смыслѣ избиратели составляютъ не „одно избирательное собраніе“, а единую и нераздѣльную группу ²⁾). Это качественное единство не исключаетъ дѣленія избирателей по частямъ городской территоріи или по участкамъ съ соотвѣтствующими избирательными собраніями. Но въ то время какъ при прежней системѣ количество гласныхъ, подлежащихъ избранію въ каждомъ изъ трехъ или двухъ отдѣловъ или собраній, на которые раздѣлены были избиратели, соотвѣтствовало опредѣленной цифрѣ платившагося избирателями собранія налога, въ настоящее время количество гласныхъ, избираемыхъ по участкамъ, соотвѣтствуетъ количеству избирателей участка. При дѣйствіи трехъклассной системы выборовъ, количество избираемыхъ въ каждомъ классѣ гласныхъ было совершенно одинаково и неизмѣнно: оно составляло одну треть или половину всѣхъ подлежащихъ избранію гласныхъ ³⁾): напротивъ того, количество приходившихся на каждое избирательное собраніе избирателей было неодинаково и не стояло въ прямомъ отношеніи къ числу подлежащихъ избранію гласныхъ. Болѣе того, можно сказать, что число избирателей стояло даже въ обратномъ отношеніи къ количеству подлежащихъ избранію гласныхъ, ибо благодаря принципу, что „степень участія каждаго изъ отдѣльныхъ лицъ въ городскомъ общественномъ представительствѣ должна строго соразмѣряться

---

¹⁾ Ст. 34.

²⁾ По нѣмецкой терминологіи: Wahlkörper' а не Wahlversammlung.

³⁾ Ст. 24 и 25 городского положенія 1870 года.

съ количествомъ уплачиваемыхъ ими въ городскую кассу сборовъ“, чѣмъ меньше избирателей приходилось на собраніе, тѣмъ большее число гласныхъ приходилось на каждаго изъ нихъ и, наоборотъ, чѣмъ больше было число избирателей въ собраніи, тѣмъ ничтожнѣе было количество приходившихся на нихъ гласныхъ. Дѣйствующее городское положеніе не опредѣляетъ ни числа участковъ, на которые можетъ быть раздѣлено избирательное собраніе, ни числа гласныхъ, подлежащихъ избранію въ каждомъ участкѣ: оно устанавливаетъ лишь принципъ соотвѣтствія между количествомъ избирателей въ участкѣ и приходившимся на ихъ долю числомъ гласныхъ¹⁾.

По проекту министерства внутреннихъ дѣлъ раздѣленіе избирательнаго собранія на участки предполагалось допустить какъ по ходатайствамъ городскихъ думъ, такъ и помимо нихъ, по ходатайствамъ присутствій по городскимъ дѣламъ²⁾. Департаменты Государственнаго Совѣта нашли, однако, что починъ въ подобныхъ вопросахъ чисто мѣстнаго свойства во всякомъ случаѣ долженъ принадлежать думѣ и полагали поэтому выразить въ законѣ, что предположенія о раздѣленіи города на избирательные участки составляются думою³⁾.

Въ ст. 34 городского положенія 1892 г. дѣйствительно говорится, что „предположенія о раздѣленіи города на избирательные участки и о числѣ гласныхъ и кандидатовъ, подлежащихъ выбору въ каждомъ участкѣ, составляются думою и по разсмотрѣніи въ мѣстномъ по земскимъ и городскимъ, или по городскимъ дѣламъ присутствіи, приводятся въ дѣйствіе: въ столицахъ—съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, а въ прочихъ городскихъ поселеніяхъ—губернатора“. Статья говоритъ такимъ образомъ не о постановленіяхъ думы, которыя могли бы подлежать оспариванію или должны были бы подлежать утвержденію губернатора или министра внутреннихъ дѣлъ, а лишь о „предположеніяхъ“ думы. Предположенія эти не вносятся въ присутствіе по городскимъ дѣламъ

¹⁾ Городское положеніе 1892 г., ст. 34.

²⁾ Отчетъ Государственнаго Совѣта, стр. 288.

³⁾ Отчетъ, стр. 324.

порядкомъ, опредѣленнымъ для случаевъ, когда губернаторъ приостановитъ постановленіе думы по незаконности его или несоотвѣтствію общегосударственнымъ пользамъ и нуждамъ или по нарушенію имъ интересовъ мѣстнаго населенія: они поступаютъ туда ex officio для *предварительнаго* разсмотрѣнія и для приведенія въ дѣйствіе нуждаются въ „разрѣшеніи“ губернатора. Изъ этого слѣдуетъ, съ одной стороны, что неразрѣшеніе губернаторомъ „предположеній“ думы о раздѣленіи города на участки не подлежитъ обжалованію, а съ другой стороны, что предположенія эти могутъ быть губернаторомъ отвергнуты, но не измѣнены одностороннимъ образомъ по существу.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Горенбергъ.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛОСТЕЙ.

(Окончаніе).

III.

Причины, вызвавшія превращеніе волости въ обще-административную единицу, до нѣкоторой степени намѣчаются указанными отзывами о современномъ значеніи волости (возложеніе на волостныя правленія цѣлаго ряда обязанностей, не свойственныхъ общественному самоуправленію, расширеніе территоріи волостей и т. п.). Кромѣ указанныхъ причинъ, должны быть отмѣчены и другія, не менѣе важныя.

Въ этомъ отношеніи нельзя не остановиться, прежде всего,

См. Вѣстникъ Права. Ноябрь 1901 г. Въ первой половинѣ статьи, помѣщенной въ ноябрьской книгѣ, необходимо исправить слѣдующія, къ сожалѣнію, вкравшіяся опечатки:

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	ЧИТАТЬ.
9	25	и указанной	въ указанной
13	18	несложныхъ	и сложныхъ
15	4	личнаго рода	всякаго рода
—	13	а только	а также
—	14	уплатою рѣгу	цѣлаго ряда
19	11	волостного пр-вія	воинскаго пр-вія
21	13	выработаннаго разнаго	выработаннаго жизнью
29	14	безплоднаго	безплатнаго
—	23	извѣстномъ смыслѣ	тѣсномъ смыслѣ
24	19	возложеніемъ	возложенныхъ

на тѣхъ основаніяхъ, которыя установлены были въ законѣ для первоначальнаго образованія волостей. Въ предшествующей статьѣ, посвященной волости („Какъ создалась крестьянская волость“), авторомъ указана была уже крайняя формальность этихъ основаній. Естественная группировка крестьянъ по приходамъ и селеніямъ признана была, по буквѣ положеній 19 февраля 1861 г., довольно маловажнымъ условіемъ при опредѣленіи состава волостей. Значительный перевѣсъ надъ этими признаками, въ дѣлѣ образованія волостей, получилъ совершенно искусственный признакъ—нормы населенія. Установленный этимъ признакомъ нормальный составъ волостей (отъ 300 до 2000 рев. душъ), при условіи допущенныхъ закономъ отступленій отъ этой нормы (прим. къ ст. 43 общ. пол.), позволялъ, конечно, установить соединеніе въ волости такихъ селеній, которыя имѣютъ дѣйствительно общіе интересы, какъ по близкому сосѣдству, такъ и по единству экономическихъ выгодъ. Но указанная широкая норма только *допускала* цѣлесообразное устройство волостей, а не вмѣняла этого въ обязанность и не намѣчала никакихъ *общихъ принциповъ*, которые должны быть приняты въ руководство при образованіи волостей. Такимъ образомъ успѣшность выполненія задачи устройства волостей должна была, всецѣло, зависѣть отъ усмотрѣнія тѣхъ учреждений, которымъ ввѣрено было это дѣло. Хотя въ соображеніяхъ своихъ о порядкѣ распредѣленія селеній на волости редакціонныя коммисіи и высказывались, что наилучшимъ приѣмомъ разрѣшенія этого дѣла, затрагивающаго ближе всего интересы крестьянскаго населенія, было бы предоставленіе самимъ крестьянамъ права соединяться въ волости, соотвѣтственно естественному тяготѣнію ихъ интересовъ, но, однако, коммисіи не нашли возможнымъ поручить этого дѣла крестьянамъ, при самомъ введеніи положеній 19 февраля, по отсутствію у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ то время какой либо общественной организаціи и по неподготовленности ихъ къ разрѣшенію вопросовъ общественнаго значенія. Поэтому коммисіи признали болѣе соотвѣтственнымъ произвести первоначальное распредѣленіе селеній на волости въ административ-

номъ порядкѣ, оставивъ засимъ за крестьянами право внести необходимыя измѣненія въ это распредѣленіе, если бы оно оказалось несоотвѣтственнымъ ихъ интересамъ¹⁾. Последняя оговорка, впрочемъ, не была включена въ проектъ положеній о крестьянахъ и вообще не нашла себѣ никакого выраженія въ дѣйствующемъ законодательствѣ, совершенно устраняющемъ крестьянъ отъ участія въ дѣлахъ о образованіи волостей²⁾.

Составленіе проектовъ первоначальнаго распредѣленія по волостямъ селеній бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ поручено было особымъ уѣзднымъ коммисіямъ, въ составъ коихъ вошли: уѣздный предводитель дворянства (въ качествѣ предсѣдателя) и два члена—исправникъ и одинъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ по назначенію губернатора. Составленные такими коммисіями проекты подлежали внесенію на утвержденіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія (именной распоряд. указъ Правительствующему Сенату объ обнародованіи Манифеста и положеній 19 февраля 1861 г. ст. 6; пол. учр. крест. ст. 129 п. 3). Въ губернскихъ присутствіяхъ, по примѣненію къ указанному п. ст. 129 пол. учр. кр., сосредоточилось затѣмъ и въ дальнѣйшемъ разрѣшеніе всѣхъ дѣлъ объ образованіи и измѣненіи состава волостей. Позднѣйшія узаконенія по этому вопросу совершенно игнорируютъ временное значеніе правила, изложеннаго въ п. 3 ст. 129 пол. учр. кр., и уже прямо, безъ всякихъ оговорокъ, возлагаютъ на губернскія присутствія (и на соотвѣтствующія имъ учрежденія, какъ то: областныя правленія въ степныхъ областяхъ, общія губернскія управленія въ Сибири и т. п.) разрѣшеніе дѣлъ объ образованіи волостей (ст. 722 т. IX свод. зак., изд. 1899 г.; прил. къ ст. 40, прим. 1, общ.

¹⁾ Мат. ред. ком., изд. 2, т. II, кн. 2, стр. 44—53.

²⁾ Единственныя исключенія въ этомъ отношеніи заключаются въ правилахъ двухъ позднѣйшихъ и специальныхъ положеній. Ст. 25 пол. о башк. (1865 г.) требуетъ, чтобы при образованіи обществъ сельскихъ и волостныхъ принимались въ соображеніе владѣніе поземельными дачами и желаніе самихъ башкиръ, а п. 4 ст. 3 прав. устр. посел.-собств., бывшихъ колонистовъ (1871 г.), устанавливаетъ необходимость ходатайства самихъ колонистовъ для измѣненія состава волостей.

пол., прод. 1886 г.; ст. 2 отд. I и ст. 2 отд. II прилож. къ ст. 1, прим. 2, пол. гос. кр.; ст. 7 того же пол. и др.). При этомъ ни одно изъ этихъ узаконеній не считается съ значеніемъ волостей, въ качествѣ общественныхъ союзовъ, и, признавая дѣло образованія волостей дѣломъ чисто административнымъ, не отводитъ крестьянамъ малѣйшей доли участія въ разрѣшеніи такихъ дѣлъ. Единственное право, которое признается за крестьянами въ такихъ дѣлахъ, есть право ходатайствъ, никого и ни къ чему не обязывающихъ,—и то это право установлено не закономъ, а вытекаетъ, какъ косвенный выводъ, изъ разъясненій Сената о томъ, что подобныя ходатайства подлежатъ разсмотрѣнію и разрѣшенію губернскихъ присутствій ¹⁾).

Составъ особыхъ коммисій, производившихъ первоначальное распредѣленіе на волости селеній бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, и установленный затѣмъ порядокъ разрѣшенія вновь возникающихъ подобныхъ дѣлъ едва ли могли обеспечивать образованіе волостей, въ строгомъ соотвѣтствіи съ основными требованіями для образованія органическихъ общественныхъ союзовъ. Въ лучшемъ случаѣ, при разрѣшеніи такихъ дѣлъ преслѣдовались цѣли удобства управленія крестьянами, объ удобствахъ же самоуправленія крестьянъ едва ли кто заботился.

Въ одномъ случаѣ приходится даже, къ сожалѣнію, отмѣтить законодательный актъ, послѣдовавшій въ ближайшее время послѣ изданія положеній о крестьянахъ, который, въ дѣлѣ образованія волостей у громаднаго разряда сельскихъ обывателей, установилъ основанія, совершенно разрушающія всѣ главные положенія редакціонныхъ коммисій по вопросу о составѣ волостей.

Какъ извѣстно, редакціонныя коммисіи категорически осудили основанія образованія волостей у государственныхъ крестьянъ и не разъ сблизали, въ своихъ заключеніяхъ, вновь проектированныя „волости“ съ организаціей „сель-

---

¹⁾ Рѣш. 6 ноября 1890 г. № 6548. Приведено въ сводѣ узак. по кр. дѣл. И. Л. Горемыкина въ тезисахъ подъ ст. 42 общ. пол.

скихъ обществъ“ у государственныхъ крестьянъ. Самая норма предѣльнаго населенія волостей заимствована была редакціонными комиссіями изъ постановленій, опредѣлявшихъ норму населенія сельскихъ обществъ у государственныхъ крестьянъ ¹⁾. Казалось бы поэтому совершенно естественнымъ, чтобы, при преобразованіи общественнаго управленія государственныхъ крестьянъ на началахъ положеній 19 февраля, сельскія общества этихъ крестьянъ были переименованы въ волости, а волости государственныхъ крестьянъ совсѣмъ упразднены. Случилось, однако, совсѣмъ наоборотъ. Въ силу п. 1 ст. 5 пол. бывш. государ. кр., несмотря на передачу государственныхъ крестьянъ въ вѣдѣніе общихъ крестьянскихъ учрежденій и на подчиненіе ихъ управленія дѣйствию правилъ общ. пол. о кр., составъ волостей государственныхъ крестьянъ оставленъ былъ безъ измѣненія, а также остался безъ измѣненія и составъ сельскихъ обществъ ²⁾. Такимъ образомъ, подъ флагомъ новой волости, въ строй крестьянскихъ учрежденій вошли старыя волости государственныхъ крестьянъ, искусственное образованіе которыхъ, совсѣмъ не соответствующее требованіямъ правильной организаціи общественнаго самоуправленія, вызвало, въ свое время, такія рѣзкія осужденія со стороны редакціонныхъ комиссій. На этомъ примѣрѣ еще одинъ лишній разъ сказалось вредное вліяніе того измѣненія терминологіи, которое допущено было редакціонными комиссіями, переименовавшими въ волость проектированное ими сельское общество. Терминъ „волость“ запуталъ редакціонныя комиссіи въ дальнѣйшихъ сужденіяхъ о сельскомъ обществѣ и окончательно сбиль съ толку позднѣйшую практику.

Приведенныя данныя объ условіяхъ образованія современныхъ волостей даютъ, казалось бы, ключъ для объясненія причинъ, почему волости не сложились въ органическіе обще-

---

¹⁾ См. статью „Какъ создалась крестьянская волость“.

²⁾ За исключеніемъ губерній: Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской, въ которыхъ совсѣмъ не было волостей, а были только сельскія общества, переименованныя въ виду сего въ волости (п. 2 ст. 5 пол. бывш. гос. кр.).

ственные союзы, почему понятіе объ общественномъ волостномъ хозяйствѣ осталось въ области благихъ пожеланій закона, не осуществившихся въ дѣйствительной жизни.

При такихъ условіяхъ волостное управленіе, лишенное опоры въ самоуправляющейся жизни волости, естественно должно было или упраздниться, или подпасть внѣшнимъ вліяніямъ. Такихъ внѣшнихъ вліяній было очень много, и онѣ вдохнули въ волостныя учрежденія новую жизнь, не имѣющую ничего общаго съ той жизнью самоуправления, которую учрежденія эти должны были заимствовать отъ самоуправляющейся волости. Въ предшествующемъ изложеніи уже отмѣчено было постепенное обремененіе волостныхъ учреждений цѣлымъ рядомъ обще-административныхъ, фискальныхъ и полицейскихъ обязанностей, исполненіе которыхъ составляетъ нынѣ главный предметъ дѣятельности волостныхъ правленій. Возложеніе на волостныя правленія этихъ обязанностей, само по себѣ, конечно, толкало волостныя правленія на путь превращенія ихъ въ деревенскія канцеляріи. Но можно предполагать, что учрежденія эти, несмотря на свойство указанныхъ обязанностей, могли бы еще сохранить нѣкоторый обликъ органовъ общественнаго управления, вѣдающихъ по порученію и довѣрію правительственной власти дѣла обще-административнаго значенія, но не теряющихъ окончательно связи съ избравшими ихъ обществами, если бы дѣятельность волостныхъ учреждений была надлежащимъ образомъ ограждена отъ воздѣйствія на нее со стороны элементовъ, склонныхъ къ совершенному порабощенію себѣ волости и весьма мало заинтересованныхъ въ успѣхахъ крестьянскаго самоуправления.

При введеніи въ дѣйствіе положеній 19 февраля 1861 г. волостныя учрежденія имѣли только одно начальство—мировыхъ посредниковъ. Одушевленные идеалами эмансипаціи и самоуправления, мировые посредники перваго призыва, по общимъ и весьма распространеннымъ отзывамъ, прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы оградить только-что насажденные и еще неокрѣпшія общественныя крестьянскія учрежденія отъ всякихъ постороннихъ воздѣйствій и вліяній, могущихъ

поколебать слабыя еще основы крестьянскаго самоуправления. Можетъ быть, отзвывы эти грѣшатъ извѣстнымъ оптимизмомъ и объясняются общей склонностью искать „золотога вѣка“ въ прошломъ. Но, во всякомъ случаѣ, не имѣется и противоположныхъ имъ свидѣтельствъ.

Положеніе дѣла рѣзко измѣнилось въ то тяжелое въ исторіи крестьянскаго самоуправления время, когда мировыя крестьянскія учрежденія были упразднены, съ замѣной ихъ уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями, совершенно безсильными по своей организаціи и по своимъ полномочіямъ, а на всемъ пространствѣ уѣздовъ водворилась всевластная полиція, усиленная въ своемъ составѣ, какъ увеличеніемъ числа становыхъ приставовъ, такъ и учрежденіемъ новыхъ полицейскихъ должностей—полицейскихъ урядниковъ. Опасность такого положенія для интересовъ крестьянскаго самоуправления признана была почти немедленно. Въ очеркахъ Н. Астырева „Въ волостныхъ писаряхъ“, приведенъ любопытный разсказъ волостнаго старшины о томъ наставленіи, которое однажды получили старшины одного уѣзда отъ предводителя дворянства по поводу введенія „института“ полицейскихъ урядниковъ. По разсказу старшины, предводитель собралъ всѣхъ волостныхъ старшинъ въ уѣздномъ присутствіи и такую рѣчь повелъ: „Вотъ теперь новое начальство у васъ проявилось—урядниками зовутся. Слыхалъ я, что эти самые урядники къ вамъ придираются, мужиковъ прижимаютъ, а сами только чай въ трактирахъ распиваютъ. А вы этому начальству въ зубы не глядите! У васъ одинъ начальникъ—я!.... Пришелъ въ волость урядникъ, или хошь становой, спросилъ тамъ, что ему нужно,—вы ему честь-честью разскажите все какъ надо, справку дайте; а тамъ—съ Богомъ, по морозцу: нечего ему въ волости проклажаться, не надъ кѣмъ куражиться; въ волости вы начальники, а не полиція!.... Артачиться будутъ, вонъ ихъ гоните, въ зубы имъ не глядите!.... Да силы имъ не давайте надъ собой взять! Охъ, пропадетъ Рассея, если полиція силу возьметъ! Слышите, старшины, не давайте полиціи!“¹⁾

¹⁾ Н. Астыревъ. Въ волостныхъ писаряхъ. М. 1886 г. стр. 254.

Предводитель этого рассказа, однако, совершенно упустилъ изъ виду, что статьей 155 пол. учр. кр. уѣзднымъ исправникамъ предоставлено было право, въ случаяхъ неисполненія должностными лицами волостного и сельскаго управленія ихъ обязанностей по дѣламъ, подвѣдомственнымъ уѣздному исправнику (главнымъ образомъ податныя дѣла), подвергать этихъ лицъ, въ дисциплинарномъ порядкѣ, ниже-слѣдующимъ взысканіямъ: выговорамъ, штрафу до 5 рублей, и аресту до 7 дней, а также представлять губернатору объ удаленіи ихъ отъ должностей. Забылъ предводитель также, что полиція сильна единствомъ своей организаціи, а потому всякая вина крестьянскихъ должностныхъ лицъ передъ низшимъ чиномъ полиціи есть и вина передъ ея начальникомъ—уѣзднымъ исправникомъ, что такая вина (хотя-бы она заключалась въ простомъ „неугожденіи“) неизбѣжно взыщется, что дискреціонныя полномочія, предоставленныя исправникамъ по ст. 155 пол. учр. кр., и неопредѣленность тѣхъ проступковъ, за которые имъ могутъ быть налагаемы взысканія по этой статьѣ, даютъ ему полную возможность найти формальную вину въ дѣйствіяхъ каждаго крестьянскаго должностнаго лица и подъ предлогомъ этой вины взыскать съ него за „неугожденіе“. Забылъ также предводитель, что исправники, какъ лица совершенно чуждыя крестьянскому дѣлу, мало заинтересованы въ охраненіи достоинства должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, что они могутъ поэтому съ легкимъ сердцемъ рѣшиться на арестованіе волостныхъ старшинъ и писарей, что лица эти въ такихъ случаяхъ содержатся въ полицейскомъ управленіи, въ одномъ помещеніи съ другими арестантами полиціи—пьяными, бродягами и преступниками.....

При такихъ условіяхъ волостнымъ старшинамъ трудно было „не даваться“ полиціи—и они сдались, превратившись въ низшихъ ея агентовъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и волостныя правленія упали на уровеньъ низшихъ полицейскихъ канцелярій, лишенныхъ какихъ-либо характерныхъ признаковъ общественныхъ самоуправляющихся учрежденій.

Вредное вліяніе полицейскихъ властей на бытовой складъ

волостных правлений сдѣлалось теперь уже „общимъ мѣстомъ“. Объ этомъ почти никто не спорить. Заявленія объ этомъ вредномъ вліяніи пестрятъ отзывы земствъ по вопросу о мѣстной реформѣ. „Право дисциплинарныхъ взысканій съ волостныхъ старшинъ и старость—заявляетъ въ своемъ докладѣ херсонская губ. земская управа,—предоставленное одному только члену уѣзднаго присутствія—исправнику, дало ему преобладающее вліяніе и принизило выборныя власти.... Пользуясь дисциплинарной властью надъ старшинами, исправникъ можетъ злоупотреблять ею въ томъ смыслѣ, что если ему не угоденъ какой-нибудь старшина, то путемъ постоянныхъ взысканій онъ можетъ довести старшину до того, что тотъ долженъ будетъ отказаться отъ должности“¹⁾. „На практикѣ оказалось—заявляетъ Михайловское, Рязанской губ., земское собраніе—что, съ предоставленіемъ означенной власти, волостные старшины и сельскіе старосты сдѣлались черезъ это подчиненными не однимъ исправникамъ, а всей вообще исполнительной полиціи, какъ то: полицейскимъ засѣдателямъ, становымъ приставамъ и даже полицейскимъ урядникамъ“²⁾. По отзыву калужской комисіи—„аресты должностныхъ выборныхъ лицъ въ помѣщеніяхъ, предназначенныхъ для буяновъ, пьяницъ, воровъ и мошенниковъ, роняютъ достоинство этихъ должностныхъ лицъ и убиваютъ ихъ авторитетъ въ глазахъ народа. Наказанія эти и крайне отяготительные для старшинъ вызовы ихъ исправниками привели къ тому, что порядочные крестьяне отказываются на отрѣзъ отъ общественныхъ должностей, почему ихъ нерѣдко занимаютъ люди сомнительныхъ способностей и нравственности“³⁾. Вообще, какъ удостоверяетъ В. Ю. Скалонъ, подробно изучившій отзывы земствъ по этому вопросу, почти всѣ земства высказались за уничтоженіе дисциплинарной власти исправника надъ должностными лицами крестьянскаго управленія⁴⁾.

¹⁾ В. Ю. Скалонъ. Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія, стр. 52 и 55.

²⁾ Тамъ же, стр. 55.

³⁾ Тамъ же, стр. 56 и 57.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 57.

Въ позднѣйшихъ по времени отзывахъ губернскихъ со-
вѣщаній по вопросамъ пересмотра законодательства о кре-
стьянахъ заключаются также весьма категорическія указанія
на то унижающее значеніе, которое имѣла для должностныхъ
лицъ волости предоставленная исправникамъ дисциплинар-
ная власть, и на тѣ широкіе предѣлы, въ которыхъ примѣ-
нялась эта власть ¹⁾. Особенно интересно въ этомъ отноше-
ніи нижеслѣдующее заключеніе Пермскаго совѣщанія, содер-
жащее весьма любопытныя и цѣнныя фактическія данныя.

„Законъ 27 іюня 1874 г., замѣнившій единоличную
власть мировыхъ посредниковъ учрежденіемъ уѣзднаго при-
сутствія, предоставилъ уѣзднымъ исправникамъ въ дѣлахъ
по взысканію повинностей дискреціонную власть надъ долж-
ностными лицами волостного и сельскаго управленія. Озабо-
ченные исключительно безнедоимочнымъ поступленіемъ по-
винностей, чины полиціи, упуская изъ виду другія не менѣе
важныя обязанности, возложенныя на старшинъ и старость,
требовали, чтобы они сосредоточили все свое вниманіе на
возможно быстромъ сборѣ повинностей. Не соображаясь
съ общими условіями дѣятельности этихъ должностныхъ лицъ,
пренебрегая даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ особенностями
данной мѣстности, въ зависимости отъ которыхъ находится
успѣшное поступленіе повинностей, уѣздные исправники, по
представленіямъ становыхъ приставовъ, въ случаѣ неудовле-
творительнаго, по мнѣнію послѣднихъ, поступленія повин-
ностей, широко пользовались своею властью, отправляя подъ
арестъ цѣлыми десятками старшинъ и старость. Въ нѣкото-
рыхъ мѣстностяхъ существовалъ даже такой порядокъ, что,
находя усилія должностныхъ лицъ по взысканію податей не-
достаточно энергичными, становые пристава при рапортѣ
отправляли волостныхъ старшинъ въ полицейское управленіе,
не дожидаясь распоряженія исправника. Бывали даже случаи
отправки волостныхъ старшинъ подъ арестъ въ городъ этап-

---

¹⁾ Св. закл. губ. сов. Изд. земск. отд. т. 1 стр. 538, 539, 559, 564, 565
и 576.

нымъ порядкомъ. Легко понять, насколько такіа мѣры роняли достоинство должностныхъ лицъ въ глазахъ какъ ихъ самихъ, такъ и въ особенности населенія. Такое неразборчивое пользованіе своею властію, хотя оно отходить уже въ область преданій, привело, однако, къ тому, что лучшіе люди волости всѣми средствами стараются уклониться отъ общественной службы, ибо, сдѣлавшись старшиной, они изъ независимыхъ и уважаемыхъ даже властями домохозяевъ превращаются въ низшихъ полицейскихъ агентовъ, по отношенію къ которымъ даже полицейскій урядникъ становится начальствомъ“.

Подобный режимъ не могъ не поработить окончательно волостныхъ правленій, сдѣлавъ изъ нихъ не только служебный органъ администраціи, но и прямо слѣпое орудіе ея власти.

Въ настоящее время, съ изданіемъ положенія 23 іюня 1899 г. о взиманіи окладныхъ сборовъ, въ силу котораго податное дѣло изъято было изъ вѣдѣнія полиціи и передано въ вѣдомство земскихъ начальниковъ и податной инспекціи, дисциплинарная власть исправниковъ надъ должностными лицами крестьянскаго управленія, обусловленная именно сосредоточеніемъ этого дѣла въ рукахъ полиціи, уничтожилась. Остался только обрывокъ этой власти—по дѣламъ призыва отпускныхъ нижнихъ чиновъ въ мирное время (прим. 3 къ ст. 125 общ. пол., прод. 1886 г.). За этимъ небольшимъ исключеніемъ, дисциплинарная власть надъ указанными должностными лицами принадлежитъ нынѣ только земскимъ начальникамъ (ст. 62 пол. зем. нач.)¹⁾. Со времени изданія закона 1899 г. прошло еще такъ мало времени, что трудно судить о результатахъ его въ отношеніи освобожденія волостныхъ должностныхъ лицъ отъ тяжелыхъ и унижительныхъ для нихъ формъ дисциплинарной зависи-

---

¹⁾ Дисциплинарныя полномочія по отношенію къ этимъ должностнымъ лицамъ, предоставленныя ст. 291 общ. губ. упр. губернаторамъ, имѣютъ въ виду такіе исключительные случаи, что не могутъ оказывать особаго вліянія на служебное положеніе указанныхъ должностныхъ лицъ.

мости. Духъ субординаціи, которымъ вообще проникнута дѣятельность большинства земскихъ начальниковъ, въ противоположность идеаламъ эмансипаціи, руководившимъ дѣйствіями мировыхъ посредниковъ перваго призыва, оставляетъ мало надеждъ въ этомъ отношеніи. Будетъ, конечно, лучше, но насколько лучше—это вопросъ. Во всякомъ случаѣ, каково бы ни было отношеніе земскихъ начальниковъ къ вопросамъ о дисциплинарной отвѣтственности волостныхъ должностныхъ лицъ, едва ли дѣятельность ихъ по такимъ дѣламъ въ состояніи будетъ измѣнить современное іерархическое положеніе волостныхъ правленій—ужь очень оно крѣпко сложилось. Если и возможенъ еще возвратъ этихъ учреждений къ тому положенію, которое прилично достоинству ихъ, какъ органовъ общественнаго самоуправленія (такими они до сихъ поръ значатся по буквѣ закона), то для этого нужны долгіе и долгіе годы. Уронить и унижить общественное учрежденіе легко, а поднять его, когда оно уже потеряло общее довѣріе и утратило природную устойчивость, охъ какъ трудно!

IV.

Представивъ, въ главныхъ чертахъ, современное положеніе волости и ея учреждений, а также тотъ процессъ, благодаря которому волость получила современное устройство и значеніе, попробуемъ остановиться на критической оцѣнкѣ положенія волости и ея учреждений.

„Критика“ волости обыкновенно исходить, такъ сказать, изъ „исторической“ точки зрѣнія. Волость осуждается, главнымъ образомъ, потому, что она отошла отъ своего первоначальнаго назначенія, что процессъ развитія волостныхъ учреждений, весьма односторонній и своеобразный, заглушилъ всѣ зачатки волостного самоуправленія. Жалобы на то, что волость „погубили“, „задавили“, „извратили“, очень распространены. Нельзя не сознаться, что жалобы эти совершенно естественны. Онѣ прямо вытекаютъ изъ того приниженнаго и жалкаго положенія, въ которомъ находится нынѣ волость.

Тяжело и обидно за волость, если сопоставить ее положение съ тѣми блестящими перспективами, которыя рисовались для нея въ положеніяхъ 19 февраля 1861 г. Но не будемъ увлекаться лиризмомъ и горечью этихъ жалобъ. Мало ли что было (или, вѣрнѣе, могло бы быть), да сплыло. Забудемъ о прекрасныхъ идеалахъ волостного самоуправления. Можетъ быть, имъ суждено осуществиться въ позднѣйшее время и въ иной формѣ, не имѣющей никакой связи съ современной волостной организаціей. Разсмотримъ эту организацію въ настоящемъ ея видѣ, съ точки зрѣнія соответствія ея цѣлямъ, которымъ она нынѣ служить, и не будемъ смѣшивать съ критической оцѣнкой волости важные и самостоятельные вопросы устройства мѣстнаго самоуправления. Волость не самоуправляющаяся единица, и ея учрежденія не суть органы общественнаго самоуправления, но онѣ служатъ инымъ цѣлямъ, удовлетворяютъ инныя потребности, не менѣе важныя, чѣмъ потребности самоуправления. Обсудимъ дѣятельность волости съ точки зрѣнія этихъ потребностей, и, если окажется, что роль волости, въ сферѣ этихъ потребностей, полезна и цѣлесообразна, если окажется, что современное ея значеніе и положеніе оправдываются указанными потребностями, то, можетъ быть, мы и примиримся съ современной волостью. Она не то, чѣмъ могла бы быть, въ ней много темнаго и отталкивающаго, но она нужна именно въ своемъ настоящемъ положеніи и значеніи—въ этомъ можетъ быть ея оправданіе и право на дальнѣйшее существованіе въ строѣ учреждений мѣстнаго управленія.

Посадимъ волость на скамью подсудимыхъ, и пусть на насъ пахнетъ тяжелой атмосферой овчины, чернилъ, невѣжества и грубости, униженія и произвола—не будемъ все-таки неумолимыми судьями. Можетъ быть, у волости найдутся оправданія.

Въ сферѣ дѣятельности волостныхъ учреждений, какъ отмѣчено выше, едва ли не первое мѣсто занимаетъ „посредничество“ волости между строемъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений, съ одной стороны, и мѣстнымъ, по преимуществу, сельскимъ населеніемъ, съ другой стороны.

Посредничество это заключается, главным образом, въ доставленіи указаннымъ учреждениямъ всевозможныхъ справокъ и свѣдѣній и въ приведеніи въ исполненіе ихъ распоряженій. Попытаемся выяснитъ, насколько удовлетворительно исполняетъ волость эти обязанности.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что порученія начальства исполняются волостными должностными лицами со страхомъ, съ опаской и съ возможной поспѣшностью—имъ вѣдь грозить за неисполненіе этихъ порученій цѣлая лѣстница наказаній. Иное дѣло—качество исполненія. Къ сожалѣнію, о „качествѣ исполненія“ волостныхъ правленій имѣется очень мало данныхъ. Для рѣшенія этого вопроса приходится пользоваться отрывочными свѣдѣніями. Не подлежитъ, наприимѣръ, сомнѣнію, что „статистика“ волостныхъ правленій списывается по большей части волостнымъ писаремъ . . . съ потолка; посмотритъ онъ въ потолокъ, призадумается и рѣшитъ: сколько нужно поставить головъ въ графѣ рогатаго скота—тысячу или полторы; если въ волости былъ падежъ скота, онъ скинетъ что-нибудь противъ свѣдѣній, которыя доставлялъ въ прошломъ году, если-же никакихъ эпизотій не было, и за недоимки не продавалось слишкомъ много скота—онъ накинеть сотню-другую на „естественный приростъ“. Такіе приемы составленія статистики, впрочемъ, совершенно естественны, такъ какъ волостные писаря не имѣютъ ни времени, ни возможности, чтобы „собрать“ всѣ свѣдѣнія для заполненія безчисленныхъ графъ безчисленныхъ вѣдомостей. Недовѣріе къ статистической работѣ волостныхъ правленій выражается иногда очень нагляднымъ образомъ въ правительственныхъ распоряженіяхъ, которыми возлагаются на крестьянскія учрежденія сколько-нибудь важныя статистическія изысканія. Въ такихъ случаяхъ правительственная власть прямо вмѣняетъ чинамъ крестьянскихъ учрежденій въ обязанность лично производить необходимыя изысканія. Къ такому приему прибѣгли, между прочимъ, по взаимному соглашенію, министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ по вопросу о предоставленіи податныхъ льготъ сельскому населенію по законамъ 7 февраля 1894 г., 13 мая

1896 г. и 31 мая 1899 г., возложивъ производство статистическихъ облѣдованій недоимочныхъ селеній лично и непосредственно на земскихъ начальниковъ и чиновъ податной инспекціи (инструкціи, утвержденныя министерствомъ финансовъ по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ). При этомъ, въ неоднократныхъ своихъ циркулярныхъ разъясненіяхъ о порядкѣ примѣненія законовъ относительно пересрочки выкупного долга (13 мая 1896 г. и 31 мая 1899 г.), министерство внутреннихъ дѣлъ, кромѣ того, обязывало земскихъ начальниковъ *лично*, на всѣхъ сельскихъ сходахъ, разъяснять крестьянамъ значеніе и условія примѣненія этихъ законовъ, отнюдь не передовѣряя этого порученія волостнымъ правленіямъ. Факты эти наводятъ нѣкоторую тѣнь сомнѣнія на дѣятельность волостныхъ правленій въ области посредничества между правительственными учрежденіями и населеніемъ. Что-то въ этой области неладно.

Такое-же недоувѣріе къ посреднической дѣятельности волостныхъ правленій обнаруживается иногда и со стороны крестьянъ. Нерѣдко приходится читать въ крестьянскихъ жалобахъ и прошеніяхъ заявленія, чтобы о самомъ разрѣшеніи дѣла имъ было объявлено не черезъ посредство волостного правленія. Еще чаще просьбы крестьянъ, чтобы все производство по извѣстному дѣлу шло помимо волостей.

Если волостныя правленія въ дѣлахъ „посредничества“ только добросовѣстный передаточный пунктъ, то для указанныхъ заявленій и сомнѣній не должно-бы быть мѣста. Наличие ихъ наводитъ на мысль, что извѣстное подъ названіемъ волостныхъ правленій—окно, черезъ которое крестьянство сообщается съ внѣшнимъ міромъ, а внѣшній міръ съ нимъ, имѣетъ не чистыя, а можетъ быть даже призматическія стекла, въ которыхъ дѣйствительныя изображенія преломляются и принимаютъ неправильныя уродливыя формы.

Можетъ быть это вѣрно не вполнѣ, но если это вѣрно хотя-бы отчасти, то и въ такомъ случаѣ едва-ли имѣются основанія особенно дорожить посредничествомъ волостныхъ правленій. Оно можетъ быть оправдано только въ томъ случаѣ, если оно безспорно полезно.

Было когда-то время, когда это посредничество было безусловно необходимо. Какъ извѣстно, однимъ изъ основаній для образованія волостныхъ учреждений было стремленіе создать въ ихъ лицѣ оплотъ для крестьянства противъ притязаній помѣщиковъ, которые до освобожденія крестьянъ играли посредническую роль между крестьянами и правительствомъ. Не даромъ, въ соображеніяхъ редакціонныхъ комиссій, одной изъ существенныхъ задачъ волостного управленія признано было—завѣдываніе отношеніями крестьянъ къ правительству. Въ эпоху освобожденія крестьянъ представители административной власти въ уѣздахъ были весьма немногочисленны и находились подъ сильнымъ вліяніемъ помѣщиковъ. Нужно было, поэтому, по мнѣнію редакціонныхъ комиссій, создать какой-нибудь буферъ, ограждающій крестьянство отъ давленій со стороны помѣщиковъ, въ дѣлахъ управленія крестьянами. Давленіе это несомнѣнно обнаружилось бы, если бы между удаленной отъ мѣстной жизни уѣздной администраціей и крестьянской массой оставлено было пустое мѣсто. Такого пробѣла не могли заполнить мировые посредники, ибо ихъ роль ограничена была посредничествомъ лишь между крестьянами и помѣщиками, въ дѣлахъ поземельнаго устройства крестьянъ и вообще въ дѣлахъ, вытекающихъ изъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Что же касается круга дѣлъ, вытекающихъ изъ обязанностей крестьянъ къ правительству, то эта область изъята была совершенно изъ вѣдѣнія мировыхъ посредниковъ, на которыхъ не было возложено никакихъ обще-правительственныхъ функцій. Обязанность заполнить указанный пробѣлъ, въ интересахъ сохраненія дарованной крестьянамъ свободы отъ помѣщичьей власти, выпала на долю волостныхъ правленій. По извѣстному выраженію, правительственная власть имѣла въ лицѣ помѣщиковъ сорокъ тысячъ даровыхъ полицеймейстеровъ. Эти полицеймейстерскія обязанности, для полнѣйшей эмансипаціи крестьянъ отъ помѣщиковъ (не только въ области поземельныхъ и имущественныхъ отношеній крестьянъ, но и въ области ихъ отношеній къ правительству) были перенесены на волостныя учрежденія. Теперь помѣщичья власть уже давно

отошла въ область воспоминаній: для однихъ—дорогихъ и милыхъ, для другихъ—тяжелыхъ и мучительныхъ. Слѣдовательно, волостное управленіе уже потеряло свое значеніе буфера противъ помѣщичьей власти. Это назначеніе имъ выполнено до конца и безъ остатка. Можетъ быть теперь осталось за волостными правленіями значеніе буфера противъ всего строя правительственныхъ учрежденій, и въ такомъ случаѣ полезно и умѣстно сохранить ихъ буферную роль, хотя бы въ области, совершенно непредусмотрѣнной редакціонными комиссіями? Полезно и умѣстно—одинъ вопросъ, а возможно ли—другой, разрѣшеніе котораго въ отрицательномъ смыслѣ совершенно устраняетъ самую постановку перваго вопроса. Едва ли это возможно. Устоявъ противъ помѣщичьей власти, волостныя учрежденія, какъ указано выше, подпали такому полному вліянію правительственныхъ учрежденій, что въ настоящее время ихъ даже нельзя разсматривать болѣе, какъ учрежденія общественнаго самоуправленія, а приходится признать за ними значеніе низшихъ административныхъ органовъ. Строй правительственныхъ учрежденій окончательно перетянулъ ихъ на свою сторону изъ области самоуправленія, засосалъ и поглотилъ ихъ. Такимъ образомъ, въ настоящемъ своемъ положеніи, волостное управленіе является не общественнымъ установленіемъ, играющимъ посредническую роль между правительствомъ и населеніемъ, а однимъ изъ составныхъ элементовъ правительственнаго строя—низшей его инстанціей.

При такихъ условіяхъ, вопросъ о пользѣ и умѣстности посредничества волостныхъ учрежденій сводится, въ сущности своей, къ вопросу о пользѣ и необходимости ихъ, какъ дополнительной инстанціи строя правительственныхъ установленій.

Говоря а priori, чѣмъ меньше инстанцій, тѣмъ лучше. Кромѣ такихъ апіорныхъ соображеній, для рѣшенія настоящаго вопроса представляются еще другія основанія.

Все направленіе законодательства послѣдняго времени, въ области мѣстнаго управленія, проникнуто ясно выраженной тенденціей приблизить правительственную власть къ на-

роду и народъ къ правительственной власти—установить между ними возможно тѣсное соприкосновеніе. Общая картина уѣздныхъ властей представляетъ нынѣ нѣчто совершенно отличное отъ положенія уѣзднаго управленія въ эпоху освобожденія крестьянъ. Тогда почти все уѣздное управленіе сосредоточивалось въ уѣздномъ городѣ, а на пространствахъ уѣздовъ рѣяли только немногочисленные становые пристава. Теперь картина эта совершенно измѣнилась. Учрежденіе цѣлаго ряда специальныхъ мѣстныхъ должностей, какъ то: должностей судебныхъ слѣдователей, мировыхъ судей, податныхъ инспекторовъ и другихъ органовъ фиска, усиленіе состава уѣздной полиціи путемъ увеличенія числа становыхъ приставовъ и учрежденія новыхъ должностей полицейскихъ урядниковъ, завершилось нынѣ установленіемъ судебно-административныхъ должностей земскихъ начальниковъ, созданныхъ съ точно формулированной цѣлью—приближенія власти къ населенію. Цѣль эта категорически выражена въ именномъ указѣ Правительствующему Сенату 12 іюля 1889 г., характеризующемъ земскихъ начальниковъ, какъ *близкую къ народу правительственную власть*.

Въ такомъ приближеніи правительственной власти къ населенію не играютъ-ли волостныя правленія роль средостѣнія, затрудняющаго это приближеніе?

Земскіе начальники, въ виду сравнительно небольшой величины земскихъ участковъ (въ среднемъ 2—3 волости) и свойства предоставленныхъ имъ полномочій, имѣютъ полную возможность и несомнѣнное право (даже не только право, но и обязанность) войти въ непосредственное соприкосновеніе съ населеніемъ. Путь этотъ, конечно, труденъ, ибо требуетъ большой затраты времени и усилій. Какъ соблазнительна наряду съ нимъ возможность дѣйствовать черезъ волостныя правленія? Да простятъ мнѣ г.г. земскіе начальники—имъ далеко не чуждо обще-человѣческое тяготѣніе въ сторону наименьшаго сопротивленія, наименьшихъ усилій. Тяготѣніемъ этимъ вполне объясняется повидимому, совершенно несомнѣнный съ основами дѣятельности земскихъ начальствъ фактъ неоднократнаго примѣненія ими такого приема

какъ управленіе, крестьянами—посредствомъ циркуляровъ волостнымъ правленіямъ. Между тѣмъ это два явленія совершенно непримиримыя: близкая къ народу власть—и циркуляры волостнымъ правленіямъ. Затѣмъ, не черпаютъ-ли также многіе земскіе начальники свое знакомство съ нуждами ввѣренныхъ имъ участковъ—изъ отзывовъ волостныхъ старшинъ? Не говорю всѣ, а многіе? И это къ сожалѣнію вѣрно.

Про податныхъ инспекторовъ нечего и говорить. Цѣли непосредственнаго податнаго надзора, вызвавшія къ жизни довольно дорогой институтъ податныхъ инспекторовъ, осуществляются ими, главнымъ образомъ, посредствомъ—циркуляровъ волостнымъ правленіямъ. Автору этихъ замѣтокъ извѣстенъ податной инспекторъ, который, живя не въ городѣ, а въ деревнѣ, въ центрѣ своего участка, за два года своей службы только одинъ разъ выѣзжалъ изъ этой деревни за 15 верстъ, а все остальное время—писалъ циркуляры. Это конечно злоупотребленіе, ибо подобный пріемъ есть ни что иное, какъ переложеніе своихъ служебныхъ обязанностей на другое учрежденіе, но такой пріемъ, при наличности волостныхъ правленій, такъ соблазнителенъ, что трудно его осудить.

Не слѣдуетъ-ли снять этотъ непреодолимый соблазнъ съ пути приближенія къ народу правительственныхъ должностныхъ лицъ? Отъ этого несомнѣнно выиграетъ качество ихъ дѣятельности, которая приметъ, наконецъ, то направленіе, которое ей предуказано закономъ.

Съ другой стороны, отъ этого безспорно выиграетъ и населеніе, которое нерѣдко превратно толкуетъ и понимаетъ распоряженія и начинанія правительственныхъ властей только потому, что эти распоряженія неудачно передаются ему волостными правленіями. Населеніе это имѣетъ право требовать, чтобы его нужды и потребности, его сомнѣнія и недоразумѣнія въ дѣлахъ управленія были непосредственно извѣстны правительственной власти. Въ тѣсномъ взаимодѣйствіи населенія и администраціи лежитъ залогъ успѣховъ управленія. Сноситься-же съ крестьянами черезъ волостныя

правленія то-же самое, что вести разговоръ черезъ переводчика—можетъ прибавить, отъ себя, если-же и постарается добросовѣстно передать мысль, все-таки получится не то впечатлѣніе, и останется почва для недоразумѣній. По вынесенному авторомъ глубокому убѣжденію, въ сношеніяхъ съ крестьянами дѣйствуетъ сильно и вѣрно только живое слово, а бумагъ, объявляемыхъ волостными правленіями, крестьяне только боятся, но имъ не вѣрятъ и ихъ не понимаютъ.

Въ окончательномъ выводѣ о посреднической роли волостныхъ правленій слѣдуетъ признать, что это посредничество (за исключеніемъ случаевъ простого исполненія, въ родѣ врученія повѣстокъ, объявленій и т. п.) скорѣе вредно, чѣмъ полезно, ибо только морочитъ обѣ стороны—крестьянъ и правительственную власть—препятствуя ихъ взаимному пониманію, достиженіе котораго составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ управленія.

Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ дѣятельности волостныхъ правленій—къ ихъ самостоятельнымъ дѣйствіямъ, въ качествѣ низшихъ административныхъ единицъ. Административная власть делегировала имъ, какъ указано выше, въ обзорѣ этой стороны дѣятельности волостныхъ правленій, очень многочисленныя и мелочныя функціи, не слишкомъ важныя и отвѣтственныя съ точки зрѣнія администраціи, но имѣющія громадное значеніе для крестьянъ, вторгающіяся клиномъ въ самое сердце крестьянской жизни. Дѣла паспортныя, податныя, страховыя, дѣла по отбыванію воинской повинности и т. п. близко касаются насущныхъ интересовъ крестьянскаго населенія. Правильная оцѣнка строеній, принимаемыхъ на страхъ, своевременное составленіе актовъ о пожарѣ, выдача разрѣшеній на новыя постройки, выдача паспортовъ безъ волокиты и притѣсненій—во всемъ этомъ чрезвычайно заинтересовано мѣстное населеніе. Съ какими же приѣмами приходится считаться населенію при устройствѣ этихъ дѣлъ?

Самое свойство указанныхъ дѣлъ, независимо отъ тѣхъ формъ, въ которыя сложились волостныя правленія, въ историческомъ процессѣ ихъ развитія, не могло не придать

извѣстнаго бюрократическаго отпечатка волостнымъ правленіямъ. Бюрократически-канцелярскія учрежденія составляютъ конечно неизбѣжное явленіе въ общемъ механизмѣ управленія, но для того, чтобы дѣятельность такихъ учреждений была цѣлесообразна, а не служила только орудіемъ гнета и злоупотребленій, необходимы извѣстныя гарантіи въ самомъ составѣ этихъ учреждений, въ умственномъ и нравственномъ цензѣ должностныхъ лицъ, входящихъ въ ихъ составъ. Удовлетворяютъ ли и могутъ ли удовлетворять этимъ требованіямъ волостныя правленія?

Г. А. Евреиновъ, въ своей интересной книгѣ „Замѣтки о мѣстной реформѣ“, свидѣтельствуетъ, что волостное правленіе, въ настоящемъ своемъ положеніи и составѣ, представляетъ „приказное учрежденіе худшаго типа, въ которомъ грубья и своекорыстныя проявленія власти деревенскаго кулака опираются на бумажное крючкотворство невѣжественнаго и продажнаго писаря“ ¹⁾. Точно также отзываются о волостныхъ правленіяхъ, въ смыслѣ худшаго сорта канцелярій, земскія собранія. Въ цитированной выше книгѣ В. Ю. Скалона приводятся, между прочимъ, такіе отзывы земствъ, совпадающіе совершенно съ мнѣніемъ Евреинова: „волостное правленіе настоящаго его типа представляетъ сколокъ съ присутственнаго мѣста старыхъ временъ, со всѣми его дурными традиціями“ ²⁾.

Въ этихъ отзывахъ прямо и точно не упоминается о процвѣтающихъ до сихъ поръ въ волостныхъ правленіяхъ взяточничествѣ, произволѣ и другихъ злоупотребленіяхъ. Многочисленныя крестьянскія жалобы на такіа злоупотребленія, хорошо знакомыя всѣмъ дѣятелямъ крестьянскаго дѣла, удостоверяютъ и это печальное явленіе.

„Начальство“ на мѣстахъ необходимо, необходимы также и мѣстныя „канцеляріи“, но не можетъ быть ничего отвратительнѣе „сермяжнаго“ начальства и „мужицкой“ канце-

¹⁾ Названное сочиненіе, стр. 41.

²⁾ В. Ю. Скалонъ, Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія, стр. 87.

ляри. Они имѣютъ въ удесятеренной степени всѣ недостатки правительственныхъ учреждений и ни одного изъ ихъ достоинствъ. Самое существованіе такихъ „институтовъ“ въ стрѣ мѣстныхъ органовъ административнаго управленія представляетъ собою несомнѣнную аномалію.

Остается еще одна сторона дѣятельности волостныхъ правленій—сельская нотаріальная часть. Можетъ быть хотя въ этомъ отношеніи волостныя правленія хороши и полезны?

Вопросъ этотъ довольно подробно разработанъ въ заключеніяхъ губернскихъ совѣщаній по вопросамъ пересмотра законодательства о крестьянахъ. Большинство этихъ совѣщаній, имѣя въ виду отдаленность общихъ нотаріальныхъ учреждений отъ сельскихъ мѣстностей и крайнее своеобразие крестьянскихъ сдѣлокъ, касающихся такихъ специальныхъ предметовъ, какъ, напр., надѣльныя земли и имущества, сужденіе о которыхъ выходитъ изъ компетенціи общихъ нотаріальныхъ учреждений, высказалось за крайнюю необходимость организациі отдѣльной сельской нотаріальной части. Тѣмъ не менѣе, совѣщанія эти (за очень немногими исключеніями) признали совершенно невозможнымъ расширить, съ указанной цѣлью, нотаріальныя полномочія волостныхъ правленій. По отзывамъ этихъ совѣщаній, укоренившіяся въ волостныхъ правленіяхъ по нотаріальнымъ дѣламъ злоупотребленія, взяточничество и вымогательство, въ связи съ полной неподготовленностью чиновъ волостныхъ правленій къ нотаріальной дѣятельности, не только устраняютъ возможность расширенія нотаріальныхъ функцій волостныхъ правленій, но вполнѣ оправдывали бы даже нѣкоторое сокращеніе этихъ функцій. Въ частности, 22 совѣщанія высказались категорически противъ расширенія нотаріальныхъ полномочій волостныхъ правленій ¹⁾. При этомъ нѣкоторые изъ указанныхъ 22 совѣщаній (Вятское и Херсонское) находили даже необходимымъ сократить

---

¹⁾ Астрах., Виленск., Волог., Вятск., Влад., Казанск., Курск., Минск., Могилевск., Нижегород., Новгород., Олонецк., Пенз., Полтавск., Псковск., Саратов., С.-Петербург., Таврич., Тамбовск., Тверск., Херсонск. и Ярославск. Загл. Губ. Сов., изд. Земск. Отд., 1897 г., т. III заключ. по 66-му вопросу.

нотаріальныя обязанности волостныхъ правленій (Херсонское совѣщаніе, въ частности, полагало ограничить нотаріальныя функціи волостныхъ правленій однимъ только засвидѣтельствованіемъ подписей). Затѣмъ, изъ числа тѣхъ же 22 совѣщаній, четыре совѣщанія (Вологодское, Казанское, Новгородское и С.-Петербургское) признавали соотвѣтственнымъ передать нотаріальныя обязанности волостныхъ правленій, всецѣло или въ значительной части, земскимъ начальникамъ. Къ мнѣнію этому близко примыкають заключенія 10 совѣщаній ¹⁾, признававшихъ возможнымъ нѣсколько расширить нотаріальную компетенцію волостныхъ правленій, подъ условіемъ представленія ими проектовъ сдѣлокъ по важнѣйшимъ дѣламъ на предварительное утвержденіе земскихъ начальниковъ и другихъ установленій по крестьянскимъ дѣламъ ²⁾. Нельзя не замѣтить, что такой способъ расширенія нотаріальныхъ обязанностей волостныхъ правленій равносильнъ ихъ сокращенію, ибо въ этомъ случаѣ волостныя правленія, по значительной части дѣль, только регистрировали бы утвержденныя земскимъ начальникомъ сдѣлки, что совсѣмъ не равносильно праву утвержденія или свидѣтельствованія этихъ сдѣлокъ. За расширеніе нотаріальныхъ функцій волостныхъ правленій (и то лишь при установленіи особенно тщательнаго надзора крестьянскихъ учрежденій за этой стороною дѣятельности волостныхъ правленій) высказались только восемь совѣщаній ³⁾.

Такимъ образомъ и нотаріальная сторона дѣятельности волостныхъ правленій должна быть признана въ общемъ совершенно неудачной.

Таковы, въ главныхъ чертахъ, основные недостатки современнаго волостного управленія.

¹⁾ Бессараб., Ворон., Гродн., Екатерин., Костромск., Орловск., Рязанск., Самарск., Тульск. и Уфимск.

²⁾ Екатерин. совѣщаніе проектировало представленіе такихъ сдѣлокъ на утвержденіе общихъ нотаріальн. учрежденій.

³⁾ Волынск., Калужск., Оренб., Пермск., Подольск., Симбирск., Смоленск. и Черниговск.

Очеркъ этихъ недостатковъ былъ бы, однако, не полонъ, если бы въ немъ не нашло себѣ мѣста указаніе па одно обстоятельство, которое хотя и не представляетъ собою не-совершенства самого механизма волостного управленія, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но является коренной несправедливостью всей волостной организаціи.

Организація эта считается по буквѣ закона не только крестьянской вообще, но въ частности организаціей, принадлежащей мѣстному приписному крестьянскому населенію (сельскія общества, входяція въ составъ волости, и приписанные къ волости крестьяне). Волостная организація обслуживаетъ, однако, не только интересы мѣстнаго приписного крестьянскаго населенія, но также интересы постоянно проживающихъ въ предѣлахъ волости лицъ непривилегированнаго состоянія, а въ значительной степени также и интересы лицъ всѣхъ сословій, тяготящихся по дѣламъ управленія къ волостнымъ центрамъ. Затѣмъ, даже въ сферѣ дѣйствій своихъ по дѣламъ, касающимся мѣстнаго приписного крестьянскаго населенія, волостное управленіе завѣдуетъ не столько дѣлами общественнаго крестьянскаго управленія, сколько дѣлами общаго управленія крестьянами, причемъ и въ области послѣднихъ дѣлъ преслѣдуетъ не интересы крестьянъ въ отношеніяхъ ихъ къ правительству, а интересы правительства въ отношеніяхъ его къ крестьянамъ. Между тѣмъ, такое болѣе чѣмъ на половину чуждое крестьянамъ учрежденіе содержится исключительно и всецѣло на счетъ мѣстнаго приписного крестьянскаго населенія.

Содержаніе волостного управленія по приведеннымъ выше даннымъ, относящимся къ 1891 г., превышаетъ по 47 губерніямъ Европейской Россіи одиннадцать милл. руб. Расходъ этотъ все растетъ и составляетъ тяжелое бремя для мѣстнаго крестьянскаго населенія.

Обстоятельство это вызвало за послѣдніе годы два серьезныхъ конфликта волостныхъ обществъ: а) съ проживающими въ волостяхъ, но не приписанными къ ихъ составу лицами разныхъ сословій и б) съ административной властью.

Первый конфликтъ возникъ изъ стремленія волостныхъ сходовъ привлечь къ мірскому обложенію на волостные расходы всѣ недвижимыя имущества, находящіяся въ предѣлахъ волостей, безъ различія сословій и мѣста приписки ихъ собственниковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, собственники такихъ имуществъ, признавая свою нравственную обязанность нести извѣстную часть расходовъ по содержанію волостного управленія, услугами котораго они пользуются, подчинялись подобнымъ распоряженіямъ волостныхъ сходовъ, возражая иногда только противъ основаній разверстки сборовъ по количеству владѣемой всѣми плательщиками земли, такъ какъ, при условіи владѣнія большими земельными участками, превышающими во много разъ нормальный размѣръ крестьянскихъ надѣльныхъ участковъ, имъ приходилось платить слишкомъ много. Однако, въ большинствѣ случаевъ, такіе собственники, основываясь на своей формальной непринадлежности къ составу мѣстныхъ волостей, отказывались совершенно отъ уплаты мірскихъ сборовъ. Возникавшіе въ такихъ случаяхъ споры не разъ доходили до Правительствующаго Сената, причемъ Сенатъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній своихъ по такимъ дѣламъ установилъ, что не причисленные къ волостямъ лица непривилегированныхъ состояній только тогда могутъ быть привлекаемы къ мірскому обложенію, если владѣютъ въ предѣлахъ волостей участками бывшей крестьянской надѣльной земли ¹⁾. Что же касается дворянъ, то Сенатъ призналъ ихъ свободными отъ мірского волостного обложенія даже по принадлежащимъ имъ указаннаго рода участкамъ ²⁾.

Нельзя не отмѣтить, что случаи, въ которыхъ Сенатъ допустилъ обложеніе мірскими сборами, на нужды волости, лицъ низшихъ сословій, не приписанныхъ къ волости, но проживающихъ въ ея предѣлахъ (владѣніе бывшей надѣльной зем-

¹⁾ Рѣш. 5 мая 92 г. № 2536, 28 ноября 95 г. № 3686, рѣш. общ. собр. 19 марта 93 г. и 18 марта 94 г. № 52 и мн. др. (приведены въ тезисахъ подъ ст. 177 общ. пол. въ св. узак. по кр. дѣл. И. Л. Горемныкина).

²⁾ Рѣш. 7 ноября 87 г. № 4546.

лей) совершенно исключительны и единичны. Громадное большинство такихъ лицъ, пользующихся услугами волостного управленія, осталось внѣ дѣйствія сенатскихъ толкованій, т. е. осталось свободнымъ отъ мірскаго волостного обложенія. Такимъ образомъ, конфликтъ между этими лицами и волостными обществами по вопросу о равномерномъ распредѣленіи бремени волостныхъ расходовъ между всѣмъ волостнымъ населеніемъ разрѣшился не въ пользу волостныхъ обществъ.

Надлежитъ сознаться, что иное разрѣшеніе этого конфликта, при условіи сохраненія существующей волостной организаціи, представляетъ чрезвычайныя затрудненія. Прямое и формальное привлеченіе къ волостному обложенію всѣхъ лицъ, пользующихся услугами волостного управленія, естественно выдвигаетъ другой вопросъ—объ участіи этихъ лицъ въ волостномъ управленіи, ибо трудно допустить самую обязанность уплаты общественныхъ сборовъ безъ права участія въ распредѣленіи и расходованіи этихъ сборовъ. Между тѣмъ введеніе упомянутыхъ категорій лицъ въ составъ волостной организаціи, хотя бы въ самой ограниченной формѣ участія ихъ въ разрѣшеніи дѣлъ, касающихся раскладки и расходованія волостныхъ мірскихъ сборовъ, совершенно нарушило бы основныя начала волостного устройства, построеннаго исключительно на узко-сословныхъ основаніяхъ, и привело бы къ такимъ измѣненіямъ въ этомъ устройствѣ, которыя далеко выходятъ за предѣлы вопроса о равномерномъ распредѣленіи тяжести мірскаго обложенія.

Другой конфликтъ волостныхъ обществъ, на почвѣ волостного обложенія, возникъ у этихъ обществъ съ административной властью. Ассигнуя весьма значительныя суммы на поддержаніе довольно чуждыхъ крестьянству волостныхъ правленій, волостныя общества остановились на извѣстномъ уровнѣ этихъ ассигновокъ, соотвѣтствующемъ по ихъ представленію той максимальной работѣ, которую несутъ эти правленія въ интересахъ крестьянскаго населенія, и даже представляющемъ въ этомъ отношеніи значительный излишекъ. Между тѣмъ административная власть, возлагая все новыя и новыя обще-

административныя и полицейскія обязанности на волостныя правленія, отмѣчала, съ своей стороны, недостаточность вознагражденія, получаемого волостными должностями за всю массу исполняемыхъ ими обязанностей. По указанію администраціи, обстоятельство это служить одной изъ главныхъ причинъ неудовлетворительныхъ порядковъ въ дѣлопроизводствѣ волостныхъ правленій и заключаетъ серьезную опасность дальнѣйшаго ухудшенія состава волостныхъ правленій, изнемогающихъ подъ тяжестью плохо оплачиваемого труда. Сожалѣнія эти послужили основаніемъ для изданія упомянутаго уже выше закона 1 ноября 1893 г., предоставившаго крестьянскимъ учрежденіямъ право, въ случаяхъ назначенія крестьянскими обществами недостаточнаго вознагражденія нѣкоторымъ категоріямъ должностныхъ лицъ общественнаго управленія (въ томъ числѣ волостнымъ старшинамъ, писарямъ и ихъ помощникамъ), опредѣлять обязательный для обществъ размѣръ содержанія этихъ лицъ. Такимъ образомъ и послѣдній конфликтъ разрѣшился не въ пользу волостныхъ обществъ, обязанныхъ нынѣ не только вообще содержать болѣе чѣмъ на половину чуждое имъ волостное управленіе, но, въ частности, отпускать на содержаніе этого управленія тѣ именно суммы, которыя назначены администраціей.

Конфликтъ этотъ, однако, могъ бы быть разрѣшенъ, безъ особыхъ техническихъ затрудненій, совершенно иначе. Если правительство прибѣгаетъ къ пользованію услугами волостныхъ правленій, въ цѣляхъ общаго управленія, дабы избѣжать устройства, въ этихъ цѣляхъ, новыхъ учрежденій, то обстоятельство это казалось-бы должно его обязывать къ оказанію нѣкотораго пособія волостямъ отъ казны на содержаніе указанныхъ правленій. Размѣръ такого пособія будетъ во всякомъ случаѣ ниже тѣхъ расходовъ, которые потребовались бы отъ казны для оборудованія, въ цѣляхъ завѣдыванія на мѣстахъ общими дѣлами управленія, новыхъ административныхъ учрежденій. Самый фактъ такого пособія въ значительной степени примирилъ-бы крестьянское населеніе съ его обязанностью нести извѣстную часть расходовъ на содержаніе чуждыхъ ему волостныхъ правленій и могъ бы

даже оправдать вмѣшательство администраціи въ дѣла объ опредѣленіи размѣра содержанія должностнымъ лицамъ волостного управленія.

Нельзя, впрочемъ, не сознаться, что послѣдствіемъ подобной мѣры явится такая постановка волостной организаціи, имѣющей уже нынѣ по преимуществу административное значеніе, которая естественно вызоветъ вопросъ: не слѣдуетъ-ли, взамѣнъ оказанія пособія отъ казны волостнымъ общественнымъ учрежденіямъ, обслуживающимъ общіе интересы управленія, преобразовать ихъ въ правительственныя учрежденія, обязавъ, засимъ, крестьянское населеніе оказывать казнѣ пособіе на содержаніе этихъ учрежденій, въ виду многообразныхъ ихъ отношеній къ крестьянскому населенію? Это вопросъ громаднаго значенія для дальнѣйшей судьбы крестьянской волости.

Подводя окончательный итогъ изложеннымъ даннымъ и соображеніямъ о современномъ значеніи крестьянской волости и о главнѣйшихъ недостаткахъ волостной организаціи, представляется возможнымъ остановиться по этимъ вопросамъ на нижеслѣдующихъ главныхъ положеніяхъ:

1) крестьянская волость, выполнивъ свое мѣстное и временное назначеніе—служить оплотомъ противъ вліянія помѣщиковъ на дѣла крестьянскаго управленія, не сложилась, затѣмъ, въ предусмотрѣнную крестьянскими положеніями форму хозяйственно-административнаго, самоуправляющагося союза крестьянъ, частію—вслѣдствіе неудачныхъ условій образованія волостей, несоотвѣтствующихъ требованіямъ устройства органическихъ общественныхъ союзовъ, частію—вслѣдствіе обремененія волостныхъ учрежденій такого рода обязанностями, которыя не имѣютъ ничего общаго съ дѣлами общественнаго самоуправленія.

2) Полный застой волостной общественной жизни въ теченіи сорока лѣтъ и современныя условія, въ которыя поставлена общественная жизнь волости (отсутствіе у крестьянъ,

входящихъ въ составъ волости, общихъ интересовъ, отдѣльныхъ отъ интересовъ всего мѣстнаго населенія, и тенденція правительственной власти къ сокращенію волостныхъ расходовъ, не имѣющихъ узко-повинностнаго характера), не оставляютъ никакихъ надеждъ на возрожденіе волости, въ смыслѣ крестьянской самоуправляющейся единицы.

3) Изъ всѣхъ учрежденій волостного управленія, предусмотрѣнныхъ положеніями о крестьянахъ, реальное и жизненное значеніе сохранили только волостныя правленія—и то не въ смыслѣ коллегій (ст. 87 общ. пол.), а въ смыслѣ присутственныхъ мѣстъ, состоящихъ изъ начальника—старшины и дѣлопроизводителя—писаря.

4) Дѣятельность волостныхъ правленій заключается въ посредничествѣ между мѣстнымъ населеніемъ и всѣмъ строемъ правительственныхъ учрежденій по всѣмъ дѣламъ управленія, а также въ самостоятельномъ исполненіи нѣкоторыхъ низшихъ функций управленія, съ небольшимъ придаткомъ нотаріальныхъ обязанностей.

5) Указанныя обязанности волостныхъ правленій исполняются ими не въ качествѣ самоуправляющихся учрежденій, несущихъ эти обязанности по спеціальнымъ порученіямъ правительства, а въ качествѣ низшихъ органовъ администраціи, обязанныхъ ей полнымъ и безпрекословнымъ повиновеніемъ и поставленныхъ по существеннымъ вопросамъ дисциплинарной отвѣтственности, опредѣленія къ должностямъ и увольненія отъ таковыхъ, а также по вопросамъ о вознагражденіи за службу, въ такую тѣсную зависимость отъ администраціи, которая совершенно парализуетъ связь этихъ учрежденій съ волостными обществами и лишаетъ ихъ даже внѣшнихъ признаковъ общественныхъ учрежденій.

6) Дѣятельность волостныхъ правленій распространяется не только на сельскія общества, изъ которыхъ составлены волости, и на приписанныхъ къ волостямъ крестьянъ, но охватываетъ широкій кругъ лицъ разныхъ сословій, тяготеющихъ къ волостнымъ центрамъ по дѣламъ общаго управленія, въ виду чего учрежденія эти являются, въ полномъ

смыслѣ, органами общаго управленія, а, засимъ, волости, не имѣющія другихъ жизненныхъ учреждений, кромѣ волостныхъ правленій, должны быть признаны территоріальными единицами мѣстнаго управленія.

7) Посредническія обязанности волостныхъ правленій, возложеніе которыхъ на эти учреждения представлялось въ свое время неизбѣжнымъ, въ виду малочисленности въ уѣздахъ органовъ правительственной власти, въ настоящее время искусственно удаляютъ отъ населенія тѣ учреждения, которыхъ законъ предполагалъ особенно приблизить къ населенію, и едва-ли могутъ быть признаны полезными, какъ для интересовъ населенія, такъ и для потребностей администраціи, въ качествѣ дополнительной ея инстанціи.

8) Исполняемыя волостными правленіями, наряду съ посредническими обязанностями, разнообразныя самостоятельныя обязанности по дѣламъ мѣстнаго управленія, создаютъ въ лицѣ волостныхъ правленій, при условіи довольно низкаго уровня волостныхъ должностныхъ лицъ, приказныя учрежденія такого типа (деревенскія канцеляріи), который является совершеннымъ анахронизмомъ въ строѣ современныхъ административныхъ установленій и не можетъ не подрывать необходимаго довѣрія и уваженія мѣстнаго населенія ко всему строю управленія.

9) Возложеніе на приписанное къ волостямъ крестьянское населеніе всего бремени содержанія почти совершенно чуждой ему волостной организаціи, имѣющей обще-административное значеніе, представляется несомнѣнной несправедливостью, которая, однако, едва-ли можетъ быть устранена безъ кореннаго измѣненія всѣхъ основаній волостнаго устройства.

Таковы главныя отличительныя черты и основные недостатки существующаго волостнаго устройства. Эти фактическія данныя могутъ служить основаніемъ для самыхъ разнообразныхъ преобразовательныхъ предположеній. Упадокъ волостнаго общественнаго самоуправленія можетъ вызвать стремленіе къ оживленію волости, какъ самоуправляющейся еди-

ницы. Для этой цѣли могутъ быть проектированы, какъ измѣненія въ составѣ волостей, такъ и привлеченіе къ участию въ волостномъ управленіи всесословныхъ элементовъ. Съ другой стороны, недостатки волостныхъ правленій, какъ низшихъ органовъ управленія, могутъ обусловить собою цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію состава волостныхъ должностныхъ лицъ, къ установленію для нихъ образовательнаго ценза, къ точнѣйшей регламентаціи условій ихъ вступленія на службу—и можетъ быть еще къ тѣснѣйшему подчиненію ихъ административной власти. Правительственная власть можетъ признать необходимымъ, въ цѣляхъ поднятія достоинства волостныхъ должностныхъ лицъ и привлеченія на службу по волостному управленію лучшихъ людей, даровать имъ права государственной службы. Наоборотъ, возможно и другое рѣшеніе—въ смыслѣ совершеннаго освобожденія волостныхъ учреждений отъ несвойственныхъ имъ административныхъ обязанностей. Точно также въ вопросѣ о распредѣленіи бремени волостного обложенія возможенъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ рѣшеній: начиная отъ совершеннаго освобожденія крестьянъ отъ всѣхъ волостныхъ расходовъ и кончая принудительной для крестьянъ фиксаціей размѣра этихъ расходовъ по всѣмъ предметамъ волостного управленія, на началахъ особаго казеннаго окладнаго сбора и т. д. и т. д.

Современное положеніе волости можетъ вызвать самыя разнообразныя проекты, о которыхъ можно спорить, которые можно опровергать, отвергать... Противъ одного только нельзя спорить: волость не можетъ болѣе оставаться въ современномъ положеніи, представляющемъ коренное противорѣчіе съ учредительными законами о волости. Волость безъ волостного схода, безъ коллегіи волостного правленія, безъ волостныхъ имуществъ, безъ всякаго признака общественной жизни, волость—съ территоріей, не имѣющей ничего общаго съ законными ея предѣлами, волость, управляемая учрежденіемъ, устройство котораго не предусмотрено никакимъ закономъ и польза котораго представляется весьма сомнительной (волостная канцелярія), сословная волость, имѣющая

Вѣстникъ Права. Январь 1902. 6

всесловное значеніе, но содержимая только на счет приписного крестьянскаго населенія—все это логическіе абсурды, требующіе или измѣненія законовъ о волости, или приведенія ея къ законному знаменателю. Такъ оставить волость—нельзя. Она настоятельно требуетъ реформы, въ интересахъ законности, въ интересахъ правительства и населенія.

И. Страховскій.

III.

РЕФОРМА ВОЕННО-УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЪ СЕРБІИ.

Въ 1864 г., когда Сербія была еще вассальнымъ княжествомъ, и когда вся армія ея состояла изъ 2 баталіоновъ пѣхоты, 1 батареи артиллеріи и 1 эскадрона кавалеріи, княземъ Михаиломъ III Обреновичемъ былъ изданъ военно-уголовный уставъ 28 апрѣля 1864 г. („Воіно-Судски Законник“), представлявшій собою довольно близкое подражаніе французскому Code de justice militaire 1859 г., который въ то время былъ однимъ изъ лучшихъ военно-уголовныхъ кодексовъ. Военно-судебная власть была ввѣрена въ Сербіи военнымъ судамъ (воіни судови), учрежденнымъ при штабахъ дивизій, и военно-кассационному суду (воіни касационен суд). Каждый военный судъ составлялся изъ предсѣдателя и 4 судей, избираемыхъ военнымъ начальствомъ на 6-ти мѣсячный срокъ изъ военнослужащихъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, причемъ преимущественно назначались лица, находящіяся на службѣ въ томъ гарнизонѣ, гдѣ засѣдаетъ военный судъ; судьями могли быть назначаемы только сербскіе подданные, достигшіе 25-ти лѣтняго возраста. Составъ военного суда измѣнялся въ зависимости отъ чина и званія подсудимаго: при сужденіи нижнихъ чиновъ предсѣдателемъ назначался подполковникъ, маіоръ или капитанъ, а судьями—капитанъ, поручикъ, подпоручикъ и унтеръ-офицеръ; при сужденіи же офицеровъ всѣ судьбы избирались изъ лицъ, старшихъ чиномъ подсудимаго, и только при невозможности выполненія этого требованія допускалось назначеніе судьями офицеровъ, младшихъ чиномъ подсудимаго, съ тѣмъ, чтобы ихъ въ составѣ суда было

не болѣе 3-хъ. При каждомъ военномъ судѣ состоялъ аудиторъ, назначаемый военнымъ министромъ; аудиторъ исполнялъ обязанности слѣдователя, докладчика и секретаря въ судебныхъ засѣданіяхъ, составлялъ приговоры военного суда и подписывалъ ихъ вмѣстѣ съ судьями. Военнымъ судамъ въ Сербіи были подсудны за всѣ преступленія какъ воинскія, такъ и общія, всѣ состоящія на дѣйствительной службѣ офицеры, военные чиновники и нижніе чины; чины резерва арміи были подсудны военнымъ судамъ только во время нахождения ихъ подъ знаменами, а кромѣ того за вооруженное сопротивление, измѣну и поврежденіе казенныхъ вещей; при совокупности преступленій, подсудныхъ военнымъ и общимъ судамъ, дѣло, во всемъ его объемѣ, рассматривалось тѣмъ судомъ, которому подсудно болѣе тяжкое дѣяніе; при соучастіи лицъ, подсудныхъ военному и общему суду, дѣло рассматривалось общимъ судомъ и, только въ случаѣ совершенія преступленія во время военныхъ дѣйствій противъ непріятели или вооруженныхъ мятежниковъ, всѣ соучастники предавались суду военному.

Первоначальное разслѣдованіе по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ военнослужащихъ возлагалось на комендантовъ крѣпостей, начальниковъ отдѣльных частей войскъ и начальниковъ военныхъ постовъ, которые также, какъ и во Франціи, исполняли обязанности военно-судебной полиціи. Предварительное слѣдствіе начиналось не иначе, какъ по распоряженію военного начальства: начальника дивизіи—по дѣламъ о нижнихъ чинахъ или военного министра—по дѣламъ объ офицерахъ и военныхъ чиновникахъ. Приказъ о производствѣ слѣдствія вмѣстѣ съ дознаніемъ препровождался къ состоящему при военномъ судѣ аудитору, который производилъ слѣдствіе въ присутствіи двухъ ассесоровъ того же чина и званія, какъ и обвиняемый; свидѣтели на предварительномъ слѣдствіи допрашивались подъ присягою.

По окончаніи предварительнаго слѣдствія аудиторъ представлялъ все письменное производство вмѣстѣ съ краткимъ докладомъ по дѣлу, въ коемъ излагалъ свое мнѣніе, начальнику дивизіи или военному министру, который рѣшалъ, подлежитъ ли дѣло разсмотрѣнію въ военномъ судѣ, и, въ случаѣ преданія суду, назначалъ день и часъ судебного засѣданія. Аудиторъ объявлялъ подсудному распоряженіе о преданіи его суду и предъявлялъ составленный имъ списокъ лицъ, подлежащихъ вызову въ судебное засѣданіе.

Судебное разбирательство происходило въ присутствіи подсудимаго, который приводился въ залу засѣданія свободнымъ и безъ оковъ. Предсѣдатель предлагалъ подсудному вопросы, необходимые для удостовѣренія его личности, а аудиторъ прочитывалъ распоряженіе воен-

наго начальства о преданіи суду и докладывалъ суду обстоятельства дѣла; затѣмъ предсѣдатель предъявлялъ подсудимому сущность возникшаго противъ него обвиненія и допрашивалъ подсудимаго, причемъ послѣднему предоставлено было право не отвѣчать на предлагаемые ему вопросы. Свидѣтели допрашивались только въ тѣхъ случаяхъ, когда это признавалъ необходимымъ судъ; при необходимости допросить свидѣтеля, не вызваннаго въ судъ, засѣданіе могло быть отложено, но при отсрочкѣ на время болѣе 48 часовъ производство дѣла обязательно возобновлялось съ самаго начала. По окончаніи допроса свидѣтелей предсѣдатель распоряжался объ удаленіи подсудимаго изъ залы засѣданія, и судьи приступали къ постановленію приговора, причемъ по каждому дѣлу на ихъ разрѣшеніе предлагались вопросы о виновности подсудимаго въ приписываемомъ ему преступленіи и о наличности обстоятельствъ, увеличивающихъ и уменьшающихъ вину или погашающихъ уголовную отвѣтственность подсудимаго. Каждый изъ этихъ вопросовъ рѣшался судьями по большинству голосовъ. Въ случаѣ признанія судомъ неодоказанности преступнаго дѣянія или ненаказуемости его, а равно въ случаѣ, если подсудимый докажетъ, что онъ былъ заподозрѣнъ несправедливо, постановлялся оправдательный приговоръ по невиновности подсудимаго, устранявшій вторичное привлеченіе подсудимаго къ суду по тому же обвиненію; въ случаѣ признанія судомъ, что имѣющіеся противъ подсудимаго улики не представляютъ безусловно изобличающими его, — постановлялся оправдательный приговоръ по недостаточности уликъ, причемъ подсудимаго можно было вторично привлечь къ суду при обнаруженіи новыхъ противъ него доказательствъ. Аудиторъ составлялъ приговоръ, который объявлялся въ засѣданіи суда въ присутствіи подсудимаго, причемъ предсѣдатель предупреждалъ послѣдняго, что ему предоставляется 3-хъ дневный срокъ для обжалованія приговора. Въ случаѣ принесенія подсудимымъ жалобы, а равно и въ случаѣ осужденія къ смертной казни дѣло представлялось въ военно-кассационный судъ.

Военно-кассационный судъ, засѣдавшій въ Бѣлградѣ, состоялъ изъ предсѣдателя и 4-хъ судей, назначаемыхъ военнымъ министромъ изъ числа генераловъ и штабъ-офицеровъ; членами военно-кассационнаго суда могли быть назначаемы только сербскіе подданные, достигшіе 30-ти лѣтняго возраста. При военно-кассационномъ судѣ состоялъ судебный комиссаръ, назначавшійся королемъ по представленію военнаго министра и исполнявшій обязанности аудитора. Военно-кассационный судъ имѣлъ право отмѣнить приговоръ военнаго суда, если послѣдній при разсмотрѣніи дѣла: 1) нарушилъ правила, установленныя для

составленія суда; 2) нарушилъ постановленія о подсудности; 3) примѣнилъ не то наказаніе, которое установлено закономъ; 4) нарушилъ или не соблюлъ установленныхъ формъ судопроизводства, и 5) упустилъ войти въ обсужденіе объясненій подсудимаго. Въ случаѣ утвержденія военно-кассационнымъ судомъ приговора военного суда, осуждающаго подсудимаго къ смертной казни, все дѣло представлялось королю военнымъ министромъ, который докладывалъ при этомъ свое мнѣніе о томъ, слѣдуетъ ли помиловать осужденнаго ¹⁾).

Уже послѣ русско-турецкой войны въ Сербіи было признано, что постановленія устава 1864 г. устарѣли и не отвѣчаютъ болѣе современнымъ требованіямъ. По провозглашеніи Сербіи королевствомъ, когда численность сербской арміи была значительно увеличена, возникъ вопросъ о необходимости реорганизаціи военныхъ судовъ. Учрежденная въ 1883 г. коммисія изъ 7 членовъ подъ предсѣдательствомъ генерала М. Іовановича составила проектъ устава военно-уголовнаго судопроизводства, который въ 1884 г. былъ внесенъ на разсмотрѣніе народнаго собранія. Этотъ проектъ ограничивался лишь согласованіемъ съ общимъ уголовнымъ кодексомъ постановленій о военныхъ преступленіяхъ и наказаніяхъ, правила же военного судопроизводства оставалъ почти безъ измѣненій. Можно догадываться, что именно это обстоятельство и послужило поводомъ къ тому, что проектъ коммисіи Іовановича не получилъ законодательной санкціи; ограничились лишь изданіемъ правилъ о преступленіяхъ въ военное время, дѣйствовавшихъ во время сербско-болгарской войны 1885 г., но въ общемъ принятый уставомъ 1864 г. порядокъ военного судопроизводства оставался въ силѣ до самаго недавняго времени.

Въ 1894 г. начальникомъ судебнаго отдѣленія военного министерства А. Лазаревичемъ былъ представленъ военному министру генер. М. Павловичу докладъ о необходимости реформированія военно-уголовнаго законодательства. Были составлены проекты законовъ объ устройствѣ военныхъ судовъ, о порядкѣ производства въ нихъ и о военныхъ преступленіяхъ и наказаніяхъ; въ 1897 г. эти проекты были разсланы на разсмотрѣніе военныхъ начальниковъ, военныхъ судей и извѣстнѣйшихъ юристовъ, затѣмъ они послѣдовательно обсуждались двумя коммисіями, а въ концѣ 1900 г. военный министръ подполковникъ Мих. Васичъ назначилъ коммисію изъ офицеровъ военно-судеб-

¹⁾ I. Gran, Fonctionnement de la justice militaire, III, 1—9. A. Taillefer. La justice militaire dans l'armée de terre en France et dans les principaux pays. 350—352.

наго вѣдомства полковника А. Лазаревича, подполковника С. Карамарковича и капит. Г. Павловича и Мих. Васича для окончательнаго разсмотрѣнія проектовъ. Наконецъ, въ началѣ 1901 г. были изданы законы: 27 января—объ устройствѣ военныхъ судовъ (о устройствѣ военныхъ судовъ), 31 января—о воинскихъ преступленіяхъ и наказаніяхъ (војни казнени законник) и 15 февраля—о порядкѣ судопроизводства въ военныхъ судахъ (о поступку војнихъ судовъ у кривичним делима), которые вступили въ силу спустя 2 мѣсяца по ихъ утверженіи ¹⁾. Затѣмъ, на основаніи § 44 закона объ устройствѣ военныхъ судовъ, 16 марта военнымъ министромъ была утверждена инструкція для дѣлопроизводства и внутренняго распорядка въ военныхъ судахъ (правилик за војне судове, војне државне тужиоце и војне последнике), въ которой разъяснены подробности обязанностей постоянныхъ военныхъ судей, секретарей, военныхъ прокуроровъ и военныхъ слѣдователей.

Новыми законами совершенно реформированъ порядокъ отправленія военнаго правосудія въ Сербіи, а потому мы считаемъ не лишнимъ ознакомить съ ихъ содержаніемъ читателей „Вѣстника Права“.

I.

Новая организація военно-судебныхъ учрежденій въ Сербіи представляется довольно сложною. Въ мирное время военными судами первой степени являются 5 дивизионныхъ военныхъ судовъ (дивизијски војни судови), по одному на каждую дивизию, засѣдающихъ въ мѣстахъ расположенія штабовъ дивизій ²⁾, и военный судъ для офицеровъ (војни суд за офицере) въ Бѣлградѣ; судомъ второй степени является главный военный судъ (велики војни суд) въ Бѣлградѣ. Военнымъ судамъ подвѣдомственны только дѣла уголовныя; при этомъ офицеры, военные чиновники и военные священники подсудны военному суду для офицеровъ, а всѣ остальные военнослужащіе подсудны дивизионному суду той области, гдѣ они находятся; главный военный судъ разсматриваетъ приговоры судомъ первой степени, въ тѣхъ случаяхъ, когда эти приговоры обжалованы участвующими въ дѣлѣ лицами или осуждаютъ къ смертной казни. Въ составъ военныхъ судовъ входятъ

¹⁾ Г. Павловичъ. Наше најновије војно—кривично законодавство, „Бранич“ 1901 г. № 1—3, стр. 226—239.

²⁾ Впредь до особаго распоряженія число дивизионныхъ военныхъ судовъ ограничено двумя: Моравскимъ для Моравской, Тимокской и Шумадійской дивизионныхъ областей и Дунайскимъ для Дунайской и Дринской областей.

постоянные (сталне) и временные (привремене) судьи. Постоянныхъ судей въ военныхъ судахъ первой степени по одному, а въ главномъ военномъ судѣ—два; въ каждомъ военномъ судѣ кромѣ того имѣется по одному замѣстителю постоянныхъ судей (заменик), который замѣняетъ постоянныхъ судей въ случаѣ ихъ болѣзни, отвода и т. п.; постоянные судьи и ихъ замѣстители избираются изъ числа штаб-офицеровъ военно-судебнаго вѣдомства (виши судски офицери), а при недостаткѣ таковыхъ въ военные суды первой степени могутъ быть назначаемы судьями старшіе изъ оберъ-офицеровъ военно-судебнаго вѣдомства. Временныхъ судей въ военныхъ судахъ первой степени по два, а въ главномъ военномъ судѣ—три; замѣстителей временныхъ судей въ военныхъ судахъ первой степени по одному, а въ главномъ военномъ судѣ—два; временные судьи и ихъ замѣстители избираются изъ офицеровъ разныхъ родовъ оружія, причемъ въ суды первой степени назначаются полковые и баталіонные командиры или лица, равныя имъ по власти, а въ главный военный судъ—полковники или генералы. Всѣ судьи назначаются указомъ короля по представленію военнаго министра; на должность судьи не могутъ быть избираемы лица, не достигшія извѣстнаго возраста (25 л. въ судахъ первой степени и 30 л. въ главномъ военномъ судѣ) и состоящіа подъ слѣдствіемъ или судомъ за преступныя дѣянія; въ одномъ и томъ же военномъ судѣ не могутъ быть судьями лица, состоящіа между собой въ родствѣ по прямой линіи безъ ограниченія степеней, въ боковыхъ линіяхъ до 4 степени и въ свойствѣ до 2 степени. При вступленіи въ должность судьи приводятся къ особой присягѣ священникомъ въ засѣданіи военнаго суда.

При военныхъ судахъ состоитъ особый военно прокурорскій надзѣръ (војно државно тужиоштво), причемъ военные прокуроры дивизионныхъ судовъ вмѣстѣ съ тѣмъ являются юрисконсультами (референти за судство) начальниковъ дивизій ¹⁾). При высшихъ военныхъ начальникахъ и въ мѣстахъ, гдѣ окажется въ томъ необходимость, состоятъ для производства предварительныхъ слѣдствій по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ, подвѣдомственныхъ военнымъ судамъ, военные слѣдователи (војне иследники), назначаемые военнымъ министромъ по представленію начальника суднаго отдѣленія изъ офицеровъ военно-судебнаго вѣдомства. Каждый военный судъ представляетъ собою самостоятельное учрежденіе и имѣетъ свою отдѣльную канцелярію;

---

¹⁾ Юрисконсультъ начальника Дунайской дивизіи исполняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности военнаго прокурора при военномъ судѣ для офицеровъ.

надзоръ за веденіемъ дѣлъ и завѣдываніе дѣлопроизводствомъ въ военныхъ судахъ первой степени возлагается на постоянного судью, а въ главномъ военномъ судѣ—на старшаго изъ постоянныхъ судей, причемъ имъ предоставлена по отношенію къ чинамъ канцелярій дисциплинарная власть.

Дѣла разсматриваются военными судами въ засѣданіяхъ, въ которыхъ должны участвовать въ судахъ первой степени одинъ постоянный и два временныхъ судьи или ихъ замѣстителя, а въ главномъ военномъ судѣ 2 постоянныхъ и 3 временныхъ судьи или ихъ замѣстителей; предсѣдательствуетъ въ засѣданіи старшій по чину изъ судей; секретарскія обязанности въ засѣданіяхъ военныхъ судовъ исполняются офицерами военно-судебнаго вѣдомства. Приговоры и протоколы военного суда подписываются предсѣдателемъ суда и секретаремъ, причемъ особыя мнѣнія судей излагаются вслѣдъ за приговоромъ; выдаваемые сторонамъ или направляемыя къ исполненію копии приговоровъ подписываются предсѣдателемъ и секретаремъ, причемъ къ нимъ прикладывается казенная печать суда.

Офицеры военно-судебнаго вѣдомства за маловажныя упущенія и проступки по должности, не влекущія за собою преданія суду, подвергаются по опредѣленіямъ главнаго военного суда выговорамъ, объявляемымъ въ предписаніи, или устраниенію отъ службы на срокъ не болѣе одного года. О возбужденіи дисциплинарнаго производства дѣлаетъ распоряженіе военный министръ по представленію начальника суднаго отдѣленія, который въ случаѣ надобности приказываетъ произвести разслѣдованіе и составляетъ обвинительный актъ (тужбу). По внесеніи въ главный военный судъ обвинительнаго акта, вмѣстѣ съ произведеннымъ разслѣдованіемъ, копии съ нихъ сообщаются обвиняемому, который въ теченіи 20-ти дневнаго срока можетъ представить свои объясненія, но непредставленіе обвиняемымъ объясненій не препятствуетъ рѣшенію дѣла. Главный военный судъ рѣшаетъ дѣло по внутреннему убѣжденію судей, основанному на обсужденіи результатовъ разслѣдованія; опредѣленіе главнаго военного суда приводится въ исполненіе по распоряженію военного министра.

Въ случаѣ мобилизаци и въ военное время сохраняется та же организаци военныхъ судовъ, что и въ мирное время, но военный судъ для офицеровъ и главный военный судъ присоединяются къ штабу главнокомандующаго арміею, а кромѣ того для кавалерійской дивизіи можетъ быть учрежденъ особый дивизионный судъ. Составъ военныхъ судовъ остается тотъ же, что и въ мирное время, но въ случаѣ недостатка офицеровъ военно-судебнаго вѣдомства, состоящихъ на дѣй-

ствительной службѣ, главнокомандующій арміею можетъ назначать военными судьями и слѣдователями офицеровъ военно-судебнаго вѣдомства, состоящихъ въ запасѣ, или же членовъ гражданскихъ судовъ. Въ тылу арміи въ мѣстахъ, указанныхъ военнымъ министромъ, учреждаются особые военные суды первой степени, которымъ подвѣдомственны всѣ военнослужащіе, не входящіе въ составъ дѣйствующей арміи (за исключеніемъ лицъ, подвѣдомственныхъ военному суду для офицеровъ), а также и гражданскія лица. Каждый такой судъ составляется изъ одного офицера военно-судебнаго вѣдомства, въ качествѣ постоянного судьи, и двухъ капитановъ или штабъ-офицеровъ, въ качествѣ временныхъ судей. Наконецъ, при штабахъ отрядовъ, отдѣленныхъ отъ арміи, осажденныхъ или блокированныхъ, въ случаѣ совершенія кѣмъ либо изъ нижнихъ чиновъ побѣга съ поля сраженія или подстрекательства къ такому побѣгу, учреждаются полевые военные суды (преки војни судови); судьями полевого военного суда назначаются начальникомъ отряда четыре офицера и одинъ унтеръ-офицеръ.

Изложенную выше организацію военныхъ судовъ въ общемъ слѣдуетъ признать цѣлесообразною: военные суды поставлены внѣ зависимости отъ строевого начальства, въ составъ ихъ введенъ юридическій элементъ, обвинительная власть отдѣлена отъ судебной. Можно сдѣлать только немногія замѣчанія. Прежде всего представляется нерациональнымъ учрежденіе особаго военного суда для офицеровъ: это создаетъ неравенство передъ закономъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, которые никогда не повѣрятъ, что офицера будутъ судить такъ-же строго, какъ ихъ; составъ военного суда для офицеровъ по закону совершенно такой же, какъ и въ дивизионныхъ судахъ, и нисколько не гарантируетъ болѣе правильнаго разсмотрѣнія дѣла; необходимость же разсматривать всѣ офицерскія дѣла въ Бѣлградѣ даже при небольшой сравнительно территории Сербіи вызоветъ замедленіе въ производствѣ дѣлъ и увеличитъ случаи ограниченія непосредственности судебного разбирательства. Далѣе, весьма странно, что новый судъ не устанавливаетъ срока, на который должны быть назначаемы временные судьи: при отсутствіи такого срока открывается для правительства возможность, съ одной стороны, устранять временныхъ судей отъ должности послѣ перваго же приговора, который почему либо не понравится военному министру, а съ другой—назначать временныхъ судей для разсмотрѣнія одного какого либо дѣла, почему либо привлекавшаго на себя вниманіе военного министра. Точно также и постояннымъ судьямъ законъ не предоставляетъ права несмѣняемости и не указываетъ даже

порядка увольненія ихъ отъ должности; вслѣдствіе этого военный министръ будетъ, конечно, имѣть возможность оказывать вліяніе на военные суды. Наконецъ, совершенно непонятно, зачѣмъ въ составъ главнаго военного суда введены временные члены, которые не могутъ быть признаны достаточно компетентными въ разрѣшеніи юридическихъ вопросовъ, возникающихъ при пересмотрѣ приговоровъ военныхъ судовъ первой степени.

Военнымъ судамъ подсудны: 1) офицеры, унтеръ-офицеры и рядовые постоянной арміи, воспитанники военно-учебныхъ заведеній и чины жандармеріи за всѣ преступленія, 2) новобранцы за неявку къ отбыванію воинской повинности и за изувѣченіе себя съ цѣлью уклоненія отъ военной службы, 3) состоящіе въ резервѣ офицеры, унтеръ-офицеры, прочія начальствующія лица и всѣ рядовые: а) за неявку по призыву на службу или въ учебные сборы, б) за всѣ преступленія, учиненныя во время учебнаго сбора или призыва и в) за нарушенія чинопочитанія и подчиненности, учиненныя во время ношенія форменной одежды или во время уклоненія отъ службы, 4) военные чиновники, военные священники и состоящіе при арміи мастера, ремесленники, рабочіе и служителя за преступленія по должности и 5) военно-плѣнные. Подвѣдомственность военнымъ судамъ начинается для рекрутъ—со дня внесенія ихъ рекрутской комиссіей въ списки годныхъ къ службѣ, а для чиновъ резерва со дня, назначеннаго до явки на сборный пунктъ; подвѣдомственность военнымъ судамъ оканчивается со дня увольненія отъ службы или отпуска послѣ учебныхъ сборовъ; но учиненныя до этого времени преступленія, относящіяся до нарушенія служебныхъ обязанностей, остаются подсудными военнымъ судамъ; чины резерва подсудны военнымъ судамъ за нарушенія чинопочитанія и преступленія, учиненныя во время слѣдованія послѣ отпуска до сборнаго пункта. При соучастіи въ преступленіи лицъ, подсудныхъ военнымъ и гражданскимъ судамъ, всѣ соучастники подсудны гражданскому суду.

Съ объявленіемъ мобилизаціи вѣдомство военныхъ судовъ распространяется, кромѣ перечисленныхъ выше лицъ, еще на всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ арміи, къ числу коихъ относятся: 1) чиновники другихъ вѣдомствъ, служащіе въ различныхъ военныхъ установленіяхъ и заведеніяхъ, а также при военныхъ начальникахъ, 2) иностранные офицеры, состоящіе при арміи, 3) лица, служація по вольному найму въ различныхъ военныхъ установленіяхъ и заведеніяхъ, при военнослужащихъ и при лицахъ, состоящихъ при арміи, 4) лица, слѣдующія за арміей съ разрѣшенія военнаго начальства, напр., кор-

респонденты, подрядчики, торговцы, рабочіе, погонщики, проводники и т. п.; всѣ эти лица подсудны военнымъ судамъ за всѣ преступленія, учиненныя въ военное время. Гражданскія лица, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ объявлена мобилизація или военное положеніе, подсудны военнымъ судамъ только за тѣ преступныя дѣянія, которыя будутъ означены въ спеціальному по этому поводу указѣ, а равно за преступныя дѣянія, совершенныя въ соучастіи съ лицами, подсудными военному суду. Жители занятыхъ арміею непріятельскихъ областей точно также подсудны военнымъ судамъ лишь за тѣ преступныя дѣянія, которыя будутъ означены въ спеціальному по этому поводу распоряженіи главнокомандующаго, а равно въ случаяхъ соучастія ихъ съ лицами, подсудными военнымъ судамъ.

Дивизионнымъ судамъ подлежатъ дѣла о преступленіяхъ нижнихъ чиновъ, мастеровъ, ремесленниковъ, рабочихъ и служителей, учиненныхъ въ той области, въ которой находится судъ; преступленія, совершенныя военнотружачими въ бытность ихъ въ отпуску или въ самовольномъ отсутствіи, подсудны тому суду, которому подвѣдомственна та часть войскъ, въ коей обвиняемый состоитъ на службѣ, военнотружачіе же, находящіеся въ командировкѣ, подсудны суду, ближайшему къ мѣсту учиненія преступленія. Въ военное время дивизионнымъ судамъ кромѣ того подсудны лица, принадлежащія къ арміи (за исключеніемъ иностранныхъ офицеровъ), гражданскія лица и жители непріятельскихъ областей за преступленія, учиненныя ими въ районѣ расположенія той дивизіи, къ которой принадлежитъ судъ; при передвиженіи дивизіи всѣ дѣла, производящіеся въ состоящемъ при немъ судѣ, въ случаѣ затруднительности дальнѣйшаго производства, передаются по распоряженію начальника дивизіи въ ближайшій дивизионный судъ.

Военному суду для офицеровъ подвѣдомственны дѣла о преступленіяхъ офицеровъ, военныхъ чиновниковъ и священниковъ, а также о преступленіяхъ офицеровъ, получающихъ пенсію, и офицеровъ резервныхъ и почетныхъ, совершенныхъ во время ношенія ими форменной военной одежды. Въ военное время военному суду для офицеровъ кромѣ того подвѣдомственны состоящіе при арміи иностранные офицеры.

При совокупности преступленій, подсудныхъ различнымъ судамъ, дѣло разсматривается тѣмъ судомъ, которому подвѣдомственна часть войскъ, въ коей состоитъ на службѣ обвиняемый. Всѣ соучастники судятся въ томъ судѣ, которому подсудны главные виновные, но если одинъ изъ соучастниковъ подсуденъ суду для офицеровъ, то все дѣло разсматривается этимъ судомъ. Преступленія, учиненныя за границей, подсудны тому суду, вѣдѣнію котораго обвиняемый подлежитъ по мѣсту

его служенія. Пререканія о подвѣдомственности уголовныхъ дѣлъ между военнымъ начальствомъ и военными судами разрѣшаются военнымъ министромъ, пререканія же между военнымъ начальствомъ и военными судами, съ одной стороны, и гражданскими властями и общими судами, съ другой—разрѣшаются общимъ кассационнымъ судомъ. Наконецъ, имѣется специальное постановленіе о подсудности предъявляемыхъ въ военныхъ судахъ гражданскихъ исковъ: потерпѣвшій отъ нѣсколькихъ преступленій, учиненныхъ лицами, подсудными различнымъ судамъ, предъявляетъ требованіе о вознагражденіи тому суду, въ округѣ котораго совершено наиболѣе тяжкое преступленіе, если же преступленія оказываются одинаково тяжкими, то въ томъ судѣ, въ которомъ раньше начато слѣдствіе.

Такимъ образомъ, новый сербскій уставъ, подобно большинству современныхъ военно-процессуальныхъ кодексовъ, устанавливаетъ весьма широкіе предѣлы военной подсудности, распространяя ее на всѣ преступленія военнослужащихъ, какъ воинскія, такъ и общія, а въ военное время подчиняя вѣдомству военныхъ судовъ цѣлыя группы лицъ, не исполняющихъ никакихъ воинскихъ обязанностей. Постановленія сербскаго устава о подсудности почти цѣликомъ заимствованы изъ русскаго военно-судебнаго устава, гдѣ они остаются почти безъ измѣненій съ 1867 г., а между тѣмъ именно въ послѣднее время поднять вопросъ о необходимости ограниченія военной подсудности одними воинскими преступленіями. Если распространенная военная подсудность въ военное время и можетъ быть признана до нѣкоторой степени цѣлесообразной, то во всякомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что въ Сербіи не сдѣлано попытки ограничить военную подсудность какъ предметную (изъятіемъ изъ вѣдомства военныхъ судовъ общихъ преступленій), такъ и личную (подчиненіемъ общей подсудности принадлежащихъ къ арміи лицъ не военнослужащихъ). Нельзя, кромѣ того, не отмѣтить неудобства установленія для находящихся въ отпуску и самовольномъ отсутствіи подсудности не по мѣсту совершенія, а по мѣсту служенія, ибо это вызоветъ необходимость пересылки въ свою часть обвиняемыхъ, задержанныхъ въ отдаленномъ отъ нея разстояніи. Наконецъ, не вполне правильно редактировано постановленіе о подсудности при совокупности преступленій: по буквальному смыслу ст. 21 устава военнослужащій, совершившій нѣсколько преступленій, подсудныхъ различнымъ судамъ, будетъ подсуденъ тому суду, которому подвѣдомственна часть войскъ, гдѣ обвиняемый состоитъ на службѣ, хотя бы этому суду не было подсудно ни одно изъ учиненныхъ обвиняемымъ преступленій.

II.

Судопроизводство въ новыхъ сербскихъ военныхъ судахъ основано на началахъ непосредственности, устности, непрерывности судебного разбирательства и неизмѣняемости состава судей, состязательности и гласности. Однако, эти начала въ сербскомъ уставѣ проведены далеко не такъ послѣдовательно, какъ въ другихъ современныхъ военно-процессуальныхъ кодексахъ. Такъ, при главномъ производствѣ въ судѣ первой степени вслѣдъ за допросомъ подсудимаго прочитываются тѣ акты предварительнаго слѣдствія, которые могутъ служить къ изобличенію подсудимаго, лица же, вызванныя къ судебному разбирательству допрашиваются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ признаетъ это необходимымъ для болѣе точнаго выясненія обстоятельствъ дѣла; въ судѣ второй степени начало непосредственности совершенно не признается и дѣла рѣшаются на основаніи письменнаго производства. Начало состязательности признано лишь при главномъ производствѣ въ судѣ первой степени: стороны въ періодъ приговорительныхъ къ суду распоряженій указываютъ свидѣтелей и свѣдущихъ людей, которые должны быть вызваны въ судъ, но кромѣ того предсѣдатель (а если обязанности его исполняетъ не судебный офицеръ, — то постоянный судья) можетъ по собственной инициативѣ распорядиться о вызовѣ свидѣтелей и о доставленіи новыхъ доказательствъ, которые могутъ служить къ разъясненію дѣла. Во время судебного разбирательства судъ можетъ распорядиться о вызовѣ новыхъ свидѣтелей, о производствѣ экспертизы или осмотра, для чего вправѣ даже отложить судебное засѣданіе. Наконецъ, о гласности засѣданій въ уставѣ не имѣется никакихъ указаній: въ сербскихъ военныхъ судахъ допускается лишь гласность сторонъ, да и то только при главномъ производствѣ въ судѣ первой степени, ибо на предварительномъ слѣдствіи участвующія въ дѣлѣ лица не имѣютъ права присутствовать при производствѣ слѣдственныхъ дѣйствій, а при разсмотрѣніи дѣла судомъ 2-й степени не допускается участія ни подсудимаго и его защитника, ни обвинителя и гражданского истца.

Уголовное преслѣдованіе противъ военнослужащихъ въ Сербіи также, какъ и въ большинствѣ другихъ государствъ, возбуждается исключительно военнымъ начальствомъ: сдѣлать распоряженіе о производствѣ предварительнаго слѣдствія можетъ только начальникъ дивизіи, а по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ офицеровъ, военныхъ чиновниковъ и военныхъ священниковъ — только военный министръ; при этомъ высшіе въ порядкѣ подчиненности начальники могутъ пользо-

ваться властью, которая предоставлена ихъ подчиненнымъ и каждому начальнику дивизіи предоставлено право возбужденія уголовнаго преслѣдованія по дѣламъ о всѣхъ преступленіяхъ, совершенныхъ въ предѣлахъ подвѣдомственной ему области, хотя бы обвиняемые и не принадлежали къ составу дивизіи. По дѣламъ о преступленіяхъ, преслѣдуемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, для возбужденія уголовнаго преслѣдованія необходима наличность жалобы потерпѣвшаго, который въ любой моментъ производства можетъ отказаться отъ своей жалобы; если частный обвинитель иностранецъ, то предварительное слѣдствіе по его жалобѣ начинается только послѣ представленія имъ поручительства въ обезпеченіе судебныхъ издержекъ. По дѣламъ о преступленіяхъ, преслѣдуемыхъ въ порядкѣ публичнаго обвиненія, частныя лица обращаются съ своими жалобами и объявленіями къ военному начальству, причемъ, въ отличіе отъ русскаго устава, сербскій уставъ не обязываетъ военнаго начальника предупреждать заявителя объ отвѣтственности за лживые доносы. Если по жалобѣ частнаго лица уголовное преслѣдованіе не будетъ возбуждено или по возбужденіи будетъ впослѣдствіи прекращено, то военное начальство обязано сообщить о томъ жалобщику, который въ 3-хъ дневный срокъ можетъ обжаловать это распоряженіе тому начальнику, отъ власти котораго зависитъ начатіе предварительнаго слѣдствія. Въ этомъ отношеніи сербскій уставъ стѣняетъ, сравнительно съ русскимъ уставомъ, права потерпѣвшаго, ибо въ Россіи, по крайней мѣрѣ по дѣламъ о преступленіяхъ, преслѣдуемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, потерпѣвшій имѣетъ возможность настоять на производствѣ предварительнаго слѣдствія. Гражданскія власти объ обнаруженныхъ ими преступленіяхъ должны сообщать военному начальству; уставъ перечисляетъ при этомъ тѣ случаи, въ которыхъ гражданскія власти имѣютъ право задерживать нижнихъ чиновъ, но также, какъ и русскій уставъ, оставляетъ открытымъ спорный вопросъ о правѣ гражданскихъ властей задерживать офицеровъ и военныхъ чиновниковъ.

Военный прокуроръ и военный слѣдователь правомъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія не пользуются. Военный прокуроръ имѣетъ право только сообщать военному начальству объ обнаруженныхъ имъ признакахъ преступныхъ дѣяній военнослужащихъ, по которымъ не было еще сдѣлано распоряженія о производствѣ предварительнаго слѣдствія, причемъ сербскій уставъ, въ отличіе отъ русскаго, не требуетъ, чтобы признаки преступленія были обнаружены военнымъ прокуроромъ при наблюденіи за производствомъ предварительнаго слѣдствія или при разсмотрѣніи поступившаго къ нему дѣла, и даетъ та-

кимъ образомъ военному прокурору право сообщать военному начальству о всѣхъ сдѣлавшихся ему извѣстными преступленіяхъ военнослужащихъ, независимо отъ того, изъ какого источника были имъ получены о нихъ свѣдѣнія. Точно также и военный слѣдователь, усмотрѣвъ при производствѣ предварительнаго слѣдствія признаки какого-либо преступнаго дѣянія или обнаруживъ обстоятельства, указывающія на участіе въ преступленіи лица, не привлеченнаго еще къ уголовной отвѣтственности, обязанъ немедленно сообщить о семъ подлежащему военному начальнику. Военный начальникъ, получивъ сообщеніе военнаго прокурора или военнаго слѣдователя, распоряжается о производствѣ предварительнаго слѣдствія по вновь обнаруженнымъ обстоятельствамъ, и такимъ образомъ подобныя сообщенія являются для военнаго начальства обязательнымъ поводомъ къ возбужденію уголовного преслѣдованія. Наконецъ, военный судъ, въ случаѣ обнаруженія при главномъ производствѣ новаго преступнаго дѣянія подсудимаго, отлагаетъ разбирательство дѣла и сообщаетъ о вновь обнаруженномъ преступленіи подлежащему военному начальству.

Уголовное преслѣдованіе не можетъ быть возбуждено, а въ случаѣ возбужденія должно быть прекращено: во 1-хъ, при отсутствіи въ дѣйствіяхъ заподозрѣннаго признаковъ преступнаго дѣянія, во 2-хъ, при необнаруженіи виновнаго, въ 3-хъ, при недостаточности уликъ, въ 4-хъ, при отсутствіи жалобы частнаго обвинителя или при отказѣ его отъ жалобы по дѣламъ о преступленіяхъ, преслѣдуемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, и въ 5-хъ, въ случаѣ смерти обвиняемаго или обнаруженія другихъ обстоятельствъ, устранивающихъ наказуемость. Прекращеніе уголовного преслѣдованія зависитъ отъ тѣхъ же военныхъ начальниковъ, которые облечены правомъ возбужденія преслѣдованія; вопросъ о прекращеніи уголовного преслѣдованія можетъ быть возбужденъ военнымъ слѣдователемъ или военнымъ прокуроромъ; въ обоихъ случаяхъ распоряженіе о прекращеніи уголовного преслѣдованія дѣлается военнымъ начальникомъ, нарядившимъ слѣдствіе, по соглашенію его съ военнымъ прокуроромъ, при несогласіи же военнаго начальства съ военнымъ прокуроромъ вопросъ о прекращеніи уголовного преслѣдованія разрѣшается главнымъ военнымъ судомъ.

Обличеніе обвиняемыхъ предъ военнымъ судомъ возлагается на военнаго прокурора, но участіе въ обличеніи обвиняемаго, наряду съ прокуроромъ, могутъ принимать и потерпѣвшіе по всѣмъ безъ различія дѣламъ, а не только по дѣламъ о преступленіяхъ, преслѣдуемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, какъ въ Россіи; потерпѣвшій обязательно вызывается къ главному производству, можетъ явиться

въ судъ лично или прислать своего повѣреннаго, но неявка обвинителя не препятствуетъ судебному разбирательству дѣла. Потерпѣвшій отъ преступленія, заявившій до открытія судебного разбирательства требованіе о вознагражденіи убытковъ, допускается къ участию въ дѣлѣ въ качествѣ гражданскаго истца, причемъ, въ случаѣ неявки его къ главному производству или отказа отъ иска, требованіе о вознагражденіи убытковъ военнымъ судомъ не разсматривается. Независимо отъ сего, по всякому дѣлу должны быть приведены въ извѣстность причиненные преступленіемъ вредъ и убытки, потерпѣвшій во время предварительнаго слѣдствія предупреждается о предоставленномъ ему правѣ удостовѣрить количество понесенныхъ имъ убытковъ присягою и, во всякомъ случаѣ, вызывается къ главному производству.

Право на защиту въ матеріальномъ смыслѣ признается сербскимъ уставомъ за обвиняемымъ во всѣхъ стадіяхъ процесса. Во время предварительнаго слѣдствія обвиняемому при первомъ же допросѣ предъявляется возникшее противъ него обвиненіе, затѣмъ ему предоставляется право разсматривать, читать и переписывать акты слѣдствія, относящіяся къ его обвиненію, а при окончаніи предварительнаго слѣдствія военный слѣдователь спрашиваетъ обвиняемаго, не желаетъ ли онъ еще что-либо представить въ свое оправданіе и, въ случаѣ ссылки обвиняемаго на какія-либо обстоятельства, провѣряетъ тѣ изъ нихъ, которыя могутъ имѣть вліяніе на рѣшеніе дѣла. Въ періодъ приготовительныхъ къ суду распоряженій обвиняемому точно также предоставляется право разсматривать слѣдственное производство и выписывать изъ него нужныя свѣдѣнія, причемъ въ 3-хъ дневный срокъ со дня объявленія ему распоряженія о преданіи суду обвиняемый имѣетъ право привести въ свое оправданіе новыя доказательства. Наконецъ, при главномъ производствѣ въ судѣ первой степени подсудимому предоставляется представить свои оправданія, причемъ, однако, онъ не вправе совѣтоваться съ кѣмъ-либо о томъ, что ему говорить въ свою защиту и какъ отвѣчать на предлагаемые ему вопросы. При окончаніи судебного слѣдствія подсудимому, во всякомъ случаѣ, предоставляется право послѣдняго слова.

Защита черезъ повѣреннаго допускается только при главномъ производствѣ: въ теченіи 3-хъ дней послѣ объявленія распоряженія о преданіи суду обвиняемый долженъ заявить суду, кого онъ избираетъ своимъ защитникомъ; при обвиненіи въ преступленіи (злочина дела) защитникъ обязательно назначается обвиняемому отъ суда. Защитникомъ по избранію можетъ быть каждый офицеръ, состоящій на дѣйствительной службѣ въ гарнизонѣ того города, гдѣ засѣдаетъ судъ.

Назначается защитникъ отъ суда изъ числа судебныхъ офицеровъ, а при недостаткѣ таковыхъ—изъ числа остальныхъ офицеровъ. Защитникъ не имѣетъ права на вознагражденіе и освобождается лишь на необходимое время отъ своихъ служебныхъ обязанностей. Защитникъ при главномъ производствѣ пользуется равными правами съ другими участвующими въ дѣлѣ лицами. Такимъ образомъ сербскій уставъ ограничиваетъ кругъ защитниковъ въ военныхъ судахъ одними офицерами; это ограниченіе нельзя не признать излишнимъ, ибо какъ въ Россіи, такъ и во всѣхъ иностранныхъ государствахъ, въ военныхъ судахъ допускаются защитники изъ лицъ гражданскаго вѣдомства, если не по всѣмъ преступленіямъ, то, по крайней мѣрѣ, по преступленіямъ общимъ.

Оригинальной особенностью сербскаго устава является глава III о доказательствахъ (о доказима). Уставъ указываетъ, что преслѣдованіе можетъ быть возбуждено противъ кого-либо только при наличности основаній къ подозрѣнію (основіи подозрѣнья) въ томъ, что преступленіе было совершено, или при удостовѣреніи хотя-бы однимъ свидѣтелемъ дѣйствительности совершенія преступленія или такихъ обстоятельствъ, которыя находятся въ тѣсной связи съ преступнымъ дѣяніемъ и относятся къ тому лицу, противъ котораго возбуждается преслѣдованіе. Основаніемъ къ подозрѣнію уставъ признаетъ наличность какого-бы то ни было обстоятельства, стоящаго въ такой тѣсной связи съ преступнымъ дѣяніемъ и тѣмъ лицомъ, противъ котораго возбуждается уголовное преслѣдованіе, что при безпристрастномъ отношеніи къ дѣлу представляется вѣроятнымъ, что именно это лицо совершило преступное дѣяніе или участвовало въ его совершеніи. Въ зависимости отъ большей или меньшей вѣроятности преступленія, устанавливаемой основаніями къ подозрѣнію, они дѣлятся на прямыя и косвенныя. Въ видѣ примѣра уставъ приводитъ рядъ прямыхъ основаній къ подозрѣнію, относящихся ко всѣмъ преступленіямъ вообще или къ отдѣльнымъ преступнымъ дѣяніямъ. Для возбужденія противъ кого-либо уголовного преслѣдованія достаточно наличности хотя бы одного изъ числа указанныхъ въ уставѣ основаній къ подозрѣнію или имъ подобныхъ. Къ числу косвенныхъ основаній къ подозрѣнію относятся дурная молва, прежняя дурная жизнь, постоянное бродяжничанье, неизвѣстные источники пропитанія и расходовъ, близкое знакомство и дружба съ подозрительными лицами, ссылки на умершихъ, отсутствующихъ и такихъ лицъ, которыя не могутъ быть допрошены, и т. п. Эти косвенныя основанія къ подозрѣнію могутъ служить поводомъ для возбужденія противъ кого-либо уголовного преслѣдованія только въ томъ случаѣ, если они согласуются одно съ другимъ и дополняютъ другъ друга.

Судъ имѣеть право признать установленными только тѣ факты, которые доказаны по правиламъ устава, причемъ принимаетъ во вниманіе не только то, что выяснилось на судебномъ разбирательствѣ, но и тѣ данныя, добытыя на предварительномъ слѣдствіи, которыя не были опровергнуты на судѣ. При оцѣнкѣ доказательствъ судъ обязанъ руководствоваться установленными закономъ правилами и не имѣеть права на основаніи своихъ предположеній ни ослаблять силу имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ, ни признавать доказательства, не установленныя закономъ. Правила оцѣнки доказательствъ установлены въ зависимости отъ различныхъ способовъ ихъ полученія, причемъ совершенными доказательствами признаются данныя, добытыя путемъ судебного осмотра, заключеніе экспертовъ, признаніе обвиняемаго, показаніе двухъ согласныхъ между собою свидѣтелей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и показаніе одного свидѣтеля, письменныя доказательства и, наконецъ, сложные доказательства, составляющіяся изъ 2 или 3 косвенныхъ основаній къ подозрѣнію. Особеннаго вниманія заслуживаютъ постановленія устава о признаніи обвиняемаго: оно считается доказательствомъ лишь въ томъ случаѣ, если изложено ясными и опредѣленными словами, а не знаками или тѣлодвиженіями, если оно заключалось въ подробномъ разсказѣ обвиняемаго, а не въ одномъ лишь подтвержденіи имъ предложеннаго ему вопроса, если обвиняемый сдѣлалъ признаніе въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, если признаніе учинено органу судебной власти и если оно согласуется съ обстоятельствами дѣла; признаніе, добытое обѣщаніями, угрозами, насиліемъ или иными противозаконными средствами, не имѣеть силы доказательства; отказъ отъ сдѣланнаго признанія не лишаетъ его силы доказательства, если только обвиняемый не представитъ правдоподобныхъ объясненій о причинахъ учиненія имъ ложнаго признанія или не укажетъ такихъ обстоятельствъ, которыя возбуждаютъ сомнѣніе въ истинности учиненнаго имъ ранѣе признанія. Не менѣе подробныя правила даетъ сербскій уставъ относительно доказательной силы свидѣтельскихъ показаній, письменныхъ доказательствъ и совокупности указанныхъ выше основаній къ подозрѣнію, изъ которыхъ составляются сложные доказательства. Правила эти цѣликомъ заимствованы изъ общаго устава уголовного судопроизводства, гдѣ они обязательны только для коронныхъ судей, но не для присяжныхъ ¹⁾.

Установленныя закономъ правила о силѣ доказательствъ являются для военныхъ судовъ безусловно обязательными: при отсутствіи до-

¹⁾ См. Г. Павловичъ, указ. статья „Бранич“ 1901 г., № 34, стр. 231.

статочныхъ доказательствъ постановляется приговоръ объ освобожденіи подсудимаго отъ суда, причемъ освобожденный можетъ быть вновь привлеченъ къ уголовной отвѣтственности не только въ случаяхъ открытія подложности документовъ или лживости показаній, на которыхъ основанъ приговоръ, и подкупа судей, слѣдователя или прокурора, но и въ случаѣ обнаруженія новыхъ доказательствъ или основаній къ подозрѣнію, которыми подкрѣпляются или дополняются доказательства, признанныя судомъ недостаточными, или же устраняются тѣ основанія, въ силу которыхъ подсудимый былъ освобожденъ отъ суда. Главный военный судъ при разсмотрѣннн жалобъ на приговоры военныхъ судовъ первой степени обязательно повѣряетъ, независимо отъ жалобы, все ли, что требуется закономъ, принято судомъ во вниманіе и обсуждено, причемъ въ случаѣ надобности предписываетъ суду первой степени произвести дополнительное изслѣдованіе дѣла.

Такимъ образомъ новый сербскій уставъ военно-уголовнаго судопроизводства вводитъ формальную теорію доказательствъ и тѣсно связанную съ нею среднюю форму приговоровъ (*absolutio ab instantia*) и ревизіонный пересмотръ приговоровъ. Было бы излишнимъ останавливаться на оцѣнкѣ этого нововведенія, такъ какъ полная непригодность формальной теоріи доказательствъ давно уже является одною изъ аксіомъ науки уголовного процесса. Замѣтимъ только, что правила III главы сербскаго устава весьма похожи на правила §§ 133—151 и 198—221 Сборника постановленій, принятыхъ въ австрійскихъ военныхъ судахъ¹⁾; странно, что въ Сербіи отъ болѣе современнаго порядка производства, построеннаго по образцу французскаго кодекса, перешли къ формальной теоріи доказательствъ, сохранившейся изъ военныхъ процессовъ исключительно въ одномъ австрійскомъ, построенномъ на давно отжившихъ свой вѣкъ постановленіяхъ Терезіаны. Надо надѣяться, что практика военныхъ судовъ въ Сербіи въ скоромъ времени докажетъ невозможность подчиненія внутренняго убѣжденія судей формальной теоріи доказательствъ.

Въ видахъ обезпеченія достовѣрности доказательствъ и возможности судебного разбирательства, сербскій уставъ вводитъ цѣлый рядъ формъ и обрядовъ, изъ коихъ заслуживаютъ вниманія постановленія о понятыхъ, о присягѣ, о взысканіяхъ, которымъ подвергаются свидѣтели за неисполненіе своихъ обязанностей, и о мѣрахъ пресѣченія обвиняемому способовъ уклоненія отъ слѣдствія и суда. Военный

¹⁾ G. L e l e w e r, Die Militärstrafprozessordnung (Manz'sche Gesetz-Ausgabe, 24 B. 2 Abth). Wien. 1901.

слѣдователь обязанъ приглашать для присутствованія при осмотрахъ, обыскахъ и допросахъ обвиняемаго и свидѣтелей двухъ понятыхъ, которые при допросѣ нижнихъ чиновъ и гражданскихъ лицъ избираются изъ числа унтеръ-офицеровъ, а при допросѣ офицеровъ, военныхъ чиновниковъ и военныхъ священниковъ—изъ числа офицеровъ; понятые подписываютъ составляемый военнымъ слѣдователемъ протоколъ и, въ случаѣ надобности, имѣютъ право дѣлать свои замѣчанія и добавленія.

Къ присягѣ на предварительномъ слѣдствіи свидѣтели приводятся только тогда, когда нельзя рассчитывать на явку ихъ къ судебному разбирательству, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ военный слѣдователь предупреждаетъ свидѣтелей о томъ, что они должны будутъ подтвердить свое показаніе подъ присягою. При главномъ производствѣ въ судѣ первой степени къ присягѣ приводятся послѣ дачи ими показаній только тѣ свидѣтели, показанія которыхъ имѣютъ значеніе для дѣла или по отношенію къ которымъ возникаетъ подозрѣніе въ томъ, что они скрыли отъ суда какія-либо извѣстныя имъ обстоятельства. Однако судъ не долженъ приводить къ присягѣ свидѣтеля, если есть основаніе не довѣрять его показанію, даже въ случаѣ подтвержденія онаго подъ присягою. Сербскій уставъ перечисляетъ исчерпывающимъ образомъ категоріи лицъ, не допускаемыхъ къ свидѣтельству, освобождаемыхъ отъ свидѣтельства и допрашиваемыхъ безъ присяги, причемъ отъ присяги свидѣтели устраниются въ силу закона, хотя бы стороны и не предъявляли отвода. Къ числу лицъ, не допускаемыхъ къ свидѣтельству, сербскій уставъ, подобно германскому уставу военно-уголовнаго судопроизводства, относитъ должностныхъ лицъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходится давать показаніе о такихъ обстоятельствахъ, которыя они по долгу службы обязаны хранить въ тайнѣ. Затѣмъ сербскій уставъ значительно расширяетъ кругъ лицъ, освобождаемыхъ отъ свидѣтельства, предоставляя право отказать отъ дачи показаній всѣмъ лицамъ, находящимся съ обвиняемымъ въ такихъ отношеніяхъ, которыя могутъ служить поводомъ къ отводу судьи отъ участія въ разсмотрѣніи дѣла. Наконецъ, къ числу свидѣтелей, допрашиваемыхъ безъ присяги, отнесены, между прочимъ, лица, дающія передъ судомъ показаніе о такихъ фактахъ, которые происходили въ то время, когда свидѣтелю еще не исполнилось 16-ти лѣтъ, лица, находящіяся съ обвиняемымъ во враждѣ, и лица, показывающія о такихъ обстоятельствахъ, вымышленность коихъ точно доказана. Увеличеніе числа случаевъ устраниенія свидѣтелей отъ присяги объясняется тѣмъ значеніемъ, которое формальная теорія доказательствъ придаетъ присяжному свидѣтельскому показанію.

Въ случаѣ неявки по вызову свидѣтелей изъ лицъ гражданскихъ военный слѣдователь вызываетъ неявившагося вторично и, если въ 10-ти дневный срокъ послѣ явки по вторичному вызову свидѣтель не представитъ достаточныхъ оправданій своей неявки по первому вызову, то на него налагается денежный штрафъ до 20 динаровъ ¹⁾; при неявкѣ свидѣтеля по вторичному вызову онъ подвергается приводу и въ случаѣ непредставленія оправданій неявки, денежному штрафу до 50 динаровъ; постановленіе военнаго слѣдователя о наложеніи денежнаго штрафа можетъ быть обжаловано свидѣтелемъ въ 3-хъ дневный срокъ военному суду первой степени. Изложенный порядокъ наложенія денежныхъ штрафовъ представляется болѣе удобнымъ, чѣмъ порядокъ, принятый въ Россіи, такъ какъ при немъ для слѣдователя устраняется необходимость налагать денежный штрафъ на свидѣтеля, не имѣя никакихъ свѣдѣній о причинахъ его неявки, а затѣмъ отмѣнять свое же постановленіе въ случаѣ представленія свидѣтелемъ оправданій неявки. Точно также вполне цѣлесообразнымъ кажется намъ предоставленіе военному суду права, въ случаяхъ отказа свидѣтелей и экспертовъ отъ дачи показанія или отъ подтвержденія ихъ присягою, налагать на нихъ взысканія (арестъ до 1 мѣсяца); странно только, что этого права не предоставлено военному слѣдователю, который въ подобныхъ случаяхъ можетъ оказаться въ безпомощномъ положеніи, особенно въ виду обязанности его собрать требуемыя закономъ формальныя доказательства вины или невинности обвиняемаго. Въ случаѣ неявки свидѣтеля или эксперта къ главному производству, если вслѣдствіе этой неявки разсмотрѣніе дѣла было отсрочено, свидѣтель или экспертъ вызывается вторично и, если не представитъ оправданій своей неявки, можетъ быть приговоренъ къ денежному штрафу отъ 5 до 50 динаровъ или къ аресту до 1 мѣсяца, причемъ на него же возлагается уплата судебныхъ издержекъ, причиненныхъ отсрочкою засѣданія. Такимъ образомъ, въ отличіе отъ русскаго устава, сербскій уставъ допускаетъ наложеніе на свидѣтелей и экспертовъ взысканій за неявку въ судъ не во всѣхъ случаяхъ неявки, а лишь тогда, когда показанія ихъ были настолько существенны для дѣла, что вызвали отсрочку судебного разбирательства.

Обвиняемые въ преступленіи (злочина) обязательно содержатся подъ стражей; обвиняемые въ проступкахъ, влекущихъ за собою по закону наказаніе свыше 2 лѣтъ тюремнаго заключенія, въ общемъ правилѣ содержатся подъ стражей, но, въ случаѣ признанія ими своей вины,

---

¹⁾ Динаръ равенъ 1 франку.

могутъ быть оставлены на свободѣ; наконецъ, обвиняемые въ менѣе тяжкихъ проступкахъ заключаются подѣ стражу лишь въ случаяхъ попытки къ побѣгу или отлучки изъ мѣста ихъ жительства безъ разрѣшенія начальства. Вслѣдствіе этого при дѣйствіи новаго сербскаго устава значительное большинство подсудимыхъ, дѣла о которыхъ разсматриваются военными судами, будетъ содержаться подѣ стражей, тогда какъ въ Россіи изъ всего числа подсудимыхъ въ военныхъ судахъ подѣ стражею содержится только 23%. Мѣры пресѣченія принимаются при дознаніи военнымъ начальствомъ, а на предварительномъ слѣдствіи—военнымъ слѣдователемъ, самостоятельно, безъ участія военного начальства, причемъ на постановленіе военного слѣдователя о принятіи мѣръ пресѣченія обвиняемый можетъ принести жалобу въ военный судъ первой степени.

Въ случаѣ нарушенія подсудимымъ или кѣмъ-либо изъ присутствующихъ порядка во время судебного разбирательства въ военномъ судѣ, предсѣдатель дѣлаетъ виновному предостереженіе, а, если оно окажется безуспѣшнымъ, можетъ распорядиться объ удаленіи виновнаго изъ залы засѣданія; за неповиновеніе этому распоряженію предсѣдатель можетъ немедленно арестовать виновнаго на срокъ до 24 час., причемъ о военно-служащихъ, кромѣ того, сообщаетъ ихъ начальству для привлеченія ихъ къ отвѣтственности. Въ случаѣ оскорбленія суда или кого-либо изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, а равно въ случаѣ сопротивленія распоряженіямъ суда, военный судъ немедленно приговариваетъ виновнаго къ положенному въ законѣ наказанію; если же въ залѣ засѣданія будутъ совершены какія-либо иныя преступныя дѣянія (въ томъ числѣ и лжесвидѣтельство), то военный судъ немедленно распоряжается объ арестованіи виновнаго и передаетъ его подлежащей власти для привлеченія къ отвѣтственности.

Наконецъ, заслуживаетъ вниманія общее стремленіе сербскаго устава къ сокращенію процессуальныхъ и дѣлопроизводственныхъ сроковъ; такъ, на указаніе новыхъ свидѣтелей во время приговорительныхъ къ суду распоряженій, на обжалованіе постановленій, приговоровъ и опредѣленій сторонамъ предоставляется 3-хъ дневный срокъ, для разсмотрѣнія предварительнаго слѣдствія военнымъ начальникомъ установленъ 3-хъ дневный срокъ, для внесенія военнымъ прокуроромъ въ судъ обвинительнаго акта—5-ти дневный срокъ, а для изложенія приговора въ окончательной формѣ—3-хъ дневный срокъ, тогда какъ по русскому уставу во всѣхъ указанныхъ случаяхъ полагается 7-ми дневный срокъ. Въ военное время большая часть сроковъ сокращается до 1 сутокъ. Такое сокращеніе сроковъ можно только привѣтствовать, ибо

ускореніе дѣлопроизводства въ военныхъ судахъ представляется весьма желательнымъ. Жаль только, что сербскій уставъ ничѣмъ не обеспечиваетъ соблюденія дѣлопроизводственныхъ сроковъ военнымъ начальствомъ и судебными учреждениями и не устанавливаетъ, подобно французскому кодексу, денежныхъ взысканій для должностныхъ лицъ за нарушенія постановленій о срокахъ.

III.

Переходя къ разсмотрѣнію постановленій сербскаго устава о порядкѣ послѣдовательнаго развитія производства по уголовному дѣлу, надо замѣтить, что предварительное изслѣдованіе по сербскому уставу такъ же, какъ и у насъ, распадается на дознаніе (претходна истрага) и предварительное слѣдствіе (редовна истрага). Дознаніе имѣетъ цѣлью собрать первоначальныя свѣдѣнія по дѣлу, необходимыя для привлеченія заподозрѣннаго въ качествѣ обвиняемаго; по окончаніи дознанія военный начальникъ передаетъ дѣло гражданскимъ властямъ, если оно не подсудно военнымъ судамъ, или же распоряжается о производствѣ предварительнаго слѣдствія; въ видѣ исключенія по дѣламъ о военно-служащихъ, обвиняемыхъ въ нарушеніи обязанностей военной службы, военный начальникъ можетъ передать дѣло непосредственно военному прокурору для внесенія его въ военный судъ, если признаетъ обстоятельства дѣла достаточно разъясненными дознаніемъ. Сербскій уставъ не упоминаетъ особо о правѣ военного начальника прекратить производство дѣла, если дознаніемъ будетъ установлена неосновательность возникшаго повода къ возбужденію дѣла, но это право представляется не подлежащимъ сомнѣнію, такъ какъ привлеченіе кого-либо въ качествѣ обвиняемаго допускается только при наличности основаній къ подозрѣнію. Затѣмъ, въ случаѣ направленія дѣла непосредственно въ военный судъ по даннымъ дознанія, сербскій уставъ не дѣлаетъ изъятія изъ общаго порядка преданія суду, а потому дѣло на общемъ основаніи разсматривается военнымъ прокуроромъ, который даетъ свое заключеніе военному начальнику, распоряжающемуся о преданіи суду. Хотя этимъ нѣсколько и замедляется движеніе дѣла, но такой порядокъ слѣдуетъ признать болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ принятое у насъ преданіе обвиняемаго военно-окружному суду по даннымъ дознанія безъ предварительнаго заключенія военного прокурора, ибо военное начальство, какъ показываетъ практика, нерѣдко дѣлаетъ ошибочныя распоряженія о преданіи суду.

Дознаніе по сербскому уставу производится офицеромъ по распоряженію полкового командира во всѣхъ случаяхъ совершенія преступленій лицами, подсудными военнымъ судамъ, независимо отъ мѣста совершенія преступления. Вслѣдствіе этого, чины полиціи совершенно устраняются отъ производства дознаній по дѣламъ военной подсудности, и военное начальство имѣетъ возможность руководить производствомъ дознаній по всѣмъ этимъ дѣламъ. Порядокъ производства дознаній по сербскому уставу является почти тождественнымъ съ принятымъ нашимъ военно-судебнымъ уставомъ и отличается только тѣмъ, что офицеру, производящему дознаніе, предоставлено право, въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, производить по собственному почину осмотры, экспертизы, обыски и выемки; у насъ производство строевыми офицерами этихъ слѣдственныхъ дѣйствій допускается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда за неприбытіемъ слѣдователя производящій дознаніе замѣняетъ его по особому распоряженію начальства, но необходимость расширенія въ этомъ отношеніи правъ производящаго дознаніе вполне выяснена практикою.

Предварительныя слѣдствія по всѣмъ дѣламъ, подсуднымъ военнымъ судамъ, производятся военными слѣдователями, но для производства слѣдствій по дѣламъ объ особенно тяжкихъ и сложныхъ преступленіяхъ офицеровъ, военныхъ чиновниковъ и военныхъ священниковъ по распоряженію военного министра могутъ быть учреждаемы особыя слѣдственные комиссіи, въ составъ которыхъ включается, по крайней мѣрѣ, одинъ судебный офицеръ. Такимъ образомъ по сербскому уставу отъ производства предварительныхъ слѣдствій по дѣламъ военной подсудности совершенно устраняются судебные слѣдователи гражданского вѣдомства, и въ этомъ большое преимущество сербскаго устава: у насъ на судебныхъ слѣдователей гражданского вѣдомства возложено производство предварительныхъ слѣдствій по дѣламъ объ общихъ преступленіяхъ военнoслужашихъ, учиненныхъ въ мѣстахъ, подвѣдомственныхъ общей полиціи, и судебные слѣдователи производятъ около 25% всѣхъ слѣдствій по дѣламъ военной подсудности; практика указываетъ, однако, что это сильно обременяетъ безъ того заваленныхъ дѣлами судебныхъ слѣдователей и замедляетъ движеніе дѣлъ.

Распоряженіе военного начальника о производствѣ предварительнаго слѣдствія передается военному слѣдователю чрезъ военного прокурора; установленіе лишней передаточной инстанціи въ тѣхъ случаяхъ, когда предварительное слѣдствіе начинается по распоряженію начальника дивизіи, не будетъ замедлять движенія дѣла, такъ какъ военный прокуроръ состоитъ при штабѣ дивизіи; наоборотъ, по дѣламъ объ офи-

перахъ, военныхъ чиновникахъ и военныхъ священникахъ, когда предварительное слѣдствіе начинается по распоряженію военного министра, возможно было бы, во избѣжаніе замедленія, передавать дѣло непосредственно военному слѣдователю, минуя военного прокурора. Постановленіе о привлеченіи къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго можетъ быть обжаловано обвиняемымъ въ 3-хъ дневный срокъ; жалоба подается военному слѣдователю, который направляетъ ее вмѣстѣ съ дѣломъ на разсмотрѣніе военного суда I степени. Сербскій уставъ широко развиваетъ систему производства слѣдственныхъ дѣйствій въ порядкѣ отдѣльныхъ порученій: военный слѣдователь производитъ слѣдственные дѣйствія лично только въ мѣстѣ своего постоянного пребыванія; выѣздъ военного слѣдователя на мѣсто происшествія допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія военного начальника, которое испрашивается чрезъ военного прокурора, и только въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ военный прокуроръ можетъ самъ распорядиться о командированіи военного слѣдователя на мѣсто происшествія.

Изъ постановленій сербскаго устава о порядкѣ производства предварительнаго слѣдствія, которыя въ общемъ аналогичны съ правилами русскаго военно-судебнаго устава, обращаютъ на себя вниманіе лишь правила о порядкѣ освидѣтельствованія обвиняемаго въ случаѣ сомнѣнія въ нормальности умственныхъ его способностей и постановленія, касающіяся выемки почтовой корреспонденціи. Если обнаружится, что обвиняемый страдаетъ душевною болѣзнію, то военный слѣдователь, удостовѣрившись въ томъ, какъ посредствомъ освидѣльствованія обвиняемаго чрезъ врача, такъ и путемъ допроса самого обвиняемаго и тѣхъ лицъ, коимъ ближе извѣстны его поступки, отправляетъ обвиняемаго для испытанія въ лѣчебное заведеніе, гдѣ онъ свидѣтельствуется комиссіей врачей, которая передаетъ протоколъ освидѣльствованія военному прокурору, и затѣмъ, смотря по результатамъ освидѣльствованія, дѣло прекращается, или обвиняемый передается суду; въ военное время освидѣльствованіе обвиняемаго въ подобныхъ случаяхъ производится въ присутствіи военного суда тремя врачами, назначаемыми начальникомъ дивизіи. Этотъ порядокъ установленія ненормальности умственныхъ способностей обвиняемаго гораздо проще, чѣмъ обязательная у насъ въ подобныхъ случаяхъ процедура освидѣльствованія обвиняемаго въ окружномъ судѣ гражданскаго вѣдомства.

Выемка почтовой корреспонденціи, получаемой и отправляемой обвиняемымъ, по правиламъ сербскаго устава можетъ быть произведена по распоряженію военного слѣдователя, тогда какъ по русскому военно-

судебному уставу для производства выемки почтовой корреспонденции военный слѣдователь долженъ испросить разрѣшенія военно-окружнаго суда. Вводимое сербскимъ уставомъ упрощеніе производства въ этомъ отношеніи врядъ ли можетъ быть признано цѣлесообразнымъ: случаи выемки почтовой корреспонденціи въ практикѣ встрѣчаются такъ рѣдко, что едва ли отъ необходимости испрашивать для производства ея разрѣшенія суда можетъ произойти замедленіе въ движеніи дѣлъ, а между тѣмъ принятый русскимъ уставомъ порядокъ гораздо болѣе гарантируетъ права частныхъ лицъ на сохраненіе въ тайнѣ ихъ корреспонденціи.

Преданіе военному суду по сербскому уставу такъ же, какъ и по русскому, зависитъ отъ власти военнаго начальника (военнаго министра или начальника дивизіи), который отдаетъ приказъ о преданіи обвиняемаго суду по соглашенію съ военнымъ прокуроромъ. Оригинально, что сербскій уставъ, несмотря на подчиненіе въ порядкѣ службы начальнику дивизіи состоящаго при немъ военнаго прокурора, въ вопросахъ о преданіи суду и прекращеніи уголовного преслѣдованія сохраняетъ за военнымъ прокуроромъ полную самостоятельность: въ случаѣ несогласія съ мнѣніемъ военнаго прокурора военный начальникъ не вправе распорядиться о преданіи обвиняемаго суду или о прекращеніи уголовного преслѣдованія, а обязанъ внести возникшее пререканіе на разрѣшеніе главнаго военнаго суда. Въ этомъ отношеніи сербскій уставъ гораздо правильнѣе разрѣшаетъ вопросъ о направленіи дѣла, чѣмъ русскій военно-судебный уставъ, по которому военный начальникъ можетъ предать обвиняемаго высшему суду вопреки мнѣнію военнаго прокурора, и послѣдній въ такомъ случаѣ обязанъ внести въ судъ обвинительный актъ и поддерживать обвиненіе передъ судомъ по тѣмъ указаніямъ, которыя будутъ сдѣланы ему военнымъ начальникомъ. Другая особенность сербскаго устава, также составляющая его преимущество сравнительно съ русскимъ уставомъ, это — предоставленіе обвиняемому права обжаловать распоряженіе военнаго начальства о преданіи суду; жалоба подается въ 3-хъ дневный срокъ въ главный военный судъ, если распоряженіе о преданіи суду сдѣлано военнымъ министромъ, или въ подлежащій военный судъ первой степени, если оно сдѣлано начальникомъ дивизіи. Наконецъ, военный судъ, въ который внесено дѣло съ обвинительнымъ актомъ, предъ началомъ судебного разбирательства обязанъ войти въ обсужденіе вопроса о подсудности ему дѣла и, при отрицательномъ разрѣшеніи этого вопроса, возвратить дѣло военному прокурору; между тѣмъ по русскому уставу военный судъ не вправе входить въ разсмотрѣніе подсудности дѣла.

по которому состоялось распоряженіе о преданіи обвиняемаго суду, и распоряженіе военного начальства въ этомъ отношеніи обязательно для военного суда.

Всѣ приговорительныя къ суду распоряженія производятся постояннымъ военнымъ судьей, который объявляетъ обвиняемому распоряженіе о преданіи его суду, назначаетъ ему въ указанныхъ закономъ случаяхъ защитника, распоряжается о вызовѣ къ судебному разбирательству участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, свидѣтелей и свѣдущихъ людей и назначаетъ время судебного разбирательства; при этомъ не установлено срока, въ теченіи котораго должны быть выполнены приговорительныя къ суду распоряженія, и права постоянного военного судьи не ограничены распорядительнымъ засѣданіемъ суда.

Судебное разбирательство въ военныхъ судахъ I степени происходитъ въ присутствіи трехъ судей (одного постоянного и двухъ временныхъ), военного прокурора и секретаря. Ходомъ судебного разбирательства управляетъ предсѣдатель, а если онъ не судебный офицеръ, — то постоянный военный судья. Предсѣдатель распоряжается о ввѣдѣ въ залу засѣданія подсудимаго, объявляетъ ему, какое дѣло подлежитъ разсмотрѣнію суда, и провѣряетъ всѣ ли вызванные въ судъ свидѣтели и свѣдущіе люди явились, послѣ чего свѣдущіе люди могутъ быть оставлены въ залѣ судебного засѣданія на все время судебного разбирательства, а свидѣтели удаляются въ назначенную для нихъ комнату. Затѣмъ предсѣдатель приглашаетъ военного прокурора изложить сущность обвиненія, послѣ чего предлагаетъ подсудимому представить свои оправданія и, въ случаѣ надобности, спрашиваетъ его о всѣхъ обстоятельствахъ, имѣющихъ значеніе для дѣла. Въ случаѣ признанія подсудимаго, если оно удовлетворяетъ указаннымъ въ законѣ требованіямъ, дальнѣйшаго судебного разбирательства не производится, и судъ немедленно приступаетъ къ постановленію приговора; если же подсудимый не сознается, то изъ слѣдственного производства прочитываются тѣ акты, которые могутъ служить къ изобличенію подсудимаго, а если онъ не сознается и послѣ этого, то судъ приступаетъ къ допросу свидѣтелей и свѣдущихъ людей и къ повѣркѣ другихъ доказательствъ. По окончаніи судебного слѣдствія между сторонами происходятъ заключительныя пренія, а затѣмъ предсѣдатель распоряжается объ удаленіи присутствующихъ изъ залы засѣданія, и судьи приступаютъ къ постановленію приговора. Предсѣдатель предлагаетъ на разрѣшеніе суда слѣдующіе вопросы: совершено ли данное преступное дѣяніе, является ли данное обстоятельство увеличивающимъ или уменьшающимъ вину или же устраняющимъ наказуемость, яв-

ляется ли подсудимый зачинщикомъ, главнымъ виновнымъ, участникомъ или укрывателемъ. Каждый изъ этихъ вопросовъ рѣшается абсолютнымъ большинствомъ голосовъ, причемъ судьи, высказавшіеся отрицательно при разрѣшеніи первыхъ вопросовъ, должны тѣмъ не менѣе участвовать въ разрѣшеніи послѣдующихъ вопросовъ; если при разрѣшеніи какого-либо вопроса голоса раздѣлятся болѣе, чѣмъ между двумя мнѣніями, то абсолютное большинство составляетъ искусственно, путемъ присоединенія наиболѣе невыгодныхъ для подсудимаго голосовъ къ ближайшимъ менѣе невыгоднымъ. Судебное разбирательство въ военномъ судѣ заканчивается или приговоромъ, или опредѣленіемъ. Приговоры по сербскому уставу различаются трехъ родовъ: 1) оправдательные, 2) освобождающіе по недостаточности доказательствъ и 3) обвинительные; кромѣ уголовныхъ послѣдствій возбужденнаго обвиненія приговоромъ, должны быть опредѣлены и гражданскія его послѣдствія, для чего въ приговорѣ включаются распоряженія о предметахъ, добытыхъ преступленіемъ, о вознагражденіи за причиненные имъ вредъ и убытки и о возмѣщеніи судебныхъ издержекъ. Судъ постановляетъ не приговоръ, а опредѣленіе о прекращеніи уголовного преслѣдованія, если будетъ отвергнуто событіе преступления, если дѣйствія подсудимаго оказываются не воспрещенными закономъ, если имѣется въ наличности одно изъ обстоятельствъ, устраняющихъ наказуемость (давность, помилованіе и т. п.), а по дѣламъ частнаго обвиненія, сверхъ того, при отсутствіи частной жалобы и въ случаѣ отказа частнаго обвинителя отъ обвиненія. Военный судъ не связанъ квалификаціей обвинительной власти и можетъ постановить приговоръ немедленно даже въ томъ случаѣ, когда первоначальное обвиненіе видоизмѣняется при судебномъ разбирательствѣ въ болѣе тяжкое. Въ случаяхъ соучастія и совокупности судъ можетъ выдѣлить тѣ обвиненія, изслѣдованіе которыхъ вполне закончено, и немедленно постановить о нихъ приговоръ; при этомъ, если назначенное судомъ наказаніе поглощаетъ то наказаніе, которое можетъ быть опредѣлено за менѣе тяжкія преступныя дѣянія, не вполне еще обслѣдованныя, то дальнѣйшее производство дѣла объ этихъ послѣднихъ дѣяніяхъ прекращается. Постановленный приговоръ заносится вкратцѣ въ протоколъ, председатель распоряжается о допущеніи въ залу засѣданія участвующихъ въ дѣлѣ лицъ и провозглашаетъ приговоръ, послѣ чего объясняетъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ ихъ права на обжалованіе приговора. Въ трехдневный по провозглашеніи приговора срокъ онъ долженъ быть изложенъ въ окончательной формѣ, причемъ въ немъ должны быть указаны какъ доказательства, устанавливающія всѣ

признанныя судомъ обстоятельства, такъ и соображенія суда о доказанности событія преступленія, винѣ или невинности подсудимаго и примѣненіи закона.

Жалобы на приговоры и опредѣленія военныхъ судовъ I степени допускаются со стороны подсудимаго въ случаѣ постановленія судомъ приговора обвинительнаго или освобождающаго за недостаточностью доказательствъ, со стороны военного прокурора—во всѣхъ случаяхъ, когда приговоромъ или опредѣленіемъ не уважены его требованія, со стороны частнаго обвинителя—только по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ, преслѣдуемыхъ не иначе, какъ по частной жалобѣ, а со стороны потерпѣвшаго—только на опредѣленіе о вознагражденіи за вредъ и убытки. Въ случаѣ смерти частнаго обвинителя и потерпѣвшаго право на обжалованіе предоставляется ихъ наслѣдникамъ, и такимъ образомъ право на искъ въ уголовномъ судѣ переходитъ по наслѣдству. Жалобы приносятся на имя главнаго военного суда, но подаются постоянному судѣ того военного суда, коимъ поставленъ обжалованный приговоръ или опредѣленіе; на подачу жалобы предоставляется 3-хъ дневный срокъ со дня провозглашенія приговора или опредѣленія, вслѣдствіе чего въ большинствѣ случаевъ стороны будутъ получать окончательно сформулированный приговоръ только въ самомъ концѣ срока, предоставленнаго для обжалованія, а иногда и по истеченіи этого срока; между тѣмъ составить жалобу, не зная мотивовъ, на которыхъ основанъ приговоръ, весьма затруднительно, а потому слѣдовало бы или увеличить срокъ на обжалованіе, или, что цѣлесообразнѣе, сократить срокъ, установленный для изложенія приговора въ окончательной формѣ. Жалобы, поданныя по истеченіи срока, постоянный судья отклоняетъ особымъ постановленіемъ, на которое можетъ быть принесена въ 3-хъ дневный срокъ частная жалоба.

Главный военный судъ разсматриваетъ всѣ уголовныя дѣла, по которымъ участвующими въ дѣлѣ лицами обжалованы приговоры и опредѣленія военныхъ судовъ первой степени или же состоялись приговоры, осуждающіе къ смертной казни. Все разсмотрѣніе дѣла въ главномъ военномъ судѣ ограничивается прочтеніемъ протоколовъ письменнаго по дѣлу производства, причемъ стороны къ личнымъ объясненіямъ не допускаются. Главный военный судъ провѣряетъ, не нарушены ли правила о подсудности, были ли соблюдены при постановленіи приговора установленныя формы и обряды судопроизводства, произведено ли изслѣдованіе дѣла съ достаточною полнотою, правильно ли примѣнены судомъ постановленія устава о силѣ доказательствъ и, наконецъ, правильно ли опредѣлено судомъ наказаніе. При разсмо-

трѣннн дѣла главный военный судъ не стѣсненъ предѣлами жалобы, но не можетъ увеличить наказанія подсудимому, если не было принесено жалобы со стороны обвинителя; однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда жалоба касается только до вознагражденія за вредъ и убытки, главный военный судъ не входитъ въ разсмотрѣнн остальныхъ частей приговора. Если окажется, что дѣло было изслѣдовано судомъ первой степени недостаточно полно или несогласно съ постановленнми закона, то главный военный судъ возвращаетъ дѣло въ военный судъ первой степени для дополненія производства по указаннмъ главнаго военного суда, который затѣмъ постановляетъ приговоръ по дѣлу; если же военный судъ разсмотрѣлъ въ своемъ приговорѣ не всѣ обстоятельства, выясненныя произведеннымъ по дѣлу разслѣдованнмъ, то главный военный судъ возвращаетъ дѣло въ военный судъ первой степени для постановленія новаго приговора, который представляется затѣмъ на разсмотрѣнн главнаго военного суда; если военнымъ судомъ первой степени нарушены постановленія о силѣ доказательствъ или неправильно опредѣлено наказанн, то главный военный судъ самъ постановляетъ приговоръ, исправляя въ немъ допущенныя нарушенн; наконецъ, приговоры и опредѣленн, постановленны на точномъ основанн закона, утверждаются рѣшеннми главнаго военного суда, которыя считаются окончательными и обжалованн не подлежатъ. Такимъ образомъ производство въ главномъ военномъ судѣ по сербскому уставу имѣетъ характеръ ревизоннаго, а не кассационнаго пересмотра, причемъ судъ второй степени, основываясь исключительно на письменномъ производствѣ, повѣряетъ правильность по существу приговора, постановленнаго судомъ первой степени на основанн результатовъ устнаго судебного слѣдствн. Можно думать, однако, что такое сочетанн ревизоннаго порядка съ главнымъ производствомъ въ судѣ первой степени, основаннымъ на началахъ устности, непосредственности и состязательности, врядъ ли окажется цѣлесообразнымъ: большая правильность по существу рѣшеннй, постановляемыхъ главнымъ военнымъ судомъ, не гарантируется ни установленными для пересмотра приговоровъ формами и обрядами судопроизводства, ни составомъ главнаго военного суда, въ которомъ юридическнй элементъ выраженъ почти такъ же слабо, какъ и въ военныхъ судахъ первой степени.

Въ военное время въ порядкѣ судопроизводства въ военныхъ судахъ установлено, сравнительно съ порядкомъ, принятымъ для мирнаго времени, лишь сокращенн сроковъ и нѣкоторое упрощенн производства, причемъ относящнся до военного времени постановленн сербскаго устава цѣликомъ заимствованы изъ IV раздѣла русскаго военно-

судебнаго устава, изданнаго въ 1899 г. Особенностью сербскаго устава является только порядокъ судопроизводства въ полевыхъ военныхъ судахъ, весьма похожій на порядокъ судопроизводства, принятый въ Австрiи для чрезвычайныхъ военныхъ судовъ (Standrecht). Рассмотрѣніе дѣла въ полевомъ военномъ судѣ должно быть окончено въ 24 часа и никакъ не позднѣе 3-хъ сутокъ со времени преданія суду, при невозможности же сего дѣло передается въ обыкновенный судъ. До рассмотрѣнія дѣла полевымъ военнымъ судомъ должны быть установлены событіе преступленія и всѣ доказательства виновности подсудимаго. Засѣданіе полевого военного суда открывается подъ открытымъ небомъ, въ серединѣ каре, составленнаго изъ войскъ: въ судъ приводится подсудимый, которому предоставляется дать свои объясненія, а затѣмъ, по удаленіи подсудимаго, судъ по большинству голосовъ постановляетъ приговоръ; если изъ числа 5 судей четверо подадутъ голосъ противъ примѣненія къ подсудимому смертной казни, то приговоръ не постановляется, и дѣло передается въ обыкновенный судъ военный. Приговоръ объявляется подсудимому и немедленно отсылается къ начальнику, созвавшему полевой военный судъ, на утвержденіе; полевой военный судъ остается на мѣстѣ засѣданія до возвращенія приговора, который тамъ же и приводится въ исполненіе. Подача жалобъ на приговоры полевыхъ военныхъ судовъ не допускается.

IV.

Сербскій уставъ 31 января 1901 г. о воинскихъ преступленіяхъ и наказаніяхъ заключаетъ въ § 154 особыя правила, которыя, въ изъятіе изъ общаго уголовного уложенія, примѣняются къ военнослужащимъ въ случаѣ совершенія ими воинскихъ преступленій и проступковъ. За преступныя дѣянія, не предусмотрѣнныя этимъ уставомъ, военнослужащіе наказываются по уголовному уложенію 29 марта 1860 г. Постановленія устава 31 января 1901 г. примѣняются къ офицерамъ, унтеръ-офицерамъ, рядовымъ и другимъ лицамъ, служащимъ въ сербской арміи или состоящимъ при арміи и ея учрежденіяхъ, а также къ военно-плѣннымъ. Военнослужащіе, не состоящіе на дѣйствительной военной службѣ, и ратники ополченія подлежатъ ответственности по уставу 1901 г. только въ случаѣ совершенія ими нарушеній чинопочитанія, сопротивленія, возстанія противъ начальства во время ношенія ими форменной военной одежды. Къ граждан-

скимъ лицамъ постановленія устава 1901 г. примѣняются только въ случаѣ совершенія ими измѣны и посягательства на безопасность армии, подстрекательства военнотружущихъ къ нарушенію подчиненности или къ побѣгу, уклоненія отъ службы посредствомъ членовредительства, покушки у военнотружущихъ и принятія отъ нихъ въ закладъ и на сохраненіе казеннаго оружія, аммуниціи, обмундированія ими иного казеннаго имущества.

Въ первомъ раздѣлѣ устава 15 января 1901 г. изложены постановленія о наказаніяхъ, о соучастіи, объ обстоятельствахъ, устраняющихъ преступность дѣянія и увеличивающихъ или уменьшающихъ вину и о давности. Наказанія установлены слѣдующія: 1) смертная казнь чрезъ разстрѣліаніе, 2) каторжныя работы отъ 2 до 20 лѣтъ, отбываемыя въ гражданскихъ тюремныхъ заведеніяхъ; для офицеровъ, военныхъ чиновниковъ и военныхъ священниковъ каторга замѣняется заточеніемъ на тѣ же сроки, которое отбывается также въ гражданскихъ тюремныхъ заведеніяхъ; 3) тюремное заключеніе отъ 30 дней до 5 лѣтъ, причемъ заключеніе на срокъ до одного года отбывается въ военныхъ тюрьмахъ, а на болѣе продолжительные сроки—въ гражданскихъ тюремныхъ заведеніяхъ; 4) лишеніе чина или званія, присоединяемое для офицеровъ и военныхъ чиновниковъ къ тюремному заключенію на срокъ болѣе года, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ назначаемое въ качествѣ самостоятельнаго наказанія; 5) лишеніе воинской и гражданской чести, присоединяемое къ смертной казни, каторжнымъ работамъ и заточенію, а въ указанныхъ закономъ случаяхъ—и къ тюремному заключенію; надъ лишенными воинской чести исполняется передъ строемъ особый обрядъ лишенія ихъ знаковъ воинскаго званія; 6) отобраніе предметовъ, служившихъ орудіемъ преступленія; денежныя взысканія для военнотружущихъ замѣняются тюремнымъ заключеніемъ по расчету одного дня за каждые 10 динаровъ штрафа.

Начальникъ или старшій, совершившій какое бы то ни было преступленіе вмѣстѣ съ подчиненными или младшими, признается, во всякомъ случаѣ, зачинщикомъ; въ преступленіяхъ противъ подчиненности, совершенныхъ нѣсколькими лицами, зачинщикомъ, кромѣ того, признается тотъ, кто откажется исполнить лично ему отданное приказаніе начальника, употребить во зло военные сигналы или совершить какое либо дѣйствіе съ цѣлью возбудить другихъ къ неповиновенію или сопротивленію. Подстрекательство къ неповиновенію, сопротивленію, возстанію и побѣгу наказывается и въ тѣхъ случаяхъ, когда самое преступленіе, къ которому виновный подговаривалъ, совершено не было.

Причины, устраняющія преступность дѣянія, въ сербскомъ уставѣ 1901 г. указаны тѣ же, что и въ русскомъ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ—исполненіе обязанности, возложенной закономъ, и исполненіе приказанія; къ перечню случаевъ исполненія возложенной закономъ обязанности, который почти дословно взятъ изъ русскаго воинскаго устава, добавленъ лишь случай употребленія оружія офицеромъ при нападеніи на его личность или воинскую честь для воспрепятствованія дальнѣйшимъ посягательствамъ и въ предѣлахъ необходимой обороны. Въ случаѣ совершенія преступленія по приказанію начальника, отвѣтственности подлежитъ отдавшій приказаніе начальникъ, а выполнившіе приказаніе подчиненные только тогда, когда было отдано приказаніе совершить дѣяніе, явно преступное; это правило хотя и изложено въ сербскомъ уставѣ 1901 г. въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ, чѣмъ въ русскомъ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ, но тѣмъ не менѣе представляется недостаточно опредѣленнымъ и на практикѣ вызоветъ рядъ недоразумѣній.

Къ уменьшающимъ вину обстоятельствамъ сербскій уставъ 1901 г. относитъ недостаточное знакомство съ обязанностями военной службы, несовершеннолѣтіе и незаконное обремененіе служебными обязанностями, причемъ первое изъ этихъ обстоятельствъ не можетъ имѣть примѣненія въ случаяхъ рецидива, а второе къ офицерамъ. Къ увеличивающимъ вину обстоятельствамъ уставъ 1901 г. относитъ участіе начальника въ преступленіи съ своими подчиненными и оставленіе отечества при побѣгѣ; при этомъ оригинально, что, не устанавливая, подобно русскому воинскому уставу о наказаніяхъ, цѣлой системы специальныхъ, увеличивающихъ вину обстоятельствъ для военнослужащихъ, сербскій уставъ 1901 г. придаетъ увеличивающимъ вину обстоятельствамъ гораздо большее значеніе, чѣмъ имъ придано въ русскомъ уставѣ, такъ какъ при наличности одного изъ нихъ наказаніе можетъ быть увеличено вдвое (по русскому уставу только на 1 или 2 степени). Наконецъ, въ изъятіе изъ общихъ постановленій о давности, въ случаяхъ побѣга срокъ давности исчисляется со времени прекращенія самовольнаго отсутствія или со времени достиженія бѣжавшимъ того возраста, въ которомъ онъ освобождается отъ обязательной службы въ арміи и въ ополченіи.

Во второмъ раздѣлѣ устава 15 января 1901 г. изложены постановленія объ отдѣльныхъ видахъ преступленій и проступковъ. Наказанія за различныя преступленія назначаются въ большинствѣ случаевъ въ достаточно широкихъ предѣлахъ, причемъ въ законѣ указывается только родъ наказанія и наибольшій или наименьшій его

предѣлъ; наказанія увеличиваются при наличности вредныхъ послѣдствій для службы отъ совершеннаго преступленія, а также въ случаѣ совершенія преступленія во время мобилизаціи, въ военное время, во время сраженія или въ виду непріятели; наоборотъ, назначаются болѣе легкія наказанія, если отъ преступленія не произошло вредныхъ послѣдствій для службы. Смертная казнь назначается въ военное время въ 19 случаяхъ, въ мирное время въ 7 случаяхъ, а именно за причиненіе начальнику, старшему или дежурному офицеру тяжкаго тѣлеснаго поврежденія или смерти, за причиненіе какого бы то ни было тѣлеснаго поврежденія начальнику при вооруженномъ сопротивленіи его распоряженіямъ, за возстаніе противъ военнаго начальника, если виновный былъ зачинщикомъ, за причиненіе смерти подчиненному или младшему, за незаконное употребленіе военныхъ огнестрѣльныхъ припасовъ, если послѣдствіемъ сего было причиненіе смерти, и за злоупотребленія при изготовленіи оружія, снарядовъ и пороха съ цѣлью оказать содѣйствіе непріятелю.

Къ числу преступленій противъ безопасности арміи сербскій уставъ 1901 г. относитъ сообщеніе непріятелю лозунга и отзыва, секретныхъ знаковъ и свѣдѣній, касающихся военныхъ дѣйствій, возбужденіе беспорядка въ войскахъ и подстрекательство къ побѣгу, поврежденіе средствъ сообщенія, отравленіе источниковъ воды, указаніе дорогъ непріятелю, освобожденіе военнопленныхъ и т. п. Наравнѣ съ этими преступленіями, большая часть которыхъ заключаетъ въ себѣ признаки военной измѣны, смертную казнь влекутъ за собою въ болѣе важныхъ случаяхъ капитуляція крѣпости или въ открытомъ полѣ, непринятіе мѣръ охраненія въ походѣ и въ бою, удержаніе за собой, вопреки приказанія командованія надъ какой либо частью, неисполненіе своего долга въ бою и т. п. Эти постановленія гораздо болѣе соотвѣтствуютъ современнымъ условіямъ веденія войны, чѣмъ устарѣвшія правила ст. 243—264 русскаго воинскаго устава о наказаніяхъ.

Виды преступленій противъ чинопочитанія и подчиненности по сербскому уставу 1901 г. ¹⁾ тѣ же, что и по русскому воинскому уставу о наказаніяхъ, а именно: неоказаніе должнаго начальнику уваженія, оскорбленіе начальника на словахъ, на письмѣ или неприличнымъ дѣйствіемъ, нанесеніе начальнику удара и другія насильственные дѣйствія противъ начальника, неисполненіе приказанія, сопро-

---

¹⁾ Сербскій уставъ 15 января 1901 г. не различаетъ понятій чинопочитанія и подчиненности и нарушенія этихъ обязанностей объединяетъ подъ однимъ заголовкомъ (о повреди старшинства).

тивленіе распоряженіямъ начальника, ропотъ на тягость службы, возстаніе противъ начальника въ числѣ 5 и болѣе человекъ и соглашеніе къ нарушеніямъ подчиненности. Оригинально, что къ числу нарушеній подчиненности сербскій уставъ 1901 г. относитъ неявку въ срокъ на службу по призыву со стороны лицъ, состоящихъ въ запасѣ и ополченіи или призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности; эта дѣяніе несомнѣнно является однимъ изъ видовъ уклоненія отъ службы и имѣетъ гораздо болѣе общаго съ побѣгомъ и самовольной отлучкою, а между тѣмъ сербскій уставъ 1901 г. ставитъ ихъ наряду съ неисполненіемъ приказаній начальства и въ военное время назначаетъ за нихъ каторгу и даже смертную казнь. Въ отличіе отъ русскаго воинскаго устава о наказаніяхъ, сербскій уставъ 1901 г. разграничиваетъ сопротивленіе исполненію распоряженій начальника отъ противодѣйствія самому начальнику при отправленіи имъ своей должности, тогда какъ по существу оба эти вида активнаго противодѣйствія волѣ начальника являются однородными. Виновнымъ въ возстаніи противъ начальства наказаніе значительно смягчается (вмѣсто каторги тюрьма до 3 лѣтъ), если они прекратятъ безпорядокъ ранѣ употребленія противъ нихъ силы, а участники въ сговорѣ на совершеніе нарушенія противъ подчиненности освобождаются отъ наказанія, если они заблаговременно донесутъ о сговорѣ начальству. Противозаконное обхожденіе начальника съ подчиненнымъ сербскій законъ 1901 г. признаетъ обстоятельствомъ уменьшающимъ вину только при сопротивленіи исполненію распоряженій начальства, и тѣмъ невыгодно отличается отъ русскаго воинскаго устава о наказаніяхъ, по которому, при наличности противозаконнаго обхожденія, допускается смягченіе наказаній за всѣ виды нарушенія чинопочитанія подчиненности, за исключеніемъ возстанія и соглашенія къ нарушеніямъ подчиненности.

Самовольное отсутствіе отъ команды, въ зависимости отъ его продолжительности, признается для нижнихъ чиновъ или побѣгомъ (свыше 7 дней въ мирное время и свыше 3 дней во время войны и мобилизации), или самовольной отлучкой; послѣдняя наказывается тюрьмою только при продолжительности ея свыше 2 дней. Побѣгъ, къ которому приравнивается и неявка на службу изъ отсутствія дозволеннаго (отпуска, командировки и т. п.) въ теченіи тѣхъ же сроковъ наказывается въ мирное время въ первый разъ тюрьмою до 2 лѣтъ, во второй—тюрьмою до 4 лѣтъ и въ третій—каторгой до 10 лѣтъ, а въ военное время въ первый разъ каторгой до 10 лѣтъ и во второй—смертной казнью; во время сраженія всякое оставленіе своего поста признается побѣгомъ и влечетъ за собою смертную казнь. Наказанія

за побѣги увеличиваются въ случаѣ учиненія побѣга по взаимному соглашенію двумя или нѣсколькими лицами, а уменьшаются при добровольномъ возвращеніи виновнаго изъ побѣга. Офицеры наказываются за неявку на службу или просрочку отпуска въ теченіи болѣе 3 сутокъ (въ военное время болѣе 24 час.) и за самовольную отлучку за границу на время болѣе 24 часовъ, причемъ назначается въ мирное время тюрьма, въ военное время—заточеніе, а за оставленіе своего поста во время сраженія—смертная казнь. Постановленія сербскаго закона 1901 г. объ уклоненіи отъ службы посредствомъ самовольнаго оставленія мѣста служенія являются менѣе удовлетворительными, чѣмъ соотвѣтствующія правила русскаго воинскаго устава о наказаніяхъ: сербскій законъ 1901 г. не только не попытался разграничить болѣе и менѣе тяжкіе виды самовольнаго оставленія мѣста служенія въ зависимости отъ того, имѣлъ ли виновный намѣреніе уклониться навсегда отъ военной службы или нѣтъ, но ввелъ еще совершенно ненужное различіе между нижними чинами и офицерами по отношенію къ наказуемости самовольнаго оставленія мѣста команды, различіе, существовавшее въ Россіи при дѣйствіи военно-уголовнаго устава 1839 г. Изъ числа другихъ видовъ уклоненія отъ службы сербскій уставъ различаетъ членовредительство и поврежденіе здоровья съ одной стороны и употребленіе обманныхъ средствъ съ другой; при этомъ назначаются особыя наказанія для мирнаго и военнаго времени и даже для случаевъ совершенія этихъ преступленій во время сраженія. Специально предусмотрѣнъ сербскимъ уставомъ упущенный русскимъ воинскимъ уставомъ о наказаніяхъ видъ уклоненія отъ службы—замѣна себя при вызовѣ на службу другимъ лицомъ, неспособнымъ къ службѣ и подлежащимъ вслѣдствіе этого освобожденію отъ нея.

Нарушенія обязанностей караульной службы сербскій уставъ не раздѣляетъ на виды и наказываетъ сравнительно слабо (въ мирное время тюрьма до 6 мѣс.), особо предусматривая лишь самовольное оставленіе караульнымъ своего поста, умышленное допущеніе къ побѣгу арестованнаго и кражу или поврежденіе имущества, ввѣреннаго охраненію караула, причемъ послѣднія два преступленія наказываются, какъ и у насъ, каторгой. Оригинально, что за кражу имущества, ввѣреннаго для переноски или перевозки, нижніе чины, назначенные на пожаръ, наказываются тюрьмою до 8 мѣсѣц., а назначенные для перевозки казеннаго имущества—каторгой, между тѣмъ какъ ни тѣхъ, ни другихъ разумѣется нельзя приравнивать къ чинамъ караула.

Къ посягательствамъ противъ военнаго караула и должностныхъ лицъ относятся тѣ же виды, что и по русскому уставу (оскорбленіе

караула, неисполненіе законныхъ его требованій, насиліе и нападеніе на карауль), но сербскій уставъ не дѣлаетъ изъятія изъ общихъ правилъ для тѣхъ случаевъ, когда оскорбленіе чину караула нанесено кѣмъ либо изъ лицъ, начальствующихъ надъ карауломъ, а насиліе надъ чинами караула, охраняющаго особу короля и членовъ его дома, наказываетъ не смертною казною, какъ у насъ, а каторгою.

Постановленія о преступленіяхъ начальниковъ и должностныхъ лицъ въ сербскомъ уставѣ сравнительно мало развиты: предусмотрѣны лишь спеціальныя случаи бездѣйствія власти, противозаконное обхожденіе съ подчиненными, удержаніе вещей и денегъ, слѣдуемыхъ подчиненнымъ, ложныя донесенія и злоупотребленія по должности, къ которымъ, между прочимъ, отнесены противозаконное освобожденіе кого либо отъ военной службы и отчужденіе казеннаго имущества, ввѣреннаго по службѣ для храненія. Затѣмъ, уставъ предусматриваетъ спеціальныя преступленія при изготовленіи и приѣмѣ предметовъ вооруженія, при постройкѣ оборонительныхъ сооружений, а равно по службѣ военно-медицинской и военно-судебной. Наконецъ, особо предусмотрѣны злоупотребленія при приѣмѣ, храненіи и выдачѣ казенныхъ денегъ и вещей, а также неправильное веденіе книгъ и отчетности. Также, какъ и русскій воинскій уставъ о наказаніяхъ, сербскимъ уставомъ изъ числа посягательствъ противъ цѣлости казеннаго имущества выдѣлены отчужденіе, порча и покинутіе нижними чинами предметовъ обмундированія, снаряженія и вооруженія, выданныхъ имъ для постоянного употребленія, причѣмъ наказанія назначаются значительно строже, чѣмъ у насъ (каторга за отчужденіе и порчу оружія и лошади, тюрьма до 3 лѣтъ за отчужденіе прочихъ казенныхъ вещей).

Изъ числа маловажныхъ нарушеній порядка военной службы сербскій уставъ предусматриваетъ только принесеніе скопомъ жалобы начальнику, неосторожное обращеніе съ оружіемъ и противозаконное храненіе и употребленіе огнестрѣльныхъ припасовъ. Замѣчательно, что, придерживаясь довольно близко системы отдѣльныхъ постановленій русскаго воинскаго устава о наказаніяхъ, составители сербскаго устава 1901 г. не нашли, однако, возможнымъ включить въ него постановленія о пьянствѣ, буйствѣ и дурномъ поведеніи, признавъ эти проступки наказуемыми въ дисциплинарномъ порядкѣ. Нельзя только согласиться съ правильностью исключенія изъ устава такихъ проступковъ, какъ заемъ денегъ у подчиненныхъ, устройство съ подчиненными запрещенной игры и т. п., такъ какъ, при отсутствіи соотвѣствующихъ опредѣленій въ уставѣ, эти проступки придется наказывать по общимъ уголовнымъ законамъ, а между тѣмъ по особымъ условіямъ военной службы они требуютъ усиленной репрессіи.

Послѣднія двѣ главы устава посвящены имущественнымъ преступленіямъ, причеиъ специально предусмотрены совершеніе въ мѣстахъ, подвѣдомственныхъ военному начальству, кражи казеннаго или частнаго имущества цѣною отъ 10 до 40 динаровъ, совершеніе нижнимъ чиномъ кражи у офицера или присвоенія ввѣренныхъ имъ вещей, грабежъ во время войны или мобилизаціи, присвоеніе и утайка трофеевъ и военной добычи и, наконецъ, уничтоженіе чужого имущества во время войны или мобилизаціи.

Въ общемъ сербскій уставъ о воинскихъ преступленіяхъ и наказаніяхъ 1901 г., сравнительно съ русскимъ уставомъ, предоставляетъ суду большую свободу въ выборѣ наказаній, но устанавливаетъ наказания не менѣе строгія и также, какъ и русскій уставъ, относитъ къ числу воинскихъ преступленій цѣлый рядъ преступленій общеслужебныхъ. Редакція отдѣльныхъ статей такая же казуистичная, какъ и въ русскомъ уставѣ, что на практикѣ будетъ возбуждать недоразумѣнія. Нельзя не пожалѣть поэтому, что составители сербскаго устава 1901 г. взяли за образецъ не какой либо изъ болѣе современныхъ военно-уголовныхъ кодексовъ, а чуть ли не самый не совершенный изъ дѣйствующихъ нынѣ кодексовъ—русскій воинскій уставъ о наказаніяхъ.

А. С. Лыкошинъ.

IV.

ПРАВДА И СКОРОСТЬ ВЪ ГРАЖДАНСКОМЪ ПРОЦЕССѢ.

Вводя въ Россіи гласный судъ, законодатель заповѣдалъ, чтобы судъ былъ скорый, правый и равный для всѣхъ. Суда скорого, но не суда—молніи требовалъ онъ: скорости, но не иначе, какъ при условіяхъ правды и равенства. Достиженіе этихъ цѣлей правосудія мыслимо лишь при судѣ *по возможности* скоромъ. Только такой судъ желателенъ по дѣламъ гражданскимъ, сопряженнымъ въ большинствѣ случаевъ, особенно въ дѣлахъ тяжбныхъ, съ неожиданными осложненіями какъ фактическими, такъ и юридическими. Обремененность судовъ гражданскихъ еще болѣе затрудняетъ ихъ задачу. Многое можетъ быть приписано въ этомъ случаѣ поспѣшности въ работѣ первой инстанціи. Невольно вызывается сопоставленіе съ уголовнымъ процессомъ. Если предварительное слѣдствіе не имѣетъ недостатковъ, судебное слѣдствіе проходитъ гладко, и кассационныхъ поводовъ меньше. Точно также, когда въ первой инстанціи гражданского суда матеріаль хорошо разработанъ, судейскій кругозоръ мѣтко охватилъ его и освѣтилъ правильными соображеніями,—меньше остается простора апелляціоннымъ, а затѣмъ и кассационнымъ поводамъ.

Въ интересахъ, поэтому, какъ истины, такъ и устраненія обремененности въ дѣлопроизводствѣ—избѣжаніе пробѣловъ и отступленій въ первомъ фазисѣ процесса. Это, —независимо отъ юридической и практической подготовки судебныхъ дѣятелей,—достижимо только смягченіемъ сухого формализма, свойственнаго гражданскому процессу по самому его существу. Того же требуетъ и принципъ равноправія

сторонъ. Собственно говоря, уставъ только наружно формалистиченъ, сухъ; это какъ-бы наружность строгаго барина, подъ которою кроется въ сущности добрейшая душа. Это—не болѣе какъ наружная оболочка нелицеприятія. Хотя, съ одной стороны, судъ въ процессѣ активно не вмѣшивается, а только выслушиваетъ и произноситъ свое рѣшеніе на основаніи данныхъ, представленныхъ сторонами (367 ст. уст. гражд. суд.), но, съ другой стороны, у законодателя не было въ виду создать отсиживающихъ урочное время должностныхъ лицъ, въ нѣмомъ отупѣніи выслушивающихъ пренія. Нѣтъ,—судъ обязанъ не только мыслить, но и проявить ту умственную, правящую силу, которая бодритъ правую и отымаетъ энергію у безцѣльно затягивающей дѣло неправой стороны; мало того, онъ въ извѣстныхъ случаяхъ долженъ играть и роль добраго руководителя, приходитъ на помощь туда, гдѣ онъ прозрѣваетъ правду. Не говоря о цѣломъ рядѣ законоположеній, коими нормируется подготовительная къ судебному засѣданію процедура, законъ прямо-таки, во 1-хъ, вмѣняетъ въ обязанность суду—назначать срокъ для представленія доказательствъ по существеннымъ, но недостаточно разъясненнымъ, обстоятельствамъ, и, во 2-хъ, представляетъ не спѣшить съ произнесеніемъ резолюціи, отлично сознавая, что въ лабиринтъ осложнишагося процесса можно разобраться не въ совѣщательной комнатѣ суда, а по долгомъ обдумываніи въ тиши кабинета. Таковы 368 и 702 ст. уст. гражд. суд.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ быть соблюдено понятіе о равенствѣ на судѣ, если богатый истецъ пригласилъ опытнаго повѣреннаго, а бѣдный отвѣтчикъ, неволью защищаясь самъ или при содѣйствіи менѣе опытнаго и не столь требовательнаго адвоката, запутается въ доводахъ, соображеніяхъ и доказательствахъ, приводимыхъ истцомъ? Судъ, усматривая пробѣлы въ доказательствахъ отвѣтчика, въ оправданіяхъ котораго слышна правдивая нота,—долженъ указать ему на необходимость разъяснить доводы свои доказательствами и назначить ему на это срокъ. Какимъ образомъ, далѣе, можетъ быть соблюдена справедливость, если судъ, увлекшись идеей о быстротѣ, по нѣкоторымъ, но далеко не всѣмъ выяснившимся, основаніямъ, разрѣшитъ дѣло въ томъ же засѣданіи? Понятно, что истецъ стремится къ скорѣйшему исходу процесса въ его пользу. Быть можетъ онъ, въ концѣ концовъ, и правъ и, въ сознаніи своей правоты, основательно рошеть, если дѣло нѣсколько затормозилось, но судъ не прислушивается къ этому ропоту, ибо въ многосложныхъ сдѣленіяхъ процесса проскользнула предъ умственнымъ его взоромъ какая-то тѣнь, которую необходимо разсѣять, морщинка, которую нужно раз-

глядить, а это сопряжено съ размышленіемъ и обдумываніемъ на свободѣ, что рѣшительно невозможно въ тотъ день, когда, кромѣ заслушаннаго, есть еще десятки дѣлъ, ждетъ масса заинтересованныхъ лицъ, и мысли суда никоимъ образомъ не могутъ сосредоточиться на одномъ дѣлѣ. Обыкновенно назначается не больше двухъ-трехъ сложныхъ, затѣмъ съ десятокъ менѣе сложныхъ и десятокъ—другой безспорныхъ и охранительныхъ дѣлъ. Но въ засѣданіи совершается иногда метаморфоза съ менѣе сложными и даже съ безспорными дѣлами. Такъ, напримѣръ: по иску о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, основанному на актѣ, совершенномъ во владѣльческомъ мѣстечкѣ по правиламъ, прилож. къ 922 ст. IX т. зак. о сост., отвѣтчикъ въ засѣданіи заявляетъ о симулятивности акта, какъ выданнаго взамѣнъ закладной крѣпости. Возраженіе сопровождается цѣлымъ рядомъ письменныхъ доказательствъ, на разсмотрѣніе коихъ и выслушаніе по онимъ объясненіи противной стороны требуется продолжительное, не предусмотрѣнное при назначеніи засѣданія, время.

На очереди, затѣмъ, „вексельное“ дѣло. Истецъ просилъ разсмотрѣть дѣло въ его отсутствіи, но отвѣтчикъ, извѣстный до того суду лишь по названію, вслѣдствіе значительнаго числа предъявлявшихся къ нему взысканій,—поражаетъ неожиданною явкой и еще болѣе оригинальнымъ заявленіемъ о томъ, что истецъ съ ума сошелъ, и просьбой объ отсрочкѣ засѣданія для представленія доказательствъ отвода (по 4 п. 571 ст. уст. гр. суд.). По нѣкоторомъ размышленіи, на каковое всетаки уходитъ непредусмотрѣнное время, судъ разрѣшаетъ дѣло по существу и переходитъ къ дѣлу по договору. Квартирантъ не уплатилъ въ срокъ; сверхъ наемной платы ему приходится внести и значительную неустойку. Человѣкъ простой—отвѣтчикъ рассказываетъ цѣлую эпопею своего мученическаго квартированія въ домѣ съ продыравленною крышею, послѣдствіемъ чего былъ цѣлый рядъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ въ собираніи дождевой воды. По договору, ремонтъ крыши лежитъ на обязанности домовладѣльца, съ своей стороны связаннаго неустойкой. Отсюда возникаетъ встрѣчный искъ, сопровождаемый осмотромъ, показаніями свидѣтелей, спросомъ эксперта. Нужно такъ, что въ данномъ засѣданіи всѣ почти, повидимому, безспорныя дѣла осложняются, т. е. работа суда роковымъ образомъ удесят�ряется. Какъ тутъ быть съ дѣйствительно сложными дѣлами по самому ихъ существу? Законодательство и явилось суду на помощь: судъ можетъ, въ крайнемъ случаѣ, отложить резолюцію до другого засѣданія (702 ст. уст. гр. суд.). Можно смѣло сказать, что законъ этотъ—якорь спасенія не только для суда, въ смыслѣ сохраненія

здоровья судей, пригодныхъ, я думаю, не для одного только засѣданія, но и въ интересахъ какъ самой строгой правды, такъ и тяжущихся, ибо лишь то рѣшеніе, какъ это выше уже приведено, можетъ считаться зрѣлымъ, которое всесторонне обдумано.

Тѣмъ не менѣе, въ печати не такъ давно высказанъ былъ рѣзкій протестъ противъ означеннаго закона. Г. Гольденвейзеръ, въ статьѣ ¹⁾ „Объ откладываніи резолюцій по гражданскимъ дѣламъ“, требуетъ полной отмѣны этого закона, усматривая въ существованіи его потрясеніе основъ гласнаго процесса. Статья эта, внѣ сомнѣнія, плодъ увлеченія, продуктъ страстнаго порыва чловѣка, очевидно разочарованнаго въ вождѣлннхъ быстрого исхода процессовъ. На чемъ въ этой статьѣ можно остановиться, такъ это—на прегрѣшеніяхъ секретарской дѣятельности по составленію протоколовъ. Вовсе никакой гибели нельзя усматривать въ томъ, что протоколъ составляется не тутъ же въ засѣданіи; даже самое снабженіе повѣренными секретаря замѣтками не можетъ быть разсматриваемо какъ переходъ къ дореформенному письменному порядку. Далекое нѣтъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ доводить все до крайности: быстрота во что бы ни стало и устность—лишь одна. Процессъ гражданскій требуетъ писанія и писанія масса, только это писаніе должно быть хорошо обставлено и должно сопровождаться выгодными, въ интересахъ той же правды, условіями. Законъ вовсе не брезгаетъ письменною формою. Лучшею иллюстраціей можетъ служить 362 ст. уст. гражд. суд. Сокращенный порядокъ, правда, необходимъ; дѣло должно идти и короче, и безъ балласта, а если этотъ балластъ оказывается неизбѣжнымъ? Или, на примѣръ, съ изданіемъ дополненія къ 719 ст. уст. гражд. судопр., письменный процессъ, въ особенности въ дѣлахъ несложныхъ, получаетъ особое распространеніе: значительное число такихъ дѣлъ рѣшается на основаніи только письменныхъ объясненій и въ отсутствіи сторонъ. Но никто не станетъ настаивать на томъ, что 362 и 719¹ ст.—переходъ къ дореформеннымъ порядкамъ. Не каждый располагаетъ способностію плавно и убѣдительно излагать свои доводы на словахъ, хотя на письмѣ, быть можетъ, и мастерски изложить. Да и суду яснѣе станетъ, когда будетъ изложено въ систематическомъ порядкѣ. Тоже самое можно сказать и о протоколахъ по дѣламъ, рѣшаемымъ не въ томъ засѣданіи, когда они заслушаны. То обстоятельство, что секретарю даютъ замѣтки, составлявшія до сихъ поръ канцелярскую тайну и отнынѣ авторомъ оглашенныя,—само по себѣ не такой вели-

¹⁾ Вѣстникъ права, 1900, IX.

кій грѣхъ; важно, чтобы замѣтки были согласны съ происходившимъ на судѣ. Вѣроятно, и въ судѣ, избранномъ авторомъ прототипомъ, не вполне то довѣряютъ замѣткамъ. Пишущій эти строки удостовѣряетъ, что протоколъ секретаря въ первой редакціи повѣряется членомъ-докладчикомъ, какъ обыкновенно хорошо помнящимъ и, независимо того, располагающимъ своимъ конспектомъ, а затѣмъ и всѣмъ составомъ суда, и весьма часто встрѣчаются, такъ сказать, пересолы въ первой редакціи, что, конечно, объясняется тѣмъ, что ораторъ на свободѣ на думалъ, что данный доводъ имъ долженъ быть приведенъ, хотя на самомъ дѣлѣ въ засѣданіи онъ высказанъ не былъ. Секретарь—одинъ на все отдѣленіе и въ засѣданіе онъ попадаетъ въ рѣдкихъ случаяхъ; обыкновенно же секретарское кресло въ засѣданіи занимаетъ помощникъ секретаря, отъ котораго, ни по получаемому имъ по службѣ вознагражденію, ни по предъявленнымъ къ нему закономъ требованіямъ въ смыслѣ ценза,—ни теоретической, ни практической подготовки ожидать нельзя, а между тѣмъ протоколъ засѣданія въ гражданскомъ дѣлѣ, хотя законъ о протоколѣ не особенно распространяется, имѣетъ капитальное значеніе. Поэтому то повѣренные, главнымъ образомъ присяжные, разъ уже пошло на откровенность, должны построже относиться къ самимъ себѣ и давать замѣтки вполне согласныя съ дѣйствительностью. Опасенія автора въ отношеніи волокиты тоже не выдерживаютъ критики. Начиная съ того, что статьи его вовсе нельзя обобщить: онъ не приводитъ статистическихъ данныхъ о числѣ откладывавшихся по всей Россіи резолюцій. Очевидно, онъ имѣетъ въ виду одинъ или два суда. Въ этихъ же рамкахъ ему можетъ быть противопоставлено возраженіе, что за 12 лѣтъ практики автора сей статьи въ одномъ и томъ же судѣ врядъ ли наберется 12 отложенныхъ по всему суду резолюцій. Магистратура смотритъ на этотъ законъ, какъ на исключительный и, лишь по зрѣломъ обдумываніи самого вопроса о необходимости прибѣгнуть къ нему, откладываетъ резолюцію. Два-три случая, быть можетъ, отыщется такихъ, въ которыхъ вліяніе оказывала та или другая степень опытности судьи-докладчика. Но какъ же быть? Цивилисты не рождаются; они вырабатываются. Только что назначенному изъ слѣдователей или прокурорскаго надзора надобно присмотрѣться, прислушаться и даже подучиться нѣкоторое время, пока войдетъ въ настоящую колею.

Разумѣется, откладываніе резолюцій въ видѣ общаго правила противорѣчило бы принципу непосредственности суда гражданского. Процессу устно-непосредственному, какъ это отмѣчено въ мотивахъ къ Австрійскому уставу гражданского судопроизводства 1895 года, болѣе

всего соотвѣтствовало бы требованіе отъ суда постановлять рѣшеніе немедленно по окончаніи судоговоренія ¹⁾. Та же мысль еще раньше высказана была нашимъ Правительствующимъ Сенатомъ. Докладъ дѣла, состязаніе сторонъ, удаленіе судей въ особую комнату, постановленіе, изложеніе на письмѣ, подписаніе резолюціи и провозглашеніе оной въ открытомъ засѣданіи представляются, по разъясненію Сената ²⁾, непрерывными по каждому отдѣльному дѣлу дѣйствіями, которыя отнюдь не дозволяется смѣшивать съ подобными же дѣйствіями по другимъ дѣламъ; посему неправильно постановленіе резолюцій по выслушаніи всѣхъ или нѣсколькихъ назначенныхъ на данное засѣданіе дѣлъ, а не каждого въ отдѣльности. Но крайнее проведеніе начала непосредственности могло бы не довести до желанной цѣли-достиженія матеріальной истины, или, по крайней мѣрѣ, сближенія съ нею истины формальной. Тѣ-же мотивы къ Австрійскому уставу, гдѣ подчеркнутъ принципъ непосредственности, говорятъ противъ этого слѣдующее: надо имѣть въ виду, что есть очень много дѣлъ, правильное рѣшеніе коихъ требуетъ болѣе продолжительнаго и болѣе спокойнаго размышленія, чѣмъ то, которое возможно, если рѣшеніе постановлять немедленно по окончаніи судоговоренія. Такимъ образомъ, можно высказать *пожеланіе*, чтобы рѣшеніе постановлялось тотчасъ по окончаніи словеснаго разбора, чтобы къ достиженію этого прилагалось какъ можно больше старанія. Но нельзя возвести этого въ строгое правило, если скорости не содѣйствовать на счетъ основательности. Когда возникаютъ спорные юридическіе вопросы, для добросовѣстнаго судьи необходимо будетъ собрать и спокойно взвѣсить данныя за и противъ, обдумать результаты судоговоренія. Едва ли правильно поступилъ бы законодатель, если бы отвѣтилъ отказомъ на этотъ запросъ изъ за незначительнаго ускоренія процесса. На этомъ основаніи въ Австрійскій уставъ и включено положеніе, что рѣшеніе постановляется и объявляется, *если возможно*, немедленно по окончаніи словеснаго разбирательства (ст. 414).

При окончательномъ обсужденіи этого положенія добавлено было поясненіе, что суду надлежитъ постановлять рѣшеніе возможно чаще („So oft als möglich“) подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ словеснаго разбирательства, но что, конечно, отнюдь не имѣется въ виду направлять этимъ судъ къ чрезмѣрно спѣшному постановленію рѣшеній; само собою разумѣется, что при трудныхъ юридическихъ вопросахъ, при сложности фактическихъ данныхъ и доказательствъ, постановленіе и

¹⁾ Hugo Shauer. Die Civilprozessordnung. Wien, 1898, стр. 699.

²⁾ Рѣш. общ. собр. 1-го и касс. деп. 1885 г. № 16, Соединен. Присутствія 1885 г. № 733, (по сборнику 1896 г., стр. 542).

объявленіе рѣшеній не можетъ непосредственно примыкать къ разбирательству на судѣ ¹⁾).

Такимъ образомъ, откладыванье резолюціи, являясь неизбѣжнымъ исключеніемъ, безъ котораго не можетъ обойтись общее правило о непосредственномъ постановленіи рѣшеній, должно быть въ принципѣ признано законодательствомъ въ интересахъ правды и именно въ той внушительной и, въ то-же время, сдержанной, по отношенію къ престижу суда, формѣ, въ какой изложена 702 ст. уст. угол. суд.

Въ литературѣ и на практикѣ самое право суда на откладыванье резолюціи до сихъ поръ стояло внѣ всякаго спора. Болѣе или менѣе оживленные дебаты вызваны лишь вопросомъ объ опредѣленіи времени отсрочки. По мнѣнію профессора Гольмстена ²⁾, подъ выраженіемъ приведеннаго закона „до другого засѣданія“, разумѣется одно изъ послѣдующихъ засѣданій, а не непременно слѣдующее по очереди. Въ такомъ же смыслѣ высказывался раньше Сенатъ ³⁾. Но впоследствіи ⁴⁾ Сенатъ разъяснилъ, что откладыванье не можетъ быть очень отдаленнымъ, въ виду 66 ст. основныхъ положеній, предполагавшей допустить отсрочку не далѣе какъ на двѣ недѣли. Наилучшимъ выходомъ изъ этого положенія явится максимальное опредѣленіе продолжительности отсрочки. Судъ, какъ проводникъ жизненныхъ явленій, долженъ считаться и со всякими деталями, къ нимъ относящимися. Къ числу ихъ относится и весьма понятное томленіе, испытываемое сторонами не только при неизвѣстности исхода дѣла, но и при неопредѣленіи—когда же, наконецъ, этотъ исходъ будетъ извѣстенъ. Поэтому, весьма рациональнымъ является предположеніе проекта новой редакціи уст. гражд. судопр. ⁵⁾ о допущеніи отсрочекъ не далѣе какъ на двѣ недѣли и, во избѣжаніе медленности въ объявленіи резолюцій, и согласно съ предназначеніями составителей судебныхъ уставовъ ⁶⁾. При такихъ условіяхъ отсрочка въ постановленіи и объявленіи резолюцій въ тѣхъ, притомъ исключительныхъ, случаяхъ когда отсрочка вызывается крайнею необходимостью, не являясь бременемъ для тяжущихся, дастъ суду возможность выполнить завѣтъ своего Творца—быть судомъ „скорымъ, правымъ и равнымъ для всѣхъ“.

М. А. Гордонъ.

¹⁾ Schauer цит. 699, 700.

²⁾ Юридич. изслѣдованія 1894 г. стр. 394. См. также по этому вопросу Руководство Побѣдоносцева, положен. 418.

³⁾ Рѣш. гражд. касс. деп. Сената 1876 г. № 588.

⁴⁾ Рѣшеніе 1896 г. № 62.

⁵⁾ Ст. 613 проекта.

⁶⁾ Объяснительная записка къ проекту, II, стр. 45.

V.

ПОТЕРПѢВШЕЕ ОТЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯ ЛИЦО ВЪ УГОЛОВНОМЪ ПРОЦЕССѢ

**по Проекту Высочайше утвержденной Коммисіи для пересмотра
законоположеній по судебной части изд. 1900 г.**

Въ 1885 г. въ Римѣ, во время международнаго тюремнаго конгресса, образовался международный антропологическій съѣздъ криминалистовъ, который, въ составѣ 108 лицъ, между прочимъ, принялъ единогласно слѣдующую резолюцію: съѣздъ, убѣжденный въ необходимости обезпечить гражданское вознагражденіе не только въ интересѣ потерпѣвшихъ отъ преступленія, но и въ качествѣ одного изъ средствъ карательной и предупредительной обороны общества противъ преступленія, выражаетъ желаніе, чтобы положительныя законодательства создали болѣе дѣйствительныя, направленные противъ преступниковъ, ихъ соучастниковъ и укрывателей, способы къ практическому осуществленію гражданского вознагражденія во всѣхъ уголовныхъ судахъ, признавая достиженіе этой цѣли общественною обязанностью, ввѣренною прокурорскому надзору, во время суда, судья при постановленіи приговора, тюремной администраціи, при расчетѣ денежной награды за пенитенціарный трудъ и при условномъ освобожденіи изъ заключенія ¹⁾).

На конгрессѣ международнаго общества криминалистовъ въ Христіаніи, собиравшемся въ 1891 году, между прочими, были постановлены слѣдующія вопросы: „не должно-ли уголовное законодательство

---

¹⁾ Журналъ гражданского и уголовного права 1886 г. кн. 7.

болѣе, чѣмъ нынѣ, считаться съ интересами пострадавшаго отъ посягательства лица?“

„Какія мѣры могли-бы быть предложены съ этой цѣлью? Не слѣдуетъ-ли именно предоставить обвинительной власти право предъявлять въ извѣстныхъ случаяхъ, отъ своего имени и безъ вступленія въ дѣло гражданскаго истца, требованіе о присужденіи виновнаго къ вознагражденію пострадавшаго отъ преступленія?“

Наконецъ, засѣдавшій въ 1895 году въ Парижѣ международный тюремный конгрессъ призналъ: а) что уголовному законодательству слѣдуетъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ нынѣ, озаботиться обезпеченіемъ вознагражденія потерпѣвшаго; б) что гражданскій истецъ, присоединившейся къ уголовному обвиненію, не можетъ быть присужденъ къ судебнымъ издержкамъ; в) что гражданскому истцу въ уголовномъ судѣ можетъ быть назначенъ защитникъ; г) что прокурорскій надзоръ долженъ имѣть право по уголовнымъ дѣламъ средней и высшей важности предложить суду предъявленное требованіе потерпѣвшаго о вознагражденіи и д) что права потерпѣвшаго по взысканію съ имущества обвиняемаго пользуются привилегіею предъ другими взысканіями, наравнѣ съ требованіями казны о возмщеніи судебныхъ издержекъ ¹⁾.

По этимъ вопросамъ въ высшей степени интересный докладъ конгрессу въ Христіаніи въ 1891 г. былъ представленъ профессоромъ Прэнсомъ, характеризующій современное направленіе въ уголовномъ правѣ. „Введенный во времена феодализма“, говоритъ Прэнсъ, „порядокъ публичнаго преслѣдованія и организація обвинительной власти, при монархическомъ управленіи, мало по малу приучили общество видѣть въ отправленіи уголовного правосудія лишь средство охраны соціальнаго порядка, защиту теоретическаго интереса государства, и относиться безразлично къ огражденію интереса частнаго, правъ и требованій пострадавшихъ отъ преступленій лицъ. Современная теорія объ исправленіи виновныхъ, съ своей стороны, дала развитіе такому карательному режиму, при которомъ болѣе заботятся объ участи осужденнаго, чѣмъ о судьбѣ его жертвы. Исторія древнихъ законодательствъ свидѣтельствуетъ, однако, что не всегда такъ было, и что правовое сознаніе человѣчества болѣе молодого, дѣйствовавшаго подъ непосредственнымъ вліяніемъ чувства, менѣе ученаго, но болѣе реальнаго, чѣмъ современное, обезпечивало пострадавшему отъ посягательства лицу большее удовлетвореніе, сравнительно съ тѣмъ, которое предоставляемъ ему мы, и давало началу вознагражденія за вредъ,

¹⁾ Судебная Газета 1895 г. № 31.

причиненный посягательствомъ болѣе дѣйствительное, чѣмъ нынѣ осуществленіе“¹⁾. Дѣйствующій уставъ 1864 года нормируетъ процессуальное положеніе потерпѣвшаго лица въ уголовномъ процессѣ въ такомъ видѣ:

1) По всѣмъ дѣламъ низшей подсудности т. е. мировой юстиціи, потерпѣвшее лицо является обвинителемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ гражданскимъ истцомъ и дѣйствуетъ единолично или съ участіемъ органовъ полиціи и другихъ должностныхъ лицъ.

2) По дѣламъ высшей подсудности, подвѣдомственнымъ окружному суду, потерпѣвшій по тѣмъ изъ этихъ дѣлъ, которыя могутъ быть прекращаемы примиреніемъ, является единоличнымъ обвинителемъ безъ всякаго участія въ процессѣ прокурора, а по всѣмъ остальнымъ дѣламъ допускается только въ качествѣ свидѣтеля и, въ качествѣ гражданского истца, причемъ по этимъ дѣламъ обвиненіе полностью предоставляется прокурору безъ всякаго участія потерпѣвшаго.

3) Какъ гражданскій истецъ, потерпѣвшій съ самаго начала до судебного приговора при предварительномъ слѣдствіи можетъ просить объ обезпеченіи своего иска—наложенія запрещенія или ареста на имущество обвиняемаго.

4) Въ качествѣ гражданского истца потерпѣвшій остается въ уголовномъ процессѣ во все время производства послѣдняго и, несмотря на прекращеніе уголовного преслѣдованія по законнымъ причинамъ (смерть обвиняемаго, давность, помилованіе), или оправданія обвиняемаго, если только оно послѣдовало не вслѣдствіе признанія судомъ недоказанными факта преступленія или совершенія его подсуднымъ.

По проекту Высочайше учрежденной комисіи для пересмотра законоположеній по судебной части 1900 г., порядокъ дѣятельности потерпѣвшаго установленъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) По дѣламъ низшей подсудности оставленъ въ силѣ прежній порядокъ, т. е. обвиненіе потерпѣвшимъ единолично или съ участіемъ разныхъ должностныхъ лицъ²⁾.

2) По дѣламъ высшей подсудности по тѣмъ изъ нихъ, въ которыхъ прежде законъ предоставлялъ уголовное преслѣдованіе исключительно потерпѣвшему лицу, проектомъ предположено поручить это преслѣдованіе и прокуратурѣ наряду съ частнымъ обвинителемъ, а

¹⁾ Юридическая Лѣтопись 1891 г. Октябрь.

²⁾ Ст. 4 проекта. По уголовнымъ дѣламъ, подвѣдомственнымъ участковымъ судьямъ, обличеніе обвиняемыхъ предъ судомъ предоставляется потерпѣвшимъ отъ преступныхъ дѣяній частнымъ лицамъ, а также полицейскимъ и другимъ административнымъ властямъ, въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ.

по остальнымъ дѣламъ обличеніе предоставляется прокурорскому надзору и наряду съ нимъ потерпѣвшему не предъявлявшему гражданскаго иска ¹⁾.

3) Гражданскій истецъ такъ же, какъ и по уставу, можетъ просить объ обезпеченіи иска въ самомъ началѣ процесса при предварительномъ слѣдствіи и даже болѣе того, этотъ искъ обезпечивается помимо просьбы потерпѣвшаго безъ предъявленія даже имъ гражданскаго иска самимъ слѣдователемъ, если послѣдній удостовѣрится въ необходимости принятія такой мѣры ²⁾.

4) Участіе гражданскаго истца въ уголовномъ процессѣ по проекту зависитъ при обвинительномъ приговорѣ отъ усмотрѣнія суда, который можетъ устранить гражданскій искъ изъ своего разсмотрѣнія, предоставивъ послѣднее суду гражданскому, и тѣ же послѣдствія наступаютъ, но не по усмотрѣнію суда ³⁾, а обязательно въ случаѣ прекращенія уголовного преслѣдованія по законнымъ причинамъ (смерти обвиняемаго, давности, помилованія и проч.) и въ случаѣ разрѣшенія дѣла оправдательнымъ приговоромъ ⁴⁾.

¹⁾ Ст. 3 проекта. По уголовнымъ дѣламъ, подвѣдомственнымъ окружнымъ судамъ, судебнымъ палатамъ и Правительствующему Сенату, обличеніе обвиняемыхъ предъ судомъ возлагается на прокурорскій надзоръ и, наряду съ нимъ предоставляется потерпѣвшимъ отъ преступныхъ дѣяній частнымъ лицамъ въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ. Ст. 5 проекта. Изъ правила, въ статьѣ 3 сего устава постановленнаго, не изъемяются и тѣ уголовныя дѣла, которыя на основаніи законовъ не иначе могутъ быть возбуждаемы, какъ вслѣдствіе жалобы потерпѣвшаго отъ преступнаго дѣянія лица. Сія дѣла подлежатъ вѣдѣнію прокурорскаго надзора и производятся на общемъ основаніи, потерпѣвшему лицу принадлежитъ право прекращать оныя примиреніемъ съ обвиняемымъ въ указанныхъ закономъ случаяхъ. (Улож. наказ. ст. 157). Ст. 501 проекта. Потерпѣвшему, не предъявляющему гражданскаго иска, предоставляется до открытія судебного засѣданія просить судъ о допущеніи его къ участию въ дѣлѣ на правахъ обвинителя.

²⁾ Ст. 153. Когда по обстоятельствамъ дѣла, судья, производящій слѣдствіе, удостовѣрится въ необходимости принять безотлагательно мѣры къ обезпеченію могущаго пасть на обвиняемаго денежнаго взыскація или иска о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные его дѣйствіями, или когда онъ признаетъ просьбу о томъ гражданскаго истца уважительною, то налагаетъ арестъ или запрещеніе на имущество обвиняемаго.

³⁾ Во внесенномъ въ Государственный Совѣтъ проектѣ, это право суда исключено изъ ст. 798 проекта Ср. И. Г. Щегловитовъ, пересмотрѣнные Судебные Уставы наканунѣ законодательнаго обсужденія, Журн. М.—ва Юстиціи Январь, 1902 г., стр. 207.

Прим. Ред.

⁴⁾ Ст. 798 Проекта. Судъ вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшаетъ своевременно предъявленный гражданскій искъ; но въ случаѣ оправданія или освобожденія отъ нака-

5) Потерпѣвшій, не бывши гражданскимъ истцомъ, т. е. дополнительный обвинитель имѣеть право приносить кассационныя жалобы во всѣхъ случаяхъ наравнѣ съ прокуроромъ, гражданскій же истецъ можетъ принести жалобу на приговоръ суда, коимъ разрѣшенъ гражданскій искъ, а по остальнымъ приговорамъ имѣеть только право присоединиться къ прокурору или къ потерпѣвшему, бывшему обвинителемъ по дѣлу ¹⁾).

Обращаясь къ сравненію положенія потерпѣвшаго отъ преступленія по дѣйствующему уставу 1864 г. и по Проекту, оказывается, что по уставу бремя уголовного преслѣдованія, т. е. обвиненія, возложено или на одного потерпѣвшаго по дѣламъ частнаго обвиненія, или на прокурора по остальнымъ дѣламъ. Что касается до потерпѣвшаго, какъ гражданского истца, то положеніе его уставомъ угол. суд. обставляется вполне для него, истца, удовлетворительно: разъ заявивъ свои права въ уголовномъ судѣ, онъ остается въ немъ все время, пользуясь содѣйствіемъ прокурора для доказательства факта преступленія и совершенія его обвиняемымъ. Для прокурора же участіе гражданского истца въ процессѣ, какъ показала практика, рѣдко полезно, такъ какъ при мягкосердіи русскихъ присяжныхъ часто признаніе ими факта, отъ котораго зависѣлъ искъ, давало имъ предлогъ къ оправданію преступника. Такъ, напримѣръ, былъ случай, что по дѣлу о подложномъ составленіи закладныхъ, присяжные признали подложными 20 закладныхъ, но отвергли виновность лица, совершившаго эти 20 подлоговъ. При всѣхъ этихъ условіяхъ положеніе обвиняемаго от-

---

занія подсудимаго, судъ, при заявленіи съ его стороны спора противъ предъявленнаго иска, предоставляет разрѣшеніе онаго суду гражданскому. Равнымъ образомъ и въ случаѣ признанія подсудимаго виновнымъ, судъ можетъ, въ виду особой сложности возникшихъ изъ преступныхъ дѣяній правоотношеній, устранить разрѣшеніе гражданского иска, предоставивъ истцу обратиться съ таковымъ въ гражданскій судъ. Ст. 18 уст. угол. суд. Допускавшееся уголовное преслѣдованіе, въ случаѣ прекращенія дѣла за смертью, давностью и проч., проектомъ отмѣнено.

¹⁾ Ст. 870 Проекта. Потерпѣвшій, пользовавшійся правами обвинителя на судѣ, можетъ принести кассационную жалобу, хотя бы приговоръ не былъ протестованъ прокурорскимъ надзоромъ.

Ст. 871 проекта. Гражданскій истецъ, не бывшій обвинителемъ по дѣлу можетъ приносить кассационную жалобу лишь на приговоръ, коимъ разрѣшенъ, предъявленный гражданскій искъ (ст. 798), и притомъ только по поводу тѣхъ частей приговора, которыя касаются сего иска. На остальные приговоры означенный гражданскій истецъ не можетъ подать самостоятельную жалобу, но имѣеть право присоединиться къ кассационнымъ протесту или жалобѣ, принесеннымъ прокурорскимъ надзоромъ или потерпѣвшимъ, бывшимъ обвинителемъ по дѣлу.

носителю благоприятно: противъ себя онъ имѣетъ только единичныя силы—или частнаго обвинителя—или прокурора; присутствіе же гражданскаго истца для обвиняемаго скорѣе полезно, давая возможность иногда, какъ видно изъ вышеприведеннаго примѣра, отдѣлаться проигрышемъ иска. Такимъ образомъ, въ окончательномъ выводѣ оказывается, что по дѣйствующему уставу уголовное преслѣдованіе не отличается достаточной репрессіей, результатомъ чего, въ связи съ нѣкоторыми другими условіями, явилась относительная безнаказанность преступленій. Такъ, у насъ по дѣламъ съ присяжными на 100 подсудимыхъ оправдывается среднимъ числомъ 36 лицъ въ годъ, тогда какъ во Франціи 29, въ Австріи 26, а въ Германіи только 25. По проекту картина постановки уголовного преслѣдованія получается иная. Государственная власть въ лицѣ прокурора стремится возможно болѣе использовать пострадавшее отъ посягательства лицо, но не въ интересѣ послѣдняго, а въ своемъ собственномъ т. е. въ интересѣ наказанія и изобличенія преступника. Въ этихъ видахъ потерпѣвшее лицо возвышается въ уголовномъ процессѣ даже до уровня прокурора, но подъ условіемъ единства цѣлей, т. е. чтобъ потерпѣвшій въ процессѣ дѣйствовалъ лишь съ цѣлью достигнуть осужденія и наказанія виновнаго; разъ только онъ обнаруживаетъ склонность къ вознагражденію себя за вредъ и убытки отъ преступленія, онъ остается въ безпомощномъ и сомнительномъ состояніи. Правда, онъ допускается къ присутствію въ уголовномъ процессѣ, но одинъ, безъ всякаго содѣйствія прокурора, и притомъ подъ страхомъ быть устраненнымъ по дискреціонной власти суда. Затѣмъ, оставаясь въ процессѣ въ качествѣ гражданскаго истца, потерпѣвшій теряетъ право на самостоятельное обвиненіе и не имѣетъ предоставлявшихся уставомъ угол. суд. льготъ, напримѣръ, права просить о постановкѣ на судѣ присяжныхъ отдѣльнаго вопроса о фактѣ преступленія ¹⁾, и права на удовлетвореніе иска при всякомъ положеніи дѣла. Такимъ образомъ мы видимъ, что проектъ вводитъ по данному предмету крупное измѣненіе, и важно разсмотрѣть мотивы его. Обращаясь къ трудамъ комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ оказывается, что комиссія прежде всего имѣла въ виду указаніе существующей судебной практики. Въ 1895 году, по порученію министра юстиціи, были

---

¹⁾ Постановка вопроса о фактѣ измѣнена ст. 732 Проекта. Вопросы о томъ: совершилось ли событіе преступнаго дѣянія—было ли оно совершено подсудимымъ и должно ли оно быть вмѣнено ему въ вину—соединяются въ одинъ совокупный вопросъ о виновности подсудимаго.

обревизованы судебныя постановленія, и въ ревизіонныхъ отчетахъ имѣются, между прочимъ, слѣдующія указанія по поводу участія гражданскаго истца при производствѣ уголовного дѣла.

„Участіе гражданскаго истца“, говорится въ одномъ отчетѣ, „какъ въ судебномъ слѣдствіи, такъ и въ судебныхъ преніяхъ, нерѣдко вноситъ нежелательныя осложненія, ибо трудно вполнѣ разграничить роль обвинителя отъ роли гражданскаго истца, который въ виду сего обыкновенно является вторымъ обвинителемъ.

Между тѣмъ, благодаря чисто частнымъ интересамъ, представителемъ которыхъ является потерпѣвшій, дѣятельность послѣдняго иногда становится въ противорѣчіе съ дѣятельностью прокурорскаго надзора. Такимъ образомъ судебному слѣдствію при его состязательномъ характерѣ дается со стороны представителей обвиненія и гражданскаго иска двойственное направленіе, что въ результатѣ вноситъ неопредѣленность и неясность, значительно затрудняющія судъ при постановленіи приговора“.

„Подчасъ беззастѣнчивое“, значитъ въ другомъ отчетѣ, „преслѣдованіе гражданскимъ истцомъ личныхъ матеріальныхъ интересовъ имѣетъ часто неблагоприятное вліяніе на присяжныхъ засѣдателей и порождаетъ такіе приговоры, въ которыхъ жалость къ матеріальному положенію подсудимаго или его семьи играетъ болѣе значительную роль, чѣмъ интересы правосудія“ (труды Высочайше учрежденной комисіи для пересмотра законоположеній по судебной части т. III стр. 519 и слѣд.). „Участіе гражданскаго истца въ уголовномъ процессѣ“, упоминается въ третьемъ отчетѣ, „должно быть признано явленіемъ нежелательнымъ“.

Дѣйствительно, появленіе его прежде всего нарушаетъ до известной степени равновѣсіе сторонъ: противъ подсудимыхъ уже не одинъ, а два обвинителя. Затѣмъ, самый вопросъ о гражданскомъ искѣ, какъ послѣдствіе признанія подсудимаго виновнымъ, вопросъ, не подлежащій разрѣшенію присяжныхъ, не можетъ да и не долженъ ихъ интересовывать, а между тѣмъ они принуждены, отвлекаясь отъ прямого своего дѣла, выслушивать иногда цѣлое слѣдствіе, производимое, напримѣръ, для установленія размѣра убытковъ. Наконецъ, уголовный судъ, призванный къ разрѣшенію существеннѣйшаго вопроса о виновности подсудимаго, относится къ вопросу о гражданскомъ искѣ, какъ къ вопросу второстепенному, и потому присужденіе иска уголовнымъ судомъ не обставлено тѣми условіями и гарантіями, которыми пользуются стороны въ судѣ гражданскомъ (Труды т. V стр. 228 и слѣд.). Въ виду, вѣроятно, подобныхъ отрицательныхъ указаній судебной практики въ

коммисіи былъ прямо поставленъ вопросъ объ отмѣнѣ соединеннаго процесса, но затѣмъ, по разсмотрѣніи взглядовъ на этотъ вопросъ иностранной юридической литературы и законодательствъ, а также и законодательныхъ соображеній нынѣ дѣйствующаго устава, комиссія собственно пришла къ самымъ благопріятнымъ выводамъ въ пользу соединеннаго процесса. Такъ, въ соображеніяхъ комиссіи указывается на замѣчательное постановленіе 440 ст. Норвежскаго уст. судопроизводства 1887 года, которое даетъ прокурорской власти право, по просьбѣ потерпѣвшаго, или по собственной инициативѣ, поддерживать на судѣ гражданскій искъ ¹⁾, на выдвигаемую нѣкоторыми законодательствами, а также международными конгрессами, бывшими въ 1892 году въ Христианіи, а въ 1895 году въ Парижѣ, мысль о необходимости установить болѣе дѣйствительныя мѣры для обезпеченія вознагражденія потерпѣвшаго ²⁾, а самое главное, на соображенія и составителей судебныхъ уставовъ 1864 года, къ которымъ комиссія всецѣло присоединяется, находя ихъ, какъ говорится, въ объяснительной запискѣ комиссіи, имѣющими глубокое практическое значеніе.

Именно изъ этихъ соображеній комиссія остановилась на слѣдующихъ: требованіе о вознагражденіи за причиненные преступленіемъ или проступкомъ вредъ и убытки, разсуждали они, имѣеть нѣкоторыя свойства гражданскаго иска и могло бы подлежать разсмотрѣнію суда гражданскаго, но отъ принятія такого правила нерѣдко одно и то же дѣло разсматривалось бы два раза: сперва о самомъ преступленіи или проступкѣ, потомъ о вознагражденіи за причиненные имъ вредъ и убытки. Такой порядокъ, затягивая дѣлопроизводство, замедлил бы окончаніе дѣлъ о вознагражденіи, ибо судъ гражданскій не могъ бы приступить къ разсмотрѣнію дѣла до совершеннаго окончанія уголовнаго производства о самомъ преступленіи или проступкѣ, давшемъ поводъ къ иску о вознагражденіи. Принявъ во вниманіе всѣ эти соображенія и свѣдѣнія, комиссія пришла къ слѣдующимъ выводамъ: не можетъ быть упускаемо изъ виду то, выдвигаемое за послѣднее время нѣкоторыми западно-европейскими законодательствами (Австрійскимъ, Норвежскимъ) и международными конгрессами положеніе, что въ интересахъ государства необходимо не только наказывать виновника преступнаго дѣянія, но и позаботиться о вознагражденіи потерпѣвшаго, и что въ частности для государства весьма важно, чтобы преступникъ не пользовался плодами уголовно наказуемаго посягатель-

---

¹⁾ Об. З. т. I, стр. 83.

²⁾ Об. З. т. I, стр. 85.

ства. Такъ, резолюціею Парижскаго международнаго тюремнаго конгресса 1895 г. было, между прочимъ, признано, что въ уголовномъ законодательствѣ необходимо установить болѣе дѣйствительныя мѣры для обезпеченія вознагражденія потерпѣвшаго; поэтому коммисія полагаетъ ¹⁾, что государство не можетъ относиться безразлично къ интересамъ лица, пострадавшаго отъ преступнаго дѣянія, и должно по возможности облегчить ему возмѣщеніе вреда и убытковъ, причиненныхъ этимъ дѣяніемъ. Цѣль же эта безъ всякаго сомнѣнія лучше всего достигается предоставленіемъ потерпѣвшему права присоединиться въ качествѣ лица, участвующаго въ дѣлѣ, къ уголовному процессу. Указываемыя въ научной литературѣ и въ нѣкоторыхъ упомянутыхъ выше ревизіонныхъ отчетахъ неудобства и затрудненія, которыя проистекаютъ отъ такого соединенія уголовного и гражданскаго исковъ, не могутъ умалить значенія тѣхъ основныхъ соображеній, которыми подобная мѣра оправдывается, тѣмъ болѣе, что многія изъ замѣченныхъ неудобствъ возможно устранить путемъ частичныхъ измѣненій отдѣльныхъ процессуальныхъ постановленій, опредѣляющихъ положеніе гражданскаго истца въ уголовномъ процессѣ. Приводя эти соображенія, коммисія ссылается въ подкрѣпленіе ихъ и еще на нѣкоторые другіе отчеты по ревизіи 1895 года, въ которыхъ между прочимъ высказано, что удовлетвореніе потерпѣвшаго составляетъ одно изъ главныхъ условій успокоенія общества по поводу преступнаго дѣянія и что поэтому означенное удовлетвореніе должно входить, какъ составная часть, въ уголовный искъ государства къ подсудимому ²⁾.

Итакъ, казалось бы, что, въ виду всѣхъ этихъ принятыхъ коммисіею доводовъ въ пользу соединеннаго процесса, положеніе потерпѣвшаго, какъ гражданскаго истца, въ уголовномъ процессѣ не должно было бы умалиться, въ сравненіи съ существующимъ порядкомъ, а между тѣмъ въ виду редакціи 798 ст. проекта въ дѣйствительности соединенный процессъ оказывается проектомъ уничтоженнымъ, такъ какъ на основаніи проектируемаго закона гражданскій искъ категорически устраняется въ случаѣ оправданія или освобожденія отъ наказанія подсудимаго и даже при признаніи подсудимаго виновнымъ устраняется по усмотрѣнію суда въ случаѣ особой сложности дѣла ³⁾. Повторяемъ, такимъ образомъ, соединенный процессъ оказывается уничтоженнымъ, потому что всякій, кто знаетъ наши судебные порядки, со-

---

¹⁾ Об. З. т. I, стр. 85.

²⁾ Объяс. З. т. I, стр. 86 примѣч.

³⁾ См. выше примѣчаніе редакціи.

гласится, что никакой судья, при многосложности и трудности своихъ обязанностей, лишней работы на себя не возьметъ, а, слѣдовательно, это право суда устранять гражданскій искъ необходимо сдѣлается общимъ правиломъ, тѣмъ болѣе, что ограничить это правило случаями дѣйствительной сложности дѣла, — кассационная инстанція не въ состояннн, такъ какъ это составляетъ вопросъ существа. Если же такимъ образомъ судебная практика мало по малу усвоитъ себѣ этотъ пріемъ устраненія гражданского иска изъ уголовного суда, то желающихъ являться въ уголовномъ процессѣ гражданскими истцами, съ теченіемъ времени, будетъ все менѣе и менѣе, и слѣдовательно эта процессуальная форма должна въ послѣдствіи фактически упраздниться.

Такой результатъ, казалось бы, не соотвѣтствуетъ взглядамъ и самой комиссіи. Кромѣ того, если законодательство должно считаться съ интересами большинства, то, при бѣдности и малограмотности нашего сельскаго населенія, для крестьянина преградится почти возможность отыскивать вредъ и убытки отъ преступленія, такъ какъ дополнительнымъ обвинителемъ для него быть неинтересно, потому что приходится по окончаннн дѣла въ уголовномъ судѣ обращаться еще въ гражданскій и тратиться тамъ на судебныя пошлины и другія издержки, а вступать въ уголовное дѣло просто гражданскимъ истцомъ, какъ было выше указано, безцѣльно.

Въ окончательномъ выводѣ остается замѣтить, что вышеприведенная, высказанная на трехъ европейскихъ конгрессахъ, мысль о необходимости для современнаго законодательства болѣе чѣмъ прежде считаться съ интересами пострадавшаго отъ преступленія лица, въ дѣйствительности не отразилась на проектѣ, хотя послѣднимъ, какъ видно изъ приведенныхъ соображеній, эта мысль и раздѣляется въ теоріи и даже предполагается осуществленною (съ чѣмъ согласиться трудно) созданиемъ дополнительнаго обвинителя въ лицѣ потерпѣвшаго.

А. Скобелъцынъ.

VI.

НОВЫЕ ГЕРМАНСКІЕ ЗАКОНЫ ОБЪ АВТОРСКОМЪ И ИЗДАТЕЛЬСКОМЪ ПРАВѢ.

отъ 19 іюня 1901 г.

Въ октябрьской книгѣ „Вѣстника Права“ за 1899 г. былъ помѣщенъ въ переводѣ внесенный въ 1899 г. въ Рейхстагъ проектъ новаго закона объ авторскомъ правѣ на произведенія литературы и музыки, выработанный имперскимъ вѣдомствомъ юстиціи. Проектъ объ издательскомъ договорѣ, оставленномъ, какъ извѣстно въ новомъ гражданскомъ уложеніи, вступившемъ въ дѣйствіе съ 1 января 1900 г., безъ нормировки, въ ожиданіи особаго по сему предмету закона, выработанъ былъ тѣмъ же вѣдомствомъ позднеѣ, а именно въ 1900 г., и тогда же внесенъ въ Рейхстагъ. Оба проекта были одновременно рассмотрѣны весной минувшаго года, и 19 іюня 1901 г. были окончательно утверждены, а съ 1 января 1902 г. они вступили въ дѣйствіе.

Оба проекта—объ авторскомъ и издательскомъ правѣ были предметомъ весьма оживленнаго обмѣна мнѣній въ специальной юридической литературѣ въ Германіи, въ каковомъ обмѣнѣ приняли участіе многіе писатели и въ особенности представители издательскаго дѣла.

Краткія соображенія мотивовъ къ проекту закона объ авторскомъ правѣ, обосновывающія необходимость новаго закона, въ замѣну закона 11 іюня 1870 г., были изложены въ указанной выше книгѣ „Вѣстника Права“ въ видѣ предисловія къ переводу проекта, и поэтому здѣсь нѣтъ надобности повторять ихъ.

Что же касается закона объ издательскомъ договорѣ, то онъ является первымъ специальнымъ закономъ въ Германіи, посвященнымъ

издательскому дѣлу, до сихъ поръ нормировавшемуся обычнымъ правомъ и правилами, выработанными биржевымъ союзомъ книготорговцевъ въ Лейпцигѣ. Въ Прусскомъ Ландрехтѣ имѣлось лишь опредѣленіе существа издательскаго договора (Verlagsvertrag, § 966 и сл.), въ Саксонскомъ гражданскомъ уложеніи 1863 г. этому договору посвященъ былъ особый отдѣлъ (§§ 1139—1149); въ небольшихъ германскихъ государствахъ были сдѣланы въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія попытки къ законодательному нормированію издательскаго договора ¹⁾. Но ни прусскій ландрехтъ, ни саксонское уложеніе не исчерпывали всѣхъ сторонъ и отношеній, создаваемыхъ издательскимъ договоромъ, и судебная практика, въ тѣхъ, правда, немногихъ случаяхъ, когда ей приходилось считаться съ возникающими изъ существа договора вопросами, должна была обращаться къ обычному праву. При составленіи гражданскаго уложенія для всей Германской Имперіи, рѣшено было и издательскій договоръ подвергнуть общеимперской нормировкѣ, но признано было нужнымъ этому вопросу посвятить особый спеціальнй законъ, который долженъ быть изданъ одновременно съ пересмотромъ закона объ авторскомъ правѣ.

Упомянемъ здѣсь же, что, кромѣ Германіи, нынѣ только въ Венгріи (1875 г.) и въ Швейцаріи (1883 г.) имѣются спеціальныя законы объ издательскомъ правѣ.

Издательское право обнимаетъ собою, въ смыслѣ объективномъ, всю совокупность отношеній, вытекающихъ изъ того обстоятельства, что обычно авторъ не самъ осуществляетъ свое право размноженія и распространенія созданнаго имъ произведенія, а предоставляетъ это право предпринимателю (Verleger), который выпускаетъ сочиненіе въ свѣтъ и распространяетъ его на свой счетъ. Отъ этого обычнаго въ Германіи случая надо отличить тѣ, когда авторъ сдаетъ изданіе на комиссію, т. е. когда печатаніе и распространеніе производятся книготорговцемъ за счетъ автора, хотя бы издержки и покрывались изъ вырученной отъ продажи суммы (Kommissionsverlag).

Значеніе новаго закона объяснено въ мотивахъ къ проекту слѣдующимъ образомъ.

„По существу новый законъ не стремится создать новое право, а лишь фиксируетъ сложившееся *обычное* право, въ томъ видѣ, какъ оно выработалось, подъ вліяніемъ общепризнанныхъ въ достигшемъ высokaго уваженія нѣмецкомъ издательскомъ промыслѣ приемовъ, наукою

---

¹⁾ Въ Баденскомъ кодексѣ, § 577; въ Саксенъ-Кобургъ Гота—законъ 18 сентября 1822 г., Саксенъ-Мейнингенъ — 7 мая 1829 г., Ангальтъ — 15 ноября 1827 г.

и судебною практикою; новый законъ разрѣшаетъ лишь отдѣльные спорные вопросы и приводитъ нормы издательскаго права въ соотвѣтствіе съ общими началами гражданскаго уложенія“.

„Законъ опредѣляетъ для тѣхъ случаевъ, когда заключенный между сторонами издательскій договоръ не содержитъ достаточныхъ постановленій, границы обязанности автора воздержаться отъ размноженія и распространенія даннаго сочиненія и предоставить таковыя издателю, и этимъ самымъ дается и опредѣленіе предѣловъ правъ самого издателя“. „При этомъ нельзя оставить безъ вниманія то обстоятельство, что въ дѣловомъ обиходѣ между авторомъ или композиторомъ, съ одной стороны, и издателемъ—съ другой—послѣдній обыкновенно является болѣе опытнымъ въ отношеніи дѣловомъ и экономически болѣе сильнымъ. Поэтому, въ сомнительныхъ случаяхъ, законъ становится на сторону автора, предоставляя издателю, въ потребныхъ случаяхъ, выговорить въ свою пользу вызываемыя обстоятельствами измѣненія отношеній путемъ особыхъ соглашеній“.

Первое обсужденіе проектовъ законовъ объ авторскомъ правѣ и объ издательскомъ договорѣ происходило въ Рейхстагѣ 8 и 9 января 1901 г. и закончилось передачею ихъ въ особую комиссію изъ 21 члена, подъ предѣлательствомъ д-ра Шпанъ. Въ комиссіи проекты,—особенно первый,—подверглись измѣненіямъ; предложенная ею редакція обсуждалась въ Рейхстагѣ въ маѣ и въ іюнѣ и была съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями окончательно принята.

Въ октябрьской книгѣ Вѣстника Права за 1899 г. мы указывали на значеніе для насъ проекта объ авторскомъ правѣ, почти совпавшаго съ опубликованіемъ проекта положенія о томъ же предметѣ нашей редакціонной комиссіи по составленію новаго гражданскаго уложенія. Къ сожалѣнію, этотъ проектъ комиссіи не вызвалъ никакого обсужденія въ нашей юридической литературѣ и, что прямо изумительно—даже въ періодической прессѣ. Совершенно безмолвно обойденъ проектъ положенія и въ средѣ юридическихъ обществъ ¹⁾, и общество чисто литературныхъ.

Нынѣ, какъ мы слышали, предстоитъ обсужденіе этого проекта въ Государственномъ Совѣтѣ. Поэтому намъ представляется своевременнымъ дать читателямъ Вѣстника Права переводъ германскихъ законовъ 19 іюня 1901 г., могущихъ служить интереснымъ матеріаломъ,

¹⁾ Вопросамъ, затронутымъ въ проектѣ, посвященъ былъ только отчасти одинъ докладъ въ здѣшнемъ юридическомъ обществѣ Г. Б. Слюзберга въ декабрѣ 1901 г.

который надлежитъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ предположеній нашего проекта, составленнаго до появленія германскаго проекта 1899 г.

Мы уже указали, что законъ 19 іюня 1901 г. значительно отступилъ отъ проекта 1899 г., поэтому необходимымъ оказался новый переводъ его; что же касается закона объ издательскомъ правѣ, то и по отношенію къ нему мы сочли полезнымъ вмѣсто передачи содержанія его дать точный переводъ его.

I.

„Законъ объ авторскомъ правѣ на произведенія литературы и музыки“.

ГЛАВА I.

Условія охраны.

§ 1. По правиламъ настоящаго закона подлежатъ охранѣ:

- 1) авторы литературныхъ произведеній, устныхъ изложеній или рѣчей, имѣющихъ цѣлью назиданіе, обученіе или развлеченіе;
- 2) авторы музыкальныхъ произведеній;
- 3) авторы такихъ изображеній научнаго или техническаго свойства, которыя по своей основной цѣли не могутъ быть почитаемы произведеніями искусства. Къ изображеніямъ относятся также и пластическія изображенія.

§ 2. Авторомъ какаго либо произведенія признается его сочинитель. Въ отношеніи переводовъ авторомъ признается переводчикъ; при всякой иной переработкѣ какаго либо сочиненія—тотъ, который его переработалъ.

§ 3. Юридическія лица публичнаго права, которыя выпускаютъ въ свѣтъ какое либо произведеніе въ качествѣ издателей, почитаются авторами произведенія, если на заглавномъ листѣ, посвященіи, предисловіи или въ концѣ сочинитель не названъ, и если договоромъ съ сочинителемъ не предусмотрено другое.

§ 4. Если произведеніе состоитъ изъ отдѣльныхъ статей многихъ сочинителей (сборникъ), то авторомъ въ отношеніи этого произведенія, какъ пѣлаго, почитается его издатель. Если издатель не названъ, то издателемъ почитается выпустившій изданіе въ свѣтъ (Verleger)¹⁾.

¹⁾ Въ нашей юридической терминологіи нѣтъ термина, соотвѣтствующаго термину „Verleger“. Этимъ послѣднимъ въ Германіи обозначаютъ лицъ, на чьи расходы изданіе сдѣлано, т. е. приобрѣвшихъ право на изданіе отъ автора. Из-

§ 5. Если литературное произведеніе соединено съ произведеніемъ музыкальнымъ или изображеніями, то въ отношеніи каждаго изъ нихъ авторомъ признается сочинитель его, несмотря на соединеніе въ одно цѣлое.

§ 6. Если произведеніе сочинено сообща нѣсколькими лицами, такъ что работа одного изъ нихъ не можетъ быть отдѣлена отъ работы другихъ, то между ними, какъ авторами, устанавливается общность права по долямъ въ смыслѣ гражданскаго уложенія.

§ 7. Если появившееся въ свѣтъ произведеніе содержитъ на заглавномъ листѣ, въ посвященіи, предисловіи или въ концѣ, имя сочинителя, то предполагается, что поименованное лицо,—авторъ его. Если произведеніе составлено изъ статей разныхъ лицъ, то достаточно, если имя автора статьи обозначено въ началѣ или концѣ статьи.

Въ отношеніи произведеній, появившихся подъ вымышленнымъ именемъ сочинителя или совѣмъ безъ имени его, авторское право осуществлять предоставляется издателю, а если и этотъ не обозначенъ, то выпустившему изданіе.

Въ отношеніи произведеній, которыя до или послѣ появленія ихъ въ свѣтъ, публично представлены или произнесены, предполагается, что авторъ ихъ то лицо, которое обозначено какъ сочинитель при объявленіи о представленіи или произнесеніи.

§ 8. Право автора переходитъ къ его наслѣдникамъ.

Если послѣ автора законнымъ наслѣдникомъ оказывается казна или другое юридическое лицо (выморочность), то авторское право, поскольку оно принадлежало наслѣдодателю, прекращается вмѣстѣ съ его смертію.

Авторское право можетъ быть передаваемо другимъ лицамъ въ полномъ или ограниченномъ объемѣ. Передача можетъ быть сдѣлана съ ограниченіемъ извѣстною мѣстностью.

§ 9. Въ случаѣ передачи авторскаго права, пріобрѣтатель его не имѣетъ права, если договоромъ передачи не обусловлено иначе, дѣлать какія-либо добавленія, пропуски и вообще измѣненія и ни въ самомъ произведеніи, ни въ его заглавіи, ни въ обозначеніи автора.

Допустимы лишь такія измѣненія, на которыя передавшій авторское право по доброй совѣсти не могъ бы не согласиться.

§ 10. Ни право автора, ни его произведеніе не можетъ служить предметомъ принудительнаго взысканія по судебному рѣшенію въ отно-

---

датель (Herausgeber)—не вѣдаетъ коммерческой части изданія, предоставленной Verleger'у.

шеніи самого автора безъ его согласія. Согласіе это не можетъ быть дано его законнымъ представителемъ. Въ отношеніи же наслѣдниковъ автора такое обращеніе взысканія допустимо, если данное произведеніе уже появилось въ свѣтъ.

Глава II.

Правомочія автора.

§ 11. Авторъ имѣеть исключительное право размножать (печатать) свое произведеніе и распространять его съ цѣлью извлеченія выгоды (*gewerbsmässig*). Это исключительное право не распространяется на отдачу произведенія въ пользованіе. Авторъ, далѣе, имѣеть исключительное право, пока содержаніе произведенія въ существѣ его не сообщено публично, дѣлать такія сообщенія.

Авторское право, въ отношеніи сценическаго или музыкальнаго произведенія, заключаетъ въ себѣ также исключительное право публичнаго исполненія его.

Авторъ литературнаго, рукописнаго или изустно произнесеннаго произведенія, если оно еще не появилось въ свѣтъ, имѣеть исключительное право публично излагать его.

§ 12. Исключительно автору принадлежащія, указанные въ § 11, права въ отношеніи самого произведенія, распространяются также и на обработку его.

Права автора въ особенности распространяются на:

1) переводъ на другой языкъ или другой діалектъ того-же языка, даже въ томъ случаѣ, если переводъ сдѣланъ въ ритмической формѣ (*gebundener Form abgefasst*).

2) обратный переводъ на языкъ оригинала;

3) переложеніе разсказа въ драматическую форму, или сценическаго произведенія—въ форму разсказа;

4) составленіе извлеченій изъ музыкальныхъ произведеній, равно какъ переложеніе такихъ произведеній на отдѣльные или многіе инструменты или голоса.

§ 13. Свободное пользованіе произведеніемъ, поскольку такимъ пользованіемъ не нарушаются исключительныя права автора, указанные во второй части § 12, допускается, если при этомъ получается своеобразное сочиненіе.

Въ отношеніи музыкальнаго произведенія не допускается такое пользованіе, при которомъ изъ произведенія явственно взяты мелодіи и положены въ основаніе новой работы.

§ 14. Въ случаѣ передачи авторскаго права, за авторомъ сохраняются, поскольку договоромъ не обусловлено противное, его исключительное право на:

- 1) переводъ произведенія на другой языкъ или другой діалектъ;
- 2) переработку разсказа въ драматическое произведеніе или спеціческаго произведенія въ форму разсказа;
- 3) переработка музыкальнаго произведенія, поскольку она не представляется простымъ извлеченіемъ и переложеніемъ, на другой тонъ или голосъ.

§ 15. Воспроизведеніе безъ согласія обладателя авторскаго права не допускается, безразлично какимъ способомъ оно ни совершалось бы. Равнымъ образомъ, безразлично, изготовлено ли при воспроизведеніи одинъ или много экземпляровъ.

Воспроизведеніе для личнаго пользованія допускается, если оно не имѣетъ цѣлью извлечь отъ сочиненія доходъ.

§ 16. Допускается перепечатка кодексовъ, законовъ, приказовъ и правительственныхъ распоряженій и рѣшеній, —равно и другихъ для должностныхъ цѣлей изготовленныхъ служебныхъ работъ.

§ 17. Допускается: 1) воспроизведеніе въ газетахъ и періодическихъ изданіяхъ докладовъ и рѣчей, поскольку они составляютъ часть публичныхъ дебатовъ; 2) воспроизведеніе докладовъ и рѣчей, произнесенныхъ при разбирательствѣ дѣлъ въ судахъ, политическихъ, коммунальныхъ и церковныхъ представительныхъ собраніяхъ. Не допускается, однако, воспроизведеніе ихъ въ сборникъ, который содержитъ преимущественно рѣчи одного и того-же автора.

§ 18. Допускается перепечатка отдѣльныхъ статей изъ газетъ, не снабженныхъ оговоркою о сохраненіи правъ; допускается, однако, лишь такая перепечатка, которая не искажаетъ смысла статей. При перепечаткѣ долженъ быть явственно указанъ источникъ позаимствованія.

Перепечатка работъ научнаго, техническаго или литературнаго содержанія недопустима и въ томъ случаѣ, когда оговорки о сохраненіи правъ не сдѣлано.

Различныя сообщенія о фактахъ и новостяхъ дня могутъ всегда быть перепечатываемы изъ газетъ и журналовъ.

§ 19. Допускается воспроизведеніе:

- 1) если въ самостоятельномъ литературномъ сочиненіи приводятся отдѣльныя мѣста или незначительныя части сочиненія, доклада или рѣчи, ранѣе опубликованныхъ.

2) если отдѣльныя статьи незначительнаго объема или стихотворенія, послѣ появленія ихъ въ свѣтъ, включены въ самостоятельную научную работу;

3) если отдѣльныя стихотворенія послѣ опубликованія ихъ включены въ сборники, въ коихъ содержатся произведенія многихъ авторовъ и кои предназначены для пользованія при пѣніи;

4) если отдѣльныя статьи незначительнаго объема, отдѣльныя стихотворенія или незначительныя части сочиненія, уже появившагося въ свѣтъ, включены въ сборники, которыя содержатъ произведенія значительнаго числа авторовъ и по свойству своему предназначены для церковнаго, школьнаго или учебнаго пользованія или же для самостоятельной литературной цѣли. Для включенія въ сборникъ, предназначенный для своеобразной самостоятельной цѣли, необходимо, пока авторъ находится въ живыхъ, его личное согласіе. Согласіе считается даннымъ, если въ теченіи мѣсяца со времени сообщенія о намѣреніи автора сборника не послѣдовалъ протестъ со стороны автора статьи.

§ 20. Допускается воспроизведеніе, если незначительныя части поэтическаго произведенія или стихотворенія небольшого объема появившіяся уже въ свѣтъ, перепечатываются какъ текстъ для новаго музыкальнаго произведенія совмѣстно съ послѣднимъ.

Для цѣлей публичнаго исполненія произведеній этотъ текстъ можетъ быть воспроизведенъ и отдѣльно, поскольку перепечатка предназначена исключительно для слушателей.

Недопускается перепечатка сочиненія, которое по существу предназначено для композиціи.

§ 21. Допускается воспроизведеніе:

1) если отдѣльныя мѣста появившагося въ свѣтъ музыкальнаго сочиненія приводятся въ самостоятельномъ литературномъ произведеніи;

2) если небольшія композиціи, послѣ появленія ихъ въ свѣтъ, включаются въ самостоятельную научную работу;

3) если небольшія композиціи помѣщаются въ сборникъ, въ коемъ соединены произведенія многихъ композиторовъ, и каковой по своему свойству предназначенъ для пользованія въ школахъ, за исключеніемъ, однако, музыкальныхъ.

§ 22. Допускается воспроизведеніе опубликованнаго музыкальнаго произведенія на такихъ пластинкахъ, доскахъ, валикахъ, лентахъ и т. п. составныхъ частяхъ инструментовъ, которые предназначены для механической передачи музыкальныхъ пьесъ. Это пра-

вило примѣняется и къ составнымъ частямъ, поскольку онѣ не служатъ для инструментовъ, посредствомъ которыхъ музыкальное произведеніе въ отношеніи силы и времени тона или въ отношеніи темпа передается въ видѣ личнаго исполненія.

§ 23. Допускается воспроизведеніе, если въ сочиненіи приводятся, съ единственною цѣлью поясненія текста, отдѣльные рисунки изъ появившагося произведенія.

§ 24. Воспроизведеніе чужого сочиненія, согласно § 19—23, допускается лишь при условіи, чтобы въ заимствуемыхъ частяхъ не сдѣланы были никакія измѣненія. Однако, разрѣшается дѣлать, поскольку это требуется цѣлью воспроизведенія, переводъ и такія переработки музыкальнаго произведенія, которыя составляютъ лишь извлеченія или переложеніе на другой тонъ или голосъ, или приспособленіе для указанныхъ въ § 22 инструментовъ. Если перепечатываются въ сборникахъ для школьнаго употребленія отдѣльныя стихотворенія или незначительныя части сочиненій, то допускается дѣлать вызываемыя такою цѣлью измѣненія, но только требуется для этого согласіе автора, пока онъ находится въ живыхъ. Согласіе почитается даннымъ, если въ теченіи мѣсяца со дня извѣщенія о предположенномъ измѣненіи со стороны автора не послѣдуетъ протеста.

§ 25. Тотъ, кто пользуется чужимъ произведеніемъ, согласно § 19 до 23, обязанъ точно указать источникъ заимствованія.

§ 26. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, согласно §§ 16 до 24, допускается печатаніе сочиненія безъ согласія имѣющаго авторское право, допускается также и его распространеніе, публичное исполненіе, равно какъ публичное чтеніе.

§ 27. Публичное исполненіе музыкальнаго произведенія, появившагося въ свѣтъ, не нуждается въ разрѣшеніи имѣющаго авторское право, если исполненіе не имѣетъ цѣли извлеченія выгоды, и слушатели допускаются безъ платы. Сверхъ сего, публичное исполненіе безъ разрѣшенія обладателя авторскаго права допускается:

1) если оно совершается при народныхъ празднествахъ, за исключеніемъ музыкальныхъ празднествъ;

2) если выручка предназначена исключительно на благотворительныя цѣли, и исполнители не получаютъ вознагражденія;

3) если оно устраивается обществами, причемъ въ качествѣ слушателей допускаются лишь ихъ члены и семьи послѣднихъ.

Постановленіе настоящей статьи не примѣняется къ исполненію на сценѣ оперы или иного музыкальнаго произведенія, къ которому относится текстъ.

§ 28. Для публичнаго исполненія произведенія, на которое авторское право принадлежит нѣсколькимъ лицамъ, требуется согласіе каждаго изъ нихъ.

Въ отношеніи публичнаго исполненія оперы или иного музыкальнаго произведенія съ текстомъ, достаточно согласіе того, кому принадлежит авторское право на музыкальную часть.

ГЛАВА III.

Продолжительность охраны.

§ 29. Охрана авторскаго права прекращается съ истеченіемъ 30 лѣтъ послѣ смерти автора и если при этомъ прошло 10 лѣтъ со времени перваго появленія въ свѣтъ сочиненія. Если въ теченіи 30 лѣтъ со дня смерти автора публикованія не послѣдовало, то предполагается, что авторское право переходитъ къ собственнику манускрипта.

§ 30. Если авторское право принадлежит одновременно нѣсколькимъ лицамъ, то срокъ окончанія охраны, поскольку моментъ смерти автора имѣетъ значенія для охраны права, исчисляется со дня смерти послѣдняго пережившаго участника въ правѣ.

§ 31. Если дѣйствительное имя автора не обозначено было, согласно 1, 3 части § 7, при первомъ опубликованіи произведенія, то охрана прекращается съ истеченіемъ 30 лѣтъ со дня опубликованія.

Если въ теченіи этого 30-лѣтняго срока дѣйствительное имя автора, согласно части 1, 3 § 7, имъ самимъ или обладателемъ авторскаго права будетъ сообщено для внесенія въ списки (§ 56), то примѣняется правило, изложенное въ § 29. То же правило примѣняется, и въ томъ случаѣ, когда сочиненіе публикуется лишь послѣ смерти автора.

§ 32. Если авторское право принадлежит юридическому лицу, согласно §§ 3, 4, то охрана его прекращается съ истеченіемъ 30 лѣтъ со времени опубликованія сочиненія. Однако же охрана прекращается лишь въ сроки, указанные въ § 29, если сочиненіе публикуется послѣ смерти автора.

§ 33. Для произведеній, состоящихъ изъ многихъ, появляющихся отъ времени до времени, томовъ, а равно для періодическихъ отчетовъ или выпусковъ, каждый томъ, каждый отчетъ или каждый выпускъ, почитается въ отношеніи исчисленія срока, какъ особое сочиненіе.

Срокъ охраны исчисляется со времени выхода послѣдняго выпуска, если сочиненіе появляется отдѣльными выпусками.

§ 34. Сроки охраны начинаются съ наступленіемъ календарнаго года, слѣдующаго за годомъ смерти автора или опубликованія произведенія.

§ 35. Поскольку охрана по сему закону зависитъ отъ появленія или иного опубликованія, или отъ публичнаго сообщенія существа содержанія сочиненій, то только такое опубликованіе или сообщеніе имѣетъ значеніе, которое послѣдовало со стороны лица, имѣвшаго на то право.

Г л а в а IV.

Правонарушенія.

§ 36. Кто умышленно или по неосторожности, съ нарушеніемъ исключительнаго права автора, воспроизводитъ сочиненіе, распространяетъ его съ промышленною цѣлью или публично передаетъ существо содержанія, отвѣчаетъ предъ имѣющимъ авторское право происшедшими отъ сего убытками.

§ 37. Тотъ, кто, въ нарушеніе исключительнаго права автора, умышленно или по неосторожности публично произноситъ или исполняетъ чужое сочиненіе, отвѣчаетъ предъ потерпѣвшимъ за убытки. Отвѣтствуетъ за убытки и тотъ, кто умышленно или неосторожно публично исполняетъ драматическую переработку, не дозволенную § 12.

§ 38. Подвергается взысканію штрафа до 3000 марокъ тотъ:

1) кто, помимо закономъ дозволенныхъ случаевъ, умышленно, безъ согласія имѣющаго авторское право, отпечатываетъ какое либо сочиненіе или съ цѣлью извлеченія выгоды его распространяетъ;

2) кто умышленно, внѣ закономъ дозволенныхъ случаевъ и безъ согласія управомоченнаго, исполняетъ сценическое произведеніе или музыкальное сочиненіе, или драматическую переработку, воспрещенную § 12, или публично прочитываетъ произведеніе до того, какъ оно появилось въ свѣтъ.

Если при этомъ согласіе потерпѣвшаго требовалось лишь потому, что въ произведеніи, въ его заголовкѣ или въ обозначеніи автора сдѣланы какія либо измѣненія, то налагается штрафъ до 300 марокъ.

Если, въ случаѣ несостоятельности къ уплатѣ штрафа, послѣдній замѣняется тюремнымъ заключеніемъ, то оно не должно превышать въ случаяхъ, указанныхъ въ 1 ч. сей статьи, 6 мѣсяцевъ, а въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ 2-ю частью, — одного мѣсяца.

§ 39. Кто умышленно, безъ согласія лица, коему принадлежитъ авторское право, публично оглашаетъ существо содержанія сочиненія, до того какъ это содержаніе публично оглашено, подвергается штрафу до 1500 марокъ, съ замѣною въ случаѣ несостоятельности тюремнымъ заключеніемъ на срокъ не свыше 3 мѣсяцевъ.

§ 40. По желанію потерпѣвшаго, виновный можетъ быть присужденъ къ платежу въ пользу его вознагражденія (Busse) до 6000 марокъ. Въ отношеніи уплаты этого вознагражденія осужденные отвѣчаютъ солидарно.

Присужденіе этого вознагражденія исключаетъ отвѣтственность за убытки.

§ 41. Дѣянія, предусмотрѣнныя въ §§ 36—39, считаются противозаконными и въ томъ случаѣ, когда печатаніе, распространеніе, публичное сообщеніе, произнесеніе или исполненіе относятся лишь до части даннаго произведенія.

§ 42. Противозаконно изготовленные или распространенные экземпляры, а равно служившія только для незаконнаго размноженія орудія, какъ формы, доски, камни, стереотипы,—подлежатъ уничтоженію. Если противозаконно воспроизведена или распространена только часть произведенія, то уничтоженію подлежитъ только соотвѣтствующая часть произведенія и орудій.

Подлежатъ уничтоженію всѣ экземпляры и орудія, которые окажутся въ собственности участвующихъ въ изготовленіи, распространеніи, равно какъ и у наслѣдниковъ.

Уничтоженіе должно быть постановлено судомъ и тогда, когда изготовленіе и распространеніе совершены безъ умысла и даже не по неосторожности. То же имѣетъ мѣсто и когда изготовленіе еще не окончено.

Уничтоженіе совершается послѣ того, какъ соотвѣтствующій приговоръ вошелъ въ законную силу относительно собственника подлежащихъ уничтоженію предметовъ. Если возможно эти предметы сдѣлать безвредными безъ уничтоженія, то это должно быть допускаемо при условіи, если потребныя для сего издержки собственникъ беретъ на свой счетъ.

§ 43. Обладатель авторскаго права можетъ вмѣсто уничтоженія требовать, чтобы за нимъ признано было право получить полностью или частью экземпляры и орудія печатанія за умѣренную плату, не превышающую стоимости изготовленія ихъ.

§ 44. Кто, вопреки § 18, ч. 1 или § 23, не указываетъ использо-

ваннаго источника заимствованія, тотъ подвергается штрафу до 150 марокъ.

§ 45. Уголовное преслѣдованіе въ случаяхъ, указанныхъ §§ 38, 39, 44, возбуждается лишь по жалобѣ потерпѣвшаго. Отъ потерпѣвшаго зависитъ принятіемъ обратно жалобы прекратить начатое преслѣдованіе.

§ 46. Уничтоженіе экземпляровъ, незаконно изготовленныхъ или распространенныхъ, а равно орудій, служившихъ только для изготовленія ихъ, можетъ быть постановлено въ порядкѣ гражданскаго или уголовного судопроизводства.

§ 47. Въ порядкѣ уголовного производства уничтоженіе экземпляровъ или орудій можетъ быть опредѣлено судомъ лишь по особому о томъ ходатайству потерпѣвшаго. Требованіе это можетъ быть взято обратно до момента уничтоженія.

Ходатайство объ уничтоженіи экземпляровъ и орудій можетъ быть предметомъ особаго производства. Въ этомъ случаѣ примѣняются §§ 477 до 479 устава уголовного судопроизводства въ томъ отношеніи, что потерпѣвшій можетъ участвовать въ дѣлѣ въ качествѣ частнаго обвинителя.

§ 48. Постановленія §§ 46, 47 примѣняются и къ осуществленію права, указаннаго въ § 43.

§ 49. Во всѣхъ союзныхъ государствахъ учреждаются камеры экспертовъ, на обязанности коихъ лежитъ, по требованію судовъ и лицъ прокурорскаго надзора, давать заключенія по предлагаемымъ имъ вопросамъ.

Камеры экспертовъ имѣютъ право, по обращенію къ нимъ заинтересованныхъ лицъ, производить въ качествѣ третейскихъ судей разбирательство и постановлять рѣшенія по спорамъ о вознагражденіи за убытки, объ уничтоженіи экземпляровъ и орудій, равно какъ и признаніи права, указаннаго въ § 43.

Имперскому канцлеру предоставляется издать постановленія о составѣ и порядкѣ производства дѣлъ камеръ экспертовъ.

Отдѣльные члены экспертныхъ камеръ не могутъ, безъ разрѣшенія сихъ послѣднихъ и безъ согласія предсѣдателя ихъ, быть допрашиваемы въ судѣ въ качествѣ экспертовъ.

§ 50. Право требованія возмѣщенія убытковъ и уголовное преслѣдованіе за контрафакцію ¹⁾ погашаются 3-лѣтнею давностью.

¹⁾ Въ отступленіе отъ проекта, выработаннаго союзнымъ совѣтомъ, въ законѣ слово Nachdruckъ было тщательно замѣнено въ предыдущихъ §§, равно какъ

Срокъ ея исчисляется со дня, въ который началось распространеніе контрафакціонныхъ экземпляровъ.

§ 51. Право требованія возмѣщенія убытковъ и уголовное преслѣдованіе за противозаконное распространеніе, или публичное исполненіе, или произнесеніе чужого сочиненія погашаются 3-лѣтнею давностью. То же правило относится и къ случаямъ, указаннымъ въ §§ 46, 39.

Срокъ давности исчисляется со дня, когда противозаконное дѣяніе въ послѣдній разъ совершено.

§ 52. Просьба потерпѣвшаго объ уничтоженіи экземпляровъ, незаконно изготовленныхъ или распространенныхъ, а равно и орудій, предназначенныхъ исключительно для незаконнаго размноженія, можетъ быть заявлена во всякое время, пока такіе экземпляры или орудія существуютъ.

§ 53. Срокъ давности исчисляется въ отношеніи наказуемыхъ дѣяній, указанныхъ § 44, со дня, когда совершено первое публикованіе.

Г л а в а V.

Заключительныя постановленія.

§ 54. Охраною пользуются всѣ подданные союзныхъ государствъ имперіи въ отношеніи всѣхъ ихъ произведеній, безразлично,—появились ли они въ свѣтъ или нѣтъ.

§ 55. Иностранцы пользуются охраною въ отношеніи каждаго своего произведенія, появляющагося въ свѣтъ въ имперіи, если только это сочиненіе или переводъ его не появились раньше того заграницей.

При тѣхъ же условіяхъ они пользуются охраною каждаго своего произведенія, опубликованнаго въ предѣлахъ имперіи въ переводѣ; переводъ въ этомъ случаѣ считается оригинальнымъ произведеніемъ.

§ 56. Списки, указанные въ § 31 ч. 2, ведутся въ городскомъ совѣтѣ въ Лейпцигѣ. Городской совѣтъ дѣлаетъ записи въ спискахъ безъ предварительнаго удостовѣренія правъ ходатайствующаго о внесеніи и безъ провѣрки правильности записи. На отказъ въ совершеніи записи приносится жалоба имперскому канцлеру.

§ 57. Имперскій канцлеръ имѣетъ издать постановленія о порядкѣ веденія списковъ. Осмотръ ихъ предоставляется всякому желающему;

и послѣдующихъ, описательными выраженіями (widerrechtliche Vervielfältigung, Verbreitung и т. д.), только въ § 50 оно было позабыто. (Прим. перев.).

всякій можетъ просить о выдачѣ выписокъ изъ записи, каковыя по желанію свидѣлствуются.

Записи публикуются въ газетѣ „Börsenblatt für den deutschen Buchhandel“, а по прекращеніи ея, въ другой,—которая указана будетъ Имперскимъ канцлеромъ.

§ 58. Записи, удостовѣренія и другія бумаги, относящіяся до списковъ—свободны отъ гербоваго сбора.

Каждая запись, свидѣтельство о внесеніи записи и выписка изъ списковъ оплачивается сборомъ въ 1 м. 50 пфен. Сверхъ всего, издержки публикованія записи возмѣщаются лицами, представляющими записи ко внесенію.

§ 59. Въ гражданскихъ спорахъ о правахъ, вытекающихъ изъ постановленій сего закона и предъявляемыхъ въ видѣ исковъ или встрѣчныхъ исковъ, послѣднюю инстанцію, въ смыслѣ § 8 закона о введеніи въ дѣйствіе учрежденія судебныхъ установленій, является имперскій судъ (Reichsgericht).

§ 60. Посмертное сочиненіе, которое ко времени вступленія въ дѣйствіе настоящаго закона еще не опубликовано, пользуется охраною въ теченіи срока, указаннаго въ § 29 и въ томъ случаѣ, если по отношенію къ сему сочиненію истекъ срокъ охраны по прежде дѣйствовавшему закону.

§ 61. Предоставляемая настоящимъ закономъ охрана противъ исполненія можетъ, по вступленіи въ силу этого закона, быть обезпечена въ отношеніи музыкальнаго произведенія, для коего право исполненія не было резервировано, тѣмъ, что это сочиненіе можетъ быть снабжено такою оговоркою о резервированіи права. Исполненіе такого произведенія допустимо безъ согласія автора и впредь, если при этомъ не пользуются нотами, которыя снабжены указанною оговоркою.

Исключительное право публичнаго исполненія произведенія, охраняемаго настоящими постановленіями, принадлежитъ автору.

§ 62. Исключительныя права автора подлежащаго охранѣ произведенія опредѣляются по постановленіямъ настоящаго закона и въ томъ случаѣ, если произведеніе появилось до вступленія этого закона въ дѣйствіе. Если однако переводъ, или иная обработка, или сборникъ, изготовленный для школьнаго пользованія изъ произведеній многихъ писателей, цѣликомъ, или въ части, опубликованы въ полности или частью, до вступленія въ силу сего закона, дозволеннымъ способомъ, то право автора переработки на размноженіе, распространеніе и публичное исполненіе сохраняется за нимъ.

§ 63. Поскольку размноженіе, ставшее недозволеннымъ по вступленіи въ силу сего закона, было раньше дозволеннымъ, то начатое печатаніе экземпляровъ можетъ быть окончено; наличныя орудія, какъ формы, доски, стереотипы, камни, могутъ остаться въ употребленіи въ теченіи 6 мѣсяцевъ. Распространеніе изготовленныхъ, согласно съ симъ постановленіемъ, экземпляровъ дозволяется.

§ 64. Этотъ законъ вступаетъ въ силу съ 1 января 1902 г. Постановленія, содержащіяся въ §§ 1—56, 61, 62 закона объ авторскомъ правѣ отъ 11 іюня 1870 г., теряютъ свою силу съ этого дня. Эти постановленія остаются однако въ силѣ, поскольку они признаны имперскими законами имѣющими примѣненіе къ охранѣ произведеній художествъ, фотографій, равно какъ образцовъ и моделей.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Г. Сл.

VII.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1. Наше законодательство.

(Юридическая беседа).

Призваніе нашего времени къ законодательству.—Порядокъ законодательныхъ работъ.—Партикуляризмъ нашего законодательства.—Обычное право для крестьянъ.—Новый законъ объ акціонерныхъ компаніяхъ.

Минувшій 1901 годъ небогаты былъ новизною въ области законодательной и правовой; онъ насъ мало подвинулъ или вовсе не подвинулъ впередъ по пути развитія правопорядка и правового сознанія. Отмѣчая своевременно наиболѣе важное въ области законодательства, мы здѣсь едва ли могли бы подвести общіе итоги, за годъ, въ общемъ весьма неурожайный.

Почти сто лѣтъ тому назадъ въ сосѣдней намъ Германіи возгорѣлся знаменитый споръ между Савиньи и Тибо о призваніи того времени къ законодательствованію и рѣшенъ былъ, можно сказать, въ отрицательномъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ, для Германіи. Несмотря на полное перерожденіе всего правового строя въ сосѣдней Франціи, силою оружія насаждавшей свое право въ Прирейнскихъ нѣмецкихъ областяхъ, въ Германіи вынуждены были почти признать свое безсиліе въ созиданіи права, въ обновленіи того, что и тогда признано было явно обветшалымъ, непригоднымъ для новыхъ условій жизни. Это безсиліе прикрыто было теоретическимъ туманомъ исторической школы, отводившей правовое творчество на задній планъ, выдвинувшей значеніе обычнаго права, и, въ конечномъ результатѣ, выродившейся въ школу германистовъ, отыскивавшую національное право; за время поисковъ жизнь осталась безъ законодательныхъ

нормъ, пригодныхъ удовлетворять назрѣвшія уже потребности. Вся первая половина прошлаго столѣтія прошла для Германіи въ подготовительной внутренней работѣ и не была отмѣчена никакими крупными явленіями въ области законодательства. Только съ половины столѣтія призваніе къ законодательствованію стало проявляться подъ вліяніемъ политическихъ событій. Начавъ съ общаго торговаго уложенія и общаго вексельнаго права, перешли въ 1866 г. для сѣверо-германскаго союза, а засимъ съ 1870 г. для всей Германіи, къ общему уголовному кодексу, къ общему закону объ авторскомъ правѣ, и засимъ законодательная работа въ Германіи закипѣла, выразившись въ цѣломъ рядѣ законовъ экономическо-соціального характера, законовъ о рабочихъ, о страхованіи, объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ, о патентахъ на открытія и изобрѣтенія, о ремеслахъ, созданы новое судоустройство и новые процессуальные порядки и т. д., пока, наконецъ, къ самому концу столѣтія появилось общегерманское гражданское уложеніе, и пересмотрѣно торговое право. Въ новый вѣкъ Германія перешла уже съ объединеннымъ новымъ правомъ, перешла вооруженною тою броней, которую представляетъ собою крѣпкій устойчивый правопорядокъ, лучше арміи защищающій и ограждающій внутреннюю здоровую жизнь, пролагающій путь къ развитію и прогрессу.

Намъ, къ счастью, въ теченіи прошлаго столѣтія не пришлось тратить силы на политическое объединеніе; казалось бы, что тѣмъ спокойнѣе могли бы мы осуществить призваніе къ законодательству, къ внутреннему объединенію, къ укрѣпленію внутренняго общаго правопорядка. Нашъ законодательный механизмъ быстрѣе дѣйствуетъ и чувствительнѣе, и тѣмъ не менѣе мы въ правовомъ отношеніи гораздо болѣе партикулярны, чѣмъ зятая, по выраженію покойнаго Градовскаго, въ прусскій мундиръ Германія. Для кого и для чего у насъ только нѣтъ своего особаго законодательства; и по мѣстностямъ, и по лицамъ разнятся у насъ права, начиная отъ полнаго отсутствія гражданскихъ нормъ для большинства населенія—крестьянскаго—и кончая завитушками магометанскаго наследственнаго права шаріата для многихъ милліоновъ магометанъ.

Въ двадцатый вѣкъ мы перешагнули съ обычнымъ правомъ, не только какъ вспомогательнымъ источникомъ права,—что куда бы ни шло—а съ обычнымъ правомъ, какъ единственнымъ регуляторомъ правовой жизни большинства населенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, нигдѣ нѣтъ столько законода-

тельной инициативы, какъ у насъ. Мы не остаемся ни одного момента безъ либо законодательныхъ комиссій, либо гдѣ то и кѣмъ то вырабатывающихся законодательныхъ проектовъ, изготовленіе и представленіе коихъ поручены тому или другому вѣдомству. Последнее, занятое урегулированіемъ текущей жизни, не ждущей будущихъ законовъ, не имѣетъ часто ни времени, ни силъ къ выполнению возложенной на нее специальной законодательной работы. Какъ это ни странно, а выходитъ такъ, что мы во многихъ отрасляхъ нашей внутренней правовой жизни топчемся въ сущности на одномъ мѣстѣ. Нельзя не отмѣтить, что наша наиболѣе крупная законодательная работа за послѣднія десятилѣтія не посвящена восполненію недодѣланнаго или даже только начатаго въ преобразовательную эпоху шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ,—а передѣлываетъ и перекраиваетъ то, что тогда сдѣлано. Всѣ крупнѣйшія законодательныя работы послѣдняго времени имѣютъ часто одну и ту же, уже прежде обработанную, тему. Нынѣ, на примѣръ, въ третій разъ передѣлывается городское управленіе, уже два раза—и готовятся къ третьему разу—передѣлывалось земское управленіе; нѣсколько разъ законодатель фиксировалъ свое вниманіе на вопросахъ промысловаго обложенія, постепенно его отрывая отъ вопроса сословнаго—но ни разу еще не пересмотрѣно общимъ порядкомъ законодательство о городскихъ сословіяхъ, не упорядоченъ вопросъ о земскихъ повинностяхъ; много разъ измѣнялись процессуальные порядки и судоустройство, отмѣнялось и замѣнялось то, что создано въ 1864 г. и, наконецъ, дошло до большого напряженія творческихъ силъ надъ полнымъ пересмотромъ законоположеній по судебной части, но мы все еще ждемъ новыхъ гражданскихъ законовъ, да и уголовные законы уже 21 годъ вырабатываются,—правда, мы, кажется, накануне окончательнаго періода этой работы.

Около сорока лѣтъ мы ждемъ пересмотра,—казалось бы, такой необширной области—нашего акціонернаго права, а о созданіи торговаго уложенія еще даже не подумали. Десятки лѣтъ проходятъ, въ ожиданіи пересмотра вексельнаго устава, новаго устава о несостоятельности и, Богъ знаетъ, какъ далеки мы еще отъ новаго гражданскаго уложенія.

Проводя параллель съ Германіей, мы, конечно, не упускаемъ изъ виду исторически сложившуюся разницу между Россією и Германією. Принято дѣлать ссылку на то, что и въ отношеніи культуры мы отстали отъ западной Европы; исчисляють иногда даже вѣками размѣръ этой отсталости. Едва ли однако возможно

мириться съ такою мыслью и на ней успокоиться; она весьма квіестична, но въ такой же мѣрѣ неосновательна. О культурномъ различіи можно говорить не какъ о причинѣ отсталости въ смыслѣ правовомъ, а, напротивъ, какъ о слѣдствіи правового неустройства. Мы видимъ, напримѣръ, что всѣ проявленія культуры, насколько они выражаются во внѣшней жизни, быстро усваиваются нами, несмотря на нашу экономическую отсталость, которая притомъ, по заявленію компетентныхъ сферъ, быстро уменьшается. Наши культурные слои, а имъ только, какъ и вездѣ, принадлежитъ роль правящаго круга, быть можетъ, ничѣмъ уже, или очень мало чѣмъ отличаются отъ тѣхъ же слоевъ на западѣ. Можно идти дальше и утверждать не безъ основанія, что въ нѣкоторыхъ областяхъ государственной жизни, руководимыхъ особыми условіями, только этимъ областямъ присущими, не замѣчается никакой отсталости. Взять хотя бы военное дѣло, здѣсь—и организація, и снабженіе техническими силами, и общій уровень приспособленности лицъ—стоятъ у насъ на одинаковой ступени даже съ Германією, и въ этомъ заключается сила Россіи во внѣшней политикѣ. Здѣсь мы выдерживаемъ сравненіе съ западомъ, а численность даетъ намъ и преимущество. Намъ кажется, что этотъ безспорный фактъ устраняетъ возможность одной только ссылки на историческую запоздалость культурнаго пробужденія нашего отечества. Можно указать и на другіе факты. Любопытно было бы имѣть статистическія данныя, которыхъ до настоящаго времени, къ сожалѣнію, нѣтъ, о процентномъ отношеніи числа лицъ съ высшимъ образованіемъ къ общему числу должностныхъ лицъ у насъ и въ западныхъ государствахъ. Но и безъ точныхъ цифръ можно, не рискуя ошибиться, утверждать, что значительной разницы въ этомъ отношеніи не существуетъ. Государство у насъ въ болѣе или менѣе равной мѣрѣ съ западными государствами,—а особенно на высшихъ ступеняхъ управленія,—располагаетъ научно-образованными, значить культурными силами, а только эти силы у насъ и призваны путемъ подготовки законодательныхъ работъ содѣйствовать насажденію правового порядка. И политическая организація можетъ отразиться только въ качествѣ и свойствѣ, но не на фактѣ, столь же несомнѣнномъ, какъ и печальномъ, отсутствія этого порядка, отсутствія, во многихъ отношеніяхъ, самихъ нормъ, коими этотъ порядокъ регулируется. Причины лежатъ глубже, чѣмъ это кажется.

Внѣшняя причина законодательной вялости, если можно такъ выразиться, лежитъ въ томъ, что законодательная работа у насъ

раздробляется по отдѣльнымъ вѣдомствамъ и поэтому на нее имѣютъ прежде всего вліяніе междувѣдомственные отношенія, не всегда нормальныя.

Изобразимъ для примѣра нормальное движеніе какого либо нарождающагося новаго закона. Данное министерство въ нѣдрахъ своихъ нашло достаточный матеріалъ, который въ рукахъ соответственнаго начальника отдѣленія, направляемаго свыше, ложится въ основаніе соображеній о законодательныхъ предположеніяхъ. Эти предположенія получаютъ форму проекта, одобреннаго подлежащимъ директоромъ департамента. Уже на этомъ первомъ этапномъ пунктѣ новорожденному проекту грозятъ опасности. Проектъ сообщается для заключенія другимъ департаментамъ того же министерства, по компетенціи своей болѣе или менѣе соприкасающимся съ предметомъ, коему посвященъ новый проектъ. Казалось бы, новое разсмотрѣніе, новое освѣщеніе съ другой точки зрѣнія только полезны; и это было бы дѣйствительно такъ, если бы это освѣщеніе съ другой стороны послѣдовало до составленія проекта, а не послѣ его составленія, ибо работу приходится передѣлать вновь, подобно тому, какъ художнику пришлось бы разорвать прежнее полотно и свою картину начать снова, если измѣнить освѣщеніе, ибо тамъ, гдѣ раньше было ярко, тамъ, при новомъ освѣщеніи, должно быть тускло и наоборотъ. Но пересоставленіе проекта не лежитъ на обязанности новаго освѣтителя,—онъ даетъ лишь заключеніе, и прежнему составителю дается задача проникнуться новыми мыслями и передѣлать свою работу. Передѣлывать приходится иногда многократно, ибо, кромѣ департаментовъ, освѣщающихъ каждый съ своей стороны, имѣются заключенія и мѣстныхъ органовъ—генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, если не всегда, то часто отстаивающихъ свою, а не сообщенную изъ министерства, точку зрѣнія. Ясно, что самому появленію проекта часто мѣшаютъ заключенія, появляющіяся послѣ изготовленія въ теченіи иногда нѣсколькихъ лѣтъ. За эти годы перемѣнилось руководящее направленіе, выросли болѣе спѣшныя надобности, текущія сложныя работы, и, въ результатѣ, полное отсутствіе нашего проекта, при зачатіи коего имѣлись и энергія, и ясная опредѣленная цѣль и единая руководящая мысль.

Наконецъ, такъ или иначе, проектъ готовъ, снабженъ надлежащими соображеніями и справками. Наступаетъ новый періодъ опасностей и препонъ: проектъ сообщается на заключеніе вѣдомствъ,—обыкновенно, всѣхъ вѣдомствъ.

Кто можетъ заранѣе предугадать, какія только препятствія въ нѣдрахъ всѣхъ этихъ вѣдомствъ встрѣтятся не могутъ. Тамъ—самостоятельно вырабатывается какой либо проектъ, который имѣетъ преюдиціальное, такъ сказать, значеніе; въ основѣ его лежитъ иногда мысль, противоположная той, изъ которой исходитъ препровожденный на заключеніе проектъ; здѣсь—просто и не безъ основательныхъ причинъ не одобряютъ новыхъ предположеній—(мы говоримъ все о случаяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ предвзятымъ желаніемъ „провалить“); здѣсь находятъ нужнымъ предварительно сноситься съ подчиненными органами даннаго вѣдомства, чтобы узнать ихъ мнѣніе, тамъ завалены работою и не могутъ своевременно доставить заключеніе. Но прошли иногда годы, и, наконецъ, заключенія сообщены, заключенія самыя разнообразныя и при томъ предвозвѣстники тѣхъ мнѣній, которыя впоследствии будутъ высказаны и будутъ отстаиваться въ Государственномъ Совѣтѣ. Нужно или подчиниться этимъ заключеніямъ, и тогда работа должна быть вся передѣлана съизнова, или же, не соглашаясь, начать учетъ шансовъ на побѣду, готовиться къ борьбѣ,—не лучше ли совсѣмъ отложить до болѣе створчиваго времени. Въ результатъ—и работа пропала даромъ, и дѣло не подвинулось, все сдѣланное переходитъ изъ разряда законодательной подготовительной работы въ разрядъ матеріаловъ для будущихъ составителей проекта, т. е. для *meliora potentes*.

Мы могли бы назвать тѣ проекты, которые извѣдали на себѣ судьбу подобнаго движенія не къ жизни, а къ смерти.

Есть иной типъ законодательной выработки законовъ,—типъ комиссій, или подвѣдомственной, или междувѣдомственной, получившей у насъ техническое обозначеніе совѣщаній, или даже Комисіи Высочайше учрежденной. Но и этотъ типъ богатъ тѣми же препонами. Извѣстны вѣдь имѣющіе большую историческую важность случаи, когда Комиссія, обставленная и большими полномочіями, и матеріальными средствами, и техническими силами, завершала или готова была къ завершенію возложенной задачи, и въ послѣднюю минуту, именно потому, что эта Комиссія стояла внѣ вѣдомствъ, жизнь ея прекращалась; назовемъ хотя бы знаменитую Кахановскую Комиссію, или высшую Комиссію подъ предсѣдательствомъ гр. Палена.

Исключеніе изъ общей судьбы Комиссій послѣдняго времени составляютъ: Высочайше учрежденный Редакціонный Комитетъ по составленію новаго уголовного уложенія, проектъ коего нынѣ окон-

чательно, въ порядкѣ, особо установленномъ, разсматривается въ Государственномъ Совѣтѣ; Высочайше учрежденная Коммисія для составленія новаго гражданскаго уложенія и Высочайше учрежденная Коммисія подъ предсѣдательствомъ Н. В. Муравьева для пересмотра законоположеній по судебной части.

Труды первой Коммисіи закончились уже давно, и мы, какъ упомянуто выше, наканунѣ введенія въ дѣйствіе новаго уголовного уложенія. Но исторія этой Коммисіи весьма поучительна. Дѣйствительно, не можетъ не заставить задуматься то обстоятельство, что для составленія новаго уголовного уложенія, состоящаго изъ 500 приблизительно статей, потребовался трудъ лучшихъ ученыхъ и практическихъ силъ на поприщѣ уголовного права въ теченіи двадцати лѣтъ. Не будемъ останавливаться на этомъ обстоятельствѣ, укажемъ только, что Редакціонный Комитетъ по составленію уголовного уложенія имѣлъ ту особенность, быть можетъ, невыгодно вліявшую на ходъ его работъ, что въ составѣ его, кромѣ криминалистовъ, не имѣлось представителей другихъ отраслей правовѣдѣнія или даже вѣдомства, а специалисты всегда проявляютъ нѣкоторую склонность къ излишней технической скрупулезности, къ совершеннымъ формуламъ, выработка коихъ требуетъ и усиленнаго труда, и большой технической отдѣлки, быть можетъ, идеальной съ точки зрѣнія этой техники, но иногда спорной въ своей цѣлесообразности и практической примѣнимости.

Но нельзя забывать, что задача составленія уголовного уложенія сравнительно несложна, предметъ ея однороденъ, основныя понятія выработаны, предѣлы по существу точно опредѣлены,—здѣсь, дѣйствительно, больше вопросы системы, редакціи, объединенія и расчлененія. Для составленія уголовного кодекса не требуется большихъ и глубокихъ изысканій ни въ области исторіи, ни въ области экономическихъ явленій. И дѣйствительно, посмотрите всѣ удивительно богатые содержаніемъ объяснительныя записки къ проекту уложенія и вы убѣдитесь, что тамъ больше теоретическихъ соображеній и изложеній иностраннаго законодательства (въ нѣкоторыхъ частяхъ, въ обработкѣ, рѣдко встрѣчающейся въ иностранной же литературѣ), чѣмъ соображеній, почерпнутыхъ изъ особенностей быта, экономическаго оборота и вообще изъ жизни; даже статистика не является въ этихъ запискахъ обычнымъ предметомъ изложенія. Иначе и быть не можетъ,—ибо уголовное право не гигиена, а терапия, при изложеніи же болѣзни, ея признаковъ и способовъ леченія, причины, вызывающія данныя болѣзни, играютъ второсте-

пенную роль. Чѣмъ бы ни вызывалось, и въ какомъ размѣрѣ, явленіе кражи, карать ее въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ нужно, а при усвоенномъ уложеніемъ началѣ свободы выбора мѣры наказанія судьями, задача составленія въ уложеніи статьи о кражѣ, сводится къ редакціи этой статьи, не больше. Недаромъ Коммисія названа Редакціоннымъ Комитетомъ.

Надо констатировать, что именно благодаря совершенной однородности задачи работъ Комитета, онѣ не встрѣчали, насколько намъ извѣстно, никакихъ внѣшнихъ препонъ и могли идти твердо и спокойно по намѣченному пути. Иное приходится сказать по поводу работъ другой коммисіи—по составленію гражданскаго уложенія, бывшей раньше подъ предсѣдательствомъ покойнаго Н. И. Стояновскаго, а нынѣ А. А. Книрима.

Взять хотя бы давно уже выработанный ею проектъ опекунскаго устава, столь необходимаго и уже около полстолѣтія ждущаго своего появленія. Проектъ коммисіи давно внесенъ былъ въ Государственный Совѣтъ, но до сихъ поръ, по непреодолимому сопротивленію нѣкоторыхъ вѣдомствъ, преслѣдующихъ политическія, сословныя цѣли, не двигается впередъ. Берите, далѣе, проектъ вотчиннаго устава, предполагающаго ввести у насъ столь необходимую ипотечную систему или такъ называемую вотчинную регистрацію. Колоссальный трудъ, выполненный коммисіею и технически весьма совершенный, не получаетъ движенія не по непригодности работы, а по внѣшнимъ причинамъ,—по соображеніямъ хотя бы финансовымъ, выдвинутымъ пару лѣтъ тому назадъ въ совѣщаніи, образованномъ при Министерствѣ Финансовъ. Далѣе, проектъ о раздѣльномъ жительство супруговъ и о правахъ незаконнорожденныхъ, каковой проектъ по независящимъ, повидимому, отъ коммисіи причинамъ еще не рассмотрѣнъ въ Государственномъ Совѣтѣ, куда онъ представленъ года 3 тому назадъ.

Нельзя не упомянуть и о проектѣ положенія объ авторскомъ правѣ, который, какъ слышно, теперь получаетъ движеніе въ Совѣтѣ. Наконецъ, и проектъ книги V будущаго уложенія объ обязательствахъ составленъ и ждетъ лишь переработки въ виду замѣчаній, сдѣланныхъ на него послѣ опубликованія его во всеобщее свѣдѣніе.

Въ Германіи, при наличности столькихъ силъ, при огромной научной литературѣ по гражданскому праву и развитости пандектнаго права, съ одной стороны, а съ другой—при дѣйствиіи болѣе или менѣе удовлетворительныхъ кодексовъ, какъ, на примѣръ, саксон-

ское уложеніе, прусскій ландрехтъ и т. д. выработка новаго гражданскаго уложенія потребовала напряженной работы огромной комисіи въ теченіи болѣе 15 лѣтъ. Удивительно ли, что наша комисія, работающая при отсутствіи этихъ благоприятныхъ условий, въ 20 лѣтъ не дала намъ еще готоваго новаго гражданскаго уложенія.

Сравненіе работы редакціоннаго комитета по составленію уголовнаго уложенія съ комисіею по составленію гражданскаго уложенія невольно напрашивается теперь послѣ состоявшагося Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 29 декабря 1901 г. (Собр. узак. № 5 за 1902 г.) объ отпускѣ суммъ для комисіи и обозначеніи срока, къ которому работы ея должны быть окончены. Въ печати у насъ неоднократно выражались какъ бы недоумѣнія по поводу медленности работъ комисіи. Эти недоумѣнія—плодъ полнаго непониманія задачъ комисіи и всей той трудности, которую представляютъ собою эти задачи.

Третья изъ упомянутыхъ выше—комисія по пересмотру законоположеній по судебной части—окончила свои занятія въ теченіи 5 лѣтъ, завершивъ за этотъ сравнительно короткій періодъ огромный трудъ пересмотра и созданія проектовъ новой редакціи учрежденія судебныхъ установленій, уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, каковыя въ декабрѣ минувшаго года внесены въ Государственный Совѣтъ.

Во всякомъ случаѣ, мы видимъ, что законодательныя работы въ комисіяхъ, специально для даннаго предмета учрежденныхъ, дѣйствительно подвигаются впередъ или, по крайней мѣрѣ, могутъ подвигаться безъ естественныхъ, часто неизбѣжныхъ преградъ. Конечно, для этого нужны нѣкоторыя условія. Прежде всего необходима нѣкоторая независимость данной комисіи отъ вѣдомства или, вѣрнѣе, функционированіе ея внѣ того или другаго вѣдомства, и необходимо поставленіе ея въ такое авторитетное положеніе, чтобы то или другое вѣдомство не могло произвольно прекращать или содѣйствовать прекращенію ея дѣятельности въ тотъ самый моментъ, когда работа комисіи въ полномъ ходу и она близка къ завершенію ея задачи,—а какъ она исполнила задачу, это, конечно, имѣетъ быть предметомъ обсужденія въ законодательномъ порядкѣ.

Наша законодательная дѣятельность несомнѣнно страдаетъ нѣкоторою вялостью только отъ того, что она сдѣлалась побочною дѣятельностью административныхъ органовъ управленія.

За послѣднія 15 лѣтъ приходилось такъ много заниматься у насъ вопросомъ о раздѣленіи административной и судебной властей. Но, казалось бы, не менѣе важенъ и вопросъ о фактическомъ у насъ сліяніи административной и законодательной властей. Само собою разумѣется, что мы говоримъ лишь объ органахъ, а не объ единомъ источникѣ всѣхъ указанныхъ функцій государственной власти. Затрагиваемый нами вопросъ слишкомъ многосторонній и важный, чтобы въ настоящихъ бѣглыхъ замѣткахъ онъ могъ быть не только исчерпанъ, но даже болѣе или менѣе полно намѣченъ; но о немъ необходимо говорить, имъ необходимо заниматься, если только, въ чемъ сомнѣнія быть не можетъ, признать, что мы въ законодательномъ отношеніи даемъ полное основаніе къ вопросу, коимъ задавались въ началѣ 19 столѣтія въ Германіи— „о призваніи нашего времени къ законодательствованію“. Этотъ вопросъ— умѣстный и допускавшій различный отвѣтъ для Германіи того времени, совершенно неумѣстенъ и не допускаетъ различныхъ отвѣтовъ у насъ, въ началѣ 20 столѣтія; на этотъ вопросъ готовъ отвѣтъ въ словахъ нѣмецкаго поэта и философа: „du kannst, weil du musst“; вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо сказать далѣе: du musst, weil du kannst.

Начавъ съ параллели съ Германіею, мы позволимъ себѣ остаться въ этой параллели. Мы вернемся къ тому, что мы сказали вначалѣ, и хотѣли бы лишній разъ подчеркнуть то, на что, конечно, уже не разъ указывалось. И здѣсь мы перейдемъ къ причинамъ внутреннимъ, тормозящимъ нашу законодательную работу и законодательное упорядоченіе.

Политически разбѣдиненная, разбитая на куски съ самостоятельнымъ государственнымъ устройствомъ, Германія въ теченіи всего прошлаго вѣка стремилась къ политическому объединенію. Съ чего же началось и въ чемъ выразилось прежде всего это объединеніе? Давая свой знаменитый отвѣтъ на вопросъ о призваніи къ законодательствованію, великій Савиньи былъ не только представителемъ исторической школы, не только юристомъ извѣстнаго направленія, но и политикомъ. Онъ не могъ не понимать, что разтерзанная на части послѣ наполеоновскихъ войнъ Германія должна рано или поздно слиться въ одно крупное цѣлое, что лучшимъ средствомъ для этого служить объединенное право, общее законодательство. Положеніе же дѣлъ въ Германіи въ началѣ столѣтія не давало никакой надежды на такое объединенное право. Было политичнѣе выждать возможности такого объединенія, а до того пред-

почестъ оставаться при такъ называемомъ „gemeines Recht“ или пандектномъ правѣ; лучше было выждать, пока наукою не установлены будучь начала національнаго нѣмецкаго права, на основѣ коихъ строилось бы впослѣдствіи зданіе обще-германскаго законодательства, какъ могучаго объединительнаго фактора.

И дѣйствительно, мы видимъ, что политическое объединеніе уже застало (сначала въ 1866 г., а затѣмъ окончательно въ 1870 г.) готовую почву для общаго германскаго законодательства, которое немедленно стало самымъ дѣйствительнымъ средствомъ объединенія, его вызвавшаго. Общее законодательство оказалось самымъ сильнымъ орудіемъ борьбы противъ сепаратистскихъ вождѣній, и, несмотря на остатки политическаго партикуляризма, общее единое для всей Имперіи законодательство идетъ впередъ, охвативъ теперь всѣ стороны права—матеріальнаго и процессуальнаго, гражданскаго, торговаго, уголовнаго и соціальнаго. Совершенно обратное мы видимъ у насъ. Политическое объединеніе Россіи всегда было неотъемлемымъ свойствомъ ея государственно-политической организаціи; если не считать незначительныхъ частей на востокѣ и на югѣ, вся нынѣшняя Россія была таковою въ теченіи всего 19 вѣка. Сплоченность отдѣльныхъ частей Имперіи сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ государствѣ, этнографически разнородномъ,—сплоченность, равная не объединенности, а единственности. Казалось бы, что къ установленію единаго законодательства никакихъ препятствій нѣтъ. Не можетъ быть сомнѣнія и въ необходимости такового. Между тѣмъ нигдѣ законодательный партикуляризмъ не развить въ такой степени, какъ именно у насъ.

Когда готовилась реформа 19 февраля 1861 г., много толковали о вопросѣ, съ землею или безъ земли должны быть освобождены крестьяне. Нельзя при этомъ не вспомнить (а мы скоро забываемъ и по поводу разныхъ годовщинъ славнаго дня 19 февраля за послѣднее время никто, если не ошибаемся, не вспомнилъ о Кавелинѣ) о всемъ томъ, что писалъ по этому предмету Кавелинъ и что нынѣ, благодаря изданному полному собранію сочиненій покойнаго Кавелина, сдѣлалось весьма доступнымъ для читающей и интересующейся твореніями нашихъ великихъ людей публики. Мы указываемъ на Кавелина именно потому, что онъ былъ не только публицистъ, но и юристъ—цивилистъ, котораго никто не заподозритъ въ недостаточной оцѣнкѣ значенія законовъ гражданскихъ для правопорядка или въ недостаточномъ признаніи необходимости правопорядка. Рядомъ съ вопросомъ о томъ, съ землею или безъ

земли должно совершаться освобожденіе отъ крѣпостного права даже самъ Кавелинъ не ставилъ вопроса, съ закономъ или безъ закона долженъ крестьянинъ вступить въ обновленную свободную жизнь. Только вскользь, мимоходомъ, и Кавелинъ высказывался за обычное право. Было ли это слѣдствіемъ опасенія, что снабженіе крестьянъ закономъ, какъ и землю, затянетъ великое дѣло освобожденія, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшагося лучшею частью русскихъ людей, что выработка нормъ для гражданскихъ правоотношеній или даже прямое распространеніе на крестьянъ дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ, уже тогда признаваемыхъ крайне несовершенными, затруднить и безъ того трудное дѣло реформы; или, быть можетъ, въ вѣрѣ въ обычное право народа, какъ источникъ права, въ народное правосознаніе—этомъ юридическомъ романтизмѣ эпохи 40-ыхъ годовъ въ Германіи,—слѣдуетъ искать причину того, что многомилліонное населеніе въ его обиходѣ поставлено было внѣ воспитательнаго воздѣйствія закона, но во всякомъ случаѣ съ того времени, и при перемѣнившихся обстоятельствахъ, признаніе святости обычнаго права,—однако только для крестьянъ,—вѣра въ его существованіе и въ преимуществахъ его, какъ выраженія національнаго права,—сдѣлалось общимъ и для либераловъ и для консерваторовъ, для западниковъ и славянофиловъ. Между тѣмъ въ отсутствіи законодательной нормировки гражданскихъ правоотношеній нельзя не усмотрѣть одного изъ проявленій неустройства крестьянскаго быта, нельзя не видѣть отступленія отъ принципа государственности. Въ возможности оставить крестьянъ на положеніи лицъ, для которыхъ законъ не писанъ, выражается глубоко вредный взглядъ на крестьянъ, какъ на группу населенія, нуждающуюся въ опекаѣ. Были освобождены крестьяне, но не была освобождена личность крестьянина, ибо только твердый, ясный и опредѣленный законъ—и въ этомъ его воспитательная сила—можетъ дать свободу для развитія личности и положить предѣлъ древнему и средневѣковому поглощенію личности сначала семьей, потомъ общиною, а затѣмъ и государствомъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что всѣ эти группы за-разъ поглощаютъ личность крестьянина: его прежде всего поглощаетъ крестьянская семья, какъ нѣчто цѣлое не только въ біологическо-соціальному смыслѣ, но и въ смыслѣ юридическаго лица (это особливо подчеркнуто въ послѣднее время рѣшеніями Общаго Собранія Сената); то, что остается отъ поглощенія семьей, захватываетъ въ личности крестьянина община или общество крестьянское, и, наконецъ, послѣдніе остатки поглоща-

ются государствомъ, особенно круговою порукою за подати и повинности. Гдѣ же хотя бы какой нибудь просторъ для развитія личности, гдѣ же освобожденіе крестьянина? Отсутствіе твердаго закона компенсировалось—и, конечно, плохо—приставленною опекающею властью въ лицѣ мировыхъ посредниковъ, крестьянскихъ присутствій и послѣдовательно привело къ положенію 12 іюня 1889 года, сосредоточившему и управленіе, и судъ во власти земскаго начальника, который является уже нѣкоторымъ образомъ представителемъ и того общаго права, которымъ будто бы управляется гражданская жизнь крестьянства. вмѣсто крѣпчанія закона крѣпчаетъ власть; но нельзя упускать изъ виду, что крѣпчаетъ собственно не сама власть,—ибо она въ предѣлахъ закона безотносительна и всегда по крѣпости себѣ равна,—а крѣпчаетъ усмотрѣніе этой власти, т. е. проявленіе ея внѣ закона, вмѣсто закона, слѣдовательно во вредъ закону и въ подрывъ власти. Результатомъ всего этого является весьма слабое проникновеніе идеею законности; есть уваженіе законной власти не за совѣсть, а за страхъ.

Съ большимъ разочарованіемъ поэтому узнали друзья законности, что и вырабатываемые Коммисіею по составленію гражданского уложенія законы оставляютъ крестьянское населеніе внѣ этихъ законовъ.

Положеніе крестьянскаго населенія въ смыслѣ только-что указаннаго оставленія ихъ безъ законовъ есть лишь главнѣйшее проявленіе партикуляризма въ правѣ.

Но наряду съ этимъ этотъ партикуляризмъ, странно сказать—чисто правительственный, проявляется уже въ многообразномъ видѣ въ отношеніи другихъ, не столь важныхъ, правовыхъ сторонъ жизни.

Законныя права—гражданскія и публичныя—у насъ часто дѣлаются средствомъ достиженія разныхъ административныхъ и политическихъ цѣлей. Со времени Канта твердо установлено и объ этомъ напомнилъ въ своей вступительной лекціи въ Александровскомъ лицѣ А. О. Кони (см. Журналъ Министерства Юстиціи, 1902 г., январь); что главный категорическій императивъ практическаго разума, это—не дѣлать личность средствомъ для достиженія той или другой цѣли.

Къ личности же относятся ея гражданскія права; подобно личности, и права ея поэтому не должны служить предметомъ манипулированія въ тѣхъ или другихъ видахъ. Партикуляризмъ въ

гражданскихъ правахъ грѣшитъ противъ этого категорическаго императива.

У насъ имѣются группы населенія съ ограниченою право-и дѣеспособностью, причемъ ограниченіе установлено закономъ или суррогатомъ его—временными правилами,—въ видахъ административно-политическихъ. Таковы, на примѣръ поляки, евреи и вообще нехристиане. Этотъ же партикуляризмъ проявляется и въ области публичной—въ управленіи. Какъ разъ въ настоящее время находится въ обсужденіи законодательныхъ сферъ проектъ земскаго преобразованія въ 9 западныхъ губерніяхъ, который является ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ той легкости, съ каковою у насъ устанавливаются партикулярные законы.

Какъ извѣстно, этотъ проектъ преобразовываетъ земское управленіе, устанавливаетъ участіе въ этомъ управленіи какъ бы свѣдущихъ людей изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, но устраняетъ земское самоуправленіе въ Западномъ и Юго-западномъ краѣ съ разнородными элементами населенія и съ преобладающимъ, какъ констатируютъ соображенія къ проекту, польскимъ землевладѣніемъ.

До сихъ поръ у насъ были мѣстности, гдѣ введено въ дѣйствіе земское положеніе 1890 г., и мѣстности, гдѣ оно еще не введено, а отнынѣ у насъ будутъ (независимо отъ Привислянскаго края, отъ Сибири и т. д.) мѣстности, гдѣ введено иное земское положеніе.

Мы не имѣемъ въ виду здѣсь вдаваться въ критику предположеній проекта и его мотивовъ; мы желали бы здѣсь только отмѣтить ту сравнительную легкость, съ какою устанавливается и въ области земскаго управленія, находящагося и тамъ, гдѣ введено положеніе 1890 г., подъ бдительнымъ надзоромъ правительственной власти, партикуляризмъ.

Склонность къ партикулярному праву—политически, казалось бы, вредная—есть главнѣйшая, внутренняя причина, почему такъ неудовлетворительно осуществляется призваніе нашего времени къ законодательствованію.

Вотъ примѣръ изъ самопослѣдняго времени и изъ области, совершенно чуждой политикѣ. Въ самомъ концѣ прошлаго года, а именно 27 декабря, Высочайше утверждено положеніе комитета министровъ „объ измѣненіи и дополненіи дѣйствующихъ узаконеній относительно общихъ собраній и ревизіонной части акціонерныхъ компаній, а равно состава правленій оныхъ“.

Все наше акціонерное законодательство давно признано нуждаю-

щимся въ реформѣ, надъ нимъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ трудится финансовое вѣдомство, имъ занималась и коммисія по составленію новаго гражданскаго уложенія, изготовившая проектъ закона объ акціонерныхъ компаніяхъ и товариществахъ на паяхъ, входящій въ составъ книги пятой уложенія. Разныя обстоятельства (надо думать—внутренняго свойства) препятствуютъ осуществленію реформы, и вотъ взамѣнъ ея дается партикулярный законъ, съ частичными незначительными измѣненіями, сила коего распространяется на всѣ существующія компаніи и товарищества, кромѣ тѣхъ товариществъ, паи коихъ не котируются на биржѣ.

Незначительныя исправленія дѣйствующаго порядка въ отношеніи порядка созыва общаго собранія, состава его, увеличенія числа членовъ ревизіонной коммисіи (съ 3 на 5), устраненіе правленія и ревизіонной коммисіи отъ голосованія, между прочимъ, при утвержденіи отчета и воспрещеніе директорамъ-распорядителямъ кредитныхъ учрежденій быть директорами-распорядителями акціонерныхъ компаній (повидимому, къ товарищамъ этотъ запретъ не относится),—вотъ все что даетъ положеніе 27 декабря, забывшее притомъ сказать, что дѣлается съ отчетами неутвержденными, какія послѣдствія имѣетъ неутвержденіе отчета (хотя бы въ отношеніи промысловаго дополнительнаго обложенія), какія послѣдствія выбора не пяти, а трехъ или четырехъ ревизоровъ и т. д.

Все это положеніе есть своего рода партикулярный законъ, невыгодная сторона коего заключается въ томъ, что имъ удовлетворена будто бы какая то потребность, и для полной реформы акціонернаго дѣла наступаетъ возможность дальнѣйшей отсрочки.

Въ заключеніе нашей бесѣды на этотъ разъ надо указать на то, что казавшійся одно время забытымъ вопросъ о пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ вновь поставленъ на первую очередь Высочайше одобренными предположеніями министра внутреннихъ дѣлъ о порядкѣ пересмотра. Къ сожалѣнію, сложный порядокъ пересмотра, повидимому, разсчитанъ на весьма долгое время, и въ предположеніяхъ министра нѣтъ ни малѣйшаго указанія на объемъ пересмотра. Напримѣръ, предполагается ли подвергнуть пересмотру и положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ? Предполагается ли ограничить дѣйствіе обычнаго права?

Сл.

2. Распространяется ли дѣйствіе 122 ст. X т. 1 ч. изд. 1842 года на дѣтей, рожденных внѣ брака?

Глубоко практической институтъ давности служитъ, какъ извѣстно, защитѣ не одного только права собственности. Имъ защищается и личное право законности рожденія, которое представляется еще болѣе важнымъ и основнымъ гражданскимъ правомъ, чѣмъ права имущественныя. Оспариваніе его соединено съ извѣстнымъ оскорбленіемъ чести родителей и лица, отъ нихъ рожденнаго; поэтому для споровъ противъ законности рожденія установлены и особыя, краткіе сроки давности.

На всѣ ли, однако, споры о законности рожденія должна распространяться эта давность? Какъ не всякое осуществленіе права собственности превращается по давности въ это послѣднее: для этого требуется еще *res habilis, titulus, fides*—кромѣ *possessio* и *tempus*,—точно также необходимо должны быть указаны въ законѣ и тѣ условія, при наличности коихъ законность рожденія лица становится въ силу давности внѣ спора. Нельзя допустить, чтобы лицо, преступнымъ образомъ присвоившее себѣ извѣстное имя и пользовавшееся имъ десять или болѣе лѣтъ, получило бы на это имя безспорное право (объ этомъ говорится, напримѣръ, въ кассац. рѣшеніяхъ 1879 г. №№ 152 и 378), подобно тому, какъ недопустимо приобрѣтеніе по давности права собственности на краденую вещь, *res furtiva*. И дѣйствительно, нашъ X т. (ст. 119—144) и уставъ гражданскаго судопроизводства (ст. 1346—1356) подробно указываютъ условія и сроки для споровъ о законности рожденія.

Всѣ эти споры, однако, по существу своему, кореннымъ образомъ раздѣляются на двѣ категоріи: споры противъ законности рожденія лица и споры противъ незаконнорожденности. При этомъ тутъ же необходимо замѣтить, что подъ первыми спорами должно разумѣть не тѣ случаи, когда оспаривается законность рожденія лица, *фактически* признававшегося законнорожденнымъ, а тѣ, когда лицо признавалось таковымъ въ силу закона, а именно *въ силу законной презумціи*; а *vice versa* слѣдуетъ сказать то же самое и о случаяхъ второго рода. Дѣло въ томъ, что наши гражданскіе законы строго различаютъ *дѣтей, рожденных въ бракѣ*, т. е. замужнею женщиною, и *дѣтей, рожденных внѣ брака*, т. е. женщиною, въ бракѣ не состоявшею: первыхъ законъ признаетъ законнорожден-

ными (119 ст. 1 ч. X т. свод. зак.), по крайней мѣрѣ—до доказательства противнаго, вторыхъ, также до доказательства противнаго, законъ признаетъ незаконнорожденными. И вотъ, для оспариванія законности и незаконности рожденія, другими словами—означенныхъ выше законныхъ презумпцій, X томъ и уставъ и указываютъ основанія такого спора, а сообразно послѣднему—кто можетъ спорить, въ какой срокъ и съ какими доказательствами.

Здѣсь не мѣсто развивать дальнѣйшую систему нашего законодательства по означенному предмету, чему должно было бы посвятить болѣе обширную и обстоятельную работу, и мы позволяемъ себѣ обратить вниманіе здѣсь лишь на вышеприведенныя основныя положенія, смѣшеніе коихъ или недостаточное ихъ сознаніе именно и порождаетъ тѣ недоразумѣнія и противорѣчія, которыя замѣчаются въ нашей судебной практикѣ по этимъ дѣламъ вообще и въ кассационной практикѣ въ частности. Именно недостаточное различеніе внѣбрачнаго рожденія отъ рожденія отъ замужней женщины и смѣшеніе простого *фактическаго* пользованія или непользованія лицомъ правами законнаго рожденія съ признаніемъ его законнорожденнымъ или незаконнорожденнымъ въ силу постановленія, именно *презумпціи закона*, независимо отъ того, было ли это лицо именуемо принадлежащимъ ему по закону до надлежащаго спора именемъ, независимо отъ того, было ли оно надлежаще записано въ метрическія или какія либо другія книги,—легло въ основаніе глубоко неправильнаго, по нашему мнѣнію, рѣшенія Сената по извѣстному, еще такъ недавно (въ концѣ 1899 года) заслушанному дѣлу Глѣбова (о которомъ говорилось своевременно и въ настоящемъ обзорѣ), а также и едва ли правильнаго рѣшенія Сената по дѣлу Забѣлиной, заслушанному въ февралѣ 1898 года. Въ нихъ совершенно неправильно было придано значеніе метрической записи, которая бессильна и ничтожна, однако, согласно точному смыслу закона, передъ установленною имъ, неоспоренною, презумпціею. Обращаясь же къ рассмотрѣнію разрѣшеннаго 20 ноября гражданскимъ кассационнымъ департаментомъ дѣла о наслѣдствѣ Маріи Головковой, замѣчаемъ и въ этомъ дѣлѣ смѣшеніе тѣхъ же основныхъ началъ споровъ о законности рожденія, смѣшеніе, допущенное палатою и утвержденное резолюціею Сената. Изложимъ раньше обстоятельства дѣла и возбужденный ими вопросъ, а затѣмъ обратимся къ законамъ и вернемся къ кассационной практикѣ.

2 іюня 1896 года умерла въ Харьковѣ вдова коллежскаго софѣтника Марья Никаноровна Головкова. Послѣдняя публикація о

вызовѣ наслѣдниковъ ея припечатана въ сенатскихъ объявленіяхъ 19 августа того же года. Къ имуществу ея предъявили наслѣдственные права Варвара Облеухова, Семень и Силуанъ Косенко и жена коллежскаго секретаря Софья Платоновна Стратоновичъ. Повѣренный Харьковскаго дворянскаго общества Илларионовъ, исходя изъ того, что дворянское общество обязано охранять интересы дворянства въ случаѣ, когда имѣнія безпотомственно умершихъ дворянъ могутъ, въ качествѣ выморочныхъ, поступить къ дворянскому обществу, просилъ отказать въ ходатайствѣ названныхъ просителей по недоказанности родственной связи ихъ съ наслѣдодательницей Головковой.

Харьковскій окружный судъ опредѣленіями отъ 23—24 іюля и 7 августа 1897 г. призналъ Варвару Облеухову, Семена и Силуана Косенко наслѣдниками къ имуществу Маріи Головковой, первую—изъ нихъ къ половинѣ, а послѣднихъ двухъ—къ остальной половинѣ этого имущества, въ ходатайствѣ же Софьи Стратоновичъ отказать.

Опредѣленія эти обжалованы Харьковской судебной палатѣ повѣреннымъ Харьковскаго губернскаго дворянства и Софьею Стратоновичъ.

Харьковская судебная палата (по 2 деп.), разсмотрѣвъ указанныя жалобы, нашла, что эти жалобы не могутъ быть признаны заслуживающими уваженія. Возраженіе повѣреннаго Харьковскаго губернскаго дворянства основано на томъ, что наслѣдодательница Марія Головкова—незаконнорожденная дочь дѣвицы Маргариты Грабовской и, какъ таковая, не можетъ имѣть родственниковъ въ боковой линіи, а, слѣдовательно, и при отсутствіи нисходящихъ по прямой линіи—и наслѣдниковъ послѣ себя. Въ доказательство ея рожденія была представлена копія акта гражданскаго состоянія Варшавскаго римско-католическаго прихода Святаго Креста за 1842 годъ, изъ которой видно, что 10 октября 1842 года было оглашено рожденіе, послѣдовавшее 29 января того же года, младенца женскаго пола, нареченнаго Францискою-Марцеллою, родителями которой указаны капитанъ Никаноръ Облеуховъ и законная его жена Маргарита, урожденная Грабовская. Хотя бракъ по православному обряду Никанора Облеухова съ дѣвицею Маргаритою Грабовскою имѣлъ мѣсто въ 1852 году, судебная палата находитъ, что при разрѣшеніи вопроса о законнорожденности Марцеллы, получившей имя Маріи при переходѣ ея въ православіе и впоследствии вышедшей замужъ за Головкова, слѣдуетъ руководствоваться

не нынѣ дѣйствующими законами, какъ это указываетъ повѣренный дворянства, требуя, на основаніи 132 ст. X т. ч. I, признанія Головковой незаконнорожденною, а тѣми законами, которые имѣли силу до изданія правилъ 6 февраля 1850 года, тагъ какъ по смыслу примѣч. къ 797 ст. законовъ о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ (изд. 1857 года) правила эти во всемъ томъ, что ими измѣнено въ прежнихъ законахъ, не распространяются ни на браки, прежде того заключенные, ни на дѣтей, отъ прежнихъ браковъ прижитыхъ.

На основаніи же 122 ст. X т. ч. I, изд. 1842 г., законными считаются всѣ дѣти, законность коихъ не была оспорена: 1) „при жизни ихъ родителей, и 2) въ теченіи 10 лѣтъ отъ ихъ рожденія“; въ примѣчаніи же къ этой статьѣ изъяснено, что „законность рожденія лица считается неоспоренною, когда признаніе его законнымъ оглашено актами или другими событіями при жизни родителей его и потомъ въ продолженіи 10 лѣтъ никѣмъ не было оспорено; по минованіи сего срока, а равно и послѣ смерти обоихъ или одного изъ родителей, хотя бы и прежде истеченія десятилѣтія, никакой уже споръ о законности рожденія дѣтей, когда признаніе онаго законнымъ было, какъ сіе сказано выше, оглашено при жизни обоихъ родителей надлежащими актами или же другими событіями,—не допускается ни отъ постороннихъ, ни отъ пережившаго родителя“. Засимъ, въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 20 іюня 1841 года по дѣлу Ландсберговъ, на которое сдѣлано указаніе подъ означеннымъ примѣчаніемъ, выражено, что вышеуказанное правило, ограничивающее возможность споровъ противъ законности рожденія, примѣнимо и къ вѣнбачному рожденію, а въ мнѣніи Государственнаго Совѣта № 27137, утвержденномъ 12 ноября 1817 г., основаніемъ къ признанію законности рожденія при незаконности брака принято было то, что родившаяся признавалась законною въ теченіи болѣе 10 лѣтъ и что она была внесена въ дворянскую родословную книгу по прошенію отца, и на семь основаніи было выдано удостовѣреніе предводителя дворянства, по коему она принята была на воспитаніе въ учебное заведеніе; притомъ и просьбъ или опроверженій по сему предмету ни отъ кого въ теченіи 13 лѣтъ не было. Марія Головова родилась, какъ это видно изъ указаннаго выше акта состоянія, 29 января 1842 г. и притомъ, какъ это удостовѣрено показаніями, имѣющимися въ томъ актѣ, отъ Никанора Облеухова и его законной жены Маргариты; что этимъ своимъ положеніемъ, какъ дочь

Облеухова, Марцелла, впоследствии Марія, пользовалась въ продолженіи всей своей жизни до самой смерти, послѣдовавшей въ 1896 году, какъ при жизни, такъ и послѣ смерти своихъ родителей; что никто никогда этого положенія въ семьѣ Марцеллы (Маріи), какъ законной дочери Никанора Облеухова, не оспаривалъ, и никакихъ просьбъ по этому поводу не было; что, напротивъ, самъ отецъ Никаноръ Облеуховъ всегда признавалъ Марцеллу своею дочерью, что видно изъ прошенія его, поданнаго въ Московскую духовную консисторію въ январѣ 1856 года, въ которомъ онъ, ходатайствуя о выдачѣ метрики, прямо называетъ ее своею дочерью Марцеллою, присоединенною къ православной церкви въ декабрѣ 1854 года съ нареченіемъ ея Марією, каковая метрика и была выдана ему въ 1856 году; что затѣмъ и въ самой подпискѣ о намѣреніи присоединиться къ православію Франциска-Марцелла именуется себя дочерью Никанора Никаноровича Облеухова и, имѣя въ то время лишь 12 лѣтъ отъ роду, безъ сомнѣнія не могла дать такой подписки иначе, какъ съ вѣдома и согласія своихъ родителей, а, слѣдовательно, и отца Никанора Облеухова; что, кромѣ того, Никаноръ Облеуховъ, состоя полковникомъ Генеральнаго Штаба, подалъ 8-го октября 1854 года рапортъ за № 225 въ Департаментъ Генеральнаго Штаба съ ходатайствомъ о внесеніи въ формулярный о службѣ его списокъ дочери Марцеллины, каковая и значится внесенною, какъ это видно изъ имѣющихся при дѣлѣ формулярныхъ списковъ о службѣ Никанора Облеухова; что, наконецъ, независимо отъ всего этого, копією опредѣленія Харьковскаго окружнаго суда отъ 26 августа 1892 г. устанавливается то положеніе, что и въ 1892 году Марія Головкова пользовалась своимъ положеніемъ, какъ законнорожденная дочь Никанора Облеухова и его жены Маргариты, урожденной Грабовской. На основаніи изложеннаго, Марія, по мужу Головкова, должна быть признана законнорожденною дочерью Никанора Никанорова Облеухова, и домогательство повѣреннаго дворянства о признаніи ея незаконнорожденною въ настоящее время, послѣ того, какъ оба ея родителя умерли и со дня рожденія протекло болѣе 50 лѣтъ, должно быть отвергнуто.

Въ принесенныхъ на рѣшеніе палатою кассационныхъ жалобахъ повѣренный дворянства ходатайство свое объ отмініи опредѣленія 28 мая 1899 года подкрѣпилъ цѣлымъ рядомъ соображеній.

Между прочимъ, указывается кассаторомъ на то, что палатою оставлены безъ вниманія разные документы, и что палата не об-

судила съ точки зрѣнія дѣйствующаго въ Царствѣ Польскомъ гражданскаго кодекса дѣйствительность записи, сдѣланной акушеркой въ 1842 г. не въ присутствіи родителей, а черезъ 8 слишкомъ мѣсяцевъ послѣ рожденія младенца (ст. 96, 97, 100 гражд. улож.); выводъ палаты основанъ на документѣ, неправильность коего не отрицается самою палатою, такъ какъ ею признается, что бракъ Облеухова съ Маргаритою Грабовской совершенъ по православному обряду лишь въ 1852 г., почему въ актѣ 1842 г. ребенокъ не могъ правильно быть обозначеннымъ законнымъ, родившимся въ бракѣ ребенкомъ.

Оставляя въ сторонѣ возбужденный кассационною жалобою и разрѣшенный Сенатомъ, очевидно, въ послѣднемъ смыслѣ вопросъ о томъ, на основаніи ли законовъ Царства Польскаго (ст. 291 гражд. улож. 1825 года) или же на основаніи 122 ст. свода законовъ изд. 1842 года подлежитъ разрѣшенію споръ о законности рожденія лица въ 1842 году, въ городѣ Варшавѣ отъ постоянной его жительницы, которая въ 1852 году вступила въ одной изъ внутреннихъ губерній Имперіи въ бракъ съ лицомъ русскаго происхожденія, считавшимъ себя естественнымъ и законнымъ отцомъ того лица,—сосредоточимъ свое вниманіе на другомъ вопросѣ, болѣе насъ интересующемъ, именно объ истолкованіи нашего свода законовъ.

И такъ, необходимо было примѣнить къ дѣлу 122 статью законовъ гражданскаго изданія 1842 года, которая не имѣла примѣчанія въ изданіи 1832 года и цѣликомъ отсутствуетъ въ изданіи 1857 года, послѣ отмѣны ея закономъ 6 февраля 1850 года (п. с. з. № 23.906), закономъ, имѣющимъ мѣсто въ X томѣ свода со времени 1857 года и по сіе время.

Изъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ дѣла видно, что событіе рожденія Маріи Головковой было записано со словъ акушерки въ актѣ гражданскаго состоянія, въ коемъ было именно означено рожденіе ребенка будто бы отъ законнаго брака его матери съ Никаноромъ Облеуховымъ, съ которымъ мать Головковой дѣйствительно вступила въ бракъ, но черезъ десять лѣтъ послѣ рожденія дочери. И такъ, приведенная запись подходитъ ли подъ означенное въ примѣчаніи къ 122 статьѣ „оглашеніе?“ Высшій обрядъ записи, очевидно, вполне подходитъ подъ это оглашеніе, ибо рожденіе было записано въ актѣ гражданскаго состоянія, который, конечно, является именно тѣмъ „надлежащимъ актомъ“, о которомъ говорится въ примѣчаніи къ ст. 122. И не въ этомъ, конечно, центръ возбужденнаго дѣломъ вопроса. Характернымъ и отличительнымъ по обстоятель-

ствамъ изложеннаго дѣла является то, что оглашено было рожденіе дитяти отъ незаконнаго, на самомъ дѣлѣ, брака, что оглашено было *внѣбрачное* рожденіе. И самый вопросъ, обусловливавшій рѣшеніе дѣла, заключался въ слѣдующемъ: распространяется ли дѣйствіе 122 ст. 1 ч. X т. и примѣчанія къ ней изд. 1842 года *на дѣтей, рожденныхъ внѣ брака*, другими словами—*должно ли согласно 122 ст. 1 ч. X т. Св. Зак. 1842 г. быть признано законнымъ подлежаще оглашенное и въ теченіи десяти лѣтъ или при жизни родителей неоспоренное рожденіе или лица до брака?*

Разрѣшенный резолюціею Сената отъ 20 ноября, оставившею кассационную жалобу безъ послѣдствій, въ смыслѣ утвердительномъ, вопросъ этотъ возвращаетъ насъ такимъ образомъ къ тому, что было сказано въ началѣ настоящаго изложенія. Выше было обращено вниманіе на коренное отличіе двухъ категорій споровъ о законности рожденія,—смотря по тому, было ли лицо рождено женщиною, состоящею въ бракѣ, или женщиною незамужнею. Вопросъ же, вытекающій изъ дѣла, заключается какъ разъ въ томъ, подлежатъ ли обѣ названныя категоріи споровъ дѣйствію одного и того же правила? Нѣтъ, отвѣчаемъ мы на этотъ вопросъ: то и другое—не одно и то же.

Указанное отличіе двухъ категорій названныхъ споровъ не разъ сознавалось въ рѣшеніяхъ гражданскаго кассационнаго департамента. Притомъ два изъ рѣшеній, касающихся интересующаго насъ вопроса, къ коимъ слѣдуетъ причислить рѣшенія 1879 г. №№ 152 и 378, 1880 г. № 221, 1882 г. № 155, 1890 г. № 45, 1892 г. № 33 и 1896 № 57,—именно рѣшеніе 1879 г. № 159 и 1892 г. № 33, могутъ дѣйствительно служить руководствомъ для практики по этимъ дѣламъ, какъ рѣшенія весьма обстоятельныя, вразумительныя и правильныя: прочія рѣшенія ссылаются на другія, притомъ иногда неудачно, и во всякомъ случаѣ по неполнотѣ и малой обоснованности не разъ уже нашу судебную практику вводили въ заблужденіе.

Приведемъ сначала выдержку изъ прекраснаго рѣшенія 1892 г. № 33 (по докладу сенатора С. В. Пахмана), лучше всего подтверждающую выставленное нами выше положеніе. Палата—говорится въ этомъ рѣшеніи—не обратила надлежащаго вниманія на существенное различіе, которое въ самомъ законѣ, начиная съ тѣхъ же ст. 119 и 132, т. X, ч. 1, на которыя палатою сдѣлана совмѣстная ссылка, проводится между дѣтьми законными и незаконными. Различіе это сводится къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ: 1) законными признаются дѣти, рожденныя въ бракѣ (ст. 119), а незакон-

ными—рожденныя *вне брака* (ст. 132), понимая *внебрачное* рождение, какъ происшедшее вообще при отсутствіи или незаконности брачнаго союза; 2) рожденныя въ бракѣ почитаются законными въ силу *законнаго предположенія*, что они произошли отъ мужа ихъ матери, хотя бы они родились по естественному порядку слишкомъ рано отъ совершенія брака, если только отецъ не отрицалъ законности ихъ рожденія, или уже по прекращеніи брачнаго союза, если зачатіе ихъ произошло при жизни отца (ст. 119), между тѣмъ какъ означеннаго предположенія въ пользу рожденныхъ *вне брака* не существуетъ; 3) законное предположеніе, касающееся рожденныхъ въ бракѣ, не считается, однако, непреложнымъ и можетъ быть *оспариваемо*, но такъ какъ споръ этотъ направленъ къ тому, чтобы то рождение, которое предполагается законнымъ, признано было незаконнымъ, то онъ допускается не иначе, какъ въ формѣ иска (ст. 1352 уст. гр. суд.), будетъ ли то самостоятельный или встречный искъ, и самый споръ имѣетъ значеніе иска *противъ законности* рожденія, между тѣмъ какъ споръ о *незаконности* дитяти, какъ рожденнаго *вне брака*, состоитъ не въ опроверженіи предполагаемой законности, а лишь въ подтвержденіи того факта, въ силу коего по указанію самаго закона дитя признается незаконнымъ, а для такого подтвержденія достаточно предьявленія спора въ видѣ возраженія; и 4) для предьявленія спора противъ законности рожденія, какъ направленнаго къ опроверженію законнаго предположенія, установлены опредѣленные сроки (статьи 1350 и 1353 уст.), безъ чего означенное предположеніе оставалось бы въ состояніи оспоримости и не могло бы превратиться въ неопровержимое, что, понятно, отзывалось бы на неопредѣленности семейнаго и общественнаго положенія каждаго лица, рожденнаго въ бракѣ, между тѣмъ какъ это соображеніе не примѣнимо къ лицу, *рожденному вне брака: положеніе его, какъ незаконнорожденнаго, остается неизмѣннымъ, оно не можетъ стать законнымъ*, кромѣ указанныхъ въ самомъ законѣ изъятій (напр. въ ст. 133 т. X ч. 1), и потому *никакою давностью не покрывается, чѣмъ объясняется, почему для предьявленія возраженій, основанныхъ на фактѣ незаконности рожденія, не установлено никакого срока*. Въ томъ же рѣшеніи, далѣе, указывается, что приведенныя соображенія подтверждаются рѣшеніемъ 1879 г. № 152, а также и рѣшеніемъ 1882 г. № 155, „въ коемъ прямо высказано, что всѣ правила, изложенныя въ 1346—1356 ст. уст. гр. суд., какъ основанныя на ст. 119—131 т. X ч. 1, говорящихъ о дѣтяхъ законныхъ, относятся лишь къ

дѣламъ о законности или незаконности дѣтей, рожденныхъ въ бракѣ, и нисколько не касаются дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, о которыхъ говорится въ ст. 132 и слѣд. того же тома.

Здѣсь намъ могли бы возразить, что приведенное рѣшеніе 1892 года изъясняетъ смыслъ дѣйствующихъ законовъ и не относится къ статьямъ X тома изданія 1842 года. Конечно, это такъ, но для насъ важно лишь подчеркнуть и ясно отмѣтить то положеніе, которое является краеугольнымъ камнемъ въ спорахъ сего рода. Посмотримъ же, теперь, однако, въ чемъ же заключается различіе правилъ 1842 года, и точно ли указанное основное положеніе не является таковымъ по X тому 1842 года. Будемъ отвѣчать на этотъ вопросъ опять кассационнымъ же рѣшеніемъ.

Въ законахъ гражданскихъ, — говоритъ рѣшеніе 1879 г. № 152 — *съ самаго изданія свода законовъ* (св. зак. изд. 1832 г. ст. 43, 44, 89—93, 1656, 2138 и XV т. ст. 145, 663, 664, 1033) проводилось строгое различіе между дѣтьми, происшедшими въ бракѣ, и дѣтьми, происшедшими отъ прелюбодѣянія..... Такимъ образомъ точный смыслъ какъ *прежнихъ, такъ и новыхъ законовъ* состоитъ въ томъ, что главное условіе законности есть или зачатіе ребенка въ законномъ бракѣ (п. 2 ст. 119 т. X ч. 1), или рожденіе его при существованіи законнаго брака (п. 1 ст. 119); съ этими статьями согласны и ст. 1348—1353 уст. гр. суд. *Смыслъ ихъ въ связи и съ 122 ст. X т. по изд. 1842 г.* тотъ, что обстоятельства, предшествующія браку, оставляются въ сторонѣ, если со стороны родителей не было возбуждено вопроса о сихъ обстоятельствахъ, въ отрицаніе законности ребенка, или если признаніемъ со стороны родителей заграждено изслѣдованіе сихъ обстоятельствъ; причемъ въ позднѣйшемъ законѣ эти обстоятельства и послѣдствія съ большею точностію указаны (таковы рожденіе по естественному порядку слишкомъ рано—послѣ совершенія брака или слишкомъ поздно—послѣ прекращенія онаго, или рожденіе во время разлуки супруговъ, или при сомнѣніи мужа въ супружеской вѣрности жены). А такъ какъ *основное положеніе условія законности рожденія по происхожденію въ законномъ бракѣ*, притомъ гласно для обоихъ родителей, исключая рожденія по смерти уже отца (ст. 131 X т. 1 ч.), *осталось*, то, очевидно, что въ спорахъ противъ законности рожденія, состоящихъ въ томъ, что извѣстное лицо прижито внѣ брака, и гдѣ доказывается, что одинъ изъ приписываемыхъ ему родителей или вовсе не зналъ о семъ при жизни другого супруга, или, узнавъ, не признавая законности рожденія, гласно отрекался отъ приписы-

ваемаго ему сына или дочери, означенныя статьи закона, имѣющія въ виду вовсе не споръ подобнаго рода, не могутъ быть примѣняемы. Вслѣдствіе сего, такъ какъ въ подлежащемъ дѣлѣ не возбуждалось означенныхъ специальныхъ случаевъ сомнѣнія въ рожденіи лица замужнею женщиною отъ ея супруга, т. е. не возбуждалось вовсе спора на томъ основаніи, что Иванъ Янушевичъ родился отъ Элеоноры Янушевичъ во время разлуки съ нею мужа ея, или по смерти его, или при сомнѣніи мужа въ супружеской вѣрности Элеоноры Янушевичъ (122 ст. X т. св. зак. 1842 г., 125, 127, 130 ст. 1 ч. X т., 1248, 1351, 1352 ст. уст. гр. суд.), но доказывалось, что Иванъ Янушевичъ родился не отъ брака Иліодора Янушевича съ Элеонорою, а отъ прелюбодѣйной связи Иліодора Янушевича съ постороннею женщиною Попель, и что Иліодоръ Янушевичъ *подложно записалъ Ивана, какъ будто законнаго своего отъ Элеоноры сына, въ метрику*, то и не было основанія ни для примѣненія этихъ законовъ, ни для примѣненія тѣхъ законоположеній, которыя (125—131 ст. 1 ч. X т. и ст. 1349—1353 уст. гр. суд.) въ этихъ специальныхъ случаяхъ признаніе младенца законнымъ поставляютъ въ зависимость отъ того, признавалъ ли его отецъ, соблюденъ ли установленный срокъ и т. д. *Въ отдѣленіи 2 главы 1 раздѣла II т. X ч. 1 о дѣтяхъ незаконныхъ (ст. 132 и слѣд.) нѣтъ правилъ ни о срокахъ, установленныхъ 129 и 130 ст. 1 ч. X т. (ст. 1350—1353 уст. гр. суд.), ни о зависимости признанія сихъ дѣтей законными отъ воли отца, такъ какъ сіе противорѣчило бы, съ одной стороны, самому опредѣленію закона о незаконныхъ дѣтяхъ, т. е. рожденныхъ внѣ брака или внѣ брака законнаго (ст. 132). Признаніе же дѣтей законными, какъ неоднократно признавалъ Правительствующій Сенатъ (рѣш. гр. касс. деп. 1874 г. № 849, 1876 г. №№ 148, 595 и др.),—заключаетъ рѣшеніе 1879 г. № 152,—по законамъ до 6 февраля 1850 г. (ст. 121—124 и 2789 т. X) и послѣ 6 февраля 1850 г. (ст. 119—131 т. X ч. 1) обусловлено рожденіемъ ихъ, во всякомъ случаѣ, въ бракъ законномъ, почему 122 ст. X т. 1842 г. вовсе не относится къ дѣтямъ, рожденнымъ внѣ брака (рѣш. 1876 г. № 148).*

Такимъ образомъ мы, неожиданно, подошли къ отвѣту на поставленный выше по дѣлу вопросъ. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о другихъ кассационныхъ рѣшеніяхъ. Рѣшеніе 1879 г. № 378, постановленное специально въ разъясненіе 122 ст. 1 ч. X т. св. зак. изд. 1842 года, ссылается, однако, на рѣшеніе 1879 г. № 152, имѣющее гораздо болѣе общее значеніе, и не прибавляетъ ничего

самостоятельнаго или новаго, такъ что является для выясненія обсуждаемаго предмета бесполезнымъ. Что же касается рѣшенія 1890 г. № 45, то именно оно и является главнымъ виновникомъ путаницы въ судебной практикѣ по спорамъ о законности рожденія, какъ рѣшеніе, смѣшавшее отличительныя, позже (закономъ 6 февраля 1850 г.) отмѣненныя, постановленія стараго свода законовъ съ законами, нынѣ дѣйствующими. Дѣло въ томъ, что X т. изд. 1842 года представлялъ ту особенность, что указывалъ на особое значеніе оглашенія законности рожденія, которое являлось однимъ изъ условій приобрѣтенія по давности безспорнаго права на законность рожденія. Этого значенія фактическое оглашеніе, однако, не имѣетъ нынѣ съ отмѣною означенной 122 статьи X тома изд. 1842 года. Между тѣмъ рѣшеніе 1890 года № 45 указываетъ, что и нынѣ „законъ, очевидно, придаетъ особое значеніе оглашенію чрезъ установленные акты законности рожденія и признанію такой законности со стороны родителей, такъ какъ внесеніе дѣтей въ метрическія книги, исповѣдныя росписи, родословныя городовыя обывательскія книги, формулярные списки и ревизскія сказки совершается при участіи родителей. Это вполне подтверждается и прежде дѣйствовавшими законами, и судебною практикою. Законъ, отмѣненный, однако, не можетъ подтверждать смысла иныхъ законоположеній дѣйствующаго права. Между тѣмъ означенное рѣшеніе (1890 г. № 45) изъ приведеннаго положенія (совершенно дѣйствующимъ законамъ неизвѣстнаго) о томъ, что „при рѣшенія споровъ о законности рожденія имѣетъ существенное значеніе то обстоятельство, было ли оглашено надлежащими актами законное рожденіе, и признавался ли рожденный родителями его законнымъ ихъ ребенкомъ“—дѣлаетъ дальнѣйшіе выводы, именно обусловливаетъ имъ распредѣленіе между сторонами тягости представленія доказательствъ,—не замѣчая, что распредѣленіе этого бремени закономъ для данныхъ споровъ уже установлено въ виду объявленія имъ законной силы за тѣмъ предположеніемъ, согласно коему ребенокъ, рожденный въ бракѣ, независимо отъ того, какъ было оглашено его рожденіе, признается законнымъ, пока не доказано противное: вотъ тягость представленія доказательствъ и возложена закономъ на самихъ спорщиковъ. Наконецъ, рѣшеніе 1896 года № 57 ссылается на рѣшеніе 1892 г. № 33.

Обращаясь, теперь, къ поставленному выше по дѣлу вопросу, мы, съ своей стороны, не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ, выраженнымъ по сему вопросу въ рѣшеніи 1879 г. № 152. Статья

122 и примѣчаніе къ ней въ X томѣ изданія 1842 года находятся въ „отдѣленіи первомъ“, трактующемъ именно „о дѣтяхъ законныхъ“, т. е. *прежде всего* о дѣтяхъ, рожденныхъ въ законномъ бракѣ, ибо, по справедливому замѣчанію, высказанному въ рѣшеніи 1879 г. № 152, въ этомъ заключается *первое* условіе законности рожденія. Вѣдь основное правило для споровъ о законности рожденія оставалось тѣмъ же и въ X томѣ изданія 1842 года, который, точно также во второмъ отдѣленіи, начинающемся 131 статьею, признавалъ, что „незаконныя дѣти суть: 1) *рожденныя внѣ брака*, хотя бы родители ихъ впоследствии сопряжены были законнымъ бракомъ“. Если же лицо *рождено внѣ брака*, то, очевидно, если какимъ либо способомъ рожденіе его фактически и оглашено какъ законное, если почему либо такое фактическое пользованіе его именемъ законнорожденного и продолжалось нѣсколько десятилѣтій,— все таки такое незаконнорожденное лицо, рожденное внѣ брака, не можетъ стать законнорожденнымъ въ силу одного истеченія времени и отсутствія спора: *по закону оно все время оставалось незаконнорожденнымъ*, а фактическое положеніе вещей съ даннымъ случаѣмъ не имѣетъ силы.

Почти парадоксальными кажутся тѣ соображенія судебной палаты, въ которыхъ она указываетъ, что „своимъ положеніемъ, какъ дочь Облеухова, Марія Головкова пользовалась въ продолженіи всей своей жизни до самой смерти“ . . . .; „никто никогда этого положенія не оспаривалъ“ . . . .; „что *напротивъ, самъ отецъ* Никаноръ Облеуховъ *всегда признавалъ* . . . .“ „что Марія Головкова именovala себя дочерью Облеухова *съ вѣдома и согласія своихъ родителей*“ . . . .“ . Для чего же, однако, существовалъ бы институтъ узаконенія незаконнорожденныхъ, если бы сами родители могли признаніемъ своимъ сообщить незаконному своему ребенку законность рожденія? А изъ дѣла именно видно, что Никаноръ Облеуховъ черезъ 12 лѣтъ послѣ рожденія дочери подаетъ служебный рапортъ съ ходатайствомъ о внесеніи въ его формуляръ имени дочери его Марцеллины: очевидно, этотъ способъ узаконенія гораздо проще исходатайствованія узаконенія черезъ Высочайшее повелѣніе. Если бы, съ другой стороны, одно болѣе или менѣе продолжительное фактическое пользованіе именемъ давало бы право на дальнѣйшее безспорное имѣе обладаніе, тогда бы ничто не мѣшало всякому злонамѣренному лицу, скрывшись въ такое мѣсто, гдѣ оно могло бы остаться незамѣченнымъ заинтересованными въ томъ лицами, присвоить и именоваться тамъ въ теченіи извѣстнаго времени любымъ именемъ, а послѣ приобрести на

него безспорное право. Очевидно, это невозможно. Источникъ же этихъ парадоксальныхъ выводовъ заключается, конечно, въ указанномъ еще въ началѣ настоящей статьи смѣшеніи рожденія отъ замужней женщины съ рожденіемъ внѣбрачнымъ и основаніи правъ лица на фактическомъ пользованіи или непользованіи имъ этими правами, а не на точно установленныхъ закономъ принципіальныхъ положеніяхъ, согласно коимъ рожденный въ бракѣ признается по закону законнорожденнымъ, а рожденный внѣ брака—незаконнорожденнымъ,—развѣ бы доказано было противное: *а для такого доказательства не установлено давности,—какъ для второго случая (ст. 1347 уст. гр. суд.), такъ и для первого.* (см. 4 пунктъ приведенной выше выдержки изъ рѣш. 1892 г. № 33, а также ср. рѣш. 1879 г. № 152). Вотъ почему, конечно, рожденіе Маріи Головковой, происшедшей отъ женщины незамужней, т. е. внѣ брака, могло быть оспорено и нынѣ, по прошествіи 50 лѣтъ или болѣе: по закону, повторяемъ, она всегда была незаконнорожденною, независимо отъ того, какъ она именовалась фактически, хотя бы и совершенно гласно.

Если, такимъ образомъ, нельзя согласиться съ рѣшеніемъ Сената по дѣлу Головковой, то, однако, оно является вторымъ рѣшеніемъ такого рода. Намъ извѣстно еще другое рѣшеніе, именно отъ 18 марта 1898 года по дѣлу о недействительности духовнаго завѣщанія Тиньковой, въ которомъ Московская судебная палата, имѣя въ виду, что Анна Тинькова родилась въ 1828 году, а бракъ ея родителей состоялся 1832 году, т. е. послѣ ея рожденія, что посему Анна Тинькова, по прямому указанію ст. 92 т. X изд. 1832 года, должна быть признана незаконнорожденною, что представленныя истцомъ доказательства оглашенія ея со стороны родителей законною лишены значенія, и что ограниченія въ правѣ оспариванія законности рожденія относятся только къ дѣтямъ, рожденнымъ при существованіи брака родителей,—совершенно основательно уважила предъявленный споръ противъ законности рожденія завѣщательницы. Между тѣмъ Сенатъ нашель, что судебная палата неправильно признала правило 90 статьи объ ограниченіи спора противъ законности рожденія указанными въ ней сроками, относящимся только къ рожденію при существованіи законнаго брака. Обратившись для разъясненія точнаго смысла этого закона къ законодательнымъ источникамъ, на которыхъ законъ основанъ, а также къ указаніямъ судебной практики, Сенатъ остановился на двухъ законоположеніяхъ, приведенныхъ подъ 90 ст., именно на Высочайшей резолюціи по дѣлу Костюрина

и мнѣніи Государственнаго Совѣта отъ 12 ноября 1817 года, изъ которыхъ послѣднимъ утверждена законность рожденія при незаконности брака. Равнымъ образомъ, Сенатъ принялъ во вниманіе, что и подъ примѣчаніемъ къ 122 ст. X т. изд. 1842 года приведено мнѣніе Государственнаго Совѣта по дѣлу Ландсберговъ, въ которомъ также указанное правило признано примѣнимымъ и къ внѣбрачному рожденію. Допустивъ чрезъ 60 слишкомъ лѣтъ, заключаетъ рѣшеніе, оспариваніе законности рожденія лица, всегда признававшагося законнорожденнымъ и пользовавшагося, въ теченіи всей своей жизни, правами состоянія его родителей, и устранивъ доказательства сего, какъ лишенная будто бы значенія, тогда какъ при наличности *такого признанія и пользованія* никакой споръ противъ законности не могъ быть допущенъ, *независимо отъ рожденія въ бракъ или внѣ брака*, судебная палата нарушила 90 ст. X т. изд. 1832 г., почему рѣшеніе ея и было Сенатомъ отмѣнено. Основанное, однако, на выводахъ изъ нѣсколькихъ приведенныхъ подъ статьями X тома законоположеній, рѣшеніе это представляется совершенно неубѣдительнымъ въ виду прямого и основного смысла всѣхъ дѣйствующихъ по сему предмету законоположеній, притомъ, какъ указывали уже вышеприведенныя кассационныя рѣшенія, — старыхъ и новыхъ. Очевидно, даже противорѣчащія прямому смыслу текста закона приведенныя въ его основаніе законоположенія не могутъ измѣнить этого прямого смысла. Однако же, въ мнѣніи Государственнаго Совѣта по дѣлу Ландсберговъ было выражено (какъ на то указывается, напр., въ касс. рѣш. 1879 г. № 152), что 89, 90 и 1656 ст. X т. относятся исключительно къ такимъ случаямъ, гдѣ дѣти, рожденныя въ бракъ, отъ самихъ родителей и отъ постороннихъ точно всегда признавались и выдавались за законныхъ. Такимъ образомъ это законоположеніе приведено въ томъ рѣшеніи, повидимому, не вѣрно. Не останавливаясь на другомъ законоположеніи, можемъ лишь повторить, что окончательный выводъ Сената въ этомъ рѣшеніи (по дѣлу Тиньковой) о значеніи продолжительнаго признанія и пользованія именемъ законнорожденнаго оказывается, согласно вышеизложенному, неправильнымъ.

С. Г—кій.

3. Законъ и практика по „еврейскимъ дѣламъ“ (по вводу Сборника г. Лозина-Лозинскаго).

(Окончаніе) ¹⁾.

Какъ мы могли видѣть изъ сенатскихъ разъясненій по вопросамъ о примѣненіи временныхъ правилъ 3 мая 1882 г., плодомъ „систематическаго толкованія“ этихъ правилъ—однимъ изъ крупнѣйшихъ плодовъ, созрѣвшихъ на древѣ систематическаго толкованія—явилось понятіе новаго поселенія. Понятіе новаго поселенія относится не къ новому лицу, прибывшему въ сельскую мѣстность послѣ того, какъ она стала недоступной и закрытой для жителей городовъ и мѣстечекъ, а къ постоянному, исконному обывателю этой мѣстности, покинувшему ее на болѣе или менѣе продолжительное время, по той или иной хозяйственной или житейской надобности. Такимъ образомъ понятіе новаго поселенія произвело на свѣтъ другое, коррелятивное понятіе—выселенія, оставленія насиженнаго мѣста, покоящееся на такихъ безмѣрно растяжимыхъ и безмѣрно сжимаемыхъ признакахъ, какъ продолжительность отлучки и та или иная цѣль ея, о которой приходится судить—вѣрнѣе, строить догадки—по совокупности уликъ, т. е. по внѣшней обстановкѣ отъѣзда, по дальности или близости конечнаго пункта путешествія, по количеству и качеству багажа, взятаго съ собою въ дорогу (увезъ ли съ собою семью, или нѣтъ, оставилъ ли мебель и домашнія вещи на старомъ мѣстѣ, или распродалъ) и т. п. обстоятельствамъ. По нимъ то читается намѣреніе отъѣзжающаго и, само собою разумѣется, вычитывается изъ нихъ все, что угодно: результатъ чтенія зависитъ отъ проницательности, искусства и настроенія чтеца—мѣстной полицейской или губернской администраціи. Чтеніе, въ отдѣльныхъ случаяхъ, доходящихъ до сенатскаго разсмотрѣнія, исправляется иногда Сенатомъ, и, со всей внушительностью свойственнаго ему авторитета и со всей громоздкостью его дѣлопроизводства, выясняются такія „правовыя“ положенія, что поѣздка на свадьбу къ родственнику или посѣщеніе больного тестя не означаютъ еще вѣчной разлуки съ роднымъ, постояннымъ мѣстомъ жительства и не влекутъ за собою потери права возвратиться къ себѣ домой.

---

¹⁾ См. Вѣстникъ Права, 1901 г. Ноябрь, стр. 176 и сл.

Между тѣмъ эти положенія не имѣютъ никакой связи съ закономъ; во всякомъ случаѣ—будемъ избѣгать категорическихъ утвержденій—связь эта крайне сомнительнаго свойства. Законъ (п. 1 врем. пр. 3 мая 1882 г.) воспретилъ евреямъ, въ видѣ временной мѣры, „впредь вновь селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ“. Вытекаетъ ли изъ буквальнаго смысла закона не только воспрещеніе „впредь вновь селиться“, но и воспрещеніе возвращаться на прежнее мѣсто поселенія тѣмъ евреямъ, которые въ этомъ мѣстѣ, въ силу этого закона, сохранили принадлежавшее имъ право постояннаго жительства? Что буквальный текстъ закона не даетъ основаній къ утвердительному отвѣту на этотъ вопросъ или, по крайней мѣрѣ, вызываетъ весьма вѣссскія сомнѣнія—явствуетъ изъ аутентичнаго толкованія закона, послѣдовавшаго въ 1887 году. А именно, 29 декабря 1887 г. состоялось Высочайшее повелѣніе по журналу Государственнаго Совѣта, которое гласитъ: „1) переходъ евреевъ изъ селеній, гдѣ они проживали до 3 мая 1882 г., въ другія селенія долженъ считаться безусловно воспрещеннымъ; 2) евреевъ, переселившихся послѣ 3 мая 1882 г. по день обнародованія постояннаго разъясненія изъ однѣхъ сельскихъ мѣстностей въ другія, находящіяся въ чертѣ постоянной еврейской осѣдлости, оставлять на *постоянномъ жительствѣ* въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ застало ихъ упомянутое разъясненіе“. Все, что ясно, не подлежитъ толкованію; если потребовалось толкованіе и, притомъ, необычное, чрезвычайное, въ порядкѣ законодательномъ—не значитъ ли это, что текстъ закона неясенъ и оставляетъ мѣсто сомнѣнію, неразрѣшимому обыкновенными средствами интерпретаціи, что изъ его прямого смысла нельзя извлечь тотъ выводъ, который понадобилось освятить новымъ изъявленіемъ законодательной воли? Но этотъ выводъ касался переселенія изъ одной сельской мѣстности въ другую, т. е. права новаго поселенія въ новой (для даннаго лица) мѣстности, и воспрещеніе такихъ новыхъ поселеній казалось настолько сомнительнымъ по прямому смыслу текста закона, а противоположный выводъ казался настолько вѣроятнымъ, что, повторяемъ, для разрѣшенія сомнѣнія потребовалось аутентичное толкованіе—вопросъ былъ проведенъ по всѣмъ инстанціямъ толкованія до самой высшей—и этому аутентичному толкованію не было присвоено обратнаго дѣйствія, конечно, въ виду признанія извинительности противоположнаго толкованія, примѣнявшагося на практикѣ. Если, такимъ образомъ, въ глазахъ самого законодателя представлялось крайне сомнительнымъ заключеніе, что еврей, выселившійся изъ одной деревни, не вправѣ поселиться въ

другую, то еще болѣе сомнительно то заключеніе, что этотъ еврей теряетъ право возвратиться на прежнее мѣсто жительства. Но разь передь нами сомнѣніе, мы должны обратиться къ толкованію; юридическая логика должна оправдать тѣ надежды, которыя возлагаетъ на нее почтенный составитель сборника, что она доскажетъ недосказанное, уяснить неясное. Устраняется ли это сомнѣніе тѣмъ актомъ аутентичнаго толкованія, который былъ изданъ, въ разьясненіе разсматриваемаго пункта временныхъ правилъ? Да—но только устраняется въ смыслѣ противоположномъ тому, который безраздѣльно господствуетъ въ практикѣ Правительствующаго Сената. Высочайшее повелѣніе 29 декабря 1887 г. опредѣляетъ право евреевъ, обывателей сельскихъ мѣстностей, какъ право „постояннаго жительства“ („оставлять на *постоянномъ жительство* въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ застало ихъ упомянутое разьясненіе“). И это право постояннаго жительства поставлено, по закону, въ зависимость отъ одного условія, которое имѣетъ характеръ не дѣйствующаго дѣйствія или состоянія, а мгновеннаго событія—отъ пребыванія даннаго лица въ данной мѣстности въ извѣстный моментъ времени („...въ которыхъ *застало* ихъ упомянутое разьясненіе“). Такимъ образомъ, основаніемъ разсматриваемаго права на постоянное жительство является фактъ, фактъ прошедшаго, который никакая сила въ мірѣ не можетъ сдѣлать не бывшимъ, если онъ былъ, или сдѣлать инымъ, чѣмъ онъ былъ. Основаніе права—неизмѣнно; стало быть, и самое право неизмѣнно, по крайней мѣрѣ, по стольку, по скольку бытіе его обусловлено наличностью этого основанія. Но, можетъ быть, право постояннаго жительства, независимо отъ неизмѣняемости своего основанія, по самому содержанию и существу своему, принадлежитъ къ категоріи тѣхъ правъ, которыя *уменьшаются или утрачиваются* вслѣдствіе перерывовъ или прекращенія въ пользованіи и осуществленіи ихъ? Нельзя ли уподобить право постояннаго жительства праву собственности на вещь или праву требованія по обязательству и подчинить ихъ дѣйствію той или иной давности? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно—да, право постояннаго жительства есть имущественное право, погашаемое давностью непользованія—потребовалась бы непроходимая глубина юридического невѣжества или софистическаго криводушія; для всякаго, даже „не учившагося въ семинаріи“, очевидно, что право постояннаго жительства есть право личное (т. е. право личности), и поэтому, какъ всякое личное право, не подлежитъ дѣйствію какой бы то ни было давности. Болѣе того, не только въ силу общихъ,

родовыхъ своихъ свойствъ, принадлежащихъ данному праву, какъ одному изъ правъ личности, но и въ силу специфическаго своего содержанія, право постояннаго жительства не можетъ быть подведено подъ такое условіе, какъ требованіе непрерывности пользованія и осуществленія. Ибо что такое право постояннаго жительства, какъ не элементъ личной свободы—право *свободнаго*, безпрепятственнаго пребыванія въ той или иной мѣстности? Но если мы допустимъ, что право постояннаго жительства можетъ утрачиваться вслѣдствіе того, что лицо оставило данную мѣстность на то или иное время,—если мы допустимъ, такимъ образомъ, что лицо прикрѣпляется къ мѣсту своего жительства подъ угрозою лишенія самого права пребыванія въ немъ, то этимъ самымъ право *свободнаго* проживанія обращается или въ вынужденное заключеніе, или въ вынужденное изгнаніе. Право обращается въ безправіе, свобода—въ неволю: нужно-ли лучшее доказательство нелѣпости того толкованія, которое право постояннаго жительства понимаетъ въ смыслѣ обязанности не разлучаться съ мѣстностью, въ отношеніи которой право это предоставлено, подъ угрозою утраты самого права?

Если наше предъидущее разсужденіе не грѣшитъ, какъ намъ думается, противъ юридической логики, то оно не расходится также и со смысломъ положительнаго закона. Не надо забывать, что это законъ *исключительный*, что имъ вводится рядъ *исключительныхъ* мѣръ—настолько *исключительныхъ*, что авторы этихъ мѣръ въ то время, менѣе откровенное, чѣмъ наше, сочли нужнымъ стыдливо прикрыть ихъ *фиговымъ* листкомъ „временности“. Арсеналъ *исключительныхъ* мѣръ, предусмотрѣнныхъ временными правилами 3 мая 1882 г., и безъ того богатъ—незачѣмъ обогащать его еще и тѣмъ, что въ законѣ не указано: вѣдь это азбучное положеніе, что *исключительный* законъ не подлежитъ распространительному толкованію. Законъ 3 мая—безполезно было бы это отрицать,—имѣлъ въ виду не только преградить дальнѣйшую иммиграцію евреевъ изъ городовъ и мѣстечекъ въ сельскія мѣстности, но и вынудить косвенными мѣропріятіями выселеніе евреевъ изъ селъ и деревень. Для достиженія этой цѣли законъ, не прибѣгая къ открытому изгнанію, отягощаетъ положеніе лицъ, оставляемыхъ имъ на постоянномъ жилиществѣ въ сельскихъ мѣстностяхъ, суживая до нельзя сферу ихъ экономической дѣятельности, лишая ихъ возможности заниматься на законномъ основаніи деревенскими промыслами. Но если цѣль закона и такова, то отсюда еще не слѣдуетъ, что ея освя-

щается *всякое* средство, даже не указанное въ самомъ законѣ, и въ особенности такое, которое далеко не всецѣло направляется именно къ этой цѣли и отчасти идетъ съ нею въ разрѣзъ. Ибо, разъ устанавливается такой порядокъ, что еврей, уходя изъ деревни, неизбежно покидаетъ ее навсегда и теряетъ право возвратиться, то этимъ издается стимуль, побуждающій всѣми силами держаться насиженного мѣста и оставлять его только въ послѣдней крайности, подъ давленіемъ безысходной нужды. Одно сознаніе, что не можетъ быть возврата въ случаѣ, если не повезетъ на чужбинѣ, что разлука съ родиной, съ роднымъ гнѣздомъ должна стать вѣчнымъ изгнаніемъ, не является ли оно цѣпью, прикрѣпляющей человѣка къ мѣсту жительства? И только отчаяніе или недюжинная энергія и рѣшительность характера могутъ оказаться достаточно сильными, чтобы порвать эту цѣпь.

Какимъ образомъ, однако, наперекоръ не только юридической, но и просто человѣческой логикѣ, помимо прямого значенія закона и въ разрѣзъ даже его мотивамъ, появились и утвердились въ практикѣ такія нескладныя понятія, какъ новое поселеніе исконнаго обывателя или преходящее право постоянного жительства? Мы видѣли, что эти понятія приводятъ на дѣлѣ къ очевиднымъ несообразностямъ: довольно сослаться на одно изъ цитированныхъ нами опредѣленій Сената, въ которомъ разъяснялось, что еврей, наслѣдовавшій имѣніе, въ которомъ онъ родился и прожилъ съ родителями дѣтство, отрочество и юность вплоть до женитьбы, не имѣетъ права поселиться на своей собственной и родовой землѣ, такъ какъ де послѣ женитьбы онъ перебрался въ сосѣднее мѣстечко и, слѣдовательно, возвращеніе его домой должно почитаться новымъ поселеніемъ. Думается, что характеръ такого „систематическаго толкованія“, проявляющагося въ подобнаго рода заключеніяхъ, зависитъ отъ того, что толкованіе направляется не на объективное *выраженіе* законодательной воли, а на предполагаемое субъективное *настроеніе* ея. Толкованіе ставитъ себѣ цѣлью угадать это настроеніе и угодить ему, приспособить свои выводы не къ духу закона, а къ такъ называемому духу времени, къ вѣяніямъ момента. Правила 3 мая 1882 г. были и остаются мѣрой, свидѣтельствующей о неблагопріятномъ настроеніи въ отношеніи евреевъ вообще и еврейскаго населенія деревень въ особенности. Отсюда недалеко до слѣдующаго умозаключенія: изъ двухъ возможныхъ истолкованій закона заслуживаетъ предпочтенія то, которое отягощаетъ лицъ, подлежащихъ дѣйствию закона; ибо оно соотвѣтствуетъ

настроенію, сквозящему изъ постановленій этого закона, читаемому *между* строкъ его текста, и стало быть, согласуется съ самымъ закономъ. Вотъ основной, творческій мотивъ „системы“, и въ своемъ послѣдовательномъ развитіи онъ долженъ дать систематическое толкованіе, весьма близко смахивающее на систематическую угодливость.

Такимъ образомъ, послѣ нашей экскурсіи въ неизвѣданную, по крайней мѣрѣ неизвѣстную для большинства, область спеціально еврейскаго права,—въ которой имѣли надежнымъ руководителемъ г. Лозинского,—мы возвратились къ исходному пункту, указанному въ началѣ этой замѣтки. Есть толкованіе и толкованіе, есть система и система. Для заключенія остается произвести очную ставку двухъ толкованій и двухъ системъ—въ сборникѣ г. Лозинскаго найдется для этого подходящій матеріалъ. Возьмемъ два рѣшенія—они состоялись по двумъ вопросамъ совершенно аналогичнаго содержанія. Первый вопросъ: можетъ ли быть примѣненъ къ евреямъ, получившимъ высшее образованіе, законъ 3 мая 1882 года о воспрещеніи евреямъ вообще селиться вновь внѣ городовъ и мѣстечекъ въ чертѣ еврейской осѣдлости? Второй вопросъ: можетъ ли быть примѣненъ къ тѣмъ же лицамъ законъ 27 октября 1858 года о воспрещеніи евреямъ вообще селиться въ пятидесятиверстной пограничной полосѣ въ чертѣ еврейской осѣдлости? Первый вопросъ разрѣшается въ слѣдующемъ опредѣленіи Правительствующаго Сената:

„Первое общее собраніе Правительствующаго Сената находитъ, что, на основаніи III п. 17 ст. уст. пасп. XIV т. по прод. 1886 г., право повсемѣстнаго жительства въ Имперіи предоставляется между прочимъ евреямъ, кончившимъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ медицинскихъ (1879 г. января 19 полн. собр. зак. № 59236). Такимъ образомъ, этотъ законъ, предоставляя право лицамъ особой категоріи изъ евреевъ на повсемѣстное жительство, является закономъ частнымъ, какъ послѣдовавшей лишь въ отношеніи извѣстной группы евреевъ, тогда какъ правила 3 мая 1882 г. составляютъ законъ общій для евреевъ и, за неказаніемъ въ послѣднихъ на отмѣну предшествовавшаго закона касательно евреевъ съ медицинскимъ образованіемъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не могутъ лишать этихъ послѣднихъ евреевъ, по силѣ 79 ст. осн. зак., права жительства въ селеніяхъ. Независимо отъ сего, ст. 65 тѣхъ же законовъ предписываетъ слѣдовать при необходимости, особенно въ высшихъ мѣстахъ, общему духу законовъ

и держаться смысла, наиболѣе оному соотвѣтствующаго. Влѣдствіе этого представляется необходимымъ обратить вниманіе на тѣ основанія, поводы и соображенія, которыя вызвали изданіе, съ одной стороны, закона 19 января 1879 года о предоставленіи права повсемѣстнаго жительства евреямъ, окончившимъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ медицинскихъ, и, съ другой стороны, временныхъ правилъ 3 мая 1882 г. о воспрещеніи евреямъ селиться вновь внѣ городовъ и мѣстечекъ. Въ этомъ отношеніи не подлежитъ сомнѣнію, что первое изъ сихъ законоположеній имѣло въ виду какъ пользу, которую вообще лица съ высшимъ образованіемъ и въ особенности медицинскимъ, хотя и іудейскаго вѣроисповѣданія, могутъ принести повсемѣстно своею дѣятельностью на различныхъ поприщахъ примѣненія къ жизни своихъ знаній, такъ и то обстоятельство, что лица съ высшимъ образованіемъ, по развитію ихъ и по роду своихъ занятій, выдѣляются изъ массы еврейскаго населенія, дѣятельность которыхъ въ селеніяхъ, во многихъ случаяхъ, ставя ихъ въ ближайшее соприкосновеніе съ крестьянами, представляетъ для нихъ соблазнъ и возможность эксплуатировать это населеніе, пользуясь ихъ невѣжествомъ и слабостями.

„Съ другой стороны, цѣль закона 3 мая 1882 года, напротивъ того, заключалась въ томъ, чтобы не допускать впредь на жительство въ селенія евреевъ изъ той среды ихъ, которая принадлежитъ къ массѣ еврейскаго населенія, вредно вліяющей на благосостояніе сельчанъ, къ каковой средѣ очевидно не могутъ быть отнесены лица, получившія высшее образованіе, въ томъ числѣ и врачи. Руководствуясь всѣмъ вышеизложеннымъ, первое общее собраніе Правительствующаго Сената опредѣляетъ: отмѣнить постановленіе Подольскаго губернскаго правленія о выселеніи врача-еврея Чернихъ изъ Старо-Синявскаго сахарнаго завода“ (опредѣленіе 1 апрѣля—27 октября 1889 г. № 138, сборн. № 7).

Въ прямо противоположномъ смыслѣ разрѣшенъ другой изъ указанныхъ выше вопросовъ—о правѣ лицъ съ высшимъ образованіемъ селиться въ предѣлахъ пятидесятиверстной пограничной полосы. Рѣшеніе это состоялось въ порядкѣ аутентичнаго толкованія, въ Государственномъ Совѣтѣ, который „разсмотрѣвъ внесенное, за разногласіемъ, изъ перваго общаго собранія Правительствующаго Сената дѣло по жалобѣ кандидата правъ Израила Розенберга на постановленіе Подольскаго губернскаго правленія о выселеніи его, просителя, изъ города Каменецъ-Подольска и раздѣляя

заключеніе *меньшинства* сенаторовъ о томъ, что по смыслу дѣйствующихъ законовъ кандидатъ Московскаго университета еврей Розенбергъ не имѣетъ права на жительство въ предѣлахъ пятидесятиверстной пограничной полосы въ западныхъ губерніяхъ и въ губерніи Бессарабской, мнѣніемъ положилъ: заключеніе сіе утвердить“. Аргументація меньшинства г.г. сенаторовъ, склонившая на ихъ сторону Государственный Совѣтъ, воспроизводится въ Сборникѣ безъ всякихъ замѣчаній отъ составителя. Дѣйствительно, эти доводы меньшинства достаточно краснорѣчиво говорятъ сами за себя:

„Существующіе законы, читаемъ мы въ мнѣніи меньшинства г.г. сенаторовъ, опредѣляютъ границы тѣхъ губерній и областей, въ которыхъ евреямъ дозволено постоянное жительство, и этими опредѣленіями установлена такъ называемая черта еврейской осѣдлости. Пятидесятиверстное отъ границы пространство изъ числа мѣстъ еврейской осѣдлости закономъ *не исключено*. Въ западныхъ, говоритъ ст. 23 уст. пасп., пограничныхъ губерніяхъ и въ губерніи Бессарабской не воспрещается евреямъ имѣть постоянное жительство на 50 верстномъ отъ границы пространствѣ. Но *исключая* это 50 верстное пространство изъ черты еврейской осѣдлости, законъ призналъ необходимымъ, относительно поселенныхъ въ этой мѣстности евреевъ, установить особое правило, а именно: въ этой мѣстности евреи могутъ имѣть постоянное жительство, а равно сохранять пріобрѣтенную въ той чертѣ недвижимую собственность, хотя бы они и не принадлежали къ находящимся тамъ обществамъ, если они до 27 октября 1858 г. приписаны были къ тамошнимъ обществамъ. Мысль законодателя вполне ясна. Законъ требуетъ, чтобы въ этой исключительной мѣстности проживали тѣ только евреи, кои до 27 октября 1858 г. приписаны были къ тамошнимъ обществамъ. Законъ не ограничился, однако же, этимъ яснымъ ограничительнымъ правиломъ; онъ призналъ необходимымъ, во избѣжаніе могущихъ возникнуть сомнѣній, присовокупить слѣдующее: „Но причисленіе къ тамошнимъ обществамъ евреевъ вновь, а также пріобрѣтеніе ими недвижимой собственности и владѣніе оною въ той чертѣ воспрещается евреямъ, до 27 октября 1858 г. къ тѣмъ обществамъ не принадлежащимъ“... Прилагая вышеизложенный законъ къ настоящему дѣлу, надлежитъ придти къ заключенію, что проситель Розенбергъ, получивъ степень кандидата университета, долженъ воспользоваться тѣмъ *спеціальнымъ* правомъ, которое эта степень предоставляетъ евреямъ. Получивъ эту сте-

пень, еврей Розенбергъ вступилъ въ разрядъ тѣхъ лицъ изъ евреевъ, коимъ ст. 17 (т. XIV) дозволяетъ селиться внѣ губерній, поименованныхъ въ ст. 16; слѣдовательно, для еврея Розенберга, съ полученіемъ степени кандидата, *исчезла черта еврейской осѣдлости*, и онъ (п. II) можетъ имѣть постоянное пребываніе во *всѣхъ* губерніяхъ и областяхъ Имперіи. Право это, которымъ еврей Розенбергъ воспользовался, въ силу полученнаго имъ образованія, само по себѣ уже весьма значительное, не можетъ освобождать его отъ *всѣхъ обязанностей*, закономъ на него возлагаемыхъ. Еврей Розенбергъ, приписанный къ обществу мѣщанъ г. Винницы, получивъ степень кандидата университета, все-таки остался евреемъ, и, какъ таковой, пользуясь новымъ своимъ правомъ, долженъ остаться въ подчиненіи *всѣмъ* остальнымъ законамъ, до евреевъ относящимся“.

„Иного положенія,—говорится далѣе.— и представить себѣ немислимо, ибо законъ не выдѣляетъ евреевъ, получившихъ высшее образованіе, въ какое-либо особое сословіе, а только предоставляетъ имъ извѣстныя, точно опредѣленные права, оставляя, помимо сихъ правъ, всѣ касающіяся до евреевъ постановленія вообще безъ измѣненія. Еврей Розенбергъ, получивъ степень кандидата университета, получилъ право новое, до того ему не принадлежавшее, относительно губерній и мѣстностей, не включенныхъ въ черту еврейской осѣдлости, но не приобрѣталъ никакихъ правъ относительно мѣстностей, въ эту черту включенныхъ; не приобрѣталъ также и права на полученіе какихъ-либо другихъ льготъ и привилегій. Проживая внѣ черты еврейской осѣдлости, онъ обязанъ исполнять законы; обязанъ исполнять и подчиняться законамъ, существующимъ въ предѣлахъ еврейской осѣдлости; 50 верстная черта не исключена изъ предѣловъ еврейской осѣдлости, но въ этой чертѣ могутъ жить только тѣ евреи, которые принадлежали къ тамошнимъ обществамъ до 27 окт. 1858 г. Подъ это условіе, необходимое безусловно для права еврея на поселеніе въ этой мѣстности, еврей Розенбергъ не подходитъ, а полученная имъ степень кандидата университета отъ исполненія этого условія освободить его не можетъ, какъ предметъ вовсе до сего не относящійся...“

„Если законъ сказалъ, что въ 50 верстномъ отъ границы пространствѣ воспрещается причисленіе къ тамошнимъ обществамъ вновь евреевъ, до 27 окт. 1858 г. къ тѣмъ обществамъ не принадлежавшихъ, сказалъ это безусловно, безъ исключенія, то, по мнѣнію ихъ, г.г. сенаторовъ, значило бы впасть въ явное противорѣчіе

съ симъ закономъ, допустивъ вновь въ эту мѣстность тѣхъ евреевъ, кои условія сего не выполнили и выполнить не могутъ“.

Извиняемся предъ читателями за пространность цитаты. Но думаемъ, что время, проведенное надъ ея прочтеніемъ, нельзя считать для нихъ потеряннымъ: они познакомились съ рѣдкимъ образчикомъ юридическаго толкованія.

По истинѣ, изумительна тонкость юридическихъ разграниченій и дистинкцій, проводимыхъ въ этомъ мнѣніи меньшинства гг. сенаторовъ, изумительно и діалектическое мастерство въ анализѣ и развитіи понятій, благодаря которому содержаніе ихъ мѣняется точно въ калейдоскопѣ. Входитъ ли пятидесятиверстная пограничная полоса въ предѣлы еврейской осѣдлости или не входитъ? Какъ понятіе юридическое, еврейская осѣдлость можетъ означать только тѣ мѣстности, гдѣ евреямъ вообще дозволено постоянное жительство. Въ 50 верстной пограничной полосѣ такое жительство имъ воспрещено; стало быть, полоса эта въ предѣлы еврейской осѣдлости не входитъ. Но если на мѣсто понятія юридическаго подставить географическое или юридическое, то еврейская осѣдлость будетъ означать тѣ мѣстности, гдѣ когда либо жили или живутъ евреи: съ этой точки зрѣнія 50 верстная полоса входитъ въ „черту“. Но какъ превратить фактъ исторіи и географіи въ юридическое опредѣленіе—въ законъ? Этому должно помочь указаніе на то, что въ 50 верстной полосѣ разрѣшено жительство особому разряду евреевъ, причемъ, однако, упускается изъ виду, что особому разряду, даже особымъ разрядамъ, евреямъ разрѣшается жительство повсемѣстно. Особый разрядъ евреевъ превращается далѣе въ особое условіе, которое обязанъ исполнить всякій еврей, посягающій на территорію 50 верстной полосы, но которое ни для кого не исполнимо, потому что рѣчь идетъ о припискѣ къ обществу, имѣвшей мѣсто до 27 октября 1858 г. и послѣ этого момента ни для кого болѣе недопустимой. Но это только вступительные доводы „мнѣнія“, расчищающіе путь капитальнымъ доводамъ, въ которыхъ и лежитъ центръ тяжести доказательства. И такимъ капитальнымъ аргументомъ является раздѣленіе права на повсемѣстное жительство, предоставленнаго, въ силу закона 19 янв. 1879 г., лицамъ съ высшимъ образованіемъ, на два отдѣльных и самостоятельныхъ права: право жительства въ „чертѣ“ и право жительства внѣ „черты“. Право повсемѣстнаго жительства разрѣзывается пополамъ, точно яблоко, и каждой части этого права присваивается особое основаніе и значеніе. Законъ даровалъ мнѣ, кандидату универ-

ситета, хотя и еврею, право жить во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Имперіи; 50 верстная полоса есть одна изъ областей Имперіи—почему же нельзя мнѣ въ ней жить, если я имѣю право жить, повсемѣстно? *Distinguo*, отвѣчаетъ „мнѣніе“: есть право жительства внѣ „черты“ и право жительства въ „чертѣ“, и каждое изъ нихъ опирается на особое основаніе: первое принадлежитъ тебѣ, какъ еврею съ высшимъ образованіемъ, а второе—какъ еврею просто. Слѣдовательно, повсемѣстно—значить внѣ „черты“ но не въ „чертѣ“, слѣдовательно, одного права жить повсемѣстно недостаточно для того, чтобы еврей имѣлъ право жить повсемѣстно въ губерніяхъ „черты“. Вы богаты основаніями и не затрудняетесь находить особое для каждой части разрѣзаннаго права: но укажите мнѣ основаніе для самой операціи разрѣзыванія? Ничего нѣтъ легче: законъ 27 октября 1858 г. воспретилъ евреямъ жительство въ 50 верстной полосѣ, и ты, хотя кандидатъ университета, но еврей; допустить же еврея въ 50 верстную полосу значило бы впасть въ явное противорѣчіе съ симъ закономъ. Но воспрещеніе, содержащееся въ законѣ 1858 г., есть общее, такъ какъ касается евреевъ вообще, а разрѣшеніе повсемѣстнаго жительства имѣетъ спеціальное значеніе, такъ какъ относится только до особой категоріи евреевъ, и кромѣ того, оно по времени позднѣе воспрещенія.

Не отмѣняется ли законъ ранній—закономъ позднѣйшимъ и законъ общій—закономъ спеціальнымъ? Такъ гласитъ логика права, и такъ же постановлено въ основныхъ законахъ Имперіи. Но . . . nous avons changé tout cela: у насъ выходитъ наоборотъ—позднѣйшій законъ отмѣняется предшествовавшимъ, и спеціальнѣйшій законъ отмѣняется общимъ. Если время пятится назадъ, то и логика права,—слуга времени должна поспѣвать за своимъ господиномъ...

Но довольно. Мы достигли кульминаціоннаго пункта „систематическаго толкованія“, и можно пока поставить точку.

Д. Л.

4. Изъ текущей практики Уголовнаго Кассационнаго Департамента.

А. *Необходимо ли признаніе умышленной вины для примыненія наказанія за храненіе въ торговомъ помыщеніи вредныхъ для здоровья напитковъ?*

Поставленный вопросъ имѣеть громадное практическое значеніе. При современномъ широкомъ распространеніи всевозможныхъ способовъ фальсификаціи, привлеченіе торговцевъ къ отвѣтственности за храненіе или продажу съѣстныхъ припасовъ и напитковъ, вредныхъ для здоровья, только при наличности умысла съ ихъ стороны, было бы, въ массѣ случаевъ, лишь весьма слабымъ огражденіемъ здоровья потребителей. Очень многіе припасы и напитки получаютъ торговцами въ укупленномъ видѣ. Установить въ такомъ случаѣ знаніе со стороны торговца о существованіи вредной для здоровья примѣси возможно въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, особенно, когда припасы или напитки получены имъ изъ-за-границы. Торговецъ всегда можетъ выставить въ свою защиту то положеніе, что онъ продаетъ ихъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ получили, что сомнѣваться въ ихъ доброкачественности онъ не имѣлъ основанія.

Многія иностранныя законодательства, сознавая громадную важность указаннаго вопроса, прямо устанавливають особую отвѣтственность за продажу и храненіе вредныхъ для здоровья припасовъ и напитковъ по неосторожности. Достаточно въ этомъ отношеніи указать на германскій законъ 14 мая 1879 года „о торгѣ съѣстными припасами, явствами и предметами потребленія“. По этому закону, за продажу съѣстныхъ припасовъ, испорченныхъ или поддѣланныхъ, или за храненіе для продажи такихъ припасовъ, по неосторожности, полагается денежное взысканіе въ размѣрѣ до ста пятидесяти марокъ или арестъ (§ 11), а за продажу или храненіе для продажи, также по неосторожности, съѣстныхъ припасовъ, *употребленіе коихъ можетъ повредить человѣческому здоровью*, назначается денежное взысканіе въ размѣрѣ до тысячи марокъ или тюрьма на срокъ до шести мѣсяцевъ (§ 14).

Наше будущее уголовное уложеніе относить храненіе и продажу съѣстныхъ припасовъ или напитковъ, вредныхъ для здоровья,

къ разряду нарушеній. Нарушенія же предположено наказывать не только при наличности вины умышленной, но и неосторожной.

По дѣйствующему же законодательству представляется неяснымъ вопросъ, подлежитъ ли торговецъ за указанный проступокъ наказанію по 115 и слѣд. статьямъ уст. о наказ., безразлично къ тому, совершилъ ли онъ проступокъ съ умысломъ или по неосторожности, или за неосторожность онъ подлежитъ отвѣтственности только по 1 ч. 9 ст. того же устава. Сенатская практика не давала на этотъ вопросъ точнаго и опредѣленнаго отвѣта (ср. рѣш. 1868 г. № 560 и 1876 г. № 116).

Въ виду этого, представляется весьма интереснымъ дѣло *Баера*, рассмотрѣнное *присутствіемъ* уголовного кассационнаго департамента Правительствующаго Сената 18 декабря 1901 г. Обстоятельства дѣла заключаются въ слѣдующемъ. Приставъ 2 уч. г. Варшавы просилъ мирового судью привлечь Карла Баера къ отвѣтственности за храненіе въ его складѣ колоніальныхъ товаровъ и винъ—вина, содержащаго въ себѣ сахаринъ и салициловую кислоту, каковое признано Варшавской гигиенической лабораторіей вреднымъ для здоровья. На состоявшійся по сему дѣлу заочный обвинительный приговоръ повѣренный обвиняемаго Баера, присяжный повѣренный Хотковскій, подалъ отзывъ, въ коемъ изложилъ, что, по разъясненію Правительствующимъ Сенатомъ смысла ст. 115 уст. о нак., отвѣтственность по сказанной статьѣ обуславливается со стороны обвиняемаго знаніемъ о негодности данныхъ съѣстныхъ припасовъ или напитковъ, между тѣмъ по сему дѣлу ничѣмъ не установлено, что обвиняемый продалъ завѣдомо негодные къ употребленію напитки. Баеръ не приготовляетъ и не передѣлываетъ вина, а продаетъ въ томъ видѣ, въ какомъ покупаетъ отъ своихъ оптовыхъ поставщиковъ. Вино „токай“ было куплено у Израила Розенталя изъ Кракова и доставлено Баеру черезъ таможенную и было перелито въ бутылки; что же касается крымскаго вина, то оно было куплено въ закупоренныхъ и снабженныхъ металлическими капсулами бутылкахъ у Георгія Эльбеля и въ такомъ видѣ взято у Баера, слѣдовательно, за это послѣдній отвѣчать не можетъ, ибо нѣтъ закона, наказывающаго за вину другихъ лицъ. По дѣлу ничѣмъ не установлено, что Баеръ привлеченъ къ отвѣтственности за непродажу испортившихся напитковъ, напротивъ, найдены въ напиткахъ не порча, а сахаринъ и салициловая вода, каковыя вещества могли быть примѣшаны лишь во время приготовленія напитковъ, но не произошли сами по себѣ, вслѣдствіе химическаго процесса гніенія, слѣдова-

тельно, нѣтъ никакого основанія обвинять обманутаго своими поставщиками Баера въ перепродажѣ будто бы испортившихся напитковъ, а въ сущности завѣдомо негодно приготовленныхъ его недобросовѣстными поставщиками-химиками. При покупкѣ Баеръ лично пробовалъ вино, чтобы убѣдиться въ его добромъ качествѣ, въ виду сего, если и признать его виновнымъ въ приписываемомъ ему проступкѣ, то онъ и можетъ отвѣчать лишь по 9 ст. уст. о нак. какъ за житейскую неосторожность, почему, ссылаясь на свидѣтелей, просилъ Баера оправдать. На судѣ уполномоченный со стороны полиціи поддерживалъ обвиненіе. Повѣренный обвиняемаго, не признавъ своего довѣрителя виновнымъ, подтвердилъ изложенное въ отзывѣ. По разборѣ сего дѣла мировой судья нашель, что обвиненіе Карла Баера въ храненіи для продажи вредныхъ для здоровья виноградныхъ винъ является вполне доказаннымъ, какъ произведеннымъ полиціей дознаніемъ и задержанными у него 3 бутылками вина, такъ равно и протоколомъ изслѣдованія гигиенической лабораторіи двухъ образчиковъ вина „крымское и токай“, доказывающихъ обнаруженіе въ сихъ напиткахъ сахара и салициловой кислоты; что же касается объясненія повѣреннаго обвиняемаго, что задержанное въ складѣ Баера вино было куплено послѣднимъ въ такомъ его видѣ, въ какомъ оно отобрано полиціей, то таковое не можетъ имѣть никакого значенія, такъ какъ ст. 115 (по разъясненію Сената 1868 г. за № 560 по д. Пискунова) примѣняется какъ въ томъ случаѣ, когда вредные припасы приготовлены самими продавцами, такъ и въ томъ случаѣ, когда они будутъ куплены у другихъ лицъ, а потому и признавая излишнимъ допросъ свидѣтелей въ подтвержденіе изложенныхъ въ отзывѣ обстоятельствъ, на основаніи 119 и 124 ст. у. у. с., а также 7 и 115 ст. уст. о нак. и рѣш. Сената 1870 г. № 1195 по д. Семёнова, приговорилъ Карла Баера подвергнуть денежному взысканію въ 30 р. съ замѣною, при несостоятельности,—арестомъ на 6 дней. Препровожденные при дознаніи 2 бутылки вина—признать подлежащими уничтоженію. Въ апелляціонномъ отзывѣ на этотъ приговоръ повѣренный Баера, присяжный повѣренный Хотковскій, между прочимъ, указывалъ, что будто бы обнаруженные въ двухъ образчикахъ вина вредныя для здоровья вещества хотя и могутъ доказывать пегодность данныхъ напитковъ къ употребленію, но еще не доказываютъ наказуемой вины Баера. По 15 ст. у. у. с. всякій отвѣчаетъ самъ за себя, а потому Баеръ наказанію по сему дѣлу не подлежитъ, ибо ничѣмъ не доказано, чтобы Баеръ лично при-

мѣшалъ къ напиткамъ вредныя для здоровья вещества, либо сколько нибудь зналъ о сказанной примѣси. По разсмотрѣніи сего дѣла мировой сѣздъ нашель приговоръ мирового судьи вполне правильнымъ. Въ складѣ обвиняемаго Баера было найдено вино негодное и даже вредное для употребленія. Этотъ одинъ фактъ, т. е. храненіе въ складѣ негодныхъ продуктовъ, приготовленныхъ для продажи, составляетъ проступокъ, предусмотрѣнный 115 ст. уст. о нак., согласно р. р. 1867 г. № 10, № 480, 1870 г. № 35, 1872 г. № 864, 1661 и др., безъ всякаго отношенія къ тому, откуда и въ какомъ видѣ они приобрѣтены. Иначе почти невозможно было бы обнаружить виновныхъ. Признавая поэтому апелляціонную жалобу Баера незаслуживающей уваженія, мировой сѣздъ, согласно съ заключеніемъ товарища прокурора, по силѣ 119 и 168 у. у. с., приговорилъ: приговоръ мирового судьи по сему дѣлу утвердить, а апелляціонный отзывъ Карла Баера оставить безъ послѣдствій.

Въ поданной на этотъ приговоръ кассац. жалобѣ защитникъ Баера просилъ Прав. Сенатъ отмѣнить приговоръ мирового сѣзда по неправильному толкованію 115 ст. уст. о наказ. и нарушенію 130 ст. уст. угол.

Дававшій по настоящему дѣлу заключеніе товарищъ оберъ-прокурора М. О. Губскій весьма подробно и обстоятельно доказывалъ, что для отвѣтственности по 114—115⁴ 1) статьямъ устава о наказ. безразлично, совершилъ-ли обвиняемый проступокъ умышленно или по неосторожности, что оправданіе обвиняемаго возможно лишь тогда, когда онъ докажетъ, что, не смотря на всѣ принятые имъ мѣры для ознакомленія со свойствомъ предлагаемаго имъ въ продажу продукта, это оказалось для него невозможнымъ. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія товарищъ оберъ-прокурора, въ частности, ссылаясь на рѣшеніе угол. кассац. д-та по дѣлу Сярель (1896 г. № 8), въ которомъ обсуждался вопросъ—объ отвѣтственности содержателя питейнаго заведенія за храненіе низкопробнаго вина.

---

¹) По данному дѣлу Баеръ привлекался къ отвѣтственности по ст. 115, тогда какъ его слѣдовало привлечь по ст. 115⁴ за храненіе напитковъ, въ составъ коихъ входятъ искусственныя сладкія вещества (сахарикъ) (Высоч. утв. 5 іюня 1900 г. мн. Госуд. Совѣта „объ ограниченіи производства и продажи искусственныхъ сладкихъ веществъ“,—собр. уз. № 93 ст. 1856).

Однако, эта неправильность не имѣетъ никакого значенія для разрѣшенія указаннаго вопроса. Вопросъ остается общимъ какъ для отвѣтственности по 115 ст. такъ и для отвѣтственности по закону 5 іюня 1900 г.

Въ этомъ рѣшеніи Правит. Сенатомъ были высказаны слѣдующія соображенія.

„Обвиненіе и присужденіе Сяреля къ законной отвѣтственности могло имѣть мѣсто лишь при доказанности того, что онъ *умышленно* хранилъ въ своемъ трактирѣ завѣдомо низкопробное вино, или же того, что, имѣя возможность испытать его крѣпость, упустилъ это сдѣлать по *неосторожности* или *небрежности*“.

Исходя изъ соображеній, изложенныхъ въ только что приведенномъ рѣшеніи, и примѣняя ихъ къ приговору по дѣлу Баера, товарищъ оберъ-прокурора полагалъ, что приговоръ мирового съѣзда съ указанной точки зрѣнія представляется постановленнымъ съ нарушеніемъ 130, 170 и 168 ст. уст. угол. судопр.

Правит. Сенатъ вполне согласился съ заключеніемъ товарища оберъ-прокурора и отменилъ приговоръ по нарушенію указанныхъ статей устава.

Такимъ образомъ, Правит. Сенатъ разрѣшилъ поставленный вопросъ въ томъ смыслѣ, что торговецъ за храненіе по неосторожности въ своемъ торговомъ заведеніи напитковъ или припасовъ, вредныхъ для здоровья, долженъ подлежать отвѣтственности не по 9 статьѣ устава о наказ., а тому же наказанію, которому онъ подвергся-бы, если-бы совершилъ означенное дѣяніе умышленно, т. е., что проступки, предусмотрѣнные 115 и послѣдующ. статьями уст. о наказ., караются одинаково какъ при винѣ умышленной, такъ и неосторожной.

Б. По вопросу о примѣненіи 142 ст. уст. о наказ.

Въ засѣданіи *присутствія* уголовного кассационнаго департамента Правительствующаго Сената 18 декабря 1901 года было разсмотрѣно очень любопытное въ бытовомъ и юридическомъ отношеніи дѣло *Ваньковского*.

Обстоятельства этого дѣла заключаются въ слѣдующемъ:

1900 года апрѣля 19 дня житель дер. Жидово, гмины Пяски, Максимилянъ Борисовъ обратился въ гминный судъ 1 округа Влоцлавскаго уѣзда съ жалобой, въ которой пояснилъ, что житель дер. Орле, гмины Чаманинъ, Іосифъ Ваньковский, ѣхавъ передъ жалобщикомъ на собственныхъ лошадахъ по шоссе, ведущему изъ дер. Пикутково въ г. Брестъ—Куявскъ, не давалъ ему свободно обогнать себя, подстрекая къ тому мальчика, правившаго лошадьми, причемъ послѣдній препятствовалъ обогнать себя такимъ обра-

зомъ, что переѣзжалъ съ одной стороны шоссе на другую и тѣмъ лишилъ жалобщика свободной ѣзды, употребивъ насилие противъ его личности. Ссылаясь на свидѣтеля Іосифа Влоцлавскаго, просилъ наказать Іосифа Ваньковскаго за самоуправство съ насилиемъ. На судебномъ разбирательствѣ обвинитель Максимиліанъ Борисовъ жалобу подтвердилъ. Свидѣтель Іосифъ Влоцлавскій подъ присягою показалъ, что около двухъ недѣль тому назадъ онъ съ бариномъ своимъ Борисовымъ ѣхалъ изъ г. Влоцлавска въ г. Брестъ-Куявскъ, съ ними ѣхалъ обвиняемый возомъ, запряженными въ каковой лошадыми правилъ какой то мальчикъ, причемъ, когда свидѣтель хотѣлъ обогнать обвиняемаго, то послѣдній подстрекалъ своего мальчика не дозволить обогнаться, и мальчикъ или ѣхалъ рядомъ съ ними, или же, замѣтивъ, что ихъ лошади могутъ обогнать его, переѣзжалъ на ту сторону дороги, по которой свидѣтель ѣхалъ съ бариномъ, становясь со своими лошадыми поперекъ дороги и передъ лошадыми его барина, а впослѣдствіи, когда тѣ уменьшили ходъ, переѣзжалъ на другую сторону дороги и такъ дѣлалъ все время до Брестъ-Куявскаго, начиная съ дер. Пикутковой, по шоссе. Баринъ его возражалъ противъ того, но обвиняемый не слушалъ и даже сталъ ругать его.

Гминный судъ приговорилъ Ваньковскаго по 142 ст. уст. о наказ. къ аресту при полиціи на три недѣли.

Варшавскій 2-го округа мировой съѣздъ, разматривая настоящее дѣло по отзыву обвиняемаго, нашелъ, что тотъ фактъ, что Ваньковскій, ѣдучи на своемъ возу по шоссе въ одну сторону съ обвинителемъ, не только не позволялъ Борисову себя опередить, что само по себѣ никакого проступка не составляетъ, но и препятствовалъ Борисову вообще проѣхать по дорогѣ, загораживая таковую своими лошадыми и возомъ, становясь ими поперекъ дороги, несмотря на требованіе Борисова пропустить его, что продолжалось на довольно значительномъ разстояніи дороги, въ каковомъ дѣяніи Ваньковскаго, въ виду особыхъ мѣръ, принимаемыхъ Ваньковскимъ и направленныхъ явно противъ личности Борисова, и выраженной имъ воли, чтобы не дать проѣхать Борисову по дорогѣ, установленной для общаго пользованія впереди себя, нельзя не усмотрѣть, въ противность заявленію апеллятора и его защитника, признаковъ самоуправства. Признавая однако приговоръ гминнаго суда слишкомъ строгимъ, мировой съѣздъ присудилъ Ваньковскаго къ аресту при полиціи на четверо сутокъ.

Въ кассационной жалобѣ въ Правительствующій Сенатъ за-

читникъ обвиняемаго ходатайствовалъ объ отмѣнѣ приговора по отсутствію состава преступленія въ дѣяніи, приписываемомъ Ваньковскому.

Правительствующій Сенатъ оставилъ кассационную жалобу безъ послѣдствій.

Разсматривая правильность подведенія дѣянія Ваньковского подъ 142 ст. уст. о наказ., прежде всего слѣдуетъ сдѣлать одну оговорку. Съѣздъ квалифицировалъ это дѣяніе какъ самоуправство, что совершенно неправильно, такъ какъ самоуправство предполагаетъ самовольное осуществленіе своего дѣйствительнаго или предполагаемаго права. О существованіи подобнаго права у Ваньковского, по обстоятельствамъ даннаго дѣла, не могло быть и рѣчи. Поступокъ Ваньковского можетъ быть разсматриваемъ хотя съ точки зрѣнія той же 142 ст., но не какъ самоуправство, а какъ насиліе. Правит. Сенатъ, оставляя кассационную жалобу безъ послѣдствій, призналъ въ данномъ дѣлѣ наличность признаковъ насилія, и, по нашему мнѣнію, такое рѣшеніе вполне правильно.

Проступокъ насилія, по существу своему, составляетъ одинъ изъ наиболѣе легкихъ посягательствъ на свободу личности, высшими видами коихъ являются задержаніе и заключеніе, похищеніе или захватъ людей. Это положеніе оправдывается и историческимъ происхожденіемъ 142 ст. уст. о наказ. При составленіи постановленій проекта улож. о наказ. 1844 „о противозаконномъ лишеніи свободы“, было признано необходимымъ, для полноты постановлений и точнѣйшаго опредѣленія свойствъ сего преступленія, также упомянуть и о тѣхъ дѣяніяхъ, которыя можно назвать низшими онаго степенями, какъ, на примѣръ, когда кто, хотя и безъ употребленія насилія, однакожъ самовольно какимъ либо образомъ задержать другого въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сей послѣдній оставаться не желаетъ, или хотя и вслѣдствіе предоставленнаго ему законами права, но безъ основанія, задержать какое либо лицо, взводя на него подозрѣніе безъ достаточнаго къ тому повода. Эта мысль составителей нашла себѣ выраженіе въ 1966 ст. проекта, которая устанавливала отвѣтственность за умышленно противозаконное, но не сопровождаемое никакимъ насиліемъ удержаніе кого-либо въ мѣстѣ, гдѣ онъ остаться не желаетъ, посредствомъ тайнаго или явнаго увода лошадей, порчи повозокъ или же иными средствами для препятствованія его отбытію. Въ улож. о наказ. изданія 1857 г. статья эта была помѣщена подъ № 2108. При согласованіи улож. о наказ. съ уставомъ о наказ. было признано,

что постановленіе 2108 статьи вполне замѣняется 142 ст. уст. о наказ., воспрещающею всякое самоуправство и употребленіе насилія, а потому подлежить исключенію изъ уложенія (см. судеб. уставы изданія Государ. канцеляріи, т. IV, стр. 182). Согласно симъ сужденіямъ Высочайше утвержденнымъ 12 декабря 1865 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было постановлено ст. 2108 улож. о наказ. замѣнить 142 ст. уст. о наказ. (Собр. уз. 1866 г. № 17 ст. 127). Являясь низшимъ видомъ посягательства противъ свободы личности, насиліе характеризуется противозаконнымъ употребленіемъ силы противъ личности. Однако, необходимо при этомъ добавить, что по своему характеру насиліе—проступокъ дополнительный, установленный на случай непримѣнимости высшихъ видовъ посягательства на личность ¹⁾.

По данному дѣлу признаки насилія, по нашему мнѣнію, на лицо. Съѣздомъ установлена, что Ваньковскій, вопреки выраженной волѣ Борисова, загораживалъ дорогу своими лошадьми и возом., что этими мѣрами, направленными явно противъ личности Борисова, онъ препятствовалъ ему проѣхать по дорогѣ. Для состава рассматриваемаго проступка безразлично, дѣйствовалъ-ли обвиняемый изъ мести или ради шутки, или по инымъ какимъ либо мотивамъ.

Признаніе такого рода удержанія проступкомъ, караемымъ по 142 ст. уст. о наказ., имѣетъ большое практическое значеніе, такъ какъ подобное удержанія можетъ имѣть весьма важныя послѣдствія, если потерпѣвшій, напр., спѣшитъ за докторомъ, въ судъ, на выборы и т. п.

Если бы въ дѣяніи, подобномъ совершенному Ваньковскимъ, отсутствовало посягательство на личность, то оно составляло бы лишь нарушеніе правила ст. 568 устава пут. сообщенія, обязывающей проѣзжающихъ всегда держаться правой стороны и не останавливаться на дорогѣ съ обозами. Подобное-же нарушеніе предусмотрено статьей 74 уст. о наказ.

В. По вопросу о правѣ душеприказчиковъ приноситъ кассационныя жалобы.

Купецъ Маркаровъ былъ преданъ суду Тифлискаго окружнаго суда по обвиненію въ полученіи завѣдомо похищеннаго въ 1879 г.

¹⁾ См. Курсъ угол. права проф. Фойницкаго, стр. 80—83 (по 3-му изданію).

изъ конторы Таирова въ г. Тифлисѣ оплаченнаго векселя на сумму 14000 руб., выданнаго Таировымъ и компаньономъ его Пораковымъ Теръ-Давидову 25 апрѣля 1878 г., и въ предъявленіи онаго 7 сентября 1885 г. въ Тифлисскомъ окружномъ судѣ ко взысканію, т. е. по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1160 ст. улож. о наказ. На послѣдовавшій обвинительный приговоръ окружнаго суда Маркаровъ подалъ апелляціонный отзывъ въ Тифлисскую судебную палату. Во время нахождения дѣла въ палатѣ Маркаровъ умеръ. По ходатайству сторонъ судебная палата постановила: уголовное преслѣдованіе умершаго подсудимаго Маркарова, согласно 1 п. 16 ст. уст. угол. суд., прекратить, разсмотрѣніе же гражданскаго по сему дѣлу иска отложить на другой срокъ, впредь до особаго разсмотрѣнія судебной палаты. Затѣмъ, въ судебную палату поступило прошеніе повѣреннаго гражданскаго истца Таирова—присяжнаго повѣреннаго Чемесова—слѣдующаго содержанія. „Разсмотрѣніе гражданскаго по сему дѣлу иска палатою отложено за смертью обвиняемаго. Къ отвѣту по этому иску должны быть привлечены душеприказчики Ивана Маркарова,—Николай Ивановичъ Маркаровъ и Седракъ Сергѣевичъ Ичитьянцъ, а потому прошу назначить означенное дѣло къ слушанію, вызвавъ какъ указанныхъ душеприказчиковъ, такъ и меня, повѣреннаго гражданскаго истца“.

Указанные душеприказчики были вызваны въ засѣданіе судебной палаты и принимали участіе въ дѣлѣ въ интересахъ имущества покойнаго Маркарова. Какъ справку, нужно еще указать, что духовнымъ завѣщаніемъ душеприказчикамъ было предоставлено право вести всѣ судебныя дѣла.

Палата, разсмотрѣвъ настоящее дѣло въ предѣлахъ гражданскаго иска, опредѣлила: въ измѣненіе приговора окружнаго суда въ удовлетвореніе гражданскаго иска Таировыхъ о возвращеніи векселя на 14000 руб., выданнаго 25 апрѣля 1878 г. Теръ-Давидову Таировымъ и Пораковымъ, признать означенный вексель оплаченнымъ и, какъ таковой, уничтожить.

На этотъ приговоръ была подана кассационная жалоба присяжнымъ повѣреннымъ Воцкимъ по довѣренности душеприказчиковъ покойнаго Маркарова. Прежде разсмотрѣнія этой жалобы, Правительствующимъ Сенатомъ и былъ возбужденъ вопросъ о правѣ душеприказчиковъ приносить кассационныя жалобы. Настоящее дѣло разсматривалось *присутствіемъ* уголовного кассационнаго д—та 18 декабря 1901 г.

Правительствующій Сенатъ принялъ къ своему разсмотрѣнію кассационную жалобу.

Изъ принятія Правительствующимъ Сенатомъ къ разсмотрѣнію жалобы повѣреннаго душеприказчиковъ покойнаго Маркарова едва-ли возможно вывести какое-либо общее заключеніе и дать категорическій отвѣтъ на поставленный вопросъ. По общему правилу отвѣтчиками по искамъ къ умершему наслѣдодателю являются наслѣдники. Это правило одинаково сохраняетъ свою силу по отношенію къ искамъ, вытекающимъ и изъ гражданскаго, и изъ уголовнаго правонарушеній. Въ послѣднемъ случаѣ наслѣдники, въ качествѣ гражданскихъ отвѣтчиковъ въ уголовномъ процессѣ, на основаніи 2 ч. 15 ст. уст. угол. судопр., могутъ вступить въ дѣло для охраненія своихъ имущественныхъ интересовъ и, по 860 ст. того-же устава, обжаловать приговоръ. Правительствующій Сенатъ по уголовному кассационному дѣлу даже вмѣнилъ судебнымъ установленіямъ въ обязанность назначать защитниковъ для охраны интересовъ умершаго подсудимаго и его наслѣдниковъ, разъ послѣдніе не вступили въ дѣло, положеніе душеприказчика иное. Онъ можетъ выступить отвѣтчикомъ лишь по искамъ, на завѣщаніи основаннымъ (ст. 24 уст. гражд. судопр.). Сообразно сему гражданскій кассационный дѣлъ Правительствующаго Сената разъяснилъ, что изъ содержанія приведенной статьи не слѣдуетъ, чтобы законъ допускалъ предъявленіе къ душеприказчикамъ иска о платежѣ долга умершаго, что обязанность платить долги и выполнять обязательства умершаго возлагается закономъ на всѣхъ его наслѣдниковъ, соразмѣрно наслѣдственной доль каждому, и что по основному правилу гражданскаго судопроизводства судъ не вправе отчудить что-либо изъ наслѣдственнаго имущества, не выслушавъ наслѣдниковъ, которымъ оно принадлежитъ (рѣш. 1874 г. № 683). Казалось-бы, при такомъ взглядѣ нашего законодательства на душеприказчиковъ, скорѣе всего можно придти къ тому выводу, что въ видѣ общаго правила душеприказчики не могутъ быть признаны лицами, уполномоченными для отвѣта по иску, вытекающему изъ уголовнаго правонарушенія наслѣдодателя. Лишь по исключеніи они могутъ выступить въ качествѣ надлежащихъ отвѣтчиковъ по подобному иску. Это именно тогда, когда такого рода дѣятельность ихъ устанавливается завѣщаніемъ, что и было по дѣлу Маркарова, какъ объ этомъ можно судить изъ приведенной выше справки. Очевидно, и Правительствующій Сенатъ исходилъ изъ такого рода соображеній, принимая къ своему разсмотрѣнію жалобу повѣреннаго душеприказчиковъ.

5. Изъ текущей практики Гражданскаго Кассационнаго Департамента.

А. Разрушаетъ ли презумцію законнорожденности лица, родившагося при существованіи брака, но не имѣющаго метрическаго свидѣтельства о законности рожденія,—тотъ фактъ, что искъ этого лица о признаніи законности его рожденія отвергнутъ судомъ, какъ недоказанный?

Вся практика Сената по вопросамъ о законности рожденія представляетъ рядъ значительныхъ колебаній и измѣненій взглядовъ нашего высшаго судебнаго учрежденія, обусловленныхъ, повидимому, какъ различіемъ основныхъ точекъ зрѣнія на тѣ же вопросы, проводимыхъ въ разныхъ рѣшеніяхъ по этимъ дѣламъ, такъ, главнымъ образомъ, и особенностями отдѣльныхъ случаевъ и фактической обстановки дѣлъ, восходившихъ на разрѣшеніе Сената ¹⁾. Несомнѣнно, большинство дѣлъ „о законности рожденія“ возбуждается по искамъ лицъ, имѣющихъ интересъ (и всего чаще—имущественный) опровергнуть законность чужого рожденія, когда эта законность выводится изъ *наличности законнаго брака*, иначе говоря, когда отвѣтчикъ можетъ укрыться подъ зашиту *презумціи законнорожденности*. И вотъ, начинается споръ: имѣетъ ли силу въ данномъ случаѣ эта презумція? можно ли считать данное лицо рожденнымъ „въ бракъ“ и „отъ брака“? Обыкновенно при этомъ оспаривающіе указываютъ на какой либо дефектъ въ метрической записи отвѣтника или, напротивъ, стараются опровергнуть вполне съ внѣшней стороны благонадежную метрику указаніемъ на несоотвѣтствіе ея истинѣ: напр., указываютъ на отсутствіе мужа матери въ періодъ зачатія ребенка и т. д.

Очевидно, что во всѣхъ случаяхъ послѣдняго рода, т. е. при наличности законнаго брака и надлежащей метрической записи, *презумція законнорожденности* должна быть признана существующею; она есть фактъ, формально-доказательный, который надлежитъ опровергнуть, но который можетъ быть опровергаемъ, по закону лишь опредѣленными лицами и въ опредѣленные сроки (ст. 1348—1353 уст. гр. суд.); внѣ этихъ условій споръ не допустимъ. Но какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда субъектъ рожденъ отъ замужней

¹⁾ См. выше, настоящее обозрѣніе № 2.

женщины, но въ метрикѣ названъ незаконнорожденнымъ? остается ли въ пользу такого лица предположеніе о его законности (какъ рожденнаго при существованіи брака и, слѣд., „въ бракѣ“) или въ силу показанія метрической записи такое лицо *предполагается* незаконнорожденнымъ, а, слѣдовательно, его семейныхъ правъ состоянія не нужно и оспаривать, ихъ можетъ *игнорировать* любое заинтересованное лицо? На этотъ вопросъ Сенатъ отвѣчалъ различно, и даже въ теченіи послѣдняго десятилѣтія далъ нѣсколько несогласныхъ одно съ другимъ разъясненій. Такъ, въ рѣш. 1890 г. № 45 рѣшающее значеніе придается метрикѣ и вообще „оглашенію законности при помощи надлежащихъ актовъ“; при отсутствіи такихъ актовъ (или если акты прямо говорятъ о незаконности) не можетъ быть и презумпціи. Напротивъ, въ рѣшеніи № 33 за 1892 годъ Сенатъ признаетъ возможнымъ довольствоваться однимъ *фактомъ рожденія съ періодъ существованія брака*, независимо отъ содержанія метрическихъ актовъ.

Тѣ же колебанія продолжаютъ и въ позднѣйшихъ рѣшеніяхъ. Напр., рѣшеніе Д-та 15 декабря 1899 г. по дѣлу Глѣбова съ Лишиной (не напечатанное ¹) слѣдуетъ, судя по его окончательному выводу, тому взгляду, который былъ установленъ въ указанномъ выше рѣш. 1890 г. № 45, т. е. суживаетъ примѣненіе презумпціи законнорожденности. Съ другой стороны интересно сопоставить съ этимъ то направленіе, которое получило въ Сенатѣ дѣло Забѣлиныхъ, вторично вернувшееся въ Сенатъ и 12 декабря минувшаго года окончательно рѣшенное департаментомъ.

Въ Московскомъ окружномъ судѣ и судебной палатѣ производились одновременно два дѣла по искамъ; 1) Георгія Забѣлина къ Елизаветѣ Забѣлиной и дочери ея Наталіи, въ которомъ истецъ, какъ ближайшій боковой наслѣдникъ мужа отвѣтчицы, требовалъ признанія Наталіи незаконнорожденной и потому не имѣющей наслѣдственныхъ правъ послѣ мужа ея матери; 2) по иску Елизаветы Забѣлиной къ тому же Георгію Забѣлину о признаніи законности рожденія ея дочери. Эта послѣдняя, родившаяся во время существованія законнаго брака, тѣмъ не менѣе въ метрической книгѣ была записана незаконнорожденной, первоначально жила и воспитывалась подъ другой фамиліей, а затѣмъ мать ея исходатайствовала въ консисторіи исправленіе метрики, съ обозначеніемъ ея законнорожденною; однако постановленіе консисторіи было отмѣнено

¹ См. „Вѣстникъ Права“ 1900 г. № 1, юрид. обозрѣніе.

Синодомъ, который нашелъ, что подобное „исправление“ (или измѣненіе) метрики выходитъ изъ предѣловъ власти духовныхъ учрежденій и принадлежитъ свѣтскому суду, а потому предписалъ консисторіи уничтожить выданное ею свидѣтельство и возстановить прежнюю запись.

Въ виду такихъ обстоятельствъ и былъ предъявленъ второй искъ, съ цѣлью достигнуть судебнымъ порядкомъ исправленія метрики въ желательномъ смыслѣ. Въ доказательство законнорожденности своей дочери истица указывала на то, во первыхъ, что послѣдняя родилась во время существованія законнаго брака ея съ мужемъ, а во вторыхъ, на отсутствіе спора мужа при жизни его, знавшаго о существованіи дочери и тѣмъ не менѣе не оспаривавшаго ея законности судебнымъ порядкомъ. Отвѣтчикъ по этому иску Георгій Забѣлинъ, основываясь, напротивъ, на содержаніи метрической записи, доказывалъ незаконнорожденность Наталіи З., требуя признанія этого обстоятельства особымъ искомъ. Въ такомъ видѣ оба дѣла поступили на разсмотрѣніе Московской судебной палаты. Послѣдняя высказала, что по смыслу 1354—1356 ст. уст. гр. суд. доказательствомъ рожденія отъ законнаго брака признаются метрическія свидѣтельства, выдаваемые духовными властями, за невозможностью же получить таковыя—могутъ быть принимаемы исповѣдныя росписи, родословныя и т. п. документы, а въ дополненіе послѣднихъ допускаются показанія свидѣтелей. Такимъ образомъ, исходнымъ, основнымъ доказательствомъ должно считаться, по мнѣнію палаты, метрическое свидѣтельство, воспроизводящее метрическую запись. Въ данномъ случаѣ Наталія З., о которой идетъ рѣчь, записана подъ № 27 отъ 5 сентября 1881 года въ книгѣ Софійской церкви гор. Москвы „рожденной *незаконно* отъ неизвѣстной женщины“; причемъ сама Елизавета З. показана только воспріемницею новорожденной Н.; достоверность этой записи никѣмъ не опровергнута, и, такимъ образомъ, главный документъ по дѣлу удостовѣряетъ незаконное рожденіе дочери истицы. Затѣмъ палата подвергла обсужденію прочія представленныя по дѣлу письменныя доказательства (письма супруговъ З., официальные акты: списки училища, въ которомъ находилась малолѣтняя З., послужной списокъ мужа З. и т. д.) и показанія допрошенныхъ свидѣтелей и нашла доказаннымъ, что дочь З. рождена ею не отъ мужа и что во все время жизни послѣдняго она не признавалась и не пользовалась правами законной его дочери. А если такъ, то очевидно, что мужу З. и не было необходимости оспаривать судомъ законность этой

дочери его жены, а потому непредъявленіе имъ (или его наслѣдниками) иска въ срокъ, установленный для оспариванія *презюмированной законности рожденія* не могло измѣнить положенія дѣла. Такова сущность соображеній палаты, по которымъ она отказывала Забѣлиной въ ея искѣ. Что касается, затѣмъ, другого дѣла, по иску Георгія З., то здѣсь палата, не допуская противорѣчія съ вышеизложеннымъ ея рѣшеніемъ, очевидно, должна была признать право истца на оспариваніе наслѣдственныхъ правъ Наталіи З., такъ какъ подъ этими правами не было надлежащей опоры, не было *удостоверенной и оглашенной актами* законнорожденной дочери отвѣтчицы (палата стоитъ на точкѣ зрѣнія сенатскаго рѣшенія, указаннаго выше, № 45—1890 года); и дѣйствительно, палата и по этому дѣлу постановила соотвѣтствующее рѣшеніе, а именно—признала Наталію З. незаконнорожденной, а потому и неимѣющей наслѣдственныхъ правъ послѣ Николая Забѣлина. Оба рѣшенія палаты были обжалованы Елизаветою З. въ кассационномъ порядкѣ, и обѣ ея жалобы разсматривались Сенатомъ въ засѣданіи Гр. Касс. Департамента 18 февраля 1898 года. Результатъ получился такой: по дѣлу о признаніи *законности* рожденія Наталіи З. Правительствующій Сенатъ высказалъ, что подъ спорами противъ законности рожденія, о которыхъ говорится въ ст. 1348—1353 уст. гр. суд., слѣдуетъ разумѣть лишь споры противъ законности рожденія, *удостовереннаго метрическаго записью*, и только такіе споры могутъ быть заявлены не иначе, какъ въ формѣ иска, при соблюденіи сроковъ, указанныхъ въ приведенныхъ статьяхъ; по обстоятельствамъ же дѣла, установленнымъ судебною палатою, не только не было представлено метрическаго свидѣтельства, удостовѣряющаго рожденіе дѣвицы Наталіи отъ законнаго брака истицы съ Николаемъ З., но представленное къ дѣлу свидѣтельство положительно указываетъ на незаконность рожденія Наталіи; при такихъ обстоятельствахъ возраженіе отвѣтчика противъ иска З.—ой, направленаго къ опроверженію метрическаго свидѣтельства, не можетъ быть признано тѣмъ *споромъ противъ законности рожденія*, условія и сроки котораго указаны въ 1352 и 1353 ст. уст. гр. суд. Слѣдовательно, отвѣтчикъ имѣлъ право поддерживать такой споръ въ видѣ возраженія противъ иска и не стѣсняясь спеціальными сроками, а судебная палата имѣла право эти возраженія уважить и признать, что законность рожденія дочери истицы не доказана. По такимъ соображеніямъ Сенатъ оставилъ жалобу истицы безъ послѣдствій. По другому же дѣлу Правительствующій Сенатъ на-

шелъ, что искъ Георгія Забѣлина представляетъ собою искъ, основанный на правѣ, предоставленномъ 1352 ст. уст. гр. суд. наслѣдникамъ мужа матери ребенка, родившагося *при существованіи законнаго брака*, оспаривать законность его рожденія; что подъ „родившимся при существованіи законнаго брака“ можно понимать только того, кого въ дѣйствительности родила мать, состоявшая въ законномъ бракѣ, другихъ же условій, въ частности, чтобы и метрическая запись также удостовѣряла законное рожденіе, въ законѣ не содержится; что, слѣдовательно, всякій искъ о незаконности рожденія такого лица подчиняется ограниченіямъ, указаннымъ въ 1348—1353 ст. уст. гр. суд., и между прочимъ искъ наслѣдниковъ мужа ограничивается трехмѣсячнымъ срокомъ со дня смерти наслѣдодателя или со дня рожденія младенца, если онъ родился послѣ смерти мужа его матери (ст. 1353). Примѣняя эти соображенія къ настоящему иску Георгія Забѣлина, Правительствующій Сенатъ призналъ неправильнымъ удовлетвореніе этого иска палатою, не смотря на пропускъ истцомъ трехмѣсячнаго срока, а потому и отмѣнилъ рѣшеніе палаты, по нарушенію 1353 ст. уст. гр. суд., и передалъ дѣло на разсмотрѣніе другого ея департамента.

Мы подробно прослѣдили всѣ предшествовавшія стадіи этого процесса для того, чтобы яснѣе представить то положеніе, въ которомъ оказалось дѣло при вторичномъ разсмотрѣніи его въ судебной палатѣ; это-то положеніе и вызвало вторичный переносъ дѣла въ Сенатъ и вторичное разсмотрѣніе его въ присутствіи департамента. Прежде всего палата имѣла передъ собою сенатскій указъ, данный по этому дѣлу и потому безусловно для нея обязательный, по буквальному смыслу котораго ей оставалось лишь удостовѣриться въ пропускѣ истцомъ трехмѣсячнаго срока и затѣмъ отказать ему въ искѣ. Но между тѣмъ, какъ мы видѣли выше, Сенатъ далъ и другой указъ по однородному дѣлу, которымъ оставилъ безъ послѣдствій кассационную жалобу Елизаветы З. по ея иску; копию этого указа и представилъ къ дѣлу повѣренный истца Забѣлина. Очевидно, что при всемъ желаніи какъ нибудь примирить или согласовать оба, одновременно данныя Сенатомъ, разъясненія, сдѣлать это невозможно, а приходится лишь установить между ними глубокое противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, Сенатъ находитъ, что Забѣлинъ не можетъ, за пропускомъ срока, оспаривать законность рожденія Наталіи З., потому, что въ ея пользу существуетъ презумпція „рожденія въ бракѣ“, и презумпція эта, за истеченіемъ давности для оспариванія ея, стала уже неопровержимою и непреложною;

тогда почему же не дается возможности установить самостоятельнымъ искомъ законнорожденность того же лица и тѣмъ исправить метрику, которая официально удостовѣряетъ о незаконномъ рожденіи и представляетъ такимъ образомъ полное несоотвѣтствие съ презумпціей? Почему Георгій З. имѣетъ право предъявлять противъ иска З—ой возраженія по тѣмъ основаніямъ, по которымъ онъ не можетъ выступать въ качествѣ самостоятельнаго истца? Всѣ эти недоумѣнія не могутъ быть разрѣшены, если не признать, что оба разъясненія Сената исходятъ изъ противоположныхъ другъ другу началъ...

Повѣренный Забѣлина слѣдующимъ образомъ воспользовался благоприятными для его довѣрителя данными, имѣвшимися въ дѣлѣ. Онъ указалъ палатѣ, что рѣшеніемъ ея по иску Забѣлиной такъ или иначе установлена незаконность рожденія Наталіи З., и что это рѣшеніе оставлено Сенатомъ въ силѣ; настоящей же искъ его довѣрителя состоитъ изъ двухъ частей: требованія о признаніи незаконности той же Н. З. и требованія о признаніи ее неимѣющею наследственныхъ правъ. Первое требованіе, какъ видно изъ вышесказаннаго, разрѣшено судебнымъ рѣшеніемъ, а потому и не можетъ уже подлежать новому обсужденію. Вслѣдствіе этого повѣренный Забѣлина просилъ палату *„по ея усмотрѣнію признать первую часть просительнаго пункта его не требующею разрѣшенія, въ виду окончательнаго разрѣшенія вопроса объ этомъ по другому дѣлу“*, и разсматривать лишь вторую часть иска. Такое уклончивое выраженіе ходатайства вызвало споръ со стороны представителя отвѣтчицы, и на предложеніе суда—высказаться опредѣленнѣе повѣренный истца вновь повторилъ свое заявленіе, причемъ настаивалъ на томъ, что споръ о законности рожденія, оспариваемой въ данномъ дѣлѣ, уже рѣшенъ по другому дѣлу о томъ же самомъ предметѣ (т. е. о законности той же Наталіи З.) и между тѣми же сторонами. Итакъ, ходатайство это было основано на началѣ *rei judicatae*. Между тѣмъ, внѣшняя форма, которую придавъ своей мысли повѣренный истца, могла заставить думать, будто ходатайство его представляетъ *частичный отказъ отъ иска*; напротивъ, тотъ не отказывается отъ своихъ требованій, кто говоритъ, что они неоспоримы и должны быть приняты безъ обсужденія. Въ такомъ смыслѣ и слѣдовало понимать это заявленіе повѣреннаго Забѣлина. Ему было недостаточно заявить, что его искъ *доказывается* представляемымъ въ копіи судебнымъ рѣшеніемъ; вѣдь прежде, чѣмъ перейти къ *доказательствамъ* иска, палата должна была обратиться къ *формаль-*

ными условіями самого иска, а тутъ то и возникалъ вопросъ о пропускѣ срока, столь категорически поставленный Сенатомъ. Чтобы избѣгнуть такого исхода, истецъ и долженъ былъ сказать, что первая часть его исковыхъ требованій не подлежитъ обсужденію, какъ уже разрѣшенная судомъ. Возможна ли, однако, подобная постановка вопроса? Во всякомъ случаѣ, она не обычна. Обыкновенно возраженіемъ о *res judicata* пользуются отвѣтчики, а не истцы, и обыкновенно подобное возраженіе направлено къ тому, чтобы истцу было отказано въ искѣ. Отвѣчикъ говоритъ: право истца уже признано, онъ свое получилъ (или имѣетъ возможность получить), онъ не можетъ дважды требовать одно и то же; или, напротивъ, право истца отвергнуто судомъ, и онъ не можетъ вновь домогаться его признанія. Такое возраженіе, въ силу 589 ст. уст. гражд. суд., обязываетъ судъ разобрать все-таки дѣло по существу и затѣмъ, если возраженіе окажется доказаннымъ, отказать въ искѣ. Теперь спрашивается, когда можетъ истецъ сослаться на законную силу рѣшенія? По общему правилу, тогда, когда этимъ рѣшеніемъ признано какое либо основное право, а послѣдующій искъ касается какого либо права производнаго, вытекающаго изъ перваго. Напримѣръ, судебнымъ рѣшеніемъ договоръ признанъ обязательнымъ для отвѣтника, а затѣмъ истецъ предъявляетъ искъ о платежахъ по тому же договору, ссылаясь на предыдущее рѣшеніе. Въ такомъ случаѣ, конечно, вопросъ объ обязательности договора будетъ обсуждаться судомъ, онъ не можетъ быть оставленъ безъ разсмотрѣнія, но рѣшеніе этого вопроса уже предопредѣлено, и фактъ установленъ неопровержимымъ доказательствомъ. Возьмемъ еще примѣръ, ближе подходящій къ разбираемому дѣлу. Положимъ, идетъ споръ объ имуществѣ между А, собственникомъ имѣнія по актамъ, и Б, основывающемъ свое право на давности владѣнія. Допустимъ, что Б предъявилъ искъ къ А о признаніи его права собственности по давности, но въ этомъ искѣ отказано. Тогда А предъявляетъ требованіе къ Б о правѣ собственности на то же имущество (а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и о выселеніи Б) и ссылагается на предыдущее рѣшеніе. Возраженіе Б о давностномъ владѣніи устраняется этимъ рѣшеніемъ, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы судъ долженъ былъ вообще оставить безъ разсмотрѣнія, безъ обсуждения вопросъ о правѣ собственности и обсуждать лишь вопросъ о выселеніи. А между тѣмъ оба иска (искъ давностнаго владѣльца Б и документальнаго собственника А) тождественны и въ лицѣ, и въ предметѣ, и въ основаніи. Не то же ли и въ дѣлѣ Забѣлиныхъ

(хотя вообще рискованно проводить аналогію между правами имущественными и семейными, имѣющими несомнѣнно публичный характеръ, но тутъ аналогія допустима)? Хотя оба иска—искъ Елиз. Забѣлиной о законности рожденія ея дочери и искъ Георгія Забѣлина о незаконности той же дочери—касаются одного предмета между тѣми же лицами; тѣмъ не менѣе палата обязана была второй искъ *разсмотрѣть*, иначе говоря, обязана была коснуться сперва права истца на предъявленіе иска, а затѣмъ доказанности такового и т. д., несмотря на послѣдовавшее уже рѣшеніе по первому дѣлу. И въ этомъ не было бы никакой бѣды, если бы не было двухъ сенатскихъ указовъ, взаимно другъ друга исключающихъ. Не будь ихъ, палата рѣшила бы оба дѣла въ томъ или иномъ смыслѣ, но безъ противорѣчія (таковы и были оба ея рѣшенія отъ 6 ноября 1895 г., до отмѣны одного изъ нихъ Сенатомъ).

При описанномъ же положеніи вещей, исходъ дѣла предугадать не трудно: палата, имѣя передъ собою категорическое указаніе Сената на пропускъ истцомъ давностнаго срока, не могла не подчиниться этому указанію и отказала въ искѣ о незаконности рожденія Наталіи З., а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ вытекавшемъ изъ него требованіи о лишеніи ея наслѣдственныхъ правъ. Поданная на это рѣшеніе кассационная жалоба истца была оставлена Сенатомъ безъ послѣдствій.

Интересно указать на то, въ какомъ положеніи оказываются теперь наслѣдственные права сторонъ. Какъ видно изъ дѣла, Наталія З. была утверждена въ правахъ наслѣдства послѣ Николая З. только потому, что у нея тогда было „исправленное“ метрическое свидѣтельство, впоследствии уничтоженное. Теперь, записанная въ метрику незаконнорожденною и не доказавшая законности по суду, она не можетъ считаться ближайшей наслѣдницей мужа ея матери. Съ другой стороны, Георгію З., ближайшему боковому наслѣднику, отказано въ притязаніи на наслѣдство, потому что онъ не имѣетъ права оспаривать законнорожденности той же Наталіи З. Спрашивается, кому же принадлежитъ право наслѣдованія?

4.

Б. *Съ какого момента начинается судебная ответственность казны по подрядамъ?*

Недавно разрѣшены гражданскимъ кассационнымъ департаментомъ два дѣла Виленскаго артиллерійскаго управленія о расчетахъ по подряду на сумму около 150.000 рублей.

До изданія уставовъ 20 ноября 1864 года, по своду законовъ 1857 года, судебное разсмотрѣніе спорныхъ дѣлъ, возникающихъ по договорамъ подряда и поставки съ казною, вовсе не могло имѣть мѣста. По силѣ прежнихъ законовъ судопроизводства, всѣ притязанія на казну, за исключеніемъ однихъ споровъ о правѣ собственности на имущества, могли подлежать удовлетворенію не иначе какъ въ порядкѣ исполнительномъ или административномъ, то есть путемъ жалобы по начальству. Такъ это разъяснялось уже и въ кассационныхъ рѣшеніяхъ 1879 г. № 142, 1887 г. № 7, 1878 г. № 137 и др. Только уставъ гражданскаго судопроизводства допустилъ судебное разсмотрѣніе означенныхъ дѣлъ, посвятивъ этому предмету первый раздѣлъ третьей книги. И вотъ 1302 статья предоставляет контрагенту казны *„послѣ выдачи окончательнаго разсчета, на неправильное составленіе онаго, а равно и на всѣ дѣйствія мѣстъ и лицъ казеннаго управленія, какъ во время исполненія договора, такъ и послѣ окончанія онаго, или жаловаться по начальству въ порядкѣ, указанномъ 1301 статьею, или предъявить къ казнѣ судебнымъ порядкомъ искъ, какъ о выдачѣ суммъ или документовъ, считаемыхъ имъ за казною, такъ и объ убыткахъ, причиненныхъ ему неправильными дѣйствіями, медленностью или бездѣйствіемъ тѣхъ мѣстъ или лицъ“*. 1303 же статья опредѣляетъ для предъявленія иска на казну срокъ шестимѣсячный, каковой срокъ исчисляется *„со дня выдачи окончательнаго разсчета, если искъ возбужденъ симъ разсчетомъ или дѣйствіями, предшествовавшими означенной выдачѣ“*

Съ другой же стороны, слѣдуетъ замѣтить, что согласно 439 ст. т. XVI ч. 2, полож. о взыскан. гражданск. (или 108 ст. т. X ч. 2 изд. 1857 года, а также и ст. 118 т. X ч. 2 изд. 1876 года), на предъявленный *„окончательный разсчетъ“* подрядчикъ можетъ представить въ *шестинедельный* срокъ *возраженіе*, на которое казенное учрежденіе должно отвѣтить *„окончательнымъ заключеніемъ“*.

Сенатъ, однако, разъяснилъ (касс. рѣш. 1879 г. №№ 242, 167, 1875 г. № 803, 1878 г. № 273 и др.), что приведенныя законоположенія устава гражд. судопр. допускаютъ судебное разсмотрѣніе означенныхъ исковъ съ особымъ ограниченіемъ: въ подрядныхъ дѣлахъ съ казною законъ различаетъ претензіи, которыя могутъ быть предъявлены къ казнѣ во время самого исполненія подряда, отъ претензій, обращаемыхъ къ казнѣ послѣ выдачи окончательнаго по такому порядку разсчета; въ первомъ случаѣ жалобы на распоряженіе мѣстъ и лицъ казеннаго управленія могутъ быть при-

носимы частными лицами только по начальству, въ порядкѣ административномъ, но *когда договоръ исполненъ*, законъ предоставляет контрагенту, недовольному выданнымъ ему отъ казеннаго управленія разсчетомъ, или жаловаться по начальству, или же *предъявить искъ* къ тому управленію судебнымъ порядкомъ; право на предъявленіе иска въ семь послѣднемъ порядкѣ, однако, также устраняется, согласно 1304 статьѣ устава гражд. судопр., въ томъ случаѣ, если доказано, что контрагентъ по объявленіи ему окончательнаго разсчета, въ томъ же предметѣ, къ которому искъ относится, принесъ уже жалобу по начальству. Въ рѣшеніи 1878 г. № 273 Сенатъ еще болѣе категорически указалъ, что искъ контрагента къ казнѣ возможенъ „*не прежде, какъ послѣ выдачи окончательнаго разсчета,—никакого другого времени для предъявленія такого рода исковъ закономъ не установлено*“. Поэтому и требованіе о признаніи договора подряда, заключеннаго съ казеннымъ управленіемъ, нарушеннымъ со стороны послѣдняго устраненіемъ подрядчика отъ подряда и передачею его другому лицу, и о предоставленіи права на возмѣщеніе причиненныхъ такимъ распоряженіемъ убытковъ—не подлежитъ, по разъясненію Сената, разсмотрѣнію суда до полученія подрядчикомъ отъ казеннаго управленія окончательнаго разсчета по подряду.

Если, однако, значеніе момента окончательнаго разсчета казны съ подрядчикомъ таково, что съ этого момента только отворяются для подрядчика двери въ судъ, если, притомъ, они снова закрываются ровно черезъ шесть мѣсяцевъ,—то весьма важно опредѣлить, въ какихъ именно дѣйствіяхъ заинтересованныхъ сторонъ должно выразиться наступленіе означеннаго момента. Въ виду огромныхъ, какъ по цѣнности такъ и по сложности подрядовъ казны, разсчеты съ нею могутъ быть весьма обширными и пространными во времени: могутъ имѣть мѣсто разсчеты неопредѣленно-окончательнаго характера. Какой же именно разсчетъ является тѣмъ окончательнымъ, послѣ котораго начинается свое теченіе въ высшей степени краткая исковая давность? Этотъ именно вопросъ и возбудило названное выше дѣло артиллерійскаго управленія.

Кромѣ, однако, возбужденнаго этимъ дѣломъ вопроса о моментѣ судебной отвѣтственности казны по подрядамъ, дѣло это представляется интереснымъ еще въ другомъ, пожалуй и не менѣе важномъ, отношеніи,—въ немъ съ такою яркостью обнаруживается присущее представителямъ казенныхъ управленій стремленіе во что бы то ни стало отклонить отвѣтственность казны даже при очевидной закон-

ности и обязанности для казны предъявленныхъ въ искѣ требованій.

Это усердіе проявляется особенно ярко въ изощренной уклончивости повѣренныхъ казны отъ отвѣтственности именно въ дѣлахъ о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ, что, казалось бы, менѣе всего допустимо въ этихъ дѣлахъ, такъ какъ къ заключенію этихъ сдѣлокъ казна сама приглашаетъ и вызываетъ. Такія дѣйствія уполномоченныхъ казны, какъ отрицаніе обязанности для нея разъ уже ея же подчиненными органами составленныхъ актовъ, или объявленіе дѣйствій этихъ послѣднихъ органовъ незаконными и недобросовѣстными, несомнѣнно, могутъ подорвать всякое къ казнѣ довѣріе, нанести существенный ущербъ ея авторитету. На это справедливо указывается въ объясненіи по дѣлу, представленномъ противъ кассационной жалобы казны. Самыя обстоятельства дѣла заключались въ слѣдующемъ.

Купецъ Вульфъ Гурвичъ предъявилъ въ Виленскомъ окружномъ судѣ искъ къ Виленскому артиллерійскому управленію въ суммѣ 31.777 р. 11 к. и о сложеніи недоимокъ по подряду перевозки тяжестей артиллерійскаго склада.

Искъ этотъ, какъ окружнымъ судомъ, такъ и Виленскою судебною палатою, былъ уваженъ въ части, причемъ палатою разрѣшена прежде всего жалоба уполномоченныхъ Виленскаго окружнаго артиллерійскаго управленія на частное опредѣленіе Виленскаго окружнаго суда отъ 5 марта 1892 г., коимъ заявленный уполномоченными отводъ о предъявленіи иска въ неподлежащемъ судѣ и къ неподлежащему отвѣтчику оставленъ безъ уваженія.

По дошедшей до разсмотрѣнія Правительствующаго Сената кассационной жалобѣ военнаго министерства дѣло было внесено на уваженіе департамента, причемъ подлежалъ разрѣшенію прежде всего вопросъ о томъ—въ случаѣ составленія и объявленія окончательнаго расчета артиллерійскимъ складомъ, но, по установленію палаты, не самостоятельно, а по порученію артиллерійскаго управленія,—къ кому долженъ быть предъявленъ искъ, вытекающій изъ этого расчета,—къ артиллерійскому ли складу или къ артиллерійскому управленію. За разрѣшеніемъ, въ засѣданіи департамента 12 мая 1898 г., этого вопроса въ смыслѣ правильности предъявленія иска Гурвичемъ къ артиллерійскому управленію, дѣло было вновь назначено къ обсужденію въ департаментѣ на 12 декабря 1901 года.

По иску купца Вульфа Гурвича, предъявленному въ Виленскомъ окружномъ судѣ къ Виленскому окружному артиллерійскому упра-

вленію въ суммѣ 31.777 р. 11 к. и о сложеніи начета, уполномоченные казны возражали, что искъ этотъ предъявленъ по пропускѣ установленнаго 1303 ст. уст. гр. суд. срока, заявляя, что расчеты по перевозкамъ за 1879—80 годы объявлены Гурвичу 19 іюля 1885 года; подрядчики въ томъ росписались и, выразивъ неудовольствіе, въ установленные сроки жалобы по начальству не подали, иска не предъявили, въ виду чего расчеты эти должны быть признаны окончательными въ полномъ значеніи этого слова; пересмотръ расчетовъ въ порядкѣ административнаго разбирательства, если таковой былъ допущенъ, не порождаетъ подрядчику права обратиться въ судъ. Въ расчетахъ, объявленныхъ въ 1885 году, включены всѣ возникшіе по исполненію подряда начеты, и подрядчики, не оградивъ себя своевременнымъ предъявленіемъ спора, утратили право возраженія противъ нихъ, какъ равно не имѣютъ права требовать доплатъ, кромѣ того, что тѣми расчетами признано имъ слѣдующимъ. Право иска утрачено Гурвичемъ, по мнѣнію представителя военнаго вѣдомства еще и на основаніи 1304 ст. уст. гр. суд.: пересоставленнымъ расчетамъ 1890 года и называемому складомъ „заключенію“ нельзя придавать значенія окончательныхъ расчетовъ, которые порождали право на искъ; складъ не имѣлъ права пересоставлять расчеты собственной властью, не будучи къ тому уполномоченнымъ, почему дѣйствія склада, какъ незаконныя, должны быть признаны ничтожными, тѣмъ болѣе, что это предоставленіе расчетовъ сдѣлано въ порядкѣ административнаго производства, вслѣдствіе прошенія, поданнаго подрядчиками 12 февраля 1890 года о пересоставленіи расчетовъ, каковое должно быть признано жалобою, принесенною начальству, послѣ утраты же подрядчиками права обращенія къ суду. Требованіе истца о доплатахъ не подлежитъ удовлетворенію: независимо того, что по расчетамъ 1885 года таковыхъ не причиталось, подрядчики о доплатахъ своевременно не ходатайствовали и жалобъ о недоплатахъ не подавали. Кромѣ того, истецъ, въ подтвержденіе требованія о доплатахъ, ничего не представилъ, кромѣ вѣдомостей склада подъ литерами О и У, которыя не могутъ быть разсматриваемы, какъ доказательство или признаніе отвѣтчика, такъ какъ складъ эти предположительныя вѣдомости сдѣлалъ своею единоличною властью въ то время, когда подрядчиками было утеряно всякое право на доплаты, кромѣ указанныхъ въ расчетахъ 1885 года, причемъ отвѣтчикъ не участвовалъ въ ихъ составленіи, не уполномочивалъ складъ на ихъ составленіе, почему и имѣетъ полное право оспаривать ихъ. Сличеніе

разчетовъ 1885 съ составленными въ 1890 году обнаруживаетъ разность въ показаніяхъ платежей за одно и то же время; удостовѣриться документально въ правильности и точности тѣхъ или другихъ казна лишена возможности, такъ какъ документальная отчетность Динабургскаго склада частью обгорѣла, частью сгорѣла въ пожарѣ, бывшемъ въ контрольной палатѣ въ 1886 году, тѣмъ не менѣе показанныя въ вѣдомостяхъ 1890 года недоплаты не оправдываются и по существу ихъ, согласно дѣйствительныхъ условий перевозки грузовъ.

Виленская судебная палата, рассмотрѣвъ дѣло, нашла, что окончательные расчеты за время съ 1 января 1879 г. по 1 января 1880 г. и съ этого числа по 9 іюля 1881 г. были предъявлены повѣреннымъ подрядчиковъ 19 іюля 1885 г. Уполномоченные казны, представляя переписку о вызовѣ Фридланда, его повѣренныхъ и Гурвича въ 1884 г., для предъявленія имъ этихъ расчетовъ, и усматривая изъ этой переписки, что Фридландъ и его повѣренные уклонялись отъ полученія расчетовъ, утверждаютъ, что срокъ объявленія расчетовъ долженъ считаться съ того дня, когда Фридланду или его повѣренному была предоставлена возможность полученія расчетовъ. Но въ законѣ такого правила не содержится. На основаніи 1303 ст. уст. гражд. суд. срокъ для предъявленія иска исчисляется со дня выдачи окончательнаго расчета, а потому началомъ означеннаго срока долженъ считаться день дѣйствительной выдачи расчета, а не тотъ день, когда подрядчику была предоставлена только возможность полученія окончательнаго расчета. Противъ этихъ расчетовъ Гурвичъ подалъ 26 августа 1885 г. возраженіе, которое, хотя и было ему возвращено, будто бы, за пропускомъ срока, но по жалобѣ его, согласно приказанію командующаго войсками Виленскаго военнаго округа, Виленскій военно-окружный совѣтъ призналъ срокъ на подачу возраженія непропущеннымъ, вслѣдствіе чего начальникъ артиллеріи округа предписалъ начальнику артиллерійскаго склада войти въ рассмотрѣніе всѣхъ претензій, изложенныхъ въ этомъ прошеніи, и если таковыя окажутся законными, то сдѣлать распоряженіе объ удовлетвореніи ихъ. Уполномоченные казны оспариваютъ правильность упомянутаго постановленія военно-окружнаго совѣта, находя, что онъ не былъ уполномоченъ оказывать милости подрядчику. Съ этимъ возраженіемъ отвѣтчика согласиться нельзя. Командующій войсками округа, являясь высшимъ въ округѣ военнымъ начальникомъ, согласно 6 и 57 ст. II книги св. военн. пост., несомнѣнно вправѣ былъ передать

жалобу подрядчика на дѣйствія военныхъ чиновъ ввѣреннаго ему округа на разсмотрѣніе военно-окружнаго совѣта, который дѣйствовалъ въ предѣлахъ своей компетенціи, причемъ установленіе того, что срокъ не пропущенъ, является не актомъ милости, а мотивированнымъ разрѣшеніемъ жалобы повѣреннаго Фридланда. Признанное военно-окружнымъ совѣтомъ подлежащимъ разсмотрѣнію по существу прошеніе истца Гурвича и составляетъ установленное 108 ст. 2 ч. X т. возраженіе, на которое артиллерійское управленіе или уполномоченный послѣднимъ артиллерійскій складъ долженъ былъ дать окончательное заключеніе, со дня выдачи котораго исчисляется шестимѣсячный срокъ для предьявленія иска, согласно разъясненію гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената 1881 г. за № 102. Однако окончательное заключеніе не было складомъ составлено по имѣвшимся въ распоряженіи склада документамъ. Затѣмъ Гурвичъ въ прошеніи, поданномъ въ управленіе склада 15 февраля 1890 г., излагаетъ, что, вслѣдствіе повѣстки склада за № 247, онъ увѣдомляетъ управленіе, что окончательные расчеты составлены неясно и несогласно 1973 и 1974 ст. 1 ч. X т., а потому онъ проситъ управленіе склада пересоставить окончательные расчеты. Управленіе склада удовлетворило эту просьбу Гурвича и пересоставило расчеты за время 1 января 1879 г. по 9 іюля 1881 г., чего оно не было обязано дѣлать, но разъ управленіе склада пересоставило окончательные расчеты и предьявило ихъ Гурвичу въ порядкѣ, указанномъ въ 108 ст. 2 ч. X т., то, очевидно, для подрядчика возникло право на представленіе возраженія, и во всякомъ случаѣ подрядчикъ не могъ лишиться права на полученіе окончательнаго заключенія, съ момента выдачи котораго исчисляется срокъ на предьявленіе иска. Уполномоченные казны, заявляя о недобросовѣстности дѣйствій артиллерійскаго склада, находятъ, что вторично составленные окончательные расчеты никакого значенія не имѣютъ. Но возраженіе это не заслуживаетъ уваженія. Артиллерійское управленіе поручило складу составить окончательные расчеты, и если складъ согласился съ заявленіемъ подрядчика о неправильности первоначально составленныхъ окончательныхъ расчетовъ и составилъ ихъ вновь, то таковыя вновь составленные окончательные расчеты для казны обязательны. Если эти послѣдніе не соотвѣтствуютъ первоначальнымъ, то это значитъ, что уполномоченный артиллерійскимъ управленіемъ на составленіе расчетовъ артиллерійскій складъ убѣдился въ неправильности составленія первыхъ и въ новыхъ расчетахъ и исправилъ

ошибки. Сами уполномоченные казны заявляютъ, что провѣрить по документамъ правильность расчетовъ невозможно, такъ какъ документы попорчены бывшимъ въ контрольной палатѣ пожаромъ. При такомъ положеніи дѣла нельзя требовать отъ подрядчика доказательствъ правильности выданнаго складомъ послѣдняго окончательнаго расчета. Если складомъ допущены злоупотребленія, то отъ начальства его зависитъ привлечь виновныхъ къ уголовной отвѣтственности. Прошеніе Гурвича отъ 12 февраля 1890 г. не можетъ быть разсматриваемо, какъ жалоба по начальству потому, что она адресована въ управленіе склада, а не начальству его, и, по содержанию своему, не заключаая въ себѣ возраженій по существу, состоитъ только въ просьбѣ о пересоставленіи расчетовъ. Копіи вновь составленныхъ управленіемъ склада окончательныхъ расчетовъ были вручены Гурвичу чрезъ полицію, а именно расчетъ за 1879 г.—29 августа 1890 г. и расчетъ за время съ 1 января 1880 г. по 9 июля 1881 г.—20 декабря 1890 года. Гурвичъ подалъ возраженія противъ перваго расчета 8 октября 1890 г. и противъ втораго 21 января 1891 г. Хотя возраженіе, поданное 8 октября, изложено въ видѣ прошенія съ указаніемъ только номеровъ окончательнаго расчета, по которымъ, по мнѣнію Гурвича, суммы исчислены неправильно, и хотя послѣ того, уже послѣ срока, 11 декабря Гурвичъ подалъ дополнительное возраженіе, въ которомъ подробно показалъ причитающіяся ему суммы по статьямъ расчета, тѣмъ не менѣе прошеніе, поданное 8 октября 1890 г., должно быть признано возраженіемъ противъ окончательнаго расчета за 1879 г., ибо для возраженія въ законѣ не установлено никакой особой формы, а по содержанию своему прошеніе это соответствуетъ тому, что должно заключать въ себѣ возраженіе, а именно, указаніе на статьи окончательнаго расчета, по которымъ, по мнѣнію подрядчика, сдѣланы неправильныя исчисленія суммъ и означеніе основаній, почему подрядчикъ считаетъ исчисленія неправильными, а такъ какъ прошеніе это подано 8 октября, т. е. до истеченія шестинедѣльнаго срока со дня предъявленія окончательнаго расчета за 1879 г., послѣдовавшаго 29 августа 1890 г., и такъ какъ подача послѣ того 11 декабря дополнительнаго возраженія, заключающаго въ себѣ исчисленія по каждой статьѣ, показанной въ прошеніи отъ 8 октября, не можетъ уничтожить дѣйствительности поданнаго 8 октября возраженія, то слѣдуетъ признать, что на поданное въ срокъ возраженіе складъ обязанъ былъ составить окончательное заключеніе, каковое заключеніе какъ за 1879 г., такъ

и за время съ 1 января 1880 г. по 9 июля 1881 г. и препровождено Гурвичу при повѣсткѣ склада отъ 16 сентября 1891 г., а такъ какъ настоящій искъ предъявленъ 2 октября 1891 г., то установленный 1303 ст. уст. гражд. суд. срокъ является непропущеннымъ. Кромѣ возраженія объ утратѣ права на искъ за пропускомъ упомянутого срока, уполномоченный казны, Мравинскій, заявилъ въ засѣданіи Палаты возраженіе и о преждевременности всего иска, въ виду того, что окончательное заключеніе не было предъявлено Гурвичу въ порядкѣ 439 ст. XVI т. св. зак. пост. о взыск. гражд., но при повѣсткѣ отъ 16 сентября 1891 г. ему лишь препровождены копии нѣкоторыхъ документовъ согласно его прошенію. Но это возраженіе не соотвѣтствуетъ содержанію упомянутой повѣстки. Въ повѣсткѣ за № 10807 сказано: „По прошенію Вашему и въ виду сдѣланныхъ Вами возраженій, препровождаю при семь копій . . . . .“. Значить, копій документовъ были препровождены не исключительно въ удовлетвореніе прошенія Гурвича, а также и въ виду сдѣланныхъ имъ возраженій. Возраженія же были сдѣланы на окончательные расчеты и, слѣдовательно, копій окончательныхъ заключеній были препровождены Гурвичу при означенной повѣсткѣ не только въ виду его прошенія о выдачѣ копій, но и въ виду сдѣланныхъ возраженій, согласно 108 ст. 2 ч. X т., а потому слѣдуетъ признать, что окончательныя заключенія вручены Гурвичу установленнымъ порядкомъ, и искъ его по отношенію къ окончательнымъ расчетамъ и заключеніямъ предъявленъ не преждевременно.

Разсмотрѣвъ засимъ дѣло по прочимъ частямъ иска и апелляцій, судебная палата 28 марта 1895 г. удовлетворила значительнѣйшую часть требованій истца.

Въ кассационной жалобѣ тѣ же уполномоченные казны, указывая на нарушеніе палатою ст. 1302 и 1303 уст. гр. суд., 439 полож. о взыск. гражд. (т. XVI ч. 2, изд. 1892 г.) и ст. 57—62 кн. II и ст. 78 кн. I С. В. II., изд. 1869 г., объясняютъ, что хотя въ ст. 1303 уст. гр. суд. значится, что 6 мѣсячный срокъ на предъявленіе иска противъ окончательнаго расчета исчисляется со дня выдачи окончательнаго расчета, но очевидно, что подъ выдачею расчета должно разумѣть какъ фактическое врученіе расчета подрядчику, такъ и поставленіе его въ возможность получить расчетъ, ибо, по основному правилу юридическаго толкованія, кто не отстаиваетъ своихъ правъ въ томъ случаѣ, когда имѣетъ возможность и долженъ былъ сдѣлать это, предполагается

согласившимся. Такое толкованіе ст. 1303 представляется особенно необходимымъ въ видахъ предупрежденія возможныхъ злоупотребленій, подобныхъ допущеннымъ по настоящему дѣлу. Какъ видно изъ представленныхъ кассаторами документовъ, Гурвичъ и комп. вызываются къ полученію окончательныхъ расчетовъ за время 1879—1881 г.г. еще въ 1883 году; повѣстки вручаются его повѣреннымъ, но они, подъ разными предлогами, совершенно незаконно уклоняются отъ полученія расчета, что несомнѣнно производилось въ видахъ продленія срока на подачу возраженія. Наконецъ, 12 іюня 1885 года складъ, по настоянію окружнаго артиллерійскаго управленія, вручаетъ расчеты за 1879—1881 г.г. компанію Гурвича, Фридланду, который принимаетъ расчеты, но, какъ видно изъ прошенія истца начальнику склада (вслѣдствіе повѣстки отъ 30 іюля 1885 г. за № 9497), ни Гурвичъ, ни Фридландъ по 19 іюля 1885 года, т. е. до возвращенія въ Динабургъ повѣреннаго ихъ обоихъ, Шапкеса, не дѣлаютъ надписи на расчетахъ объ удовольствіи или неудовольствіи. Такимъ образомъ, если уже считать за начало срока день врученія расчета, то опредѣленный ст. 1303 срокъ долженъ быть исчисляемъ съ 12 іюня 1885 г. Такъ какъ въ установленный 6 недѣльный срокъ отъ сего числа возраженій со стороны подрядчиковъ не поступило, то складъ имѣлъ полное основаніе возвратить поданное Гурвичемъ 26 августа 1885 года возраженіе на окончательный расчетъ, содержащее три пункта претензій, за утратой подрядчикомъ права на возраженіе. Въ виду сего военно-окружный совѣтъ, хотя подрядчики и сдѣлали надпись на расчетахъ о неудовольствіи лишь 19 іюля 1885 г., не имѣлъ законныхъ основаній признавать возвращеніе прошенія Гурвича неправильнымъ, и постановленіе по этому предмету окружнаго совѣта можетъ быть разсматриваемо не иначе, какъ оказаніе милости подрядчику, на что, какъ кассаторами указано въ словесныхъ объясненіяхъ и состязательныхъ бумагахъ, не только военно-окружный совѣтъ, но и военный совѣтъ никакого права не имѣетъ, какъ видно изъ соображенія ст. ст. 57 и 62 кн. II и ст. 78 кн. I С. В. П. 1869 г., и, во всякомъ случаѣ, такое распоряженіе военно-окружнаго совѣта, какъ постановленное вѣдъ предѣловъ порядка, установленнаго ст. 430 т. XVI св. зак., изд. 1892 года, полож. о взыск., является лишь моментомъ, съ котораго начинается по 1302 ст. уст. гр. суд. производство, по избраніи подрядчикомъ административнаго способа разсмотрѣнія его претензій на окончательный расчетъ. Признавая же

срокъ на подачу возраженія Гурвичемъ и К^о возстановленнымъ въ предѣлахъ компетенціи военно-окружнаго совѣта, судебная палата допустила нарушеніе вышеприведенныхъ статей 1302, 1303 уст. гражд. суд., ст. 439 полож. о взыск. гражд., ст. 57—62 кн. II и 78 кн. I С. В. П. 1869 года. Но, независимо отъ сего, судебная палата допустила нарушеніе ст. 1303 и въ другихъ отношеніяхъ: палата устанавливаетъ, что, получивъ предписаніе начальника артиллеріи округа, складъ обязанъ былъ постановить окончательное заключеніе, но складъ вмѣсто того повѣсткою за № 247 потребовалъ вновь возраженія. Подрядчикъ промедлилъ до 12 февраля 1890 года, когда обратился въ складъ съ просьбой о пересоставленіи предъявленныхъ въ 1883—1885 г. окончательныхъ расчетовъ. Всѣ эти моменты ставятся судебною палатою въ связь одинъ съ другимъ, и, находя при этомъ, что 6-ти мѣсячный срокъ, въ силу рѣшенія гр. касс. деп. Прав. Сената № 102—1891 года, исчисляется только со времени выдачи окончательнаго заключенія, судебная палата старается найти такое заключеніе, которое могло бы быть приурочено къ расчетамъ 1883—1885 г.г. Такая точка зрѣнія, очевидно, ошибочна. Если Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи № 101 1882 г. и предписываетъ исчислять 6-ти мѣсячный срокъ со дня врученія окончательнаго заключенія, то, конечно, въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда въ установленный срокъ было подано возраженіе на расчетъ, что и дѣлало постановленіе заключенія по возраженіямъ обязательнымъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ такого возраженія подано не было, 6-ти мѣсячный срокъ можетъ быть исчисляемъ лишь съ момента выдачи окончательнаго расчета. Въ настоящемъ же дѣлѣ, какъ изложено выше, возраженія въ срокъ подано не было, и засимъ, по принятіи возраженія (прошеніе 26 августа 1885 года) къ разсмотрѣнію, началось производство не въ порядкѣ ст. 439 полож. о взысканіяхъ гражд., а исключительно въ порядкѣ административномъ, причемъ подрядчикъ уже лишенъ былъ права обращенія къ суду по своимъ претензіямъ.

Кассаторы не могутъ не признать неправильность дѣйствій чиновъ склада, но несоотвѣтствующія закону распоряженія такового, конечно, ни въ какомъ отношеніи не могутъ, по ихъ мнѣнію, породить для подрядчика правъ, которыхъ онъ по закону не имѣетъ, и не слагаютъ падающей на него, какъ извлекавшаго непосредственно выгоду изъ предпріятія, ответственности. Поэтому, казалось бы, разъ палата признала, что какъ обращеніе складомъ къ подрячику повѣсткою № 247, такъ самое пересоставленіе въ

1890 году расчетовъ было неправильно и выходило за предѣлы власти склада; единственно правильнымъ выводомъ изъ этого положенія было бы признаніе дѣйствій склада по симъ предметамъ, какъ незаконныхъ, для казны необязательными и, слѣдовательно, непорождающими для подрядчика никакихъ правъ. Противоположный же выводъ палаты, очевидно, неправиленъ и, какъ стоявшій въ явномъ противорѣчій съ посылками, на коихъ онъ основанъ, не можетъ быть оставленъ въ силѣ.

Въ объясненіи на кассационную жалобу повѣренный Гурвича изложилъ, что къ искамъ о сложеніи начетовъ относится не 1303 ст. уст. гр. суд., а 1309 ст. того же устава, по которой частныя лица, привлеченныя къ отвѣтственности по начетамъ, обязаны предъявить искъ объ освобожденіи ихъ отъ начета въ 6-ти мѣсячный срокъ со времени объявленія имъ распоряженія о привлеченіи ихъ къ отвѣтственности по начету. Такъ какъ о привлеченіи Гурвича къ отвѣтственности по начету онъ узналъ впервые изъ окончательнаго заключенія, приложеннаго къ повѣсткѣ отъ 16 сентября 1891 г. за № 10807, то 6-ти мѣсячный срокъ для предъявленія иска о сложеніи начета долженъ былъ считаться съ момента полученія повѣстки, въ теченіи котораго и предъявленъ былъ настоящій искъ. Очевидно, что моментъ полученія окончательныхъ расчетовъ, когда бы онъ ни произошелъ, не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого отношенія къ настоящему дѣлу. Уполномоченные артиллерійскаго управленія, повидимому, не усмотрѣли сущности предъявленнаго иска, заключавшагося въ сложеніи начета (въ 4000 р. за 1879 и 1880 годы и въ 5000 за другіе годы), и такъ, какъ въ исковомъ прошеніи, кромѣ сложенія начета, онъ требовалъ еще свыше 20 т. р., то они изъ этого обстоятельства вывели заключеніе, что искъ возбужденъ окончательнымъ расчетомъ, но, какъ указано уже выше, въ препровожденной ему повѣсткѣ отъ 16 сентября 1891 г. за нимъ прямо признано право на 9000 руб., а по сложеніи начета признанная за нимъ сумма достигла бы 12000 руб., что съ процентами и составляетъ искомую Гурвичемъ сумму. Такъ какъ за Гурвичемъ прямо признано право на 9000 руб., а по сложеніи начета—на 12000 руб., то ему не было основанія оспаривать расчетъ искомымъ порядкомъ, и, слѣдовательно, искъ не возбуждался окончательнымъ расчетомъ, что предусмотрено 1 п. 1303 ст. Для иска же о выдачѣ казною причитающихся ему, согласно повѣсткѣ, денегъ у него былъ не 6 мѣсячный срокъ, по 1 п. 1303 ст., а 10 лѣтній, согласно 691, 692 ст. и прил. къ ст.

694 т. X ч. 1. Такимъ образомъ, всѣ разсужденія уполномоченныхъ артиллерійскаго управленія объ окончательныхъ расчетахъ, о неправильныхъ дѣйствіяхъ Виленскаго военно-окружнаго совѣта, который призналъ, что онъ не пропустилъ срока на представленіе возраженій противъ окончательнаго расчета, о неправильныхъ дѣйствіяхъ окружнаго артиллерійскаго управленія и Динабургскаго артиллерійскаго склада, которые пересоставили расчетъ и приняли возраженія противъ этого пересоставленнаго расчета,—всѣ эти разсужденія представляютъ собою плодъ недоразумѣнія со стороны уполномоченныхъ артиллерійскаго управленія, ибо часть иска вызвана привлеченіемъ Гурвича къ отвѣтственности по начету, а другая часть—невыдачею причитающихся ему, согласно повѣсткѣ, денегъ. Для первой части иска, какъ указано уже выше, срокъ 6-ти мѣсячный со времени привлеченія Гурвича къ отвѣтственности по начету, а для второй части иска—срокъ 10-ти лѣтній, начало котораго опредѣляется моментомъ сообщенія ему о причитающихся деньгахъ, а отнюдь не моментъ производства окончательнаго расчета. Уполномоченные казны въ теченіи всего производства дѣла не представили и намека на доказательство того, чтобы до полученія Гурвичемъ повѣстки отъ 16 сентября 1891 г. за № 10807 ему было объявлено распоряженіе о привлеченіи его къ отвѣтственности по начету. А только объ этомъ вопросѣ, а не о времени объявленія окончательныхъ расчетовъ въ данномъ случаѣ могла идти рѣчь. Несмотря однако на то, что разсужденія уполномоченныхъ артиллерійскаго управленія объ окончательныхъ расчетахъ и о неправильныхъ дѣйствіяхъ разныхъ казенныхъ управленій не имѣютъ отношенія къ настоящему дѣлу, палата тѣмъ не менѣе вошла въ разсмотрѣніе ихъ и нашла дѣйствія разныхъ казенныхъ управленій правильными и непротиворѣчащими закону. Но въ одномъ мѣстѣ она выразилась, что складъ не былъ обязанъ удовлетворить требованія Гурвича о пересоставленіи расчетовъ, а разъ складъ удовлетворилъ это требованіе и объявилъ ему расчеты въ порядкѣ, указанномъ закономъ, то, по мнѣнію палаты, онъ вправѣ былъ представить возраженіе противъ этихъ расчетовъ. Изъ этого мѣста уполномоченные артиллерійскаго управленія выводятъ заключеніе, что палата сама признала неправильными дѣйствія Динабургскаго склада. Изъ того, что Динабургскій складъ не обязанъ былъ удовлетворить его требованія о пересоставленіи расчетовъ, никоимъ образомъ не вытекаетъ, что онъ не вправѣ былъ этого сдѣлать, разъ онъ убѣдился въ основательности указанія его на не-

правильное составленіе расчетовъ. Мало того, разъ окружное артиллерійское управленіе предписало складу рассмотретьъ возраженія противъ окончательнаго расчета и удовлетворить ихъ, если они окажутся, увѣряютъ, что эти сожженные и обожженные расчеты найдены и требуютъ сопоставленія новыхъ расчетовъ съ этими старыми расчетами. Но такъ какъ эти старые расчеты признаны неправильными, а уполномоченные Артиллерійскаго Управленія не представили никакихъ доказательствъ ихъ правильности, что, впрочемъ, относится къ существу дѣла, не подлежащаго рассмотрѣнію въ кассационной инстанціи, то, очевидно, нѣтъ основанія сопоставлять новыхъ расчетовъ со старыми, тѣмъ болѣе, что уполномоченные Артиллерійскаго Управленія не сообщаютъ, найдены ли документы, на основаніи которыхъ только и могли бы быть проверены какъ старые, такъ и новые расчеты, если бы подобная повѣрка была допустима по закону по требованію повѣреннаго послѣ признанія права Гурвича на извѣстную сумму самимъ довѣрителемъ“.

Такимъ образомъ, кассационная жалоба возбудила слѣдующіе вопросы: 1) *является ли моментомъ окончательнаго расчета подрядчика съ казною день извѣщенія подрядчика объ изготовленіи сего расчета или моментъ дѣйствительнаго его врученія?* и 2) *можетъ ли казенное управленіе возражать на искъ подрядчика оспариваніемъ законности дѣйствій его же органовъ?*

Что касается перваго вопроса, то повторимъ, прежде всего, что съ этого момента „окончательнаго расчета“ начинается теченіе шестимѣсячный срокъ для предьявленія подрядчикомъ къ казнѣ иска, а также и шестинедѣльный срокъ для предьявленія возраженія. Однако этого мало. Исчисленіе сроковъ по изложенному дѣлу осложнилось тѣмъ, что сначала было подано возраженіе, а затѣмъ прошло много больше шести мѣсяцевъ, когда былъ предьявленъ искъ. Предьявленіе сего послѣдняго, очевидно, всегда должно быть въ высшей степени затруднительнымъ, когда предьявляется сначала возраженіе, на которое приходится ожидать, очевидно, отъ казеннаго учрежденія отвѣта: послѣднее можетъ не спѣшить съ установленнымъ закономъ на сей случай „окончательнымъ заключеніемъ“ (какъ и было въ изложенномъ дѣлѣ, гдѣ такое промедленіе тянулось съ 1885 до 1891 года), а шестимѣсячный срокъ истечетъ. По этому вопросу, однако, и состоялось руководящее рѣшеніе Сената 1881 г. № 102, изъ котораго и считаемъ полезнымъ привести выдержку, способствующую и вообще выясненію понятія окончательнаго расчета, то есть отвѣту на поставленный вопросъ.

Хотя въ отдѣлѣ, въ которомъ помѣщена 1303 ст., имѣющемъ предметомъ процессуальный порядокъ разсмотрѣнія исковъ сего рода,—говорится въ означенномъ рѣшеніи,—не опредѣлено съ подробностью, въ чемъ заключается окончательный расчетъ, но наименованіе окончательнаго—присвоено расчету, со времени выдачи коего начинается теченіе шестимѣсячнаго срока, не потому только, что расчетъ этотъ выданъ по окончаніи дѣйствія заключеннаго съ казною договора, а потому, что *по своему характеру онъ составляетъ дѣйствительно окончательное заключеніе подлежащаго казеннаго управленія*, по объявленіи котораго для бывшаго контрагента казны, въ случаѣ неудовольствія, остается или жаловаться по начальству, или предъявить судебнымъ порядкомъ искъ въ теченіи срока, установленнаго 1303 ст. уст. гражд. суд. Въ виду краткости сего срока необходимо, чтобы бывший контрагентъ казны *не могъ сомнѣваться въ томъ, что* заявляемое къ нему, какъ результатъ расчетовъ, требованіе представляется *именно окончательнымъ*, и очевидно, что такія распоряженія казеннаго управленія, которыя не соотвѣтствуютъ сему условію, не могутъ считаться окончательнымъ расчетомъ. Порядокъ выдачи окончательнаго расчета изложенъ въ постановленіи устава о судопр. и взыск. гражд. (X т. 2 ч. изд. 1876 г.), имѣющемъ силу въ мѣстностяхъ, въ коихъ введены судебные уставы 20 ноября 1864 г., какъ въ виду 1976 ст. 1 ч. X т., такъ и потому, что относится къ опредѣленію отношеній казны и бывшаго ея контрагента, до наступленія возможности обратиться къ суду. На основаніи 108 ст. сихъ законовъ (ст. 118 т. X ч. 2, изд. 1857 г.), дѣйствіе коей, какъ видно изъ приложенія къ этой статьѣ, а равно изъ 17 ст. VIII т. уст. о каз. обр. ст. (35 ст. по св. 1857 г.) и 1300 ст. уст. гражд. суд., распространяется и на контракты по содержанію оброчныхъ статей, казеннаго управленія расчетъ по приведеннымъ къ окончанію договорамъ казны съ частными лицами *объявляютъ симъ послѣднимъ и, принявъ въ то же время ихъ возраженія или предназначивъ на то срокъ не далѣе 6 недѣль по обсужденіи ихъ возраженій, дѣлаютъ окончательное заключеніе*. Такимъ образомъ, исчисленіе для частныхъ лицъ шестимѣсячнаго, по 1303 ст. уст. гражд. суд., срока для предъявленія иска къ казнѣ *обусловливается соблюденіемъ со стороны казеннаго управленія вышеозначеннаго порядка*, установленнаго именно для устраненія излишнихъ жалобъ высшему начальству и предупрежденія исковъ, такъ какъ расчетъ казеннаго управленія можетъ быть имъ исправленъ вслѣдствіе согласія съ возраженіями

контрагента, а засимъ, въ случаѣ несоблюденія казеннымъ управленіемъ въ чемъ либо вышеозначенныхъ правилъ, *замедленіе въ предьявленіи иска, вслѣдствіе ожиданія окончательнаго разсчета, не можетъ имѣть послѣдствіемъ признанія срока пропуценнымъ.* Затѣмъ, найдя, что поданное подрядчикомъ прошеніе составляло возраженіе, и что постановленіе казеннаго учрежденія, состоявшее послѣ разсмотрѣнія означеннаго возраженія, является тѣмъ окончательнымъ разсчетомъ, о которомъ упоминается въ законахъ, Сенатъ призналъ необсужденіе Палатою объясненія по этому вопросу существеннымъ нарушеніемъ 339 ст. уст. гражд. суд.

Если, такимъ образомъ, въ случаѣ предьявленія подрядчикомъ въ шестинедѣльный срокъ на окончательный разсчетъ возраженія, теченіе шестимѣсячнаго для предьявленія иска срока должно быть исчисляемо съ момента предьявленія казеннымъ учрежденіемъ окончательнаго на возраженіе заключенія, то разрѣшеніе изложеннаго выше дѣла зависитъ отъ рѣшенія вопроса о соблюденіи подрядчикомъ установленнаго для возраженія шестинедѣльнаго срока. Извѣщеніе объ изготовленіи или самое врученіе подрядчику окончательнаго разсчета или заключенія—есть послѣднее дѣйствіе казеннаго учрежденія, которымъ оно прекращаетъ исполненіе своихъ, по отношенію къ подрядчику обязанностей 12 іюня 1885 года было объявлено Гурвичу повѣсткою, что онъ можетъ получить окончательный разсчетъ, а 19 іюля Гурвичъ явился въ артиллерійскій окружный складъ и сдѣлалъ на окончательномъ разчетѣ надписи, что того же числа разсчетъ ему объявленъ и что въ шестинедѣльный срокъ онъ представитъ свое возраженіе: послѣднее и было представлено 26 августа 1885 года.

При разрѣшеніи этого послѣдняго вопроса слѣдуетъ руководиться разъясненіемъ гражданскаго кассационнаго департамента, преподаннымъ въ рѣшеніи 1891 года № 71. Здѣсь Сенатъ указалъ, что 1) согласно 1976 ст. т. X ч. 1 изд. 1857 г. (204 ст. пол. о каз. подр. т. X ч. 1 изд. 1887 г.), по окончаніи подряда подрядчику *выдается въ копіи разсчетъ*; 2) что по 108 ст. 2 ч. X т., сохраняющей свою силу и въ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебные уставы (рѣш. 1881 г. № 102), тѣ мѣста и лица, на кои возложено составленіе разсчетовъ по подрядамъ, обязаны и *объявлять разсчетъ подрядчику*; 3) что хотя по 1305 ст. уст. гражд. суд. искъ предьявляется въ томъ окружномъ судѣ, въ вѣдомствѣ котораго находится казенное управленіе, *постановившее окончательный разсчетъ, но срокъ для предьявленія иска противъ окончательнаго раз-*

счета исчисляется по ст. 1303 со дня выдачи такового; 4) что, такимъ образомъ, изъ совокупнаго смысла сихъ законовъ явствуетъ, что управленіе, составившее расчетъ, обязано и объявить оный, и подрядчикъ вправѣ къ этому же управленію предъявить искъ окружному суду, коему оно подвѣдомственно; 5) что если въ составленіи и объявленіи расчета подрядчику принимали участіе разныя казенныя управленія, для опредѣленія права подрядчика на предъявленіе иска, существеннымъ представляется не то, которое изъ нихъ составило расчетъ, а то, отъ какого именно управленія расчетъ ему предъявленъ....

Если нельзя не согласиться съ этимъ разъясненіемъ, а именно, что казенныя управленія обязаны *объявлять* подрядчикамъ свои расчеты, то отсюда прямымъ выводомъ является тотъ, что шестинедѣльный срокъ для возраженія долженъ исчисляться не съ того дня, когда подрядчикъ извѣщенъ объ окончаніи расчета, а съ того, когда ему *объявленъ* самый расчетъ, а также выдана съ него копія: по точному смыслу 439 ст. XVI т. ч. 2 предварительнаго извѣщенія подрядчика даже и не требуется. Слѣдовательно, для Гурвича теченіе указаннаго срока началось съ того времени, когда онъ явился для его просмотра, ибо хотя ему и была ранѣе доставлена повѣстка, но не былъ врученъ самый расчетъ: казенное учрежденіе именно могло во избѣжаніе проволочекъ доставить при повѣркѣ и расчетъ. Въ виду этихъ соображеній, утвержденіе кассационной жалобы казеннаго управленія, будто подъ выдачею расчета должно понимать и поставленіе подрядчика въ возможность получить расчетъ, представляется неправильнымъ; если и справедливо приводимое въ жалобѣ правило юридическаго толкованія, — *qui tacuit, cum loqui debet et potest, consentire videtur*, — то не менѣе справедливо и другое подобное же правило, — кто не исполняетъ своихъ обязанностей, тотъ не можетъ требовать и исполненія ихъ другими, разъ обязанности послѣднихъ завясятъ и обусловливаются его исполненіемъ.

Что касается, затѣмъ, втораго вопроса о томъ, можетъ ли казенное управленіе возражать на искъ подрядчика оспариваніемъ законности дѣйствій его же органовъ, то слѣдуетъ признать, что всѣ неправильности, допущенныя низшими казенными управленіями въ ущербъ казны, не могутъ быть исправлены представителями высшаго центрального казеннаго управленія въ порядкѣ судебного производства, путемъ иска, предъявленнаго къ казнѣ подрядчикомъ по ст. 1302, 1303 и 1305 уст. гражд. суд., и это потому, ко-

нечно, что такой способъ возстановленія истины обязывалъ бы судебныя учрежденія разсматривать не только споры подрядчиковъ съ казною и возраженія казны противъ притязаній подрядчиковъ, но и взаимныя пререканія казенныхъ учреждений другъ съ другомъ, никакого спора о правѣ гражданскомъ не представляющія и судамъ не подсудныя (ст. 1297 уст. гражд. суд.), и, притомъ, даже безъ выслушанія объясненій низшаго учрежденія, обвиняемаго высшимъ. Независимо, однако, отъ этого, самъ законъ указываетъ высшимъ административнымъ учрежденіямъ способъ исправленія вышеуказанныхъ неправильностей особо отъ искового порядка, установленнаго ст. 1302, 1303 и 1305. Законъ даетъ право въ такихъ случаяхъ высшимъ установленіямъ, министерствамъ, главнымъ управленіямъ и государственному контролю, обнаружившимъ невѣрности и ошибки (въ ущербъ казны), привлекать къ отвѣтственности подрядчиковъ, эти же послѣдніе, получивъ объявленіе о такомъ привлеченіи, могутъ въ срокъ, указанный ст. 1303, считая его со времени объявленія, предъявить особый искъ съ доказательствами вѣрности и правильности расчетовъ низшихъ казенныхъ управленій (ст. 1309 уст. угол. суд.). Поэтому, если высшее центральное управленіе военнаго министерства признавало, что артиллерійскій складъ не имѣлъ права пересоставлять расчетъ съ Гурвичемъ, или если то же центральное управленіе признавало, что второй окончательный расчетъ, составленный тѣмъ же складомъ, невѣренъ, то на обязанности его, согласно ст. 1309, лежало тогда же привлечь Гурвича къ отвѣтственности; не исполнивъ этого въ свое время, оно лишило себя права оспаривать дѣйствіе склада по пересоставленію расчета и правильность новаго расчета въ порядкѣ судебного разбирательства по иску Гурвича, по ст. 1302, 1303 и 1305, какъ нарушающагоде интересы казны, требуя въ судѣ повѣрки его съ документами управленія, выдавшаго окончательный расчетъ, и съ дѣлами государственнаго контроля. Разъ окончательный расчетъ составленъ и объявленъ, оспаривать его, если онъ составленъ не въ пользу подрядчика, въ исковомъ порядкѣ, по 1302 ст., можетъ только подрядчикъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, Правительствующій Сенатъ (резолюціею отъ 12 декабря минувшаго года) оставилъ кассационную жалобу военнаго министерства, по силѣ 793 ст. уст. угол. суд., безъ послѣдствій; по другой же кассационной жалобѣ, именно Гурвича (не возбудившей принципиальныхъ вопросовъ), рѣшеніе палаты отмѣнено въ части, касающейся требованій, основанныхъ на вѣдомо-

стяхъ О и У, по нарушенію 711 ст. уст. гражд. суд. Того же числа было разрѣшено совершенно однородное дѣло конкурснаго управленія по дѣламъ несостоятельнаго должника Фридланда съ Виленскимъ артиллерійскимъ управленіемъ о 124.454 р. 11 к. по перевозкѣ артиллерійскихъ тяжестей, причемъ резолюція вынесена тождественная съ резолюціей по дѣлу Гурвича.

Г.

В. *Какимъ порядкомъ должна совершаться продажа дома, построеннаго на чужой землѣ?*

Самымъ важнымъ въ современномъ законодательствѣ дѣленіемъ вещей является дѣленіе на вещи движимыя и недвижимыя. Права на недвижимость имѣютъ въ современномъ быту настолько серьезное экономическое и политическое значеніе, что приобрѣтеніе ихъ обусловливается соблюденіемъ особаго сложнаго порядка формальностей: въ западной Европѣ этому служитъ институтъ ипотеки, у насъ, пока, все еще—крѣпость, или крѣпостной порядокъ.

Для этого, однако, существенно важнаго подраздѣленія вещей въ нашихъ гражданскихъ законахъ не указано, какъ извѣстно, точно опредѣленнаго основанія. Недвижимыми имуществами признаются по закону,—говоритъ 384 статья 1 ч. X т., „земли и всякія угодья, дома, заводы, фабрики, лавки, всякія строенія и пустыя дворовыя мѣста, а также желѣзныя дороги“. Такой способъ опредѣленія,—путемъ примѣрнаго перечисленія, не представляется, конечно, удовлетворительнымъ. Впрочемъ, самое существо приведеннаго подраздѣленія настолько просто, что, казалось бы, въ вопросахъ этого рода не можетъ быть затрудненій. Какъ разъяснено уже и Сенатомъ (рѣш. гражд. касс. деп. 1874 г. № 515, 1881 г. № 113 и др.),—притомъ совершенно согласно съ теоріей гражданского права,—различіе между недвижимыми и движимыми имуществами вытекаетъ изъ самаго ихъ свойства, обусловливающаго возможность или невозможность перемѣщенія безъ утраты своей цѣлости и вида. Тѣмъ не менѣе, несмотря на видимую простоту такого различенія, въ судебной практикѣ постоянно возникаетъ одинъ и тотъ же въ высшей степени сложный вопросъ о томъ, движимымъ или недвижимымъ имуществомъ является *домъ, построенный на чужой землѣ*. Сенату приходилось очень много разъ высказываться по этому вопросу и тѣмъ не менѣе онъ все еще представляется, по видимому, разрѣшеннымъ не достаточно полно и ясно, чему от-

дѣльнымъ подтвержденіемъ и можетъ служить заслушанное 9 января сего года дѣло Спасенникова съ Глухихъ.

Обстоятельства дѣла заключались въ томъ, что 28 декабря 1897 г. Спасенниковъ и Глухихъ заключили домашній договоръ, въ коемъ изложено, что Спасенниковъ продалъ ему, Глухихъ, флигель, находящійся на казенномъ мѣстѣ, и передалъ часть усадьбы для огорода за триста рублей, которые Спасенниковъ, при составленіи этого условія, получилъ сполна; мѣсто отведено Спасенникову согласно условія плана; при этомъ Спасенниковъ удостовѣряетъ, что это имущество до сего времени никому не продано и никому не заложено, вступать ся ни онъ и никто не долженъ въ это имѣніе, а владѣть ему, Глухихъ, на правѣ собственности, если же вздумаетъ передать Глухихъ какому либо другому лицу флигель, въ томъ Спасенниковъ противорѣчить не долженъ; условіе это должны хранить свято и ненарушимо Спасенниковъ и Глухихъ, если же съ которой стороны будетъ неустойка, то долженъ тотъ отдать другому неустойки сто рублей.

Въ исковомъ прошеніи, поданномъ уѣздному члену Пермскаго окружнаго суда, повѣренный Глухихъ, Трапезниковъ, объяснилъ, что недвижимое имѣніе это не можетъ быть собственностью Глухихъ, такъ какъ усадебная земля принадлежитъ управленію Пермскими пушечными заводами и находится только въ арендномъ пользованіи Спасенникова, не составляя его собственности. Изъ этого слѣдуетъ, что Спасенниковъ продалъ Глухихъ непринадлежащую ему усадьбу, а Глухихъ отдалъ Спасенникову 300 рублей, не получивъ за то никакой равноцѣнности, вслѣдствіе чего Спасенниковъ, вопреки 574 ст. X т. ч. 1, обогатился на счетъ Глухихъ безъ достаточнаго къ тому основанія. Вслѣдствіе этого, а также и того, что договоръ Спасенникова и Глухихъ о продажѣ недвижимаго имущества заключенъ съ нарушеніемъ 1417, 1420 и 1426 ст. т. X, ч. 1, повѣренный Глухихъ просилъ постановить опредѣленіе о признаніи этого договора недѣйствительнымъ и объ обязанности Спасенникова уплатить Глухихъ неосновательно полученные съ него 300 рублей и установленную въ договорѣ неустойку 100 руб. съ судебными издержками и вознагражденіе за веденіе дѣла. Отвѣтчикъ возразилъ, что онъ продалъ Глухихъ свой флигель безъ земли и ни въ чемъ не стѣсняетъ Глухихъ, который можетъ пользоваться флигелемъ и землею согласно условію. Разсмотрѣвъ дѣло, уѣздный членъ нашелъ искъ доказаннымъ, такъ какъ изъ договора видно, что флигель проданъ не на сносъ, почему флигель слѣдуетъ раз-

смаивать, какъ недвижимое имущество, а такъ какъ, по силѣ 1417 ст. т. X ч. 1 зак. гражд., продажа всѣхъ недвижимыхъ имуществъ совершается крѣпостнымъ порядкомъ, продажа же Степану Глухихъ флигеля Спасенниковымъ совершена по домашнему акту, то, согласно рѣш. Правит. Сената 1871 г. № 751, такая продажа должна быть признана недѣйствительною, и стороны должны быть поставлены въ прежнее положеніе, т. е. флигель подлежитъ возвращенію продавцу Спасенникову, который со своей стороны обязанъ возвратить Глухихъ полученные за флигель триста рублей (рѣш. Правит. Сен. 1874 г. № 859), причеиъ съ отвѣтчика слѣдуетъ взыскать судебныхъ издержекъ 4 руб. 70 к. и за веденіе дѣла 20 рублей. Посему и на основаніи 81, 105 и 129 ст. уст. гр. суд. и 574 и 1417 ст. т. X ч. 1 св. зак. гр. опредѣлили: признавая заключенный между Иваномъ Михайловымъ Спасенниковымъ и Степаномъ Александровымъ Глухихъ договоръ о продажѣ первымъ послѣднему флигеля на казенной землѣ недѣйствительнымъ, взыскать съ Ивана Спасенникова въ пользу Степана Глухихъ триста рублей, судебныхъ издержекъ четыре руб. семьдесятъ коп. и за веденіе дѣла двадцать рублей.

Разсмотрѣвъ дѣло по апелляціонной жалобѣ Спасенникова на рѣшеніе уѣзднаго члена Пермскаго окружнаго суда, окружный судъ нашель, что апелляторъ Спасенниковъ не отвергаетъ того, что имъ по домашнему договору было продано истцу Глухихъ недвижимое имѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ стремится доказать, что подобный договоръ, какъ прямо не воспрещенный закономъ, не можетъ быть признанъ недѣйствительнымъ; что, между тѣмъ, какъ за силой 1417 ст. X т. 1 ч. св. зак., опредѣляющей, что продажа недвижимости совершается посредствомъ купчихъ крѣпостей, такъ и въ виду рѣшенія Сената за 1871 годъ № 751, согласно коего продажа недвижимаго имѣнія по домашнему акту недѣйствительна, а самое имѣніе подлежитъ возвращенію продавцу, необходимо придти къ тому заключенію, что по дѣйствующимъ нынѣ гражданскимъ законамъ нельзя продавать недвижимости по домашнему акту, и что всѣ такіе договоры недѣйствительны; что хотя упомянутое рѣшеніе Сената состоялось по дѣлу колонистовъ Тифлисскаго нѣмецкой колоніи, но тѣмъ не менѣе изъ содержанія этого рѣшенія видно, что Сенатъ призналъ недѣйствительными по дѣйствующему гражданскому законодательству всѣ вообще домашніе акты о продажѣ недвижимости, а потому это рѣшеніе Сената, вопреки мнѣнію апеллятора, можетъ быть примѣнено къ настоящему дѣлу; что вслѣд-

ствіе сказаннаго возраженіе апеллятора Спасенникова о неправильномъ признаніи уѣзднымъ членомъ суда заключеннаго имъ съ Глухихъ договора недѣйствительнымъ, не можетъ заслуживать уваженія; что равнымъ образомъ не можетъ заслуживать уваженія и указаніе апеллятора на неправильное примѣненіе уѣзднымъ членомъ суда требованія 574 ст. X т. 1 ч. св. зак., такъ какъ въ виду признанія недѣйствительнымъ сказаннаго договора купли-продажи и возвращенія флигеля апеллятору Спасенникову, послѣдній обязанъ возвратить покупателю полученные за флигель 300 рублей, ибо иначе, получивъ обратно флигель и не возвративъ 300 рублей, Спасенниковъ несомнѣнно обогатился бы на счетъ Глухихъ.

Въ виду изложеннаго, вполне раздѣляя соображенія, приведенныя въ рѣшеніи уѣзднаго члена суда, а также признавая незаслуживающимъ уваженія заявленіе апеллятора о неподсудности настоящаго дѣла уѣздному члену суда, такъ какъ подсудность дѣла опредѣляется первоначально заявленной истцомъ цѣной иска, въ данномъ случаѣ 400 рублей, окружный судъ пришелъ къ заключенію, что обжалованное Спасенниковымъ рѣшеніе уѣзднаго члена, какъ правильное, подлежитъ утвержденію.

На это рѣшеніе Спасенниковъ принесъ кассационную жалобу, въ которой, между прочимъ, изложилъ:

„Ни я, ни мой повѣренный нигдѣ не говорили и не утверждали, что я продалъ *недвижимое имѣніе*, а вездѣ объясняли, что я продалъ Глухихъ флигель, построенный на арендованной мною казенной землѣ. А называется ли такой флигель недвижимостію или движимостію,—объ этомъ въ нашихъ объясненіяхъ не было и рѣчи. Стало быть, слова рѣшенія суда о томъ, что я не отвергаю того, что имъ по домашнему договору было продано истцу Глухихъ „недвижимое имѣніе“—составляютъ произвольный выводъ суда, не вытекающій изъ нашихъ объясненій, и противорѣчитъ точному смыслу договора, заключеннаго мною съ Глухихъ 20 декабря 1897 г. На основаніи 1536 и 1538 ст. 1 ч. X т. договоры должны быть исполняемы по точному оныхъ разуму, а при исполненіи—должны быть изъясняемы по словесному ихъ смыслу. А словесный смыслъ нашего договора не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что я продалъ, а Глухихъ купилъ у меня за добровольно-условленную цѣну флигель, воздвигнутый мною на казенной землѣ, арендованной мною отъ управленія пушечными заводами на 12 лѣтъ, и проданъ этотъ флигель Глухихъ, какъ сказано въ договорѣ „согласно условія планового“, въ силу котораго земля, какъ подъ моимъ до-

момъ, такъ и подь проданнымъ Глухихъ флигелемъ, можетъ быть отобрана управленіемъ и раньше 12-лѣтняго срока. Покупая у меня флигель и зная, что онъ выстроенъ на казенной арендованной землѣ, Глухихъ хорошо сознавалъ, что флигель этотъ только временно стоитъ на казенной землѣ, и, стало быть, онъ сознавалъ и то, что при требованіи управленіемъ земли онъ обязанъ будетъ, такъ же какъ и я, снести флигель и перенести его на другое мѣсто, или же продать его. Очевидно, поэтому, что словесный смыслъ нашего договора ясно указываетъ на то, что Глухихъ купилъ у меня флигель на сносъ, но съ временнымъ оставленіемъ его на той же арендной землѣ, на которой онъ выстроенъ, т. е. флигель купленъ не какъ недвижимое имѣніе, а какъ движимое. Стало быть, выводъ окружнаго суда о томъ, что я продалъ истцу Глухихъ недвижимое имѣніе, нарушая прямой смыслъ нашего договора, 1536 и 1538 ст. 1 ч. X т.,—подлежитъ отмѣнѣ.

Вообще окружный судъ не обсудилъ, какъ того требуетъ законъ, всѣхъ доводовъ моей апелляціонной жалобы, а остановился только на одномъ доводѣ истца, изложенномъ имъ въ исковомъ прошеніи о томъ, что я продалъ истцу флигель съ частью усадьбы, тогда какъ я продалъ флигель *безъ земли*, но съ правомъ жить въ этомъ домѣ и жить, конечно, до конца аренднаго срока,—такъ какъ я не могъ передать и не передавалъ истцу болѣе правъ, чѣмъ я имѣлъ. Все рѣшеніе окружнаго суда основано на одномъ только томъ, что флигель, хотя и на чужой землѣ построенный, составляетъ недвижимое имѣніе, и что я, по 1417 ст. 1 ч. X т., долженъ былъ совершить купчую крѣпость, а не домашній договоръ, который поэтому и признанъ судомъ недействительнымъ. Между тѣмъ; какъ видно изъ многихъ рѣшеній Правительствующаго Сената, домъ, построенный на арендованной землѣ, только тогда признается недвижимымъ имѣніемъ, когда договоромъ объ арендѣ постановлено, что *по окончаніи аренднаго срока возведенныя на арендованной землѣ постройки поступаютъ въ собственность собственника земли* (1869 г. № 583, 1881 г. № 113 и др.). Изъ такого разъясненія Сената явствуетъ, что если аренднымъ договоромъ не обусловлено, чтобы по окончаніи аренды постройки поступили въ собственность владѣльца земли, то постройки, возведенныя на арендованной землѣ,—нельзя признавать недвижимымъ имѣніемъ, и чтобы ихъ можно было продавать непременно по купчей крѣпости“.

Кассаціонная жалоба возбудила, такимъ образомъ, вопросъ, какимъ порядкомъ должны быть совершаемы продажные акты, коими

строенія, находящіяся на чужой землѣ, приобрѣтаются въ собственность не на сносъ, а для пользованія ими, какъ жилыми постройками?

Хотя дома вообще законъ (ст. 384) признаетъ недвижимымъ имуществомъ, но и домъ теряетъ значеніе недвижимаго,—говоритъ Побѣдоносцевъ въ своемъ курсѣ гражданскаго права,—когда отдѣляется отъ нераздѣльной связи съ землею; однако, это отдѣленіе, въ домѣ, построенномъ на чужой землѣ, не есть необходимое, юридическое: оно получаетъ юридическое значеніе только съ той минуты, когда совершается фактически, самымъ дѣломъ, необходимою, или волею и назначеніемъ владѣльца. Итакъ, если домъ продается или передается отъ одного владѣльца другому во всей своей хозяйственной цѣлости, какъ было у передающаго, то онъ представляется недвижимымъ имуществомъ; если же онъ продается или передается на сносъ, то является движимостью, совокупностью, хотя и цѣльною, строительнаго матеріала.

Обращаясь къ законамъ и кассационной практикѣ, находимъ, что 319 ст. 2 ч. XII т., уст. сельск. благ., признаетъ дома, построенные на казенной общественной землѣ, имуществомъ недвижимымъ. Кассационное же рѣшеніе 1871 г. № 558 указываетъ, что если въ 384 ст. 1 ч. X т. къ недвижимымъ имуществамъ причислены дома, то 401 ст., перечисляя виды движимости, не упоминаетъ о домахъ, построенныхъ на чужой землѣ, а, слѣдовательно, и такіе дома составляютъ недвижимость. Точно также и рѣшеніе 1873 г. № 737 разъяснило, что по 384 ст. 1 ч. X т. дома отнесены къ недвижимымъ имуществамъ безъ оговорки, что это относится только къ строеніямъ, возведеннымъ на своей землѣ; то же положеніе высказано и въ рѣшеніяхъ 1869 г. № 537, 1870 г. № 609, 1871 г. № 272 и др. А затѣмъ и рѣшеніе 1874 г. № 515 признаетъ, что домъ, *хотя и построенный на чужой землѣ и проданный на сносъ*, не можетъ считаться движимостью: во 1) потому, что нигдѣ въ законахъ не установлено, что къ недвижимымъ имуществамъ причисляются дома и строенія, возведенные на своей землѣ, выстроенные же на чужой землѣ считаются движимымъ имуществомъ, и 2) потому, что различіе между движимыми и недвижимыми имуществами вытекаетъ изъ самого свойства ихъ, условливающаго возможность или невозможность перемѣщенія безъ утраты своей цѣлости и вида; а потому *домъ, заключающій рѣшеніе,—построенный на чужой землѣ и проданный на сносъ, продолжаетъ быть недвижимостью, доколѣ считается во владѣннн преняго собственника,*

крѣпкимъ землѣ и въ томъ видѣ, который соответствуетъ понятію цѣлаго дома, а не приведенъ въ состояніе груды матеріаловъ.

Съ другой стороны, въ рѣшеніи 1876 г. № 127, а также 1874 г. № 159, было разъяснено, что дома и другія постройки, хотя возведенныя и на чужой землѣ, составляютъ недвижимое имѣніе, за исключеніемъ лишь строеній, возведенныхъ на чужой землѣ съ назначеніемъ оныхъ на сносъ.

Оба послѣднія положенія кассационной практики согласовываются обстоятельнымъ рѣшеніемъ 1881 г. № 113, которое, къ тому же, и даетъ болѣе полный отвѣтъ на возбуждаемый дѣломъ вопросъ. По закону (384 ст. 1 ч. X т.), какъ неоднократно разъяснялъ Правительствующій Сенатъ (рѣш. 1872 г. № 1258, 1876 г. № 127, 1878 г. № 179, 1879 г. №№ 219, 227 и мн. др.), говоритъ рѣшеніе 1881 г. № 113,—всякія постройки, хотя бы возведенныя на чужой землѣ, составляютъ имущество недвижимое, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда строенія приобретены на сломъ и сносъ, безъ присвоенія правъ на то, чтобы они оставались въ видѣ строенія на той землѣ, на которой находятся; по ст. 386 ст. 1 ч. X т. (рѣш. 1873 г. № 18, 1870 г. № 26, 1880 г. № 192 и др.) строенія составляютъ принадлежность земли, на которой построены, и обязанность доказать противное лежитъ не на владѣльцѣ земли, а на томъ, кто присваиваетъ себѣ особое право на строеніе; посему (рѣш. 1874 г. № 515 и др.) строеніе хотя бы и предназначалось къ сносу, но еще крѣпкое землѣ и стоящее въ томъ видѣ, который соответствуетъ понятію цѣлаго строенія, не приведеннаго въ состояніе груды матеріаловъ, составляетъ имущество недвижимое и вообще (рѣш. 1878 г. № 216 и др.) продажа и закладъ неотдѣленныхъ принадлежностей недвижимаго имущества, безъ предварительнаго отдѣленія ихъ отъ онаго, не въ состояніи установить на эти принадлежности вещнаго права, т. е. такого, въ силу котораго пріобрѣтатель могъ бы законнымъ путемъ получить оныя въ свое обладаніе, гдѣ и у кого бы онѣ не находились; согласно изложенному, Правительствующій Сенатъ (рѣш. 1870 г. № 692, 1875 г. № 1019, 1877 г. № 149 и др.) допускаетъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ лишь такіе иски о строеніи, какъ о движимости, которые предъявлялись о сносѣ строенія, какъ *пріобрѣтеннаго на сносъ* въ силу бывшаго до предъявленія иска договора, не соединеннаго притомъ съ правомъ оставленія строенія въ видѣ такового на землѣ или съ правомъ пользованія землей (рѣш. 1878 г. № 241 и др.).

Если, такимъ образомъ, можно признать кассационною практикою

установленнымъ то положеніе (рѣш. 1886 г. № 79, 1881 г. № 113, 1879 г. №№ 226, 219, 1879 г. № 149, 1876 г. № 127 и др.), что къ имуществамъ движимымъ относятся только такія строенія, которыя предназначены или приобрѣтены на сломъ и сносъ, *безъ права на обладаніе нераздѣльно съ землею*, то, вернувшись къ обстоятельству изложеннаго выше дѣла, приходится признать, что проданный флигель не былъ проданъ какъ имущество движимое, такъ какъ продажею его было предоставлено покупщику право именно пользованія имъ для жилья нераздѣльно съ землею, не только, притомъ, находящеюся подъ симъ флигелемъ, но и примыкающею къ ней землею огородною. Тѣмъ не менѣе, — и *здесь именно заключается трудность и сложность возбужденнаго дѣломъ вопроса*, — слишкомъ поспѣшнымъ было бы отсюда заключеніе, — какъ это, однако, имѣло мѣсто въ обжалованномъ рѣшеніи окружнаго суда, — что разъ флигель былъ имуществомъ недвижимымъ, актъ объ его уступкѣ долженъ былъ быть совершенъ крѣпостнымъ порядкомъ. Квалификація договора объ уступкѣ названнаго флигеля представляется болѣе сложною. Какъ справедливо отвѣтчикомъ (продавцомъ) было, наконецъ, указано въ кассационной жалобѣ, — онъ продалъ флигель собственно „на сносъ, но съ временнымъ оставленіемъ его на той же арендной землѣ, на которой онъ выстроенъ“, — хотя отсюда и не вѣренъ выводъ его же о томъ, что, поэтому, флигель купленъ не какъ недвижимое имѣніе, а какъ движимое. Чтобы правильно квалифицировать эту сдѣлку, надо признать, что ею было уступлено *два права*: во-первыхъ *право временнаго пользованія* (не права собственности) *недвижимостью*, флигелемъ, а равно и арендованной землею, и во-вторыхъ *право собственности на строительный матеріалъ этого флигеля, т. е. право на сносъ флигеля по окончаніи аренды земли*. Такое наше заключеніе подтверждается кассационнымъ рѣшеніемъ 1869 г. № 583 и рѣшеніемъ общаго собранія перваго и кассационныхъ департаментовъ 1881 г. № 47. Заключенная Спасенниковымъ съ Глухихъ сдѣлка *не могла быть сдѣлкою о продажѣ флигеля для жилья* потому, что, по справедливому разъясненію Сената 1869 г. № 583, право собственности, по нашимъ гражданскимъ законамъ не можетъ быть приобрѣтено на срокъ, и временнаго права собственности нашъ X т. (который хотя о немъ и упоминаетъ въ одномъ мѣстѣ, именно въ 1706 ст., но не точно), не знаетъ: слѣдовательно, и нельзя было *продать* флигель для жилья, т. е. продать въ собственность, разъ онъ былъ построенъ на землѣ временно арендуемой, а можно было лишь предоставить то, что и принадлежало

самому продавцу, — *временное пользованіе* этимъ флигелемъ, который, связанный съ землею крѣпкимъ фундаментомъ и пригодный для жилья, очевидно оставался еще имуществомъ недвижимымъ. Итакъ, Спасенниковъ могъ передать только право временнаго пользованія флигелемъ для жилья, а не право на него собственности.

Если теперь обратимся къ другому изъ вышеуказанныхъ рѣшеній, именно общаго собранія 1881 г. № 47, то подойдемъ къ окончательному отвѣту на поставленный выше вопросъ.

По рапорту Государственнаго Контролера Сенату предстояло разрѣшить въ этомъ рѣшеніи вопросъ о томъ, въ какомъ порядкѣ должно быть передаваемо право на заводы, фабрики и вообще на строенія, возведенныя на арендуемой землѣ, т. е. посредствомъ ли крѣпостныхъ актовъ, со взысканіемъ крѣпостныхъ и канцелярскихъ пошлинъ, или же посредствомъ домашнихъ или нотаріальныхъ актовъ (ст. 66 полож.). Поводомъ къ возбужденію этого вопроса со стороны Государственнаго Контролера послужили два акта, совершенные нотаріусомъ Нижегородской губерніи, именно два акта покупки фабричныхъ строеній и лѣсопильнаго завода, построеннаго въ обоихъ случаяхъ на земляхъ, не принадлежащихъ продавцамъ. Сообразивъ вопросъ съ законами, Сенатъ нашель, что совокупный ихъ смыслъ (ст. 363, 364, 442 уст. о пошл. т. V св. зак., ст. 66 нотар. пол.) показываетъ, что обращенію въ крѣпостные акты со взысканіемъ крѣпостныхъ и канцелярскихъ пошлинъ, подлежатъ по закону только акты, посредствомъ которыхъ отчуждается *право собственности на недвижимое имущество, т. е. когда крѣпостное владѣніе переходитъ отъ одного лица къ другому*. Посему подлежащій разрѣшенію вопросъ зависитъ не отъ обсужденія того, къ движимымъ или недвижимымъ имуществамъ принадлежатъ заводы, фабрики и вообще строенія, выстроенныя на арендованной землѣ, а отъ опредѣленія, совершается ли съ переходомъ такого рода имущества отъ одного лица къ другому *отчужденіе крѣпостного владѣнія*. Изъ разсмотрѣнія сказаннаго вопроса съ этой стороны оказывается, что при арендѣ или наймѣ вообще недвижимыхъ имуществъ, а въ томъ числѣ и земель, никакого перехода этихъ имуществъ въ собственность отъ лица къ лицу не совершается. Они передаются за известное денежное вознагражденіе на опредѣленный срокъ собственникомъ наемщику лишь въ пользованіе и съ истеченіемъ срока возвращаются владѣльцу. Въ виду сего договоры найма недвижимыхъ имуществъ, по ст. 1534, 1691—1707 ч. 1 т. X и ст. 66 нотар. полож., могутъ быть совершаемы домашнимъ или нотаріальнымъ порядкомъ. Слѣ-

довательно, и передача приобрѣтеннаго по такому договору права пользования недвижимымъ имуществомъ, если она не воспрещена договоромъ, заключеннымъ съ владѣльцемъ имущества, можетъ быть произведена въ томъ же порядкѣ. Взятіе земли у собственника на извѣстное число лѣтъ подъ устройство завода, фабрики или вообще для возведенія какого-либо строенія будетъ ли то подъ условіемъ передачи возведенныхъ строеній съ окончаніемъ срока владѣльцу земли или же подъ условіемъ сноса этихъ строеній, *составляетъ тотъ же договоръ найма, только видоизмѣненный относительно образа пользования землею*. Поэтому договоръ о взятіи земли подъ застройку по закону равнымъ образомъ совершается домашнимъ или нотаріальнымъ порядкомъ. *При передачѣ наемщикомъ такой арендованной и имъ застроенной земли другому лицу никакого перехода права собственности на недвижимое имущество не совершается, а только въ установленномъ между владѣльцемъ земли и наемщикомъ образѣ пользования землею сей послѣдній замѣняется новымъ лицомъ*. Изъ сего слѣдуетъ, заключаетъ рѣшеніе, — что такая передача права пользования землею, какъ *не составляющая перемѣны крѣпостного владѣнія*, равнымъ образомъ *не требуетъ по закону ни совершенія крѣпостного акта, ни платежа крѣпостныхъ и канцелярскихъ пошлинъ*. Въ этомъ рѣшеніи не совсѣмъ точно только соображеніе о томъ, что разрѣшеніе вопроса „зависитъ не отъ обсуждения того, къ движимымъ или недвижимымъ имуществомъ принадлежатъ строенія, возведенныя на арендованной землѣ“, — ибо, само собой разумѣется, что если бы можно было признать эти строенія движимостью, тогда и самаго вопроса объ уплатѣ крѣпостныхъ пошлинъ при уступки такой *движимости* не возбуждалось бы.

Вотъ почему и при разсмотрѣннн вышесказаннаго дѣла необходимо было прежде всего остановиться именно на обсужденіи сего вопроса. Приведеннымъ соображеніемъ имѣлось въ виду, повидимому, выразить лишь ту мысль, что не всякая уступка правъ на недвижимое имѣніе сопряжена съ соблюденіемъ крѣпостнаго порядка, а только уступка права собственности на недвижимость или вообще перемѣна крѣпостнаго владѣнія, какъ и было замѣчено въ томъ же рѣшеніи ранѣе.

По изложеннымъ соображеніямъ слѣдуетъ признать, что право пользования построенными на арендованной землѣ строеніями, какъ жилыми постройками, можетъ быть передано по договору, совершенному и не крѣпостнымъ, а домашнимъ или нотаріальнымъ порядкомъ. Съ другой же стороны, однако, и уступленные Спасенни-

ковымъ Глухихъ право собственности на строительный матеріалъ флигеля, или право на сносъ флигеля также могло быть передано не крѣпостнымъ порядкомъ: такъ, рѣшеніемъ 1873 г. № 444 было разъяснено, что приобрѣтеніе строенія на сносъ, безъ земли или безъ присвоенія права на обладаніе имъ нераздѣльно съ землею, можетъ совершаться и безъ письменнаго акта, порядкомъ, установленнымъ ст. 710 т. X ч. 1 (соотв. ст. 711 изд. 1887 г.) для имуществъ движимыхъ.

Въ виду всего вышеизложеннаго нельзя не согласиться съ резолюціею Правительствующаго Сената, кою рѣшеніе Пермскаго окружнаго суда по нарушенію 1417 ст. X т. 1 ч. (по силѣ коей „продажа всѣхъ недвижимыхъ имуществъ совершается посредствомъ купчихъ крѣпостей“) отмѣнено.

Г. Можно ли дарить или жертвовать искъ?

Дѣло Воронежскаго губернскаго попечительства о дѣтскихъ пріютахъ, заслушанное Правительствующимъ Сенатомъ 9 января сего года, выдвинуло весьма любопытный, какъ съ точки зрѣнія теоріи, такъ и практики, вопросъ по истолкованію сдѣлки даренія.

Если нынѣ нѣкоторыя благотворительныя учрежденія принимаютъ въ даръ всякаго рода даже самые малоцѣнные предметы, хотя бы подлежащіе въ житейскомъ обиходѣ уничтоженію, какъ, на примѣръ, старую бумагу, коробки и т. п., то названное дѣло представило намъ другого рода оригинальный даръ, а именно *искъ*,—притомъ, однако же, въ 80.000 рублей. Такой даръ преподнесла дѣтскому пріюту нѣкая купчиха Попова: „на Тебѣ, дескать, Боже, что мнѣ негоже“. И вотъ судебной практикѣ представилась задача разрѣшить этотъ довольно сложный вопросъ: можно ли, въ самомъ дѣлѣ, дарить или жертвовать искъ? Вопросъ этотъ представляется любопытнымъ еще и потому, что, насколько намъ извѣстно, не имѣетъ въ кассационной практикѣ похожихъ прецедентовъ. Обстоятельства дѣла весьма несложны.

Воронежская купчиха Елена Ѳедоровна Попова, предъявивъ къ опеку надъ имуществомъ умершаго Надворнаго Совѣтника Дмитрія Павловича Куликовскаго искъ о присужденіи ей 80000 р. съ причитающимся процентами по запродажной записи, совершенною затѣмъ, 21 Октября 1893 года, нотаріальнымъ порядкомъ дарственною записью, передала права на этотъ искъ вмѣстѣ съ до-

кументомъ, на коемъ онъ основанъ, въ собственность Воронежскому Александринскому дѣтскому пріюту на изложенныхъ въ дарственной записи условіяхъ (въ случаѣ выигрыша дѣла, пріютъ обязанъ уплатить повѣреннымъ 15000 р. вознагражденія за веденіе дѣла, а Поповой возратить 4000 р., внесенные ею въ обезпеченіе расходовъ въ случаѣ проигрыша дѣла, и выдавать ей по 500 р. въ годъ пожизненно). Въ силу этой записи, Воронежское Губернское Попечительство дѣтскихъ пріютовъ, принявши даръ съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, вступило въ права истицы Поповой по веденію дѣла. Отвѣтчикъ—опекунъ надъ имуществомъ умершаго Куликовскаго, доказывавшій фиктивность запродажной записи Куликовскаго на имя Поповой, съ вступленіемъ названнаго попечительства въ дѣло, въ качествѣ истца, объяснилъ, что попечительство это не можетъ быть признано имѣющимъ право на искъ, такъ какъ Попова принесла пріюту въ даръ, вопреки 980 ст. X т. 1 ч. св. зак. гражд., не на личное имущество, а искъ о спорномъ имуществѣ, полученіе котораго зависитъ отъ выигрыша дѣла (почему самый даръ не можетъ быть признанъ дѣйствительнымъ). Какъ окружный судъ, такъ и судебная палата, разсматривавшая дѣло по апелляціонной жалобѣ отвѣтчика, признали искъ подлежащимъ удовлетворенію. При этомъ, палата въ отношеніи оспариваемаго отвѣтчикомъ права попечительства на искъ привела въ своемъ рѣшеніи слѣдующія соображенія: 1) Попова передала въ собственность Воронежскаго Александринскаго дѣтскаго пріюта: а) запродажную запись, по которой Куликовскій запродавъ ей, Поповой, свое недвижимое имѣніе, получивъ за оное отъ Поповой 80000 р., и б) право на предъявленный ею, Поповой, по означенной запродажной записи искъ къ опеку надъ имуществомъ Куликовскаго; 2) означенный даръ, на основаніи 979 ст. X т. 1 ч. св. зак., слѣдуетъ признать пожертвованіемъ; 3) на основаніи 980 и 981 ст. X т. 1 ч. св. зак., пожертвованія, завися отъ личнаго произвола каждаго, не подлежатъ никакимъ особеннымъ правиламъ, и дозволяется дѣлать пожертвованіе не только движимыми имуществами и капиталами, но и заселенными землями въ пользу богоугодныхъ, училищныхъ и другихъ заведеній, съ тѣмъ чтобы таковыя пожертвованія не были противны правиламъ, для тѣхъ заведеній постановленнымъ; 4) на основаніи 402 ст. X т. 1 ч. св. зак., запродажная запись составляетъ имущество движимое, слѣ-

довательно, можетъ служить предметомъ пожертвованія; 5) по положенію о дѣтскихъ пріютахъ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, попечительство пріюговъ вправѣ принимать пожертвованія движимыми имуществами, и нѣтъ запрещенія къ принятію въ даръ имуществъ, находящихся въ спорѣ; 6) на принятіе пожертвованія отъ Поповой запродажной записи и иска по оной—имѣется разрѣшеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи; 7) съ переходомъ къ дѣтскому пріюту права собственности на запродажную записъ къ нему же переходитъ, какъ послѣдствіе этого права, и право на искъ по той запродажной записи, независимо отъ того, что и по дарственной записи это право передано пріюту.

Въ кассационной жалобѣ повѣреннаго отвѣтчика по предмету признаннаго Палатою права попечительства на искъ изложены слѣдующіе доводы:

Ст. 980 X т. 1 ч. подъ движимыми имуществами, которыя дозволяется жертвовать, разумѣетъ только вещи, а не иски.

Статья эта редактирована на основаніи законовъ, приведенныхъ подъ нею, а эти законы перечисляютъ тѣ движимыя имущества, которыя разрѣшено жертвовать, и называютъ ихъ или деньгами и вещами, или перечисляютъ и самыя вещи. Одинъ же позднѣйшій законъ 30 Августа 1855 года (29625) не перечисляетъ вещей, но говоритъ: „Правительство принимаетъ всѣ дѣлаемыя приношенія, за исключеніемъ только находящихся въ спорѣ имуществъ“. Этотъ послѣдній законъ, прямо указывающій, что именно воспрещается жертвовать, указываетъ ясно на цѣль перечисленія въ другихъ законахъ того, что дозволено жертвовать. Слѣдовательно, всѣ эти законы и по духу ихъ, и буквально дозволяютъ пожертвованія только вещами и воспрещаютъ пожертвованія спорными имуществами, а такъ какъ ст. 980 X т. 1 ч. основана на этихъ законахъ, то несомнѣнно, что она движимыми имуществами называетъ то, что сказано въ этихъ законахъ, т. е. вещи, и что въ слѣдующей за нею 981 ст., продолжающей рѣчь о тѣхъ же предметахъ пожертвованія, названо прямо „вещами“.

Вещи, какъ и капиталы, по закону (416 ст. X т. 1 ч.) относятся къ наличному имуществу; обязательства же и иски (ст. 419 X т. 1 ч.) относятся къ долговому имуществу,—слѣдовательно, ни запродажной записи, ни иска нельзя относить ни къ вещамъ, ни къ капиталамъ, безъ нарушенія означенныхъ законовъ. Палата же, признавая настоящее

пожертвованіе согласнымъ съ 981 ст. X т. 1 ч., которую она выпи-сала дословно,—очевидно отнесла это пожертвованіе или къ вещамъ, или капиталамъ, чѣмъ и нарушила вмѣстѣ съ 981 ст. и ст. 416 и 419 X т. 1 ч.

Обращаясь къ цѣли законовъ, разрѣшающихъ пожертвованія наличнымъ и безспорнымъ имуществомъ (капиталами и вещами) и воспреещающихъ пожертвованія спорными имуществами, нельзя не видѣть въ этихъ законахъ, между прочимъ, опасенія за то что пожертвованіе спорныхъ имуществъ, впредь до окончательнаго разрѣшенія спора, можетъ поставить достойныя сочувствія учрежденія въ несимпатичное и недостойное положеніе несправедливаго истца, посягающаго съ благотворительною цѣлью на интересы другихъ лицъ; что учрежденіе, по закону, только принимающее приношенія, станетъ въ роль нападающаго изъ за приношенія; что до разрѣшенія дѣла судомъ оно пріобрѣтетъ только право на ходатайство, а не на наличную опредѣленную цѣнность, а по разрѣшеніи дѣла судомъ у него можетъ не оказаться никакой цѣнности, если въ искѣ будетъ отказано, а такое пожертвованіе можетъ принести только матеріальный и нравственный ущербъ. Законъ не разрѣшаетъ принятія спорныхъ имуществъ потому, что законъ, ввѣривъ суду разрѣшеніе судебныхъ споровъ,—считаетъ администрацію некомпетентною въ опредѣленіи правоты и благонадежности исковъ и допускаетъ возможность ошибки ея въ этомъ отношеніи.

При такой возможности и при высокомъ положеніи благотвори-тельности, даже въ случаѣ выигрыша иска благотвори-тельнымъ учрежденіемъ, можетъ быть поколеблено сочувствіе къ нему, уваженіе къ его представителямъ и вѣра въ правосудіе.

А такія нравственныя потери страны не могутъ быть воз-мѣщены матеріальными пріобрѣтеніями ея благотворительныхъ учреждений.

Законъ, воспреещающій принимать спорныя пожертвованія, не-сомнѣнно имѣлъ въ виду, что чѣмъ значительнѣе будетъ такое по-жертвованіе, тѣмъ качество его можетъ быть сомнительнѣе потому, что крупныя пожертвованія вообще очень рѣдки, и что добрый жертвователь, начавшій самъ искъ, если онъ увѣренъ въ его пра-вотѣ и благонадежности, будетъ продолжать его самъ и пожертвуетъ выигранное имъ имущество лично или по завѣщанію и не поступи-тъ такъ, какъ поступила по настоящему дѣлу жертвовательница Попова.

Сдѣлка Поповой съ попечительствомъ не есть простое пожертвованіе, а есть сдѣлка на выигрышъ; часть изъ него должна пойти ея повѣреннымъ, которыхъ она обязала принять вмѣстѣ съ пожертвованіемъ, часть въ ея пользу, а остатокъ въ пользу попечительства за его ходатайство.

Въ объясненіи на кассационную жалобу повѣренный Воронежскаго губернскаго попечительства о дѣтскихъ пріютахъ указываетъ, что, въ силу § 5 новаго положенія о дѣтскихъ пріютахъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, опубликованнаго въ собраніи законеній за 1891 г. № 96, ст. 1014, совѣты и попечительства принимаютъ жертвуемые въ пользу подвѣдомственныхъ имъ дѣтскихъ пріютовъ капиталы, движимыя и недвижимыя имущества, а также имѣютъ право пріобрѣтать капиталы, движимыя и недвижимыя имущества покупкой и иными, указанными въ общихъ законахъ, способами пріобрѣтенія. Запродажная запись, на основаніи 402 ст. X т. I ч. св. зак., относится къ имуществу движимому, поэтому нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что, на основаніи буквального и точнаго смысла вышеприведеннаго закона, губернское попечительство имѣло полное право пріобрѣсти въ собственность по дарственной записи, такъ какъ таковая есть одинъ изъ указанныхъ въ общихъ законахъ способовъ пріобрѣтенія въ собственность имущества, запродажную запись и истекающій изъ нея искъ, и ни въ этомъ, ни въ какомъ либо другомъ законѣ нѣтъ запрещенія губернскимъ попечительствамъ пріобрѣтать въ собственность долговыя имущества, къ которымъ относится запродажная запись и истекающій изъ нея искъ.

При разрѣшеніи возникающаго по дѣлу вопроса, необходимо, думается намъ, имѣть въ виду слѣдующія соображенія.

По справедливому замѣчанію Мейера (въ курсѣ гражданскаго права), различіе въ законѣ пожертвованія отъ даренія въ тѣсномъ смыслѣ слова, именно по одаряемому лицу,—согласно какому различію подъ пожертвованіемъ разумѣется дареніе со стороны частнаго лица государству („на пользу общую“), а подъ дареніемъ въ тѣсномъ смыслѣ дареніе отъ одного частнаго лица другому частному же лицу,—не находитъ себѣ серьезнаго основанія въ сущности юридическихъ опредѣленій о томъ и другомъ видѣ даренія: по существу эти опредѣленія одинаковы какъ для пожертвованія, такъ и для даренія въ тѣсномъ смыслѣ, и если и есть нѣкоторыя особыя опредѣленія относительно пожертвованія, то эти особенности не касаются самаго права жертвуемаго, а опредѣляютъ

лишь права органовъ государства по принятію дара. Если, такимъ образомъ, поставленный вопросъ долженъ быть разрѣшаемъ на основаніи общихъ нормъ института даренія, то вспомнимъ, что дареніе, по теоріи, есть добровольное, безмездное, съ намѣреніемъ одарить отчужденіе имущества. При этомъ, однако, нельзя не замѣтить, что предметомъ даренія собственно, съ юридической точки зрѣнія, всегда является право на имущество, а не самое имущество: такъ, и при совершеніи даренія движимой вещи простою ея передачею дарится, конечно, именно право собственности на эту вещь. Итакъ, предметомъ даренія всегда является нѣчто отвлеченное, *право*, а не нѣчто непременно осязательное или реальное, т. е. вещь. Если же, далѣе, обратимся ко второй главѣ перваго раздѣла третьей книги 1 части X тома свод. зак., то замѣтимъ, что въ нашемъ законодательствѣ, какъ на это справедливо и указываютъ цивилисты (Побѣдоносцевъ и др.), дареніе далеко не стѣснено тѣми особыми правилами, которыя постановляются по сему предмету въ законахъ иностранныхъ и въ правѣ римскомъ. Общій духъ, или смыслъ указанной главы таковъ, что вообще предметъ даренія зависитъ отъ полнаго усмотрѣнія дарителя, развѣ бы были какія либо ограниченія къ принятію дара у одаряемаго. Такъ, первая статья означенной главы постановляетъ, что „благопріобрѣтенное какъ недвижимое, такъ и движимое имущество владѣлецъ можетъ дарить *свободно по своему произволу*“. По 975 статьѣ „дары между частными лицами дозволяется дѣлать на такихъ условіяхъ объ образѣ пользованія и управленія даримымъ имуществомъ, *какія даритель за благо признаетъ*, лишь бы только условія сіи не были противны общимъ законамъ“. Также и о пожертвованіяхъ 980 статья постановляетъ, что „*пожертвованія, завися отъ личнаго произвола каждаго, не подлежатъ никакимъ особеннымъ правиламъ*; посему дозволяется дѣлать пожертвованія не только движимыми имуществами и капиталами, но и заселенными землями въ пользу богоугодныхъ, училищныхъ и другихъ заведеній и обществъ, равнобѣрно въ пользу инвалидовъ, и назначать употребленіе жертвуемаго капитала, съ тѣмъ, однако же, чтобы таковыя же пожертвованія *не были противны правиламъ, для тѣхъ заведеній постановленнымъ*“.

Если же изъ смысла означенной главы X тома слѣдуетъ заключить, что предметомъ даренія, а равно и пожертвованія, можетъ быть *всякое* благопріобрѣтенное имущество какъ недвижимое, такъ и движимое, то спрашивается, что же представляетъ собою, по тому же X тому, искъ? По 419 статьѣ „къ составу долговыхъ иму-

щества принадлежатъ и иски наши на другихъ по симъ имуществамъ“, согласно же 418 и 402 статьямъ, долговья имущества суть имущества движимыя. Итакъ, иски обнимаются по нашему законодательству понятіемъ движимаго имущества, а, слѣдовательно, разъ 980 статья предоставляетъ жертвовать всякое движимое имущество въ зависимости отъ „личнаго произвола каждаго“ и не только не дѣлаетъ отсюда исключенія для исковъ, но даже оговариваетъ, что пожертвованія „не подлежатъ никакимъ особеннымъ правиламъ“, то слѣдуетъ заключить, что предметомъ пожертвованія можетъ быть и искъ жертвователя.

Но мало этого, совершенно независимо отъ вопроса о предметахъ пожертвованія, можно поставить такой вопросъ: можетъ ли вообще быть передаваемъ искъ? По этому вопросу, однако, 419 статья 1 ч. X т. была неоднократно разъясняема Сенатомъ въ томъ смыслѣ, что какъ спорныя имѣнія съ относящимися къ нимъ исками (ст. 1392), такъ и иски, отдѣльно взятые, могутъ быть свободно передаваемы, такъ какъ искъ есть самъ по себѣ извѣстная цѣнность, долговое имущество (рѣш. 1880 г. № 283, 1874 г. № 256); что для передачи иска требуется письменная форма: можетъ быть совершенъ особый актъ или же достаточно и прошенія, поданнаго въ судъ, гдѣ дѣло производится, контрагентами по сдѣлкѣ (рѣш. 1880 г. № 262, 1878 г. № 256). Наконецъ, въ рѣшеніи 1880 г. № 262 было разъяснено, что *для передачи правъ на производящееся въ судъ дѣло по долговому обязательству въ законъ не предписано никакой особой формы*; что потому право на искъ переходитъ отъ истца къ третьему лицу *со времени состоявшагося о томъ между ними договора*,—хотя бы о передачѣ иска и не было заявлено суду, въ которомъ дѣло производится. Если, однако, вообще допустима передача иска, то совершенную Поповой сдѣлку должно было бы признать дѣйствительною во всякомъ случаѣ, хотя бы по правилу *utile per inutile non vitiatur*.

Указаніе кассационной жалобы на то, что Палата не имѣла основанія относить пожертвованія иска ни къ пожертвованію вещей, ни къ пожертвованію капиталовъ, упоминаемыхъ въ 981 статьѣ, представляется неубѣдительнымъ: въ 981 статьѣ не упоминается и о земляхъ, о которыхъ, равно какъ и вообще о „движимомъ имуществѣ“ говорится, однако, въ 980 статьѣ. Съ другой стороны, хотя и вѣрно указаніе жалобы на имѣющуюся въ означенномъ подъ 980 статью законоположеніи 30 августа 1855 года (№ 29625) статью (178) о томъ, что „правительство принимаетъ съ признательностью всѣ дѣлаемыя, согласно съ существующими постановле-

ніями, на пользу женскихъ учебныхъ заведеній приношенія какъ отъ обществъ, такъ и отъ частныхъ лицъ, за исключеніемъ только находящихся въ спорѣ имуществъ“,—то, однако, эта статья не измѣняетъ прямого и точнаго смысла законоположеній, выраженныхъ въ текстѣ. Несомнѣнно, что тѣ законоположенія, которыя приводятся подѣ статьями закона, изъ нихъ *извлеченными* и на основаніи ихъ *составленными*, т. е. нынѣ дѣйствующими, не покрываются этими послѣдними и съ ними не тождественны. Только то изъ этихъ законоположеній, ставшихъ предметомъ исторіи, осталось въ силѣ, что имѣетъ ту или иную, болѣе или менѣе ясно выраженную, поддержку въ дѣйствующемъ текстѣ закона. Поэтому правило или исключеніе изъ него, совершенно въ текстѣ закона обойденное молчаніемъ, приходится признать отмѣненнымъ. И въ самомъ дѣлѣ: въ приведенной статьѣ указанное исключеніе постановляется для пожертвованій „на пользу женскихъ учебныхъ заведеній“,—стало быть, надо было бы, по крайней мѣрѣ, привести хотя еще другое законоположеніе, распространяющее названное исключеніе для пожертвованій всякаго рода. Иначе можно было бы историческимъ толкованіемъ совершенно отмѣнить или извратить текстъ дѣйствующаго права.

Намъ, пока, неизвѣстны соображенія Правительствующаго Сената, отмѣнивашаго рѣшеніе Палаты, по нарушенію 981 ст. 1 ч. X т. Св. Зак.

Г.

VIII

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Литература по гражданскому праву въ нашихъ юридическихъ журналахъ за 1901 годъ.

Истекшій годъ, которымъ мы вступили въ новый вѣкъ, заставилъ цивилистовъ оглянуться назадъ, чтобы выяснитъ тѣ результаты, которыхъ достигла юриспруденція въ области частнаго права къ концу XIX вѣка, и установить, соотвѣтствуютъ или нѣтъ основныя начала нашей науки требованіямъ этики и удовлетворяютъ ли они высшимъ запросамъ жизни. Какъ указываетъ г. *Петражицкій*, приходится дать отвѣтъ далеко неутѣшительный, главной причиною чего является печальное увлеченіе цивилистовъ въ настоящее время извѣстной теоріей Іеринга и его проповѣдью о необходимости торжества силы въ правѣ, вообще господствомъ такъ называемаго „практическаго“, „реалистическаго направленія и міросозерцанія“ („*Право и судъ*“ „*Право*“ № 1). Теорія права, какъ защиты интересовъ,—говоритъ г. *Петражицкій*—представляетъ одинъ изъ многихъ симптомовъ болѣзни времени, равнозначущей и равноцѣнной, напр., подавленію и преслѣдованію разныхъ побѣжденныхъ народностей внутри государствъ и разнымъ не менѣе позорнымъ побѣдамъ въ международныхъ отношеніяхъ. Явленія китайской и бурской войны, роль государствъ, генераловъ и дипломатовъ въ этихъ дѣлахъ на мѣстѣ избіенія и ограбленія этихъ народностей, успешное оправданіе этихъ и подобныхъ имъ поступковъ обычными лозунгами „реальной политики“, охраняющей и приводящей реальныя

интересы государства и чуждой сентиментальности, т. е. обычной теоріей безастѣнчиваго и безчеловѣчнаго эгоизма—все это явленія по существу однородны—достойное второй половины 19 столѣтія завершеніе его „практическаго“ или „реалистическаго“ направленія!

Въ то же время въ области цивилистики авторъ указываетъ на полную несостоятельность и непригодность основныхъ положеній, принятыхъ за основаніе въ этой юридической дисциплинѣ, и на настоятельную потребность въ скорѣйшемъ ихъ пересмотрѣ и реформѣ. Дѣло въ томъ, какъ замѣчаетъ г. Петражицкій (*ibid.* № 3), что и теперь положенная въ основаніе современной цивилистики „книга романистической мудрости оказалась пестрой смѣсью, похожей на переводъ, въ которомъ переводчикъ по забвенію или неумѣнью, нѣкоторыхъ страницъ текста или частей ихъ не перевелъ и такъ и оставилъ въ первоначальномъ видѣ... Такой переводъ съ примѣсью непереуведенныхъ страницъ и кусковъ изложенія древней цивилистической мудрости въ такомъ видѣ и застылъ: онъ превратился въ какую то окаменѣлость, и заведенная рутина сдѣлалась столь привычною, что теперешніе цивилисты уже не замѣчаютъ и не чувствуютъ вовсе тѣхъ научныхъ диссонансовъ, которыми переполнена система ихъ науки“.

Кромѣ излишняго увлеченія устарѣвшими уже во многомъ нормами римскаго права, другимъ существеннымъ недостаткомъ современной системы гражданскаго права, по мнѣнію г. Петражицкаго, является хроническое смѣшеніе двухъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія: 1) матеріальнаго частнаго права и 2) права публичнаго-процессуальнаго. Далѣе, авторъ въ очень интересномъ краткомъ очеркѣ указываетъ, насколько сбивчиво во всѣхъ отдѣлахъ науки гражданскаго права изучается не природа тѣхъ или иныхъ институтовъ въ ихъ обычномъ, безспорномъ состояніи, но преимущественно лишь тѣ случаи, когда правоотношенія нарушены и когда нужно прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ—къ защитѣ нарушенныхъ правъ при помощи органовъ государственной власти (суда). Какъ замѣчаетъ въ этомъ отношеніи авторъ, особенно разительна такая примѣсь процессуальнаго элемента въ ученіи о вещныхъ правахъ, гдѣ, напр., ученіе о правѣ собственности традиціонно излагается въ процессуальной формѣ—*rei vindicatio, negatoria, prohibitoria actio* и т. п.

То же приходится сказать и относительно владѣнія. Этотъ институтъ почти всецѣло изслѣдуется и излагается, какъ будто помимо суда нѣтъ обязанностей и правъ, и существо института сво-

дится къ процессамъ. Сравнительно болѣе слабъ процессуальный элементъ въ области институтовъ обязательственнаго, семейственнаго и наследственнаго правъ; однако, и здѣсь г. Петражицкій указываетъ рядъ случаевъ такого смѣшенія элементовъ матеріальнаго частнаго и публичнаго-процессуальнаго правъ.

Соглашаясь въ общемъ съ приведенными замѣчаніями автора, мы думаемъ, однако, что онъ въ значительной степени сгустилъ краски. Едва ли можно утверждать, что наука гражданскаго права въ ея современномъ развитіи, представляетъ собою окаменѣлость, такой *circulus vitiosus*, въ которомъ цивилисты исключительно занимались бы пережевываніемъ устарѣвшихъ и во многомъ уже непригодныхъ нормъ римскаго Юстиніанова права, желая во что бы то ни стало подчинять правиламъ ихъ весь колоссально ушедшій впередъ современный юридическій строй частной жизни индивидовъ и обществъ. Напротивъ, весь конецъ 19 вѣка и представляетъ собою именно „борьбу въ правѣ“ въ смыслѣ признанія лучшими цивилистами полной непригодности возрѣнія закоренѣлыхъ романистовъ на римское право, какъ *ratio scripta*, выше которой немислимо ничего приобрести,—и постоянныя стремленія отыскать новые пути въ правѣ, желаніе болѣе упрочить въ цивилистикѣ этическія начала взамѣнъ провозглашенія узко-эгоистическихъ принциповъ. И эти прогрессивныя теченія сдѣлали свое дѣло. Мало того, думается намъ, именно благодаря имъ, становится прямо противнымъ дѣйствительно существующему порядку вещей утверждать, будто *теперь* наука гражд. права изображаетъ собою окаменѣлость на римской почвѣ. Намъ тѣмъ болѣе удивительно слышать упрекъ въ этомъ отъ г. Петражицкаго, который *самъ* много и успѣшно трудился и трудится въ дѣлѣ прогрессивной научной разработки науки частнаго права. Конечно, въ самой *системѣ* изложенія до сихъ поръ не мало рутины и ошибокъ,—да и въ какой дисциплинѣ нѣтъ ихъ, но чтобы цивилистика пахла теперь мертвечиной, представляла бы собою по духу окаменѣлость, въ которой работаютъ идолы ихъ науки, и теперь не выдающіе ничего, кромѣ *corpus juris*—съ этимъ мы согласиться не можемъ.

Въ статьѣ—„*Судейское усмотрѣніе при толкованіи законовъ*“ (Право № 50), представляющей собою рѣчь автора передъ его докторскимъ диспутомъ въ Казанскомъ университетѣ, г. Васильковскій останавливается на выясненіи интереснаго вопроса о роли суда при толкованіи законовъ.

Какъ замѣчаетъ авторъ, въ большинствѣ случаевъ граждане

сами дѣлаютъ выводы изъ законовъ касательно своихъ взаимныхъ правъ и обязанностей и сами же добровольно подчиняются этимъ выводамъ. Вмѣшательство органовъ власти государственной требуется только тогда, когда кто либо изъ гражданъ отказывается привести въ осуществленіе логическій выводъ, сдѣланный изъ законовъ другимъ лицомъ, отказывается либо потому, что признаетъ выводъ неправильнымъ, либо потому, что просто не можетъ или не желаетъ подчиниться ему. Тогда заинтересованному лицу приходится обратиться за содѣйствіемъ къ органу государственной власти—суду, который провѣряетъ выводъ просителя, и если найдетъ его правильнымъ, то приводитъ въ осуществленіе принудительнымъ путемъ. Эта принудительность судебного толкованія даетъ громадное практическое значеніе въ дѣлѣ установленія способа пониманія и примѣненія законовъ, такъ что можно сказать, заявляетъ авторъ вслѣдъ за Бюловымъ, что фактически судебныя рѣшенія сильнѣе законовъ.

Такая сила и значеніе судейскаго усмотрѣнія при толкованіи законовъ можетъ грозить опасностью, какъ бы судьи не стали злоупотреблять такими правомочіями своими и рѣшать дѣла не по смыслу и духу законовъ, но въ обходъ послѣднимъ, въ цѣляхъ эгоистическихъ или по инымъ побужденіямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ правосудіемъ. Особенно опаснымъ, по замѣчанію г. Васьковскаго, можетъ явиться проявленіе судейскаго произвола въ тѣхъ случаяхъ, когда судамъ приходится основывать свои рѣшенія на нормахъ, страдающихъ различными недостатками: неясностью, неточностью, двусмысленностью, неполнотой, пробѣлами, недомолвками. Пользуясь этими недостатками законодательства, суды могутъ оказываться въ состояніи толковать законы въ томъ смыслѣ, какой окажется болѣе желательнымъ для судей въ данномъ конкретномъ случаѣ, и прикрывать свои произвольныя толкованія неясной буквой законовъ.

Въ старину мѣрой борьбы противъ подобной опасности служило запрещеніе судейскаго толкованія законовъ въ случаѣ неполноты или неясности послѣднихъ. Однако, жизненный опытъ показалъ полную практическую и теоретическую несостоятельность такой борьбы противъ возможной опасности судейскаго произвола. Но въ то же время въ принципѣ все же рискованно предоставить судьямъ неограниченное право произвольнаго толкованія законовъ. Единственнымъ выходомъ изъ такого затруднительнаго положенія, по мнѣнію г. Васьковскаго, является въ настоящее время стремленіе обставить

дѣятельность судовъ такими условіями, такими гарантіями, которыми обезпечивалось бы правильное и безпристрастное разрѣшеніе дѣлъ. Какъ указываетъ авторъ, эти гарантіи заключаются въ надлежащей организаціи судебныхъ учреждений и судопроизводства, именно главнымъ образомъ въ независимости, матеріальной обезпеченности и высокомъ нравственномъ уровнѣ судейскаго персонала, въ коллегіальномъ устройствѣ судовъ, въ возможности перевершенія дѣлъ высшей инстанціей, въ существованіи единого верховнаго кассаціоннаго суда, наблюдающаго за правильнымъ и однообразнымъ толкованіемъ законовъ, и, самое главное, въ гласности производства. Однако и при соблюденіи такихъ desiderata судейской организаціи, могутъ быть предупреждены по возможности лишь случаи умышленнаго искаженія судьями смысла законовъ по какимъ либо предосудительнымъ мотивамъ, но никакъ не случаи добросовѣстныхъ судейскихъ ошибокъ, являющихся результатомъ примѣненія неправильныхъ приѣмовъ толкованія законовъ или ложнаго пониманія судейскихъ обязанностей. Оградить судей отъ этихъ невольныхъ прегрѣшеній можетъ лишь знакомство съ раціональной теоріей толкованія законовъ; задача послѣдней именно и состоитъ въ томъ, чтобы выработать рядъ общихъ правилъ, которыми слѣдуетъ руководствоваться при толкованіи законовъ. Въ этомъ отношеніи, добавимъ отъ себя, диссертация автора— „Ученіе о толкованіи и примѣненіи гражданскихъ законовъ“—является цѣннымъ вкладомъ въ науку.

Однако, какъ вѣрно указываетъ далѣе авторъ, иногда, несмотря на все стараніе, на самое тщательное соблюденіе всѣхъ выработанныхъ наукою правилъ толкованія, судъ является затрудненнымъ въ своей интерпретаціонной дѣятельности. Это происходитъ въ двухъ случаяхъ: во первыхъ, если, несмотря на примѣненіе всѣхъ средствъ и приѣмовъ толкованія, законъ остается двусмысленнымъ, а во вторыхъ, если изъ постановленій законодательства можно сдѣлать съ одинаковой достовѣрностью или вѣроятностью различные выводы относительно даннаго вопроса. Здѣсь, думаетъ авторъ, открывается просторъ для судейскаго усмотрѣнія. Рекомендую въ такихъ трудныхъ случаяхъ судьямъ придерживаться, при толкованіяхъ, начала гуманности и человѣчности, авторъ указываетъ, что именно тутъ, при существованіи и практическомъ примѣненіи судьями началъ ученія о примѣненіи и толкованіи законовъ, является предѣлъ, лишь до котораго можетъ простираться судейское усмотрѣніе и произволь, не связанный точными правилами толкованія, нарушеніе которыхъ представляется нарушеніемъ служебнаго долга.

Мы согласны съ авторомъ, что съ совершенствованіемъ въ будущемъ законовъ, какъ со стороны ихъ внутренняго содержанія, такъ и со стороны формы выраженія, все болѣе будетъ служить эта нежелательная сфера судейскаго усмотрѣнія. Но думаемъ однако, что такія нормы писаннаго права, которыя, не допуская примѣненія къ себѣ специальныхъ правилъ, выработанныхъ ученіемъ о толкованіи законовъ, даютъ мѣсто лишь судейскому усмотрѣнію и произволу, тѣмъ самымъ являются, съ точки зрѣнія политики права, мертворожденными, слѣдовательно, бесполезными и нуждающимися въ возможно скорѣйшей замѣнѣ ихъ *путемъ законодательнымъ* другими, болѣе точными, ясными и никоимъ образомъ не допускающими двусмысленныхъ толкованій. Во всякомъ случаѣ, признаніе допустимости и практичности случаевъ замѣны (за невозможностью поступить судѣй иначе) толкованія закона рѣшеніемъ дѣла по судейскому усмотрѣнію, является, думаемъ мы, равносильнымъ признанію допустимости руководствоваться въ извѣстныхъ случаяхъ юридическаго быта не нормами положительнаго права, а личнымъ произволомъ и капризомъ отдѣльнаго судьи, что не было бы во всякомъ случаѣ желательнымъ явленіемъ ни въ одномъ культурномъ обществѣ.

Въ области вещныхъ правоотношеній не остался прежде всего безъ разсмотрѣнія роковой для цивилистовъ вопросъ о владѣніи, его природѣ и основаніяхъ защиты. *Г. Петражицкій* въ ст.—*Право и судъ* (право № 1), указывая на ошибки въ области цивилистики, попутно обращаетъ вниманіе на ошибочную постановку теоріи о владѣніи на процессуальной почвѣ и въ то же время самъ старается дать объясненіе юридической природѣ этого института. Въ этомъ отношеніи авторъ говоритъ слѣдующее: „Всѣ безъ исключенія обязаны воздержаться отъ насильственныхъ, тайныхъ или вѣроломныхъ посягательствъ (*vi, clam, resecatio*) на чужое владѣніе, хотя бы фактическое господство другого и было достигнуто незаконнымъ путемъ... Что въ существованіи такой обязанности нѣтъ ничего страннаго, мало того, что такая обязанность, какъ съ экономической, такъ и съ культурно-педагогической точки зрѣнія, представляется элементарнымъ требованіемъ цивилизованнаго общежитія, это безспорно“.

Исходя изъ этой мысли, авторъ и даетъ слѣдующую юридическую конструкцію разсматриваемаго института: „Указанная обязанность каждаго воздерживаться отъ упомянутыхъ некультурныхъ дѣйствій есть *юридическая* обязанность по отношенію къ владѣльцу;

императиву, относящемуся ко всѣмъ и каждому, соответствуетъ атрибутивъ, предоставленіе владѣльцу противъ всѣхъ и каждого, не исключая и собственника, притязанія на воздержаніе отъ тайныхъ, насильственныхъ и т. п. продѣлокъ по отношеніи къ нему. Та юридическая категорія, тотъ родъ правоотношеній, которыя состоятъ въ какой либо обязанности всѣхъ и каждого къ какому либо лицу, т. е. въ притязаніи даннаго лица на извѣстныя дѣйствія или воздержанія со стороны кого бы то ни было, называются технически абсолютными правами. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь дѣло не только съ правомъ, но и съ абсолютнымъ правомъ владѣльца (знаменитый вопросъ: — фактъ или право), съ правомъ того же типа, что и право собственности и другія такъ называемыя вещныя права“.

Безспорно, замѣтимъ мы съ своей стороны, законодательство всѣхъ современныхъ культурныхъ государствъ, въ интересахъ общежитія, обязываютъ всѣхъ и каждого воздерживаться отъ насильственныхъ тайныхъ или вѣроломныхъ посягательствъ на владѣніе. Но при этомъ мы наблюдаемъ одну особенность, именно законодательства, устанавливая защиту владѣнія, не обращаютъ никакого вниманія ни на самого субъекта, ни на тѣ условія, при которыхъ извѣстный объектъ попалъ ему во владѣніе: и вотъ и разбойникъ защищается отъ насильственныхъ тайныхъ или вѣроломныхъ посягательствъ на захваченныя имъ самимъ вещи такъ-же точно, какъ защищается правомъ незаконнѣйшій собственникъ. Такимъ образомъ, право защищать владѣніе именно какъ извѣстное *состояніе*, въ интересахъ не самихъ владѣльцевъ, а главнымъ образомъ въ цѣляхъ обезпечить въ обществѣ покой и порядокъ. Случаи установленія такой юридической защиты извѣстнаго фактическаго состоянія, въ цѣляхъ установленія покоя и тишины въ общественной жизни, кои извѣстно, довольно многочисленны. Укажемъ для примѣра фактъ рожденія личности. Законъ обязываетъ всѣхъ и каждого воздерживаться предпринимать что либо могущее препятствовать появленію личности на свѣтъ, однако, изъ этого одного обстоятельства никто еще не считаетъ возможнымъ выводить, что рожденіе есть абсолютное право, а не фактъ. Противъ признанія владѣть за право, а не за фактъ можно еще указать на одно обстоятельство, именно законъ (и нашъ въ томъ числѣ) признаетъ возможность владѣнія насильственнаго, подложнаго etc. вообще противузаконнаго, съ точки зрѣнія оснований, по которымъ данный субъектъ владѣть. Такимъ образомъ, признавая владѣніе правомъ, мы будемъ вынуждены тѣмъ самымъ признать возможнымъ существованіе насильственнаго, подложнаго, незаконнаго права.

Вопросамъ изъ области вещныхъ правъ, въ собственномъ смыслѣ слова, посвященъ въ юридическихъ журналахъ 1901 года цѣлый рядъ статей; такъ, прежде всего г. Лыкошинъ помѣстилъ въ *Вѣстникъ Права* № 1 свою статью „Германское положеніе о вотчинныхъ книгахъ 24 марта 1897 года“. Въ ней авторъ знакомитъ насъ съ вотчинной организаціей въ Германіи согласно съ порядкомъ, который былъ тамъ установленъ по новому закону 1897 года. Особеннаго вниманія въ статьѣ г. Лыкошина заслуживаетъ изложеніе третьей главы новаго германскаго вотчиннаго устава, трактующаго объ актахъ, выдаваемыхъ по залогамъ.

Въ томъ же журналѣ (*Вѣстникъ Права* т. 1, 2) была окончена въ приложеніи монографія нашего извѣстнаго цивилиста И. Э. Энгельмана „О давности“, начатая печатаніемъ еще въ 1900 году. Вышедшая теперь уже *третьимъ* изданіемъ монографія г. Энгельмана настолько хорошо извѣстна нашимъ юристамъ, что мы считаемъ возможнымъ изложить здѣсь ея содержаніе лишь въ весьма краткомъ очеркѣ.

Новое изданіе разсматриваемой монографіи является въ значительной степени переработаннымъ и расширеннымъ въ своемъ содержаніи. При этомъ значительная часть прежняго догматическаго изложенія помѣщена теперь въ часть историческую. Переѣмну эту авторъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что вскорѣ послѣ второго изданія разсматриваемой монографіи Сенатъ установилъ у насъ не существовавшій прежде, какъ думаетъ г. Энгельманъ, институтъ земской давности; почему и прежнія догматическія изысканія автора получили теперь лишь историческій интересъ.

Излагая общее ученіе о давности, авторъ попрежнему является горячимъ сторонникомъ воззрѣнія Савиньи и др. корифеевъ исторической школы юристовъ, отрицавшихъ ученіе о существованіи отвлеченной или общей давности.

Въ § 3 авторъ весьма тщательно и подробно разсматриваетъ нашу литературу о давности до послѣдняго времени. Эта совершенно переработанная часть сочиненія представляетъ большой интересъ для читателя, даже знакомаго съ монографіей по прежнимъ ея изданіямъ.

Историческое изложеніе ученія о давности по нашему праву составляетъ, какъ извѣстно, наиболѣе блестящую часть разсматриваемого сочиненія. Здѣсь авторъ попрежнему приходитъ къ заключенію, что исковой давности не было въ нашемъ правѣ до конца XV вѣка, и только съ этого времени она стала существовать, вы-

работавшись ко времени изданія свода законовъ въ вполнѣ развитой юридическій институтъ. Въ то же время существовавшая въ старину у насъ давность владѣнія (usucapio), напротивъ, позднѣе исчезла окончательно.

Разсмотрѣвъ положенія объ общей давности по западно-европейскимъ законодательствамъ, г. Энгельманъ излагаетъ далѣе ученіе о давности по нашему дѣйствующему праву. И здѣсь авторъ придерживается своего прежняго воззрѣнія, что русское право „признаетъ главнымъ образомъ давность иска, изъ которой право приобрѣтенія вытекаетъ не непосредственно, но вслѣдъ за потерю права со стороны обладавшаго имъ доселѣ“. вмѣстѣ съ тѣмъ, разсматривая знаменитую ст. 533 т. X ч. 1 св. законовъ и ея источники, авторъ доказываетъ, что правило ея основано не на питированныхъ законодателемъ источникахъ ея, но что текстъ самой ст. 533 является неудачнымъ по редакціи заимствованіемъ изъ права французскаго, именно изъ art. 2229 Code Civil („Pour pouvoir prescrire, il faut une possession continue et non interrompue, paisible, publique, non équivoque et à titre de propriétaire“). Мало того, по мнѣнію автора, и послѣ включенія ст. 533 въ т. X свода законовъ, все-таки теперь не существуетъ въ нашемъ правѣ давности владѣнія, потому что и законодатель говоритъ въ ст. 533 т. X ч. 1 св. зак. не о приобрѣтеніи права собственности, а лишь о-ею „превращеніи“, при чемъ само по себѣ владѣніе продолжаетъ оставаться именно лишь владѣніемъ.

Противъ этого мнѣнія г. Энгельмана существуетъ уже давно споръ со стороны большинства нашихъ юристовъ. Безспорно, de lege ferenda, какъ справедливо замѣтилъ уже г. Боровиковскій въ своей статьѣ о давности,—земская давность въ томъ видѣ, какъ она примѣняется у насъ на практикѣ, въ настоящее время, является институтомъ, покровительствующимъ ворами и мошенникамъ въ ихъ преступной дѣятельности, и, какъ таковая, является болѣзненнымъ, ненормальнымъ явленіемъ въ нашемъ юридическомъ быту. Реформа земской давности давно и настоятельно необходима—это безспорно; но все же de lege lata она существуетъ, и юристамъ необходимо считаться съ нею.

Ученіе о находкѣ по русскому праву вновь подвергнуто пересмотру г. Товстольсомъ въ его статьѣ—*„Находка и мѣсто ея въ системѣ русскаго законодательства“* (Журн. Мин. Юстиціи кн. 9). Изучая постановленія законодательныхъ памятниковъ до Московскаго времени, относящіяся къ темѣ его статьи, авторъ утверждаетъ, что и по русской правдѣ, и по Псковской судной грамотѣ,

и по другимъ памятникамъ этого времени, находчикъ разсматривался какъ добросовѣстный владѣлецъ, обязанный хранить вещь до „закличи“ о ней на торгу ея хозяиномъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ нашедшій чужую вещь не могъ предъявлять никакихъ правъ на подлежащую возврату находку. Однако, какія тогда были послѣдствія находки, если хозяинъ вещи не объявлялся, объ этомъ г. Товстолѣсъ не говорить ни слова.

Изъ законодательныхъ памятниковъ Московскаго времени, до уложенія 1649 г., авторъ, основываясь на статьѣ указной книги земскаго приказа о *пригульномъ скотѣ*, выводитъ правиломъ для *находки*, что въ разсматриваемую эпоху находка не только не признавалась способомъ приобрѣтенія права собственности, но и не влекла за собою тѣхъ въ отношеніи находчика юридическихъ послѣдствій, которыя имѣли мѣсто въ предшествующихъ памятникахъ; причемъ находчикъ, обязанный представить находку (т. е., вѣрнѣе, пригульный скотъ) общественной власти, не имѣлъ даже права требовать вознагражденія.

И уложеніе 1649 г., по заявленію автора, проводило ту же мысль, что находчикъ—не собственникъ найденной вещи и получалъ онъ вознагражденіе только въ случаѣ дѣйствительныхъ издержекъ и затраченнаго труда на сохраненіе находки въ цѣлости. Въмѣстѣ съ тѣмъ, оспаривая господствующее въ наугѣ мнѣніе, что по уложенію находка переходитъ въ собственность къ находчику, если ея хозяинъ не явится, г. Товстолѣсъ думаетъ, что „цѣлесообразнѣе и болѣе согласно съ общимъ духомъ нашего древняго законодательства признать, что *и по уложенію* найденная вещь, въ случаѣ неотысканія хозяина, остается въ приказѣ, уплачивающемъ находчику извѣстное вознагражденіе при условіи затраты труда и капитала“. Другими словами, авторъ утверждаетъ, что и въ Московскомъ правѣ находка не признавалась способомъ приобрѣтенія права собственности.

Считаемъ нужнымъ замѣтить однако, что авторъ *нигдѣ ранѣе не указывалъ*, чтобы въ источникахъ права болѣе ранней эпохи имѣлись указанія на такое же юридическое значеніе находки.

Переходя далѣе къ разсмотрѣнію постановленій императорскаго періода о находкѣ, г. Товстолѣсъ указываетъ на воинскій и на морской уставы, какъ на источники дѣйствующаго законодательства о находкѣ, изъ которыхъ первый устанавливаетъ правило объ опредѣленіи находчику вознагражденія „за труды“ въ размѣрѣ одной трети стоимости найденнаго, а второй обязываетъ отдавать находку

нашедшему ее, если по истеченіи извѣстнаго срока не отыщется хозяинъ вещи.

По дѣйствующему законодательству, какъ думаетъ авторъ, находка сама по себѣ не устанавливаетъ для находчика права собственности, а влечетъ за собою лишь „владѣніе вещью и вмѣстѣ съ тѣмъ и пользованіе (?)“. Но она „можетъ вести къ приобрѣтенію права собственности на вещь, когда, послѣ принятія мѣръ къ отысканію собственника вещи, послѣдній не только не найдется или хотя онъ и явится, но не представитъ надлежащихъ доказательствъ принадлежности вещи ему“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ однако авторъ не признаетъ находку способомъ приобрѣтенія права собственности и заявляетъ, что по нашему законодательству „право устанавливаемое находкой въ случаѣ неотысканія хозяина найденной вещи въ существѣ своемъ есть то-же, что и право владѣнія“.

Намъ представляется совершенно непонятнымъ, какъ могъ придти авторъ къ такому выводу. Не говоря уже о томъ, что по точному смыслу ст. 539 т. X ч. 1 находка, если хозяинъ ея не розысканъ, „оставляется въ дѣлности найдшему“, самое признаніе г. Товстолѣсомъ находки основаніемъ не права собственности а права владѣнія (по мѣсту статьи въ т. X ч. 1) ничего не объясняетъ, п. ч. „правомъ владѣнія“ наши гражданскіе законы имеютъ и право собственности, и вещныя права вообще, и наконецъ вещныя права, въ отличіе ихъ отъ права собственности. Спрашивается, куда же именно авторъ относитъ владѣльца находки въ случаѣ нерозысканія хозяина послѣдней?

Намъ думается, такая неудачная попытка дать новую конструкцію понятію находки по нашему законодательству объясняется отчасти неправильнымъ представленіемъ автора о *res nullius*, какъ это видно изъ сдѣланнаго имъ критическаго очерка господствующаго въ нашей литературѣ воззрѣнія, по которому найдшій приобрѣтаетъ найденную имъ вещь въ собственность по *occupatio*, конечно, если не отыщется хозяина находки.

Возражая противъ этого мнѣнія, г. Товстолѣсъ замѣчаетъ, что „изъ самого опредѣленія находки, предлагаемаго 538 ст. („обрѣтеніе вещей и другихъ движимыхъ имуществъ, которыхъ владѣлецъ не извѣстенъ“) явствуетъ, что находка не относится къ случаю *res nullius*, такъ какъ найденная вещь имѣетъ хозяина, который только не извѣстенъ до извѣстнаго момента“. Авторъ при этомъ совершенно упустилъ изъ вида возможность существованія

вещей, *ставших* безхозяйными именно въ силу того обстоятельства, что собственникъ отказался отъ нихъ, бросилъ ихъ на произволъ судьбы, изъялъ изъ своего хозяйства (*res derelictae*). Такія брошенные, оставленныя вещи становятся собственностью ихъ перваго захватчика. И намъ думается, что при находкѣ именно находчикъ и становится собственникомъ найденной вещи, *разъ будетъ доказано*, что хозяинъ отступился, отказался отъ послѣдней, что и подтверждается въ данномъ случаѣ отсутствіемъ извѣстія отъ хозяина, несмотря на сдѣланную находчикомъ „закличъ“ путемъ троекратной публикаціи о находкѣ. Пока фактъ *derelictio* не доказанъ, и тѣмъ болѣе, если отыщется хозяинъ, до тѣхъ поръ нашедшій обязанъ хранить и беречь (а не пользоваться ею, какъ думаетъ авторъ) *чужую*, случайно лишь попавшую въ его владѣніе вещь. Въ облегченіе же этой довольно обременительной обязанности законъ и рекомендуетъ сдавать вещь на храненіе администраціи, до выясненія путемъ публикацій, является ли находка *res derelicta*, или у ней отыщется хозяинъ.

Нашъ извѣстный знатокъ посессіоннаго права, г. Удинцевъ помѣстилъ въ *Журналъ Мин. Юстиціи*, кн. V. VI весьма интересный очеркъ—*„Выкупъ посессіонныхъ земель и лесовъ“*, гдѣ со собственнымъ ему умѣніемъ и знаніемъ дѣла исторически изслѣдуетъ этотъ сравнительно новый въ нашей литературѣ вопросъ, освѣщая между прочимъ надлежащимъ образомъ „культурную“ дѣятельность владѣльцевъ посессіонныхъ фабрикъ и заводовъ и ихъ отношеніе къ краю и къ крестьянамъ. Безспорно, статья г. Удинцева является однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ вкладовъ въ нашу юридическую науку за истекшій годъ.

Мѣстному гражданскому праву губерній Прибалтійскихъ посвящена статья г. Таль—*„Судоходство и сплавъ по Прибалтійскимъ рѣкамъ“* (*Право* № 9), въ которой авторъ подробно изучаетъ ст. 1014 и 1017 III ч. мѣстныхъ узакон. губ. Прибалт., разрѣшающихъ вопросъ о порядкѣ пользованія общественными и частными рѣками въ нуждахъ судоходства.

Въ статьѣ—*„Нѣсколько замѣчаній по исторіи древне-русской общины“* г. Палкова (*Вѣстн. Права* кн. 10-я), авторъ въ сжатомъ очеркѣ излагаетъ основные вопросы по затронутой имъ темѣ за время до Уложенія 1649 года. Г. Палковъ является горячимъ сторонникомъ извѣстнаго воззрѣнія въ нашей литературѣ, согласно которому общинная организація признается господствующей въ древней Руси. Заявляя, что вся земля у различныхъ русскихъ

племень дѣлилась въ древности на отдѣльные участки, разные по пространству („верви“), авторъ признаетъ эти „верви“ главными земельными собственницами, т. е. поземельными общинами, члены которыхъ получали свое произвольное, безсрочное владѣніе удѣлами или надѣлами, причемъ наблюдалось равенство этихъ земельныхъ надѣловъ [конечно, какъ „нормы“ семейнаго участка, въ смыслѣ доставленія одинаковыхъ средствъ существованія, которые поступали къ членамъ общины (главамъ семей)] „по жребію“. Далѣе авторъ, впрочемъ, самъ сознается, что для этого положенія его не имѣется никакихъ подтвержденій въ источникахъ того времени. Въ то же время однако г. Папковъ въ дальнѣйшемъ изложеніи категорически заявляетъ, что поземельная ощинная организація по „вервей“ развилась позднѣе на Москвѣ, эпоху 14—16 вѣковъ, во владѣніе и пользованіе „сообща“ землю, предоставленную государствомъ и вотчинниками крестьянскимъ обществамъ (черныя и владѣльческія общины); причемъ, по возможности, одинакія части этой земли, пахатныя и сѣнокосныя, поступали во владѣніе и пользованіе (потомственное) отдѣльныхъ членовъ общины, подъ условіемъ тянуть тягло, т. е. исполнять всѣ лежащія на общинѣ обязанности и повинности—соразмѣрно величинѣ полученнаго земельного участка, жеребья („выти“ „двора“), а прочія разные угодья (лѣса, воды, выгонъ, луга и т. п.) поступали въ общее и нераздѣльное пользованіе всѣхъ членовъ общины. Члены такихъ общинъ связаны были круговою порукою другъ за друга для обезпеченія исправнаго выполненія повинностей и уплаты податей. Управление и судъ общинный совершались черезъ выборныхъ „излюбленныхъ“ членовъ общины.

Далѣе авторъ излагаетъ исторію и порядокъ общинной организаціи въ западной Руси, заканчивая свою статью сообщеніемъ краткихъ свѣдѣній относительно различныхъ древне-русскихъ товарищескихъ (артельныхъ) организацій на общинныхъ началахъ.

Но не допущено ли г. Папковымъ смѣшеніе понятій: община и общество крестьянскія? Благодаря этому, главнымъ образомъ, думается намъ, автору и не удалось, въ достаточно удовлетворительной степени, разобраться въ намѣченной имъ темѣ. Сверхъ того, авторомъ оставлена совершенно безъ вниманія вся новая, начиная съ 1877 года, спеціальная литература касательно исторіи нашей крестьянской поземельной общины; да и изъ старой литературы г. Папковъ не приводитъ такого классическаго сочиненія по исторіи общины какимъ, напр., является книга Keussler'a—Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland.

Г. Кутыловскій, въ статьѣ „Казенные чинши въ городѣ Варшавѣ“ (Журн. Мин. Юстиціи кн. X), возбуждаетъ de lege ferenda интересный вопросъ о желательности установленія выкупа городскихъ чиншевыхъ недвижимостей въ западномъ краѣ на тѣхъ же начальныхъ, какія были установлены правительствомъ при организаціи поземельнаго устройства *сельскихъ* вѣчныхъ чиншевиковъ западныхъ губерній, по положенію 9 іюня 1886 года.

Статья г. Кутыловскаго вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что въ настоящее время имѣется въ правительственныхъ сферахъ новый проектъ, согласно которому предположено по казеннымъ имуществамъ, состоящимъ въ чиншовомъ владѣніи, произвести выкупъ правъ казны одновременно съ повышеніемъ размѣра чинша, какъ основанія для установленія суммы выкупа, сообразно съ весьма увеличившейся за послѣднее время въ городахъ цѣнностью имущества вообще.

Излагая, далѣе, исторію возникновенія городскихъ чиншевыхъ отношеній въ бывшемъ царствѣ Польскомъ и ихъ дальнѣйшую законодательную регламентацію, авторъ, основываясь на опредѣленіяхъ дѣйствовавшаго въ Польшѣ съ 1795—1807 г.г. прусскаго ландрехта, а равно на современной практикѣ Варшавскихъ судебныхъ установленій, высказываетъ между прочимъ слѣдующія основныя положенія:

1) Отдача земель въ вѣчно-чиншевое владѣніе была ихъ дѣйствительнымъ отчужденіемъ, такъ какъ къ чиншовому переходили права безсрочнаго и потомственнаго владѣнія, пользованія и распоряженія съ весьма незначительными ограниченіями въ пользу первоначальнаго собственника.

2) Чиншъ, уплачиваемый вѣчнымъ чиншевикомъ, является не платой за пользованіе чиншевымъ участкомъ, но единственно видимымъ знакомъ верховенства первоначальнаго собственника.

3) Отдача земель въ чиншевое владѣніе была несомнѣнно ихъ отчужденіемъ, за которое первоначальные владѣльцы получили извѣстный эквивалентъ, въ видѣ „выкупного“.

4) Вѣчно-чиншевое владѣніе опирается на твердо установленныя закономъ основанія и признано всѣми дѣйствовавшими въ Польшѣ до настоящаго времени законодательствами.

5) Чиншевое владѣніе заносится во II отдѣлъ ипотечнаго указателя, какъ владѣніе на правахъ собственности; а права первоначальнаго владѣльца на чиншъ и лядеміи—въ III отдѣлъ, лишь какъ ограниченія права собственности.

Намъ думается, что попытка г. Кутыловскаго отождествить городское чиншевое право съ правомъ собственности, а право первоначальнаго владѣльца на чиншъ и ляудеміи признать однимъ изъ видовъ налоговъ на имущество не можетъ считаться удачною. Правда, при такомъ толкованіи является очень удобно и просто разрѣшеннымъ, какъ извѣстно, весьма спорный въ наукѣ вопросъ о юридической природѣ чиншевого права, но простое рѣшеніе далеко не всегда еще является и правильнымъ.

Вопросамъ изъ области обязательственнаго права было посвящено наибольшее число статей въ юридическихъ журналахъ прошлаго года.

Въ кн. IV *Журнала Министерства Юстиціи* помѣщены замѣтки г. Винавера на общую часть новаго нашего проекта *обязательственной части гражданскаго уложенія*. Въ статьѣ этой авторъ критически разсматриваетъ данныя редакторами проекта опредѣленія понятія обязательствъ, дѣленіе обязательствъ, самый порядокъ и систему изложенія, которой придерживались редакторы въ проектѣ, данное послѣдними опредѣленіе понятія договора, формы договоровъ, толкованіе договоровъ, общее ученіе о задаткѣ и отступномъ; далѣе разсматриваетъ ученіе проекта о просрочкѣ должниковъ и вѣрителя и объ уступкѣ требованій. Должно замѣтить, впрочемъ, что въ статьѣ своей г. Винаверъ не даетъ много новаго сравнительно съ критическими замѣчаніями, уже имѣющимися въ нашей юридической литературѣ касательно тѣхъ же вопросовъ новаго проекта.

I. *Осецкій* въ № 34 „*Права*“ сдѣлалъ краткій, но очень интересный очеркъ юридическихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ является необходимымъ въ цѣляхъ упорядоченія сдѣлокъ, совершаемыхъ при помощи *автоматовъ*. Оказывается, юридическая сторона этихъ сдѣлокъ (автоматное право) является далеко еще не разрѣшенной въ достаточно удовлетворительной степени въ западно-европейской юридической литературѣ.

Статья г. *Цвинманъ*— „*Объ обязательности для пріобрѣтателя недвижимаго имущества договоровъ найма, заключенныхъ прежнимъ собственникомъ*“ (*Журн. Мин. Юст. кн. VIII*) затрагиваетъ хотя и старый, но очень спорный вопросъ, надъ рѣшеніемъ котораго трудилось не мало юристовъ. Возврѣніе римскаго права, что договоръ найма недвижимости разрушается въ случаѣ пріобрѣтенія третьимъ лицомъ въ собственность по куплѣ-продажѣ уже сданнаго продавцомъ въ наймы имущества, является основаннымъ на опредѣленіи юридической природы найма, какъ договора, порождающаго только

личные обязательства контрагентовъ. Между тѣмъ большинство современныхъ кодексовъ проводятъ иной взглядъ, формулированный нѣмцами въ юридической пословицѣ—„Kauf bricht nicht Miethe“. Такое воззрѣніе законодательствъ новаго времени вызвано преимущественно цѣлью создать болѣе успѣшное охраненіе правъ нанимателей, составляющихъ въ современномъ быту громадное большинство населенія, такъ какъ имъ грозила бы иначе постоянно опасность утратить до срока договора найма безпрепятственное пользованіе святой въ наймы недвижимостью: при господствѣ романистическаго принципа въ правѣ—„Kauf bricht Miethe“, для этого было бы достаточно продать сданное въ наймы имѣніе, чтобы новый хозяинъ почитался свободнымъ отъ обязанности по договору найма и могъ прогнать нанимателя во всякое время. Желаніе предотвратить возможность такихъ послѣдствій и побудило законодателей новаго времени постановить, вопреки принципамъ римскаго права, правило объ обязательности договоровъ найма недвижимости и для новыхъ приобрѣтателей имѣнія. Однако съ признаніемъ въ законѣ новаго правила—„Kauf bricht nicht Miethe“—возникли для юристовъ другія затрудненія. Прежде всего, подобное правило шло въ разрѣзъ съ ученіемъ о договорѣ найма имущества, какъ объ обязательствѣ личномъ; вмѣстѣ съ тѣмъ представлялось несправедливымъ требовать отъ новаго приобрѣтателя исполненія заключенныхъ его предмѣстникомъ наемныхъ договоровъ, содержаніе, а можетъ быть и самое существованіе которыхъ были ему неизвѣстны. Наконецъ, новымъ правиломъ порождалась опасность для кредиторовъ собственника, что послѣдній заключеніемъ долгосрочныхъ арендныхъ договоровъ, обязательныхъ и для всякаго сторонняго приобрѣтателя имѣнія, могъ бы легко совершенно обезцѣнить и самое имущество.

Г. Цвингманъ въ статьѣ своей и излагаетъ критически, какимъ образомъ новѣйшіе наши законопроекты стараются согласовать эти противорѣчащіе взаимно интересы арендаторовъ и наймодавцевъ, а равно покупателей сданнаго уже въ наймы имущества, обращая при этомъ особенное вниманіе на значеніе вотчинной системы регистраціи недвижимостей при разрѣшеніи даннаго вопроса.

Другой, равнымъ образомъ, весьма сложный и спорный вопросъ изъ области обязательственнаго права—объ опредѣленіи момента приобрѣтенія права собственности при куплѣ-продажѣ вещей движимыхъ, думается намъ, разрѣшенъ для нашего права въ весьма интересно и изящно написанной г. *Тренцинымъ* статьѣ—*Traditio* или *nudum pactum* (Журн. Мин. Юстиц. кн. IX и X), появленіе

которой мы отъ души привѣтствуемъ, какъ цѣнный вкладъ въ нашу бѣдную хорошими работами цивилистическую литературу. Удачное разрѣшеніе авторомъ намѣченнаго имъ вопроса представляетъ серьезное научное значеніе, въ виду крайней неясности и даже противорѣчій въ текстѣ относящихся сюда статей нашихъ гражданскихъ законовъ, еще болѣе затемненныхъ взаимно противорѣчивыми толкованіями ихъ кассационными департаментами Сената, а равно въ виду разногласій по этому поводу нашихъ цивилистовъ. Кромѣ того, удачное разрѣшеніе этого вопроса важно и съ практической точки зрѣнія для возможности установленія у насъ правильной, точной и однообразной нормировки гражданскихъ и тѣмъ болѣе торговыхъ сдѣлокъ, гдѣ особенно быстрый оборотъ требуетъ и особенной точности и опредѣленности въ правоотношеніяхъ.

Отдѣльныя сдѣлки купли-продажи далеко не всегда совершаются немедленной передачей товара за деньги изъ рукъ въ руки. Теперь, при отчужденіи предметовъ все болѣе и болѣе развиваются кредитныя сдѣлки. Между тѣмъ каждому продавцу важно знать, съ какого именно момента онъ можетъ свободно распоряжаться купленною вещью, какъ своею, и, наоборотъ, съ какого момента онъ утрачиваетъ на нихъ свое право собственности, что особенно важно выяснитъ, напр., при дѣйствіи правила—*„casum sentit dominus“*. Выясненіе того же вопроса имѣетъ важное значеніе еще, напр., въ случаяхъ наступленія несостоятельности одного изъ контрагентовъ купли-продажи въ кредитъ, когда необходимымъ представляется выяснитъ, кому принадлежать проданныя уже вещи, но еще не переданныя покупщику продавцомъ, впавшимъ между тѣмъ, послѣ заключенія такой сдѣлки, въ несостоятельность, а также, въ чьей собственности находятся вещи купленные, но еще не полученные покупателемъ, ставшимъ послѣ сдѣлки несостоятельнымъ.

Какъ извѣстно, вопросъ о *regiculum rei* при куплѣ-продажѣ движимыхъ вещей, а, слѣдовательно, и объ опредѣленіи момента перехода права собственности къ покупателю, рѣшается двояко: 1) одни законодательства, напр., германское уложеніе, нашъ новый проектъ обязательственной части граждан. уложенія и др.,—слѣдующія правиламъ римскаго права, признаютъ моментомъ такимъ *traditio*—фактическую передачу проданной вещи во владѣніе покупателю. 2) Другія же законодательства, напр. англійское, французское и др., признаютъ, что при куплѣ-продажѣ движимостей собственность переходитъ къ покупщику съ момента согласенія его со своимъ контрагентомъ о куплѣ-продажѣ.

Тщательно и подробно изслѣдовавъ исторію нашего законодательства о куплѣ-продажѣ движимостей, его дѣйствующія положенія *ad hoc* и разсмотрѣвъ критически разнорѣчивыя толкованія по этому вопросу какъ нашихъ юристовъ, такъ равно Правит. Сената, г. Трепицынъ вполне правильно, какъ мы думаемъ, пришелъ къ необходимости признать и по нашему праву моментомъ перехода къ покупателю собственности на проданную движимость моментъ заключенія самой сдѣлки о куплѣ-продажѣ. Доказавъ, что такое его воззрѣніе согласуется и съ опредѣленіемъ момента перехода правъ собственности къ покупщику по древнимъ нашимъ законодательнымъ памятникамъ, а равно и по нынѣ существующимъ обычаямъ народа, авторъ совершенно справедливо и удачно критикуетъ стремленіе редакторовъ новаго проекта обязательственной части уложенія измѣнить это исконное наше воззрѣніе на природу купли-продажи движимостей и ввести у насъ новые порядки въ этой области на началахъ германскаго гражданскаго уложенія.

Г-жа А. М. Евреинова въ статьѣ „Задачи законодательства по отношенію къ трудовымъ артелямъ“ (*Журн. Мин. Юстиціи кн. VII*),—послѣ подробнаго изложенія юридическихъ началъ, лежащихъ въ основѣ товарищескихъ организацій, созданныхъ на началахъ римскаго и германскаго правъ, указываетъ, основываясь на историческихъ изысканіяхъ, что и *de lege ferenda* желательно сохранить у насъ своеобразныя товарищескія организаціи среди народа, именно такъ называемыя договорныя трудовыя артели. Единственной гарантіей въ такихъ артеляхъ передъ третьими лицами обыкновенно является круговая порука артельщиковъ въ смыслѣ обезпеченія исправнаго выполненія общихъ ихъ обязательствъ передъ третьими лицами преимущественно суммой общаго заработка всѣхъ артельщиковъ. Этотъ видъ товарищескихъ организацій не подходитъ по содержанію своему къ типу товариществъ съ торговыми дѣлами по той простой причинѣ, что не имѣетъ, обыкновенно имущественнаго основанія, этой „артели торговли“, или же оно играетъ здѣсь весьма незначительную роль (ср. С. Никоновъ—„Круговая порука, какъ обезпеченіе обязательствъ“ *Журн. Мин. Юстиц.* 1896 г. Ноябрь, стр. 1 слѣд.).

Вполнѣ присоединяясь къ выводамъ и пожеланіямъ почтеннаго автора, которые во многомъ совпадаютъ съ ранѣе высказываемыми нами въ печати *desiderata* по тому же вопросу, считаемъ нужнымъ лишь замѣтить, что существованіе трудовыхъ артелей безъ имущественнаго субстрата, кредитъ которыхъ основанъ на круговой

порука артельщиковъ на счетъ будущаго артельного заработка, не является чѣмъ либо свойственнымъ исключительно одному нашему народному юридическому быту. Какъ извѣстно, такія же артельные трудовыя организаціи существовали еще въ римскомъ государствѣ въ концѣ республиканскаго періода, гдѣ, напримѣръ, бѣдные жители сѣверной Италіи нанимались артелями на полевыя работы на тѣхъ же условіяхъ и съ круговою порукою, какъ нанимались и нанимаются и наши трудовыя артели (см. *С. Никоновъ*. „Къ исторіи отхожихъ промысловъ въ Римѣ“ *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1896 г.).

Кромѣ указанной статьи г. Евреиновой тому же вопросу—объ артельныхъ организаціяхъ посвящена статья г. *Акимова*—, „*О существѣ русской артели*“ (*Вѣстн. Права* кн. 6 и 7). Авторъ здѣсь излагаетъ (преимущественно съ политико-экономической точки зрѣнія) вопросъ о природѣ и существѣ артели, придерживаясь высказанныхъ въ этомъ отношеніи воззрѣній покойнаго проф. *Штера* въ его извѣстной монографіи—*Ueber Ursprung, Geschichte, Wesen und Bedeutung des russischen Artels* V. I 1890; II, 1891. Статья г. *Акимова* представляетъ простое изложеніе книги Штера, а не самостоятельное изслѣдованіе.

Злободневнымъ вопросамъ акціонернаго законодательства посвящено въ нашихъ юридическихъ журналахъ всего лишь двѣ статьи г. г. *Бѣлинскаго* и *Каминки*.

Въ замѣткѣ „*Вознагражденіе учредителей акціонерныхъ компаній*“ (*Журн. Мин. Юст. кн. V*) г. *Бѣлинскій* указываетъ мѣры, предпринимаемыя законодательствами Запада и возможные у насъ, противъ вреда, наносимаго акціонернымъ предпріятіямъ во время ихъ учрежденія отъ непоумѣрнаго преувеличенія цѣнъ уступаемаго учредителями акціонерныхъ компаній предпріятію имущества (*illata*, по выраженію проф. *П. П. Цитовича*), взаимнѣй удерживаемыхъ акцій. вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ указываетъ и на мѣры, предпринимаемыя законодателями и противъ всѣхъ другихъ учредительскихъ посягательствъ на имущество предпріятій. Къ числу такихъ „походовъ на доходы“ со стороны учредителей особенно выдѣляются: вознагражденіе, приписываемое себѣ учредителями за дѣятельность по созданію предпріятія, и разнообразныя преимущества (привилегіи) и права, которыя учредители выговариваютъ себѣ въ уставахъ предпріятій.

Г. Каминка въ № 20 „*Права*“ даетъ отвѣтъ на сложный и довольно спорный вопросъ „*объ отвѣтственности акціонеровъ за полную оплату акцій*“ въ томъ смыслѣ, что каждый акціонеръ

отвѣчаетъ по долгамъ товарищества только въ предѣлахъ своего вклада; но въ этихъ предѣлахъ отвѣчаетъ уже безусловно, совершенно независимо отъ того обстоятельства, вполнѣ ли оплачены имъ акціи, на которыя онъ подписался, или часть подписной суммы имъ еще не внесена.

Въ области внѣдоговорныхъ обязательствъ г. Семеновъ въ статьѣ „*Отвѣтственность предпринимателей за вредъ, причиненный увп-чьемъ*“ („*Право*“ № 39, 40) критически разсматриваетъ содержаніе недавно изданнаго проекта Мин. Финансовъ о вознагражденіи рабочихъ и служащихъ владѣльцами промышленныхъ предпріятій за смерть и тѣлесныя поврежденія, происшедшія отъ несчастныхъ случаевъ. Разрѣшеніе этого давно уже наболѣвшаго у насъ вопроса путемъ законодательнымъ является настоятельно необходимымъ. Къ сожалѣнію, какъ вполнѣ вѣрно замѣчаетъ г. Семеновъ, и новый проектъ оставляетъ безъ разсмотрѣнія вопросъ о вознагражденіи рабочихъ, заболѣвшихъ такъ называемыми „профессиональными болѣзнями“, потерявшихъ преждевременно свою трудоспособность вслѣдствіе рода работъ, ими выполняемыхъ. Между тѣмъ, именно разрѣшеніе этой задачи и составляетъ наиболѣе существенную часть законодательной политики въ вопросѣ объ обезпеченіи фабричныхъ рабочихъ и упорядоченія отношеній послѣднихъ къ работодателямъ.

Другой, не менѣе важный и трудный, вопросъ законодательной политики въ области права обязательственного затронуть г. Лазаревскимъ въ его статьѣ— „*Гражданская отвѣтственность должностныхъ лицъ*“ (*Журн. Мин. Юстиц.* кн. VII и VIII). Авторъ указываетъ здѣсь на ошибочность нашей практики, которая опредѣляетъ матерьяльныя условія отвѣтственности должностныхъ лицъ за ихъ неправильныя, хотя и не преступныя дѣйствія правилами ст. 684 т. X ч. 1 св. законовъ, и на основаніи изученія источниковъ дѣйствующаго законодательства авторъ заявляетъ, что матерьяльно-правовой основой отвѣтственности такой является статья 1316 уст. гражд. судопроизв., которая устанавливаетъ имущественную отвѣтственность должностныхъ лицъ не за всякую вину, а лишь за неосмотрительность, нерадѣніе и медленность. Сопоставляя далѣе имѣющіяся для того нормы въ западно-европейскихъ законодательствахъ съ нашимъ порядкомъ—прошлымъ и настоящимъ—г. Лазаревскій справедливо замѣчаетъ, что въ этой области наша русская дѣйствительность заставляетъ желать очень многого и прежде всего уваженія личности и развитія въ населеніи способности от-

стаивать свои права отъ нарушенія ихъ хотя бы и должностными лицами.

Вопросы семейственного права сравнительно очень слабо затронуты въ разсматриваемой нами журнальной литературѣ прошлаго года.

Г. Гомолицкій, въ интересно изложенной статьѣ—*„Бракъ раскольниковъ по закону 19 апрѣля 1874 года, введенъ ли имъ гражданскій бракъ?“* (Вѣстн. Права кн. 4—5) трактуетъ о томъ, какое юридическое значеніе имѣеть введенная у насъ по закону 19 апрѣля 1874 года гражданская регистрація раскольниковъ браковъ. Слабо выясненный въ теоріи вопросъ этотъ еще болѣе затемненъ за послѣднее время и тѣмъ обстоятельствомъ, что Сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ высказываетъ взаимно противорѣчащія толкованія. Такъ, въ рѣшеніи отъ 16 марта 1894 года по дѣлу Мяхоотиной гражданскій кассационный департаментъ указалъ, что запись расколическаго брака въ метрическія книги является равносильной самому заключенію между раскольниками брачнаго союза. Въ то же время указомъ 11 октября 1894 же года по дѣлу Парфенова уголовный кассационный департаментъ опредѣлилъ, что „запись въ метрическія книги брака раскольниковъ вовсе не является актомъ, знаменующимъ самое совершеніе сего союза“....

Исторически излагая юридическое положеніе раскольниковъ и отношеніе къ нимъ нашего законодательства до закона 19 апрѣля 1874 г., авторъ замѣчаетъ, что самымъ раннимъ указомъ, касающимся раскольниковъ браковъ, является указъ Петра Великаго 24 марта 1714 года, когда признаніе ех *officio* брака раскольниковъ по обрядамъ ихъ ученія обходилось для каждой брачующейся пары взносомъ 6 рублей въ казну. Отличительнымъ свойствомъ позднѣйшихъ законоположеній по этому вопросу является, какъ указываетъ г. Гомолицкій, ихъ полная безпринципность: то правительство строго преслѣдуетъ раскольниковъ, отказываясь вовсе признавать за ними какія-либо права, то оно право ихъ признаетъ, причемъ распоряженія того и другого рода чередуются безъ всякой послѣдовательности, съ обязательнымъ лишь для всѣхъ ихъ соблюденіемъ государственной тайны и запрещенія ихъ распубликовать. Поэтому даже до сихъ поръ большинство ихъ остается недоступнымъ для изслѣдованія.

Переходя далѣе къ разсмотрѣнію содержанія закона 19 апрѣля 1874 года, г. Гомолицкій полемизируетъ противъ сторонниковъ мнѣнія, что разсматриваемымъ закономъ введенъ для раскольниковъ

гражданскій бракъ. При этомъ авторъ справедливо упрекаетъ ихъ, что они, выставляя такое воззрѣніе, упустили изъ виду самое понятіе гражданского брака, какъ оно установлено по теоріи и въ законодательствахъ, которыя признаютъ этотъ институтъ. Какъ извѣстно, теорія права признаетъ гражданскій бракъ договоромъ частнаго права, заключаемымъ сторонами передъ органами государственной власти, о правахъ и обязанностяхъ супружескаго союза. Между тѣмъ разсматриваемый законъ 1874 года не дѣлаетъ ни малѣйшихъ намековъ на такое договорное соглашеніе брачующихся засвидѣтельствуемое представителями публичной власти.

Какъ вѣрно замѣчаетъ авторъ, выводя это изъ подробнаго изученія какъ самого закона, такъ и его мотивовъ, самыя положенія закона, и въ отдѣльности, и въ ихъ совокупности и цѣлой системѣ, не только не устанавливаютъ для раскольниковъ гражданского брака, но и вовсе не касаются порядка заключенія брака вообще и опредѣляютъ лишь порядокъ *регистраціи* браковъ, а также рожденія и смерти раскольниковъ.

Вопросу *объ усыновленіи крестьянами и мѣщанами* посвящены двѣ статьи въ „Правѣ“ (№№ 14 и 16), именно г.г. *Шестакова* и *П-на*, въ которыхъ авторы излагаютъ затронутую ими тему преимущественно съ точки зрѣнія формальной, именно касательно условій и порядка совершенія такого усыновленія и относительно того участія, какое принимаютъ при этомъ казенныя палаты.

Вообще должно замѣтить, что въ разсматриваемой журнальной литературѣ очень слабо затронуты вопросы права семейственнаго. Несмотря на то, что на очереди въ законодательномъ порядкѣ у насъ поставленъ на разсмотрѣніе законопроектъ *объ упорядоченіи и улучшеніи быта дѣтей вѣбрачныхъ*, этотъ вопросъ былъ обойденъ юристами полнымъ молчаніемъ.

Болѣе посчастливилось области крестьянскихъ семейныхъ отношеній, которыя съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе интересуютъ нашихъ цивилистовъ. При сравнительной бѣдности прошлогодней цивилистической литературы, все же въ Журналахъ имѣются двѣ статьи, посвященныя семейнымъ крестьянскимъ раздѣламъ—г.г. *Герасимова* и *З. Н.*

Г. З. Н. въ статьѣ своей—„*О крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ*“ („Право“ № 12), подвергнувъ основательной критикѣ существующія правила о порядкѣ совершенія семейныхъ раздѣловъ, приходитъ къ выводу, что сельскіе сходы, которымъ закономъ предоставлены исключительныя права въ дѣлѣ разрѣшенія, а равно и

самого производства семейныхъ раздѣловъ, оказались на практикѣ неспособными къ возложенной на нихъ обязанности. вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ справедливо указываетъ на полную бесполезность и безрезультатность законодательныхъ мѣръ противъ наблюдаемаго среди крестьянства стремленія дробить большія семьи, такъ какъ семейные раздѣлы являются прямымъ слѣдствіемъ смутныхъ пока стремленій крестьянъ къ личной самостоятельности и къ защитѣ своей естественной семьи отъ произвола и притѣсненій „большака“ сложной семьи. Предлагаемая авторомъ реформа въ области затронутого имъ вопроса заключается въ томъ, что онъ предлагаетъ предоставить вопросъ о раздѣлахъ естественному теченію и не создавать ему по пути тормазовъ законодательнымъ путемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ г. З. Н. совѣтуетъ передать самое производство семейныхъ раздѣловъ вѣдомству волостныхъ судовъ, съ оставленіемъ за сходомъ (но именно лишь *общиннымъ* сходомъ) разрѣшенія вопроса и самый порядокъ надѣленія участками общинной земли вновь возникающія при раздѣлѣ семейныя единицы.

Г. Герасимовъ въ статьѣ— „Законъ 18 марта 1886 года о семейныхъ раздѣлахъ“ (*Журн. Министерства Юстиціи VI*) подробно излагаетъ намѣченную тему, критически разсматривая какъ самый законъ, такъ и сбивчивую по этому вопросу сенатскую практику. Въ статьѣ своей авторъ настаиваетъ на необходимости оставить семейные раздѣлы и *de lege ferenda* въ вѣдомствѣ схода, попрежнему, но именно схода той поземельной общины, къ которой принадлежитъ дѣлящаяся семья. По мнѣнію автора, требованіе разрѣшенія схода, какъ необходимое условіе законности семейнаго раздѣла, вытекаетъ изъ института круговой поруки. Поэтому разрѣшеніе схода на семейный раздѣлъ должно быть признано, думаетъ онъ, необходимымъ лишь до тѣхъ поръ, пока существуетъ институтъ круговой поруки. Такимъ образомъ, съ отмѣной послѣдней, и семейные раздѣлы должны быть изъяты изъ вѣдѣнія сходовъ и предоставлены компетенціи волостныхъ судовъ.

Намъ думается, что авторъ придалъ слишкомъ большое значеніе круговой поруки и ея вліянію на крестьянское общинное землепользованіе вообще и на семейные раздѣлы въ частности.

Вмѣшательство сельскаго общества въ дѣла о семейныхъ раздѣлахъ обусловливается не круговой порукой (которая, кстати сказать, съ 1868 года не примѣняется въ общинахъ, гдѣ числится менѣе 30 дворовъ), но главнымъ образомъ тѣмъ, что при раздѣлахъ происходитъ распределеніе общинной земли между дѣлящи-

мися частями одного двора и, въ случаѣ надобности, отводъ новыхъ усадебныхъ участковъ изъ общинной земли, а также тѣмъ, что, въ виду тѣсной хозяйственной связи между всѣми членами земельной общины, послѣдняя сама непосредственно заинтересована въ недопущеніи такихъ раздѣловъ, которыми ослаблялось бы благосостояніе и платежная способность дѣлящихся семействъ, безъ достаточнаго къ тому же основанія, и создавалась бы опасность накопленія на нихъ недоимокъ и плохой обработки отведенной имъ общинной земли.

Мы полагаемъ, что *de lege ferenda* было бы желательно установить два вида раздѣловъ, а именно: 1) полный раздѣлъ семьи и 2) выдѣлъ одного или нѣсколькихъ членовъ изъ семьи только для отдѣльнаго жительства и для веденія своего особаго хозяйства по общему надѣлу, съ тѣмъ, однако, чтобы выдѣлившіеся тѣмъ самымъ не считались самостоятельнымъ крестьянскимъ дворомъ и не получали еще права голоса на сходѣ, а числились бы по спискамъ въ прежней семьѣ, въ общей съ нею отвѣтственности по платежу окладныхъ сборовъ и отправленію повинностей.

Дозволеніе на такого рода выдѣлы должно быть и здѣсь, какъ при полномъ раздѣлѣ, предоставлено вѣдомству селеннаго (общиннаго) схода, при наличности достаточно уважительныхъ къ тому причинъ, а равно при доказанной просящими выдѣла возможности приобрѣтенія особой усадьбы или при надѣленіи таковою выдѣляющихся самой общиной въ узаконенномъ размѣрѣ. Такой членъ семьи, поселившійся на отдѣльной усадьбѣ, ведя по дому особое самостоятельное хозяйство, долженъ пользоваться полевымъ надѣломъ и угодьями сообща, нераздѣльно съ семействомъ, изъ котораго удаленъ, и уплачивая также извѣстную часть, по опредѣленію селеннаго схода, причитающихся со всей семьи окладныхъ сборовъ.

Что касается случаевъ *раздѣла*, то слѣдовало бы измѣнить условія допустимости семейныхъ раздѣловъ въ томъ смыслѣ, что при жизни отца-домохозяина, безъ разрѣшенія послѣдняго, никто изъ членовъ его семьи не можетъ возбуждать ходатайства о семейномъ раздѣлѣ (но *выдѣла* требовать *могутъ*), кромѣ тѣхъ случаевъ, когда отецъ-домохозяинъ извѣстенъ какъ мотъ, разстраивающій хозяйство, какъ пьяница, или какъ человекъ безнравственнаго поведенія. Въ остальныхъ же случаяхъ, когда старшимъ домохозяиномъ является не отецъ семьи, а другой старшій родственникъ, должно предоставить селенному сходу общины право разрѣшать раздѣлы и при несогласіи на это старшаго члена семьи, если имѣются основатель-

ные поводы къ раздѣлу. Дѣло въ томъ, что въ такого рода сложныхъ семьяхъ домохозяинъ (не отецъ) всѣми правдами и неправдами старается обыкновенно извлечь какъ можно болѣе выгоды въ свою личную пользу или въ пользу своей собственной кровной семьи (нисходящихъ) посредствомъ всяческихъ злоупотребленій, эксплуатаціей остальныхъ членовъ семьи—боковыхъ родственниковъ, присвоеніемъ себѣ львиной доли въ доходахъ и проч. Младшіе члены семьи—племянники, братья, вдовы умершихъ братьевъ старшаго домохозяина и т. п. видятъ злоупотребленія, но ничего не могутъ сдѣлать, такъ какъ у нихъ нѣтъ въ настоящее время законныхъ средствъ бороться противъ злоупотребленій старшаго домохозяина и требовать отъ него отчета. Хуже всего то, что по закону они не могутъ даже требовать раздѣла, чтобы спасти свои наслѣдственные доли отъ расхищенія: для этого нѣтъ въ законѣ формальныхъ основаній. Легко видѣть, каково теперь нравственное и экономическое состояніе такихъ семействъ, и насколько существующая система стѣсненія семейныхъ раздѣловъ можетъ способствовать экономическому благосостоянію крестьянъ.

На практикѣ, наконецъ, весьма часты случаи выдѣла домохозяиномъ младшаго члена семьи (напримѣръ снохи-вдовы или сына или брата—не земледѣльца), съ выдачей имъ лишь движимости или денежнаго пособія, безъ предоставленія права пользоваться усадьбой или надѣломъ. Сдѣлки такого рода не подходятъ подъ понятіе семейнаго раздѣла. Последнимъ, собственно говоря, является всякій имущественный выдѣлъ изъ состава общаго крестьянскаго двора, сопряженный съ образованіемъ новаго двора и самостоятельнаго хозяйства на особомъ надѣлѣ общинной земли. Поэтому такой выдѣлъ одного движимаго имущества или даже земельного участка изъ „прикупки“, а не изъ общинной земли, не является семейнымъ раздѣломъ въ техническомъ смыслѣ слова, и споры по такимъ дѣламъ и выдѣламъ, гдѣ объектомъ не является общинная земля, должны подлежать рассмотрѣнію не схода, но волостного суда.

Въ области наслѣдственного права г. *Башмаковъ* въ статьѣ своей—„*О владѣніи по наслѣдству или сезимъ*“ (*Журн. Мин. Юст. кн. 2*) излагаетъ вопросъ объ опредѣленіи момента наступленія универсальнаго преемства правъ наслѣдодателя его наслѣдникомъ. Въ этомъ отношеніи можно замѣтить два главныхъ направленія въ законодательствахъ, а именно, одни изъ нихъ признаютъ, что открытіе наслѣдства само уже является моментомъ, съ котораго наслѣдникъ приобретаетъ всѣ права на наслѣдство; причемъ уже не

представляется надобности въ позднѣйшемъ изъявленіи воли на принятіе наслѣдства (*sui heredes* римскаго права, право французское, германское граждан. уложеніе). Въмѣстѣ съ тѣмъ имѣются однако законодательства, которыя связываютъ универсальное преемство съ моментомъ принятія наслѣдства (*heredes extranei* римскаго права, право австрійское, нашъ т. X ч. 1 свод. закон.).

Случаи непосредственнаго наслѣдственнаго преемства, особенно разившіеся въ древнемъ французскомъ правѣ, авторъ называетъ именемъ „сезины“ (*saisine*), подробно разсматривая въ своей статьѣ юридическую природу и условія примѣненія такого преемства. При этомъ г. Башмаковъ положительнымъ образомъ, вслѣдъ за редакторами новаго германскаго уложенія, становится на сторону этого института, признавая за нимъ и большія практическія преимущества сравнительно съ порядкомъ универсальнаго преемства, обусловленнаго принятіемъ наслѣдства наслѣдникомъ. Намъ думается однако, что защищаемая авторомъ идея необходимости непосредственнаго, непрерывнаго продолженія владѣнія отъ одного поколѣнія къ другому если и можетъ еще имѣть сторонниковъ среди юристовъ, то лишь въ области ученія о необходимомъ наслѣдованіи той группы лицъ, которыхъ римское право именовало терминомъ *heredes sui*, а отнюдь не въ примѣненіи къ боковымъ и восходящимъ родственникамъ, для которыхъ уже безусловно такая неизбѣжность вступленія въ права, а главное въ обязанности наслѣдодателя, сплошь и рядомъ будетъ превращать законный порядокъ наслѣдованія въ казнь единственную, или по крайней мѣрѣ (въ случаѣ примѣненія *beneficium inventarii*) въ весьма хлопотливую и бесполезную повинность.

Въ статьѣ г. Свворцова—*„Наслѣдованіе въ землѣ крестьянъ“* (*Вѣстн. Права кн. 2*) излагается главнымъ образомъ процессуальная сторона вопроса именно—о подсудности крестьянскихъ дѣлъ о наслѣдованіи. Въмѣстѣ съ тѣмъ авторъ горячо возстаетъ противъ чрезмѣрнаго господства обычнаго права въ области наслѣдственныхъ отношеній среди крестьянъ, указывая между прочимъ, что отсутствіе въ большинствѣ случаевъ, достаточно точныхъ и ясныхъ обычаевъ въ этой области права крайне вредно отражается на благосостояніи крестьянства и влечетъ за собою массу злоупотребленій въ волостныхъ судахъ. Въ цѣляхъ помочь этому нежелательному явленію г. Свворцовъ настаиваетъ на возможно скорѣйшемъ подчиненіи крестьянскихъ наслѣдственныхъ отношеній нормамъ общихъ нашихъ гражданскихъ законовъ, а равно на подчиненіи споровъ и тяжбъ въ этой области права вѣдомству общихъ судовъ.

Съ положеніями г. Скворцова мы можемъ согласиться лишь отчасти. Безспорно, во многомъ крестьянскія положенія теперь уже не отвѣчаютъ запросамъ крестьянскаго быта. Теперь вся жизнь крестьянства такъ скоро идетъ по пути прогресса, что обычаи крестьянскіе далеко не всегда успѣваютъ сложиться въ достаточно опредѣленныя формы для успѣшной регламентаціи существующихъ и вновь возникающихъ видовъ и типовъ юридическихъ отношеній. Благодаря этому, теперь у крестьянъ часто замѣняетъ мѣсто интуитивнаго разрѣшенія спорныхъ вопросовъ „по справедливости“, „по Божески“—произволь болѣе сильныхъ надъ слабыми. Отсюда возникло въ обществѣ убѣжденіе во вредъ регламентаціи крестьянскихъ правоотношеній обычаями, о желательности замѣны послѣднихъ точными положеніями законовъ.

Взглядъ такой на вредъ обычаевъ представляется, по нашему мнѣнію, совершенно неосновательнымъ. Разъ обычаи существуютъ, они, какъ таковыя, соблюдаются самими крестьянами; нарушаютъ ихъ за послѣднее время, къ сожалѣнію, прежде всего сами крестьянскія „власти“ и, *подъ давленіемъ* со стороны ихъ, волостные суды. Возстающіе противъ примѣненія обычнаго права въ крестьянскомъ быту, собственно говоря, направляютъ свои возраженія не противъ обычаевъ, а противъ *недостатка* въ обычаяхъ, которыми можно было бы съ успѣхомъ нормировать вновь возникающія правоотношенія среди крестьянства. Дѣйствительно, жизнь не ждетъ; обычаи по природѣ своей, не могутъ быстро возникать наряду съ новыми правоотношеніями, нуждающимися въ регламентаціи. Но изъ этого одного еще не слѣдуетъ никоимъ образомъ выводить, будто бы обычное право окончательно непригодно для примѣненія въ данной области юридическаго быта, какъ не захватывающее подъ власть свою всѣхъ новыхъ случаевъ юридической жизни. Разъ обычаевъ не хватаетъ ихъ нужно *дополнить* нормами положительнаго права, созданными, однако, *по общему духу* существующихъ уже обычаевъ, а не въ разрѣзъ съ послѣдними.

Въ нормальномъ здоровомъ, такъ сказать, развитіи положительнаго права замѣчалось и замѣчается у всѣхъ народовъ то общее явленіе, что законъ, на первыхъ порахъ своего развитія, только тогда съ успѣхомъ получаетъ права гражданства, когда онъ издается не въ отмѣну существующихъ уже основныхъ положеній обычнаго права, но въ пополненіе ихъ, нормируя новыя отношенія по общему духу обычнаго правопорядка. Только потому, что обычное право не было игнорировано, а, напротивъ, подверглось тщательному и все-

стороннему изученію, и новыя нормы созданы были редакторами согласно общему духу этихъ обычаевъ, только этимъ и объясняется колоссальный успѣхъ французскаго Code Civil и его распространеніе, въ качествѣ законодательнаго сборника, даже и въ другихъ государствахъ Европы.

Равнымъ образомъ и у насъ можно будетъ желать примѣненія законодательныхъ общихъ нормъ въ области крестьянскаго наследственнаго права въ томъ лишь случаѣ, если редакторы новаго гражданскаго кодекса обратятъ серьезное вниманіе на юридическій бытъ крестьянства и, изучивъ нормы, которыми послѣднее руководится въ своихъ взаимоотношеніяхъ, постараются создать новыя правила права, согласно общему духу крестьянскаго обычнаго права, а не игнорируя совершенно крестьянъ и ихъ юридическій бытъ, какъ это дѣлаетъ, напр., въ настоящее время т. X ч. 1 свода законовъ.

Въ области ученія о наследованіи по завѣщанію г. *Бяляевымъ* дана статья— „*Первичныя формы завѣщательнаго распоряженія и назначенія душеприказчиковъ въ древнемъ русскомъ правѣ*“ (Журн. Мин. Юстиц. кн. 6 и 7). Основываясь на тщательномъ изученіи древнѣйшихъ памятниковъ нашего права, а равно пользуясь сравнительнымъ методомъ, авторъ пришелъ къ цѣннымъ и интереснымъ выводамъ, во многомъ противорѣчащимъ установившимся было въ литературѣ вопросамъ воззрѣніямъ на природу и отличительныя черты нашихъ древнихъ законодательныхъ распоряженій. Признавая древнѣйшія духовныя у насъ актами *предсмертнаго* изъявленія воли, авторъ указываетъ на ту отличительную черту нашихъ древнихъ „рядовъ“, „урядовъ“, „порядныхъ“, что всѣ они представляли собою двустороннюю форму распоряженія на случай смерти, въ видѣ договора завѣщателя съ присутствовавшими при составленіи завѣщанія наследниками; причемъ договоръ такой могъ быть вещнаго характера или даже сочетаніемъ договоровъ вещнаго и обязательственнаго. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ противоположность современному русскому завѣщанію, не знающему договора, древнѣйшее наше завѣщаніе было сдѣлкою договорнаго характера по преимуществу.

Другою, подмѣченной г. *Бяляевымъ*, особенностью древнихъ нашихъ завѣщательныхъ распоряженій было то, что они были предсмертнымъ распоряженіемъ, совершаемымъ въ ожиданіи смерти, на смертномъ одрѣ; причемъ завѣщанія и сливались обыкновенно съ предсмертной исповѣдью. Составленіе завѣщанія задолго до смерти практиковалось въ старину очень рѣдко.

Въ противоположность современнымъ завѣщаніямъ, посредствомъ

которыхъ можно отказывать имущества, еще не пріобрѣтенныя въ собственность въ моментъ составленія завѣщанія, древнѣйшія завѣщанія могли содержать въ себѣ распоряженія исключительно личнымъ имуществомъ завѣщателя. Въ связи съ этимъ завѣщанія древняго времени у насъ не являлись основаніемъ универсальнаго преемства, подобно римскому testamentу, а только создавали сингулярное преемство; съ помощью ихъ передавалось не право на имущество, какъ цѣлое съ activa и passiva, а только на отдѣльные предметы, принадлежащіе завѣщателю. Мало того, въ отличіе отъ современнаго права, древнѣйшія завѣщательныя сдѣлки были актами съ немедленнымъ юридическимъ эффектомъ: наслѣдникъ (или что также допускалось—посредникъ, представитель наслѣдника) становился хозяиномъ или владѣльцемъ отказанныхъ ему вещей съ момента совершенія завѣщательной сдѣлки, т. е. еще *inter vivos*; причемъ не имѣла мѣста самая идея посмертнаго преемства.

Тѣсная связь завѣщанія съ предсмертной исповѣдью, какъ замѣчаетъ г. Бѣляевъ, подчинила этотъ актъ вѣдомству духовенства и черезъ него вліянію византійскаго права. Подъ вліяніемъ послѣдняго и стало совершаться дальнѣйшее развитіе, завѣщательность распоряженій на Руси и превращеніе ихъ въ сдѣлки *mortis causa*, въ общемъ по тѣмъ же стадіямъ развитія, какія прошло завѣщаніе и въ римскомъ, и въ западно-европейскихъ законодательствахъ.

Значительный интересъ и для цивилистовъ имѣетъ статья г. Быковскаго— „Здравый умъ и твердая память, какъ условія дѣйствительности духовныхъ завѣщаній“ (Журн. Мин. Юстиц. кн. VI), въ которой авторъ указываетъ, съ медицинской точки зрѣнія, какъ должно понимать терминъ ст. 1016 т. X ч. 1 свод. законовъ— „здравый умъ и твердая память“ и какихъ пріемовъ слѣдуетъ держаться для выясненія сомнѣній *in concreto* по данному пункту.

Въ кн. IV Журн. Мин. Юстиціи имѣется замѣтка г. Полежаева— „Можно ли завѣщать собственное обязательство?“, вызванная однимъ судебнымъ казусомъ. Изучая вопросъ этотъ *de lege lata*, авторъ приходитъ къ выводу, что завѣщаніе собственнаго обязательства имѣетъ значеніе лишь признанія или подтвержденія завѣщателемъ своего обязательства, если таковое выражено особо въ какомъ либо документѣ; тѣмъ болѣе, что по закону завѣщаніе есть объявленіе воли о своемъ *имуществомъ*; между тѣмъ долговныя обязательства имуществомъ, по мнѣнію г. Полежаева, признаваемы быть не могутъ. Думается намъ, что подобная аргументація автора едва ли убѣдитъ его противниковъ въ справедливости защищаемаго г. Полежаевымъ воззрѣнія.

Г. Башмаковъ въ статьѣ „*Быть или не быть понятію завѣщательнаго отказа въ русскомъ законодательствѣ?*“ (Журн. Мин-Юстиц. кн. 7) является горячимъ противникомъ принципа неограниченной долговой отвѣтственности наслѣдника, выраженнаго въ ст. 1259 т. X ч. 1 свод. закон., и вслѣдъ за г.г. Рихтеромъ, Кассо и др. заявляетъ, что начало это водворилось въ нашемъ правѣ не ранѣе обнаруженія свода законовъ.

Категорически отвергнувъ далѣе возможность и допустимость завѣщательныхъ отказовъ по нашему дѣйствующему законодательству, авторъ, изъ изученія законоположеній *ad hoc* римскаго и западно-европейскихъ законодательствъ, дѣлаетъ попытку научнаго опредѣленія понятія завѣщательнаго отказа, указывая слѣдующіе основные элементы этого института:

1) Отказомъ является не самая вещь, а распоряженія завѣщателя, касающіяся извѣстной вещи.

2) Отнюдь не учиняется въ пользу наслѣдника, но, наоборотъ, составляетъ обязательство наслѣдника въ пользу посторонняго лица, т. е. лица, являющагося въ отношеніи наслѣдодателя и наслѣдника въ качествѣ чужого (?) человѣка.

3) Отказъ опредѣляется, какъ нѣчто вычитаемое изъ состава наслѣдства, чѣмъ и устраняется всякое предположеніе о распространеніи на отказъ свойствъ универсальнаго преемства.

4) Предметомъ легата можетъ быть вещь, или (?) цѣнность.

Разъ авторъ установилъ самъ такіе отличительные признаки легата, намъ представляется непонятнымъ, почему онъ отвергаетъ въ то же время возможность существованія и примѣненія отказовъ по нашему дѣйствующему праву. Дѣло въ томъ, что на практикѣ мы постоянно наблюдаемъ случаи составленія, напр., такихъ духовныхъ завѣщаній, въ которыхъ завѣщатель, передавая свое имущество лицу N, возлагаетъ на послѣдняго вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность выдать извѣстную сумму денегъ, или иную цѣнность изъ наслѣдственной массы другому лицу X (ср. выше п.п. 2 и 3 даннаго г. Башмаковымъ опредѣленія легата), которое, очевидно, является, по мнѣнію автора, легатаромъ... Думается намъ, что попытка г. Башмакова разрѣшить и разобраться въ ученіи о завѣщательномъ отказѣ по русскому праву, — этомъ, по его выраженію, „узловомъ пунктѣ всей системы наслѣдственнаго права“, не можетъ быть названа удачной.

Намѣченное нами изложеніе содержанія журнальной литературы по гражданскому праву за истекшій годъ было бы неполнымъ, если бы

мы обопли вниманіемъ интересную статью въ „Правѣ“ *prof. Oertmann'a*, въ которой авторъ даетъ въ сжатомъ видѣ изложеніе нѣмецкой литературы частнаго права за 1900 годъ. Къ сожалѣнію статья эта помѣщалась отрывками, черезъ неровные промежутки времени.

Вообще должно замѣтить, что отсутствіе хорошихъ критическихъ статей и рецензій, попрежнему продолжаетъ составлять хроническій недостатокъ нашихъ юридическихъ журналовъ. Особенно нежелательнымъ въ этомъ отношеніи, является постоянное игнорированіе юридическими журналами другъ друга: существовавшій было въ „Правѣ“ за 1900 годъ похвальный и усиленно нынѣ рекомендуемый нами и остальнымъ журналамъ, въ интересахъ ихъ подписчиковъ, обычай ознакомлять читателей въ сжатомъ очеркѣ съ содержаніемъ статей, помѣщенныхъ въ новѣйшихъ по времени книжкахъ юридическихъ журналовъ, въ прошломъ году прекратилъ свое существованіе. Желаемъ отъ души, чтобы съ новаго года онъ возродился вновь и въ „Правѣ“, и въ другихъ нашихъ юридическихъ журналахъ!...

С. П. Никоновъ.

Редакторъ Г. Сліозбергъ.

НОВЫЯ КНИГИ,
ПОСТУПИВШІЯ ВЪ ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Н. К. МАРТЫНОВА
(С.-Петербургъ, Невскій 50).

- Аппенковъ К.** Система русскаго гражданскаго права. Т. VI. Право наслѣдованія. 902. 3 р. 50 к.
- Ардыбушевъ Г.** Паровые котлы (установка, содержаніе, сборы). 900. 1 р.
- Бржескій Н.** Очерки юридическаго быта крестьянъ (опека, наслѣдственные раздѣлы). 902. 2 р.
- Виленинъ Г.** Финансовый и экономическій строй современной Англіи. 902. 2 р. 50 к.
- Гессенъ І.** Юридическая литература для народа. 902. 40 к.
- Гинтрагеръ О.** Организація лишенія свободы въ Сѣверной Америкѣ. 901. 50 к.
- Фонъ-дёръ-Гольцъ.** Аграрный вопросъ и аграрная политика. 902. 2 р.
- Дедюлинъ С.** Недостатки порядка отчужденія земель на государственныя и общественныя надобности съ хозяйственной и правоосновной точкою зрѣнія. 901. 65 к.
- Долойчевъ В.** Участіе полиціи въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ. 901. 1 р.
- Исаченко В.** Русское гражданское судопроизводство. Т. I. Судопр. исковое. 901. 2 р. 25 к., Т. II вып. 2. Судопр. охранительное. 901. 2 р., в. 2. Судопр. конкурсное. 902. 1 р. 75 к.
- Красноженъ М.** Краткій очеркъ церковнаго права. 901. 2 р.
- Лянченковъ М.** Сборникъ правилъ и циркуляровъ о назначеніи пособій и наградъ служащимъ на казен. жел. дорогахъ за 1898—1901 г. 1 р.
- Мартыновъ Н.** Правила о порядкѣ принятія и направленія прошеній и жалобъ на Высоч. Имя приносимыхъ, съ образцами бумагъ. Изд. 2. 902. 30 к.
- Мигулинъ П.** Русскій государственный кредитъ. Т. I. 99. 2 р., II. 900. 2 р., III. в. 1. 901. 75 к.
- Николаевъ П.** Повтор. курсъ угол. судопроизводства. 902. 2 р.
- Новый законъ 7 іюня 1901 г.** объ отводѣ частнымъ лицамъ казенныхъ земель въ Сибири. 902. 25 к.

- Орловъ А. Замѣтки о вотчинномъ правѣ въ Россіи. 902. 20 к.
 Пиленко А. Право изобрѣтателя (привилегіи и ихъ защита). 902. 3 р.
 Рейнке Н. Очеркъ законодательства Царства Польскаго (1807—81).
 902. 1 р. 50 к.
 Суворовъ Н. Учебникъ церковнаго права. Изд. 2. 902. 3 р.
 Св. зак. т. V. Уст. объ акцизныхъ сборахъ. Оффич. изд. 901. 60 к.,
 съ пер. 95 к.
 Шубинъ-Поздѣевъ Н. Настольная книга для уѣздныхъ предводите-
 лей дворянства. Т. I. 902. По подпискѣ за 3 тома 10 р.
Каталогъ магазина на 1902 г. высылается бесплатно.

Подписчикамъ Журнала Вѣстникъ Права 5% уступки.

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“.

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества,
 при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго Общества.

Годъ XIII.

Журналъ издается на прежнихъ основаніяхъ подъ редакціей кн. С. Н. Трубец-
 кого и Л. М. Лопатина.

Съ 1-го января 1902 г. поступить въ продажу „Сборникъ статей, посвящен-
 ныхъ памяти Вл. С. Соловьева“ (№ 56 Вопр. Ф. и П.). Съ портретомъ. Ц. 3 р.

Въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи“

принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. А. Абрикосовъ, Ю. И. Айхенвальдъ, В. Анри, Н. Н. Баженовъ, Ф. Д. Ба-
 тюшковъ, А. Н. Бекетовъ, А. Н. Бернштейнъ, П. Д. Боборыкинъ, Е. А. Бобровъ,
 С. Н. Булгаковъ, В. Р. Буцке, А. С. Вѣлкинъ, В. А. Вагнеръ, В. Э. Вальден-
 бергъ, А. В. Васильевъ, А-дръ И. Введенскій, Д. В. Викторовъ, Н. Д. Виногра-
 довъ, П. Г. Виноградовъ, В. И. Герье, А. Н. Гиляровъ, В. А. Гольцевъ, Л. О.
 Даркшевичъ, В. В. Джонстонъ, Н. А. Звѣревъ, Ф. А. Зеленогорскій, В. Н. Ива-
 новскій, Н. А. Ивановъ, А. П. Казанскій, М. И. Каринскій, Н. И. Карѣевъ,

В. О. Ключевскій, А. Я. Кожевниковъ, Я. Н. Колубовскій, О. Е. Коршъ, Н. Н. Ланге, П. Ломброзо, Л. М. Лопатинъ, С. М. Лукьяновъ, П. Н. Милуковъ, П. В. Мокіевскій, П. И. Новгородцевъ, Л. Е. Оболенскій, Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, И. Ф. Огневъ, Э. Л. Радловъ, В. П. Сербскій, В. С. Серебренниковъ, П. П. Соколовъ, С. А. Соллертинскій, Ф. В. Софроновъ, Г. Е. Струве, П. Б. Струве, С. А. Сухановъ, П. В. Тихомировъ, гр. Л. Н. Толстой, кн. Е. Н. Трубецкой, кн. С. Н. Трубецкой, Н. А. Умовъ, Г. И. Челпановъ, Б. Н. Чичеринъ, Н. О. Шаталовъ, Н. И. Шिशкинъ и др.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи. Въ понятіи философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, опытная и физиологическая психологія, психопатія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ. 3) Обще обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библіографія. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія. 5) Переводы классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря) книгами не менѣе 15 печатныхъ листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: На годъ (съ 1-го января 1902 г. по 1-е января 1903 г.) безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу—8 р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 р. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимается только въ конторѣ редакціи.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, М. Никитская, Георгіевскій пер., д. Соловьевой, и книжныхъ магазиновъ „Русской Мысли“, „Новаго Времени“ (С.-Петербургъ, Москва, Одесса и Харьковъ), Нарбасникова (С.-Петербургъ, Москва, Варшава), Вольфа (С.-Пб. и Москва), Оглоблина (Кіевъ), Башманова (Казань) и другихъ.

Редакторы: Кн. С. Н. Трубецкой.
Л. М. Лопатинъ.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

Разъясненій Правительствующаго Сената по дѣламъ

О ЖИТЕЛЬСТВѢ ЕВРЕЕВЪ

Съ разрѣшенія г. Министра Юстиціи составилъ М. А. Лозина-Лозинскій б. оберъ-секретарь 1-го департамента Правительствующаго Сената.

Спб. 1902 г., 624 страницы. Цѣна **3 руб. 50 коп.**

Лица, выписывающія отъ Александра Григорьевича Баркова (С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 11, кв. № 36) за пересылку не платятъ; при выискѣ не менѣе 10 книгъ уступка въ 50 коп. на каждый экземпляръ.

„ВОЛЫНЬ“

(Двадцать четвертый годъ изданія)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 12 мѣс. 6 руб.—коп.	На 6 мѣс. 3 руб.—коп.
„ 11 „ 5 „ 50 „	„ 5 „ 2 „ 50 „
„ 10 „ 5 „ — „	„ 4 „ 2 „ — „
„ 9 „ 4 „ 50 „	„ 3 „ 1 „ 50 „
„ 8 „ 4 „ — „	„ 2 „ 1 „ 10 „
„ 7 „ 3 „ 50 „	„ 1 „ — „ 60 „

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ главной конторѣ редакціи, по Большой Бердичевской улицѣ, въ Архіерейскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель *Г. И. Коровицкій.*

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ
„ТРУДОВАЯ ПОМОЩЬ“

ИЗДАВАЕМЫЙ СОСТОЯЩИМЪ ПОДЪ АВГУСТЫЙШИМЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ

Попечительствомъ о Домахъ Трудолюбія и Работныхъ Домахъ.

Годъ пятый.

Журналъ имѣетъ свою задачу теоретическую и особенно практическую разработку вопросовъ трудовой помощи бѣднымъ въ различныхъ формахъ ея, а также и другихъ вопросовъ общественнаго призрѣнія и благотворительности въ широкомъ смыслѣ.

Программа журнала: 1) Узаконенія и распоряженія правительства по вопросамъ общественнаго призрѣнія и благотворительности.—2) Журналы Комитета Попечительства о домахъ трудолюбія, періодическія сообщенія о положеніи дѣлъ Попечительства, о новыхъ членахъ его, о пожертвованіяхъ и пр. Сообщенія о командировкахъ членовъ Попечительства для осмотра домовъ трудолюбія и результатахъ такихъ командировокъ.—3) Извлеченія изъ отчетовъ отдѣльныхъ домовъ трудолюбія. Сводныя данныя о дѣятельности домовъ трудолюбія.—4) Вопросы и отвѣты по различнымъ сторонамъ устройства и дѣятельности домовъ трудолюбія и другихъ учреждений трудовой помощи.—5) Статьи и замѣтки по вопросамъ трудовой помощи.—6) Статьи и замѣтки по другимъ отраслямъ общественнаго призрѣнія и благотворительности.—7) Статьи и замѣтки по вопросамъ, соприкасающимся съ общественною благотворительностью.—8) Хроника. Обзоръ дѣятельности земствъ, городовъ, частныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ въ сферѣ вспомошествованія бѣднымъ, преимущественно въ области трудовой помощи. Извѣстія о возникновеніи новыхъ благотворительныхъ предпріятій, о пожертвованіяхъ и т. д.—9) Иностранный отдѣлъ. Обзоръ иностраннаго законодательства по вопросамъ общественнаго призрѣнія и благотворительности. Хроника дѣятельности иностранныхъ учреждений трудовой помощи и другихъ предпріятій въ области благотворительности.—10) Литературное обзорѣніе (русскія и иностранныя книги, брошюры и періодическія изданія).

Въ случаѣ надобности, въ видѣ особыхъ приложений къ журналу, будутъ печататься оригинальные и переводные труды по предметамъ, входящимъ въ программу журнала.

Въ журналѣ принимали и принимаютъ участіе, между прочимъ, слѣдующія лица:

А. К. Арнольди, П. И. Астровъ, Др. Р. Ф. Aschrott, В. Ѳ. Боцановскій, А. И. Браудо, О. А. Вертъ, Д-ръ А. С. Вирениусъ, В. А.

Гагенъ, Проф. В. И. Герье, С. К. Гогель, И. О. Горностаевъ, А. М. Горовцевъ, Д-ръ Н. И. Григорьевъ, Д. А. Дриль, Проф. М. В. Духовской, В. Д. Евренновъ, Е. Езерскій, Проф. А. А. Жижиленко, П. Н. Исаковъ, Проф. П. Н. Ковалевскій, А. О. Кони, С. М. Латышевъ, Е. Д. Максимовъ, Проф. А. А. Мануиловъ, Д-ръ Е. Münsterberg, П. Н. Обнинскій, В. К. Ординъ, М. И. Покровская, В. Ю. Скалонъ, Проф. М. Соболевъ, С. В. Сперанскій, Н. И. Тезяковъ, Проф. Г. И. Турнеръ, Д-ръ М. С. Уваровъ, Е. А. Шахматова, Д-ръ Н. В. Яблоковъ.

Журналъ выходитъ, безъ предварительной цензуры, *ежемесячно*, за исключеніемъ Іюля и Августа, книгами около 9 листовъ.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА—ТРИ РУБЛЯ ВЪ ГОДЪ СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ; ЗА ГРАНИЦУ—ПЯТЬ РУБЛЕЙ.

Отдѣльныя книги журнала продаются по 50 коп.

Для лицъ, состоящихъ на службѣ въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, при подпискѣ на журналъ черезъ казначеевъ, а для прочихъ подписчиковъ при подпискѣ черезъ Контору журнала—допускается *разсрочка* на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ уличивается 1 руб. 50 коп., остальная же сумма вносится ежемѣсячными платежами по 50 коп. каждый разъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—1) въ Конторѣ журнала „Трудовая Помощь“, при книжномъ магазинѣ А. О. Цинзерлинга, быв. Мелъе и К^о (Невскій, 20, у Полицейскаго Моста),—2) въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина (Невскій, 38), М. М. Стасюлевича (Вас. Остр. 5 лин., 28), Н. П. Карбасникова (Литейный, 46).

Въ Москвѣ: въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина (Неглинный проездъ) и Н. П. Карбасникова (Моховая, противъ Университета).

Иногородніе и заграничные подписчики благоволятъ обращаться въ Контору журнала (Книжный магазинъ Цинзерлинга, Невскій, 20).

Адресъ редакціи—С.-Петербургъ, Знаменская, д. 2.

Редакція для личныхъ объясненій открыта по вторникамъ и субботамъ отъ 3 до 5 час. д.

Рукописи статей, замѣтокъ, сообщеній и пр. должны быть направляемы *исключительно* въ редакцію.

Объявленія для напечатанія въ журналѣ оплачиваются по разсчету 16 руб. за страницу и 50 коп. за строку.—Книжные магазины за доставляемые ими объявленія пользуются уступкою въ размѣрѣ 10^о/о.

Экземпляры журнала за 1898, 1899, 1900 и 1901 г.г. продаются въ Конторѣ (Невскій пр., 20) по *три* руб.

Редакторъ В. Дерюжинскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

(ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ)

НА ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста					
Россіи	12 р.	9 р. — к.	6 р. 3 р. — к.	1 р. — к.	
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „ 3 „ 50 „	1 „ 25 „	

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апрѣля, 1 іюля, 1 октября по 3 рубля—при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія.

Цѣна отдѣльнаго номера съ пересылкой 1 руб. 30 коп. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ годовой цѣны журнала.

Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Ваганьковскій пер. д. Апласиной.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Литейный, д. 46.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатики.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Въ Вильнѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Въ Перми: въ земскомъ центральномъ книжномъ складѣ при конторѣ редакціи журнала „Русская Мысль“ находится складъ изданій.

Редакторъ-Издатель **В. М. Лавровъ.**

ГОДЪ

ВЪ 1902 ГОДУ

ВОСЬМОЙ.

„ЖУРНАЛЬ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ“

будетъ выходить ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 лист. Подписной годъ начинается съ января 1902 г.

Въ „Журналь“ печатаются: 1) Узаконенія и распоряженія правительства, приказы и циркуляры по вѣдомству М. Ю.; 2) Статьи по исторіи, теоріи и практической разработкѣ права и судопроизводства, особенно гражданскаго и уголовного; 3) Обзоръ текущей судебной практики, систематическія извлеченія изъ рѣшеній Гражд. и Уголов. Касс. Д.—товъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената; 4) Литературное обозрѣніе: критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ, библиографическій указатель юридической литературы, русской и иностранной; 5) Обзоръ иностраннаго законодательства: свѣдѣнія о новыхъ законахъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ 6) Письма изъ Англии и Франціи.

Въ „Журналь“ за 1894—1901 годъ были напечатаны, между прочимъ, статьи слѣдующихъ авторовъ: А. Л. Боровиковскаго, Е. В. Васьковскаго, М. М. Винавера, Ю. С. Гамбарова, М. Ѳ. Громницкаго, Д. А. Дриля, М. В. Духовскаго, М. А. Дьяконова, А. И. Загоровскаго, К. П. Змирлова, А. Ѳ. Кони, Н. М. Коркунова, Ѳ. И. Леонтовича, В. М. Нечаева, П. П. Обнинскаго, В. К. Случевского, В. Д. Спасовича, Е. Н. Тарновскаго, И. Я. Фойницакаго, Г. Ф. Шершеневича, И. Г. Щегловитова, И. Е. Енгельмана и мн. др.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяць съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяць съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при Университетахъ для приотовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ, при подпискѣ въ Главной Конторѣ,—по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за приемъ подписки и объявленій уступкою 10%.

Главная Контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линия, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналъ“ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ В. Ѡ. Дерюжинскій.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

НА 1902 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученныя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя въ Россіи и заграничѣ въ книгахъ и сочиненіяхъ по всемъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорною коллекціей и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету; обзорныя преподаванія распределеніе лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованныя.

Ученныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всеми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ Ѡ. Мищенко.

Годъ изданія X.

1902 г.

ТЮРЕМНЫЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ГЛАВНЫМЪ ТЮРЕМНЫМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ.

выходить ежемѣсячно (кромѣ іюля и августа).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Официальный отдѣлъ.

1. Узаконенія и распоряженія правительства.
2. Приказы о наградахъ, назначеніяхъ и перемѣщеніяхъ по тюремному вѣдомству, конвойной стражѣ и учрежденіямъ Общества попечительнаго о тюрьмахъ.
3. Сообщенія о состояніи тюремнаго дѣла, положеніи ссылки и предположенныхъ преобразованіяхъ.
4. Сообщенія о пожертвованіяхъ.
5. Разъясненія по разнымъ вопросамъ тюремной практики.

II. Неофициальный отдѣлъ.

1. Оригинальныя и переводныя статьи и замѣтки по вопросамъ тюремовѣдѣнія и организаціи ссылки.
2. Извѣстія объ исправительныхъ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ, пріютахъ для арестантскихъ дѣтей и другихъ учрежденіяхъ патроната.
3. Сообщенія о международныхъ тюремныхъ конгрессахъ, съѣздахъ тюремовѣдцовъ и иныхъ собраніяхъ по пенитенціарнымъ вопросамъ.
4. Некрологи выдающихся тюремныхъ дѣятелей.
5. Новости литературы по тюремовѣдѣнію.

III. Объявленія.

Цѣна 5 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ Главномъ Тюремномъ Управленіи (Екатерининскій каналъ, д. 25, около Казанскаго собора) и въ книжныхъ магазинахъ, пользующихся за пріемъ подписки уступкою 10%.

Объявленія принимаются лишь въ Главномъ Тюремномъ Управленіи.

Редакторъ Д. Ф. Онеговъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

(Четвертый годъ изданія)

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

П Р А В О

выходящая безъ предварительной цензуры подъ редакціей пр.-доц. В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского, при ближайшемъ участіи Г. В. Гессена, О. О. Грузенберга, пр.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, и проф. Л. И. Петражицкаго по прежней программѣ.

Годовые подписчики получаютъ въ качествѣ приложеній: Сборникъ рѣшеній кассационныхъ департаментовъ и общаго собранія 1-го и кассационныхъ департаментовъ и кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената и „Законодательный Вѣстникъ“, въ которомъ будутъ помѣщены всѣ опубликованныя въ 1902 г. общія узаконенія, подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ, и тѣ указы Пр. Сената и административныя распоряженія, которыя представляютъ существенное значеніе для разъясненія смысла законовъ.

Редакція даетъ годовымъ подписчикамъ „Право“ бесплатные отвѣты (въ количествѣ не болѣе 3-хъ) на юридическіе вопросы.

Въ теченіе 1899 и 1900 г.г. въ газетѣ „Право“ помѣстили статьи и замѣтки слѣдующія лица:

К. К. Арсеньевъ, сенаторъ А. Л. Боровиковскій, проф. Берлинскаго ун. В. І. Борткевичъ, пр.-доцентъ Ф. А. Вальтеръ, Г. Л. Вербловскій, М. М. Винаверъ, проф. А. К. Вульфбергъ, Л. В. Гантоверъ, М. И. Ганфманъ, В. Л. Глинка, проф. А. Х. Гольмстенъ, прив.-доц. М. Б. Горенбергъ, Я. К. Городскій, пр.-доц. Н. В. Давыдовъ, Гр. А. Джаншиевъ, проф. Н. Л. Дювернуа, В. Б. Ельшевичъ, проф. А. А. Жижиленко, проф. Ф. Ф. Зѣлинскій, проф. И. А. Ивановскій, А. О. Кони, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Д. А. Левинъ, проф. К. М. Леонтьевъ, Д. Д. Лобановъ, М. А. Лозина-Лозинскій, В. О. Люстихъ, Н. А. Мандельштамъ, прив.-доц. Г. В. Михайловскій, проф. С. А. Муромцевъ, М. И. Мышь, В. А. Мякотинъ, проф. Берлинскаго ун. dr. Oertmann, Ф. И. Осецкій, пр.-доц. М. Я. Пергаментъ, О. Я. Пергаментъ, пр.-доц. А. А. Пиленко, П. А. Потѣхинъ, И. М. Рабиновичъ, Ф. И. Родичевъ, прив.-доц. Н. Н. Розинъ, М. И. Свѣшниковъ, В. И. Семевскій, В. Д. Спасовичъ, сенаторъ Н. С. Таганцевъ, Е. Н. Гарновскій, И. М. Тютрюмовъ, прив.-доц. В. М. Устиновъ, проф. И. Я. Фойницкій, В. В. Хижняковъ, проф. П. П. Цитовичъ, проф. Н. М. Цитовичъ, прив.-доц. К. В. Шавровъ, прив.-доц. Л. В. Шалландъ, Г. Шатровъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, Гр. И. Шрейдеръ, И. Г. Щегловитовъ и др.

Поставивъ въ числѣ своихъ задачъ ознакомленіе читателей съ существующей судебною и судебно-административною практикою, а также разработку этой послѣдней, „Право“ удѣляетъ широкое мѣсто судебнымъ отчетамъ, а также разбору рѣшеній, приговоровъ и административныхъ постановленій, представляющихъ принципиальный интересъ, причемъ, между прочимъ, начиная съ осени 1899 г., въ „Правѣ“ помѣщаются немедленно отчеты о всѣхъ дѣлахъ, рассмотрѣнныхъ въ кассационныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ 1 мая 3 р. Заграницу на годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

Главная контора: С.-Петербургъ, Дмитровскій пер., № 6.

1902.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

1902.

XXI г. „СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ“ XXI г.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

СЪ БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассационныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената.

ПРОГРАММА: 1) **РУКОВОДЯЩІЯ СТАТІИ:** Обсужденіе правительственныхъ узаконеній и распоряженій по вопросамъ, касающимся всѣхъ областей права, судопроизводства, судоустройства и тюремнѣднія; рассмотрѣніе кассационныхъ рѣшеній Правительствующаго Сената; предположеніе о необходимости пересмотра или измѣненія постановленій, относящихся къ вопросамъ права, судопроизводства, судопроизводства и тюремнѣднія; обсужденіе вопросовъ по международному праву.

2) **ВНУТРЕННЯЯ ХРОНИКА:** новыя узаконенія и распоряженія правительства, касающіяся всѣхъ областей права, судопроизводства, судоустройства и тюремнѣднія; движеніе по государственной и общественной службѣ лицъ, принадлежащихъ къ судебному сословію; кассационныя рѣшенія Правительствующаго Сената, отчеты судебныхъ засѣданій, рефераты ученыхъ обществъ по вопросамъ юридическаго свойства; новости изъ юридическаго міра; корреспонденція изъ Россіи.

3) **ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА:** обзоръ текущихъ иностранныхъ законодательствъ, новости изъ юридическаго міра, выдающіеся процессы.

4) **БИБЛИОГРАФІЯ:** разборъ русскихъ и иностранныхъ юридическихъ книгъ и статей періодическихъ изданій.

5) **ФЕЛЬТОНЪ:** замѣчательныя рѣчи юридическаго содержанія: біографіи выдающихся дѣятелей на юридическомъ поприщѣ.

6) **СПРАВОЧНЫЙ ЛИСТОКЪ:** бюллетени судебныхъ мѣстъ, засѣданія ученыхъ обществъ и т. д.

7) **ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ:** отвѣты редакціи научнаго характера по всѣмъ вопросамъ судопроизводства и судоустройства и тюремнѣднія, отвѣты по вопросамъ, касающимся лично редакціи.

8) **ЮРИДИЧЕСКАЯ АРЕНА:** здѣсь будутъ печататься вопросы и отвѣты на оные со стороны читающей публики.

„Судебная Газета“ будетъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, давать на своихъ страницахъ критическое обсужденіе законовъ, какъ дѣйствующихъ уже, такъ и вновь публикуемыхъ, при чемъ для болѣе яркаго освѣщенія достоинствъ и недостатковъ отечественнаго права—матеріальнаго и процессуальнаго будетъ держаться сравнительнаго метода изложенія, приводя постановленія передовыхъ иностранныхъ законодательствъ. Памятуя ближайшія задачи спеціальнаго органа, газета наша будетъ охотно отводить у себя мѣсто разнымъ юридическимъ замѣткамъ и вопросамъ, имѣющимъ цѣлю выясненіе темныхъ сторонъ права, чѣмъ значительно облегчится положеніе провинціальныхъ практиковъ, которые, какъ

можно судить изъ поступающихъ къ намъ заявленій, особенно часто нуждаются въ совѣтѣ и обмѣнѣ мыслей.

ПРОСИМЪ ОБРАТИТЬ ОСОБЕННОЕ ВНИМАНИЕ НА СЛѢДУЮЩЕЕ:

Въ каждомъ № „Судебной Газеты“ подписчики получаютъ за недѣлю раньше списокъ всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію по всѣмъ Департаментамъ Правительствующаго Сената и Общаго Собранія, и, тотчасъ по опубликованіи, всѣ свѣдѣнія объ уничтоженіи довѣренностей, объ узаконеніяхъ и о лицахъ, признанныхъ со стороны судовъ по всей Россіи несостоятельными и о подѣопечныхъ лицахъ, циркуляры Минист. Юстиціи и Минист. Внутр. Дѣлъ, воспослѣдовавшіе по соглашенію съ Минист. Юстиціи, — то есть пользуются такимъ матеріаломъ, который, въ отдѣльности взятый, стоитъ въ 3—4 раза дороже самаго изданія „Судебной Газеты“.

СООБЩЕНИЕ СПРАВОКЪ о резолюціяхъ Кассационныхъ и всѣхъ другихъ Департ. Сената производится бесплатно въ почтовомъ ящикѣ редакціи только для годовыхъ подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ всю сумму сполна, притомъ не болѣе 3—4 разъ въ годъ.

ПОДПИСЧИКАМЪ ВЪ РАЗСРОЧКУ И НА СРОКИ справки сообщаются на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЖЕЛАЮЩИЕ получить справку по почтѣ, не дожидаясь выхода газеты, придаютъ 2 руб. за каждую справку каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу придаютъ еще стоимость телеграммы.

8) ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ: разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ сообщеніе совѣтовъ, указаній и т. п. производится или въ отдѣлѣ „Отвѣты редакціи“, или письменно по почтѣ, въ обоихъ случаяхъ на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЦѢНА: на годъ 7 р.; за границу 10 р. въ годъ.

ЗА ГРАНИЦУ подписка въ разсрочку не принимается.

РАЗСРОЧКА въ платежѣ годовой подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 4 рубля и остальные 3 рубля не позже 1-го мая.

ПРИ ПРОСРОЧКѢ втораго взноса высылка газеты съ 1-го мая прекращается.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Надеждинская улица, № 25 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель *Ф. В. Де-Веки.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ
НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„НОВОЕ ДЪЛО“

Съ приложеніемъ еженедѣльной общественно-политической газеты.

Журналь „Новое Дѣло“ издается, какъ Продолженіе 34-лѣтняго изданія „Недѣли“ и „Книжечъ Недѣли“, при томъ же составѣ редакціи.

Направленіе и характеръ „НОВАГО ДЪЛА“ остается тождественнымъ съ „НЕДѢЛЕЙ“. Развитіе общественной самодѣятельности, горячее вниманіе къ народнымъ нуждамъ, участіе къ жизненнымъ интересамъ всѣхъ сословій, усовершенствованіе нашихъ юридическихъ и экономическихъ отношеній, развитіе жизнедѣятельности страны путемъ не узкоплеменной, но обще-русской самостоятельной культуры—вотъ основныя черты этого направленія.

Ежемѣсячное изданіе „НОВАГО ДЪЛА“, служащее продолженіемъ „КНИЖЕКЪ НЕДѢЛИ“, предназначается для строгаго и тщательнаго подбора произведеній художественной литературы, статей философскихъ, культурныхъ, біографій, путешествій, литературной критики и т. п., а также для того отдѣла обзора движенія мысли и литературы, который за границею составляетъ такъ называемые „ЖУРНАЛЫ ЖУРНАЛОВЪ“.

Еженедѣльное изданіе „НОВАГО ДЪЛА“, служащее продолженіемъ газеты „НЕДѢЛЯ“, представляетъ собою разработанную и освѣщенную лѣтопись текущей политической, общественной, экономической и научной жизни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На ежемѣсячный журналь: на годъ—7 р., на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 75 коп. съ пересылкой. Тоже, съ приложеніемъ еженедѣльной газеты, на годъ—10 р., на 6 мѣс.—5 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—85 к. съ пересылкой. За границу на 3 руб. дороже. Книгопродавцамъ услуга. Г.г. иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи (Гончарная, д. 10, въ С.-Петербургѣ), гдѣ также принимаются и объявленія.

Подписчики „НЕДѢЛИ“ платятъ за годовое изданіе журнала и газеты вмѣсто 10 руб.—7 руб.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Гончарная, 10.

Подписка принимается, кромѣ конторы редакціи, также въ отдѣленіяхъ конторы „НОВАГО ДЪЛА“: при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Н. П. Карбасникова, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, и др. магазинахъ. Въ Кіевѣ у Н. Я. Оглоблина и въ Москвѣ въ конторѣ Печковской.

Рукописи для редакціи могутъ быть адресованы *В. П. Гайдебурову*, Спб., Фонтанка, д. 37.

Издательница **А. Н. Пѣшкова-Толивѣрова.**

Въ Сенатской типографіи отпечатаны и поступили въ продажу:

НОВЫЙ УСТАВЪ О ГЕРБОВОМЪ СБОРѢ

СЪ ОТНОСЯЩИМИСЯ КЪ ОНОМУ РАСПОРЯЖЕНІЯМИ
МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ.

Цѣна съ пересылкою **25** коп.

ЗАКОНЪ О ПРЕОБРАЗОВАНИИ ВЗИМАЕМЫХЪ ВЪ ИМПЕРІИ ПОРТОВЫХЪ СБОРОВЪ И ПОЛОЖЕНІЕ О МѢСТНОМЪ УПРАВЛЕНІИ ПРИМОРСКИМИ ТОРГОВЫМИ ПОРТАМИ.

Цѣна съ пересылкою **75** коп.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденныя правила, а также распоряженіе Министра Финансовъ о приѣмѣ товаровъ въ вѣдѣніе таможенныхъ учрежденій, досмотрѣ, оплатѣ пошлиною и выпускѣ.

Цѣна съ пересылкою **50** коп.

ПОЛОЖЕНІЕ О РИЖСКОМЪ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТѢ.

Цѣна съ пересылкою **20** коп.

**ПРАВИЛА ДЛЯ Вновь ОБРАЗОВАННАГО ФОНДОВАГО ОТДѢЛА
ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ВІРЖѢ.**

Цѣна съ пересылкою **15** коп.

I. Именной Высочайшій указъ объ отмѣнѣ ссылки на житье и ограниченіи ссылки на поселеніе по суду и по приговорамъ общественнымъ.—**II.** Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта объ отмѣнѣ ссылки и утвержденіи временныхъ правилъ о замѣнѣ ссылки на поселеніе и житье другими наказаніями.

Цѣна съ пересылкою **15** коп.

Высочайше утвержденныя Правила и Инструкція Министра Финансовъ о фруктово- и виноградооводочномъ и коньячномъ производствѣ.

Цѣна съ пересылкою 75 коп.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ РѢШЕНІЙ

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

ПО ВОПРОСАМЪ ОБЪ ОТВѢТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦЪ АДМИНИСТРАТИВНАГО ВѢДОМСТВА ЗА ПРЕСТУПЛЕНІЯ ДОЛЖНОСТИ (1868—1896 г.). Составили: Членъ Консультаци, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, исп. обяз. Товарища Оверъ-Прокурора 1-го Департамента Правительствующаго Сената *В. И. Тимофеевскій* и бывшій Оверъ-Секретарь того-же Д-та *С. П. Кузнецовъ*.

Печатанъ съ разрѣшенія Г. Министра Юстиціи.

Цѣна 4 руб., съ пересылкою—4 руб. 50 коп.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ ВОПРОСОВЪ,

РАЗРѢШЕННЫХЪ ОПРЕДѢЛЕНІЯМИ ОБЩАГО СОБРАНІЯ КАССАЦИОННЫХЪ И СЪ УЧАСТІЕМЪ I и II ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

съ 1866 по 1 Января 1900 г.

Составилъ Оверъ-Секретарь Общаго Собранія Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената *Н. Н. Быстровъ*.

Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

Объ отводѣ частнымъ лицамъ казенныхъ земель въ Сибири

Цѣна съ пересылкою 50 коп.

Съ требованіями просятъ обращаться въ г. С.-Петербургъ, въ Сенатскую Типографію, а также въ книжные магазины: „Новаго Времени“ (Невскій проспектъ № 40) и Вольфа (Гостинный Дворъ № 19).

Въ Сенатской Типографіи принимаются частныя заказы на всякаго рода печатныя и переплетныя работы.

Сенатская Типографія не высылаетъ изданій съ наложеннымъ платежемъ, а лишь по полученіи ею наличныхъ денегъ или квитанціи Казначейства о взносѣ таковыхъ въ § 12 специальныхъ средствъ Министерства Юстиціи.

Сенатская Типографія.

58841498

СФ СПБГУ

Адресъ Редакціи: Спб. Сергіевская, 62.
„ Конторы: Спб. Верейская, 12.

Для личныхъ объясненій Редакція „ВѢСТНИКА ПРАВА“ открыта по суб-
ботамъ отъ 3 до 5 час. дня.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Авторъ присылаемыхъ рукописей редакція проситъ озабо-
титься яснымъ и четкимъ письмомъ текста, особенно иностраннаго, а
равно и цитатъ. Рукописи, неудобныя къ печатанію, не возвращаются,
но могутъ быть получены въ редакціи авторами или уполномоченными
ими лицами. По истеченіи года, со дня полученія, рукописи, не взятая
обратно, уничтожаются.

2) Гонораръ получается въ редакціи самими авторами; иногород-
нымъ онъ высылается по особому, каждый разъ, заявленію ихъ, съ
вычетомъ почтовыхъ расходовъ.

3) Лицъ, желающихъ видѣть скорѣйшій разборъ ихъ трудовъ, ре-
дакція проситъ доставлять свои сочиненія *въ двухъ экземплярахъ* тот-
часъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

4) Для отвѣтовъ на всякаго рода запросы гг. сотрудниковъ и подпис-
чиковъ должна быть приложена почтовая марга.

---

*Объ изданіи Журнала Юридическаго Общества „Вѣстника Права“ въ
1902 г. см. 4 стр. обложки.*

Объ изданіи въ 1902 году

„ВѢСТНИКА ПРАВА“

ЖУРНАЛА ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,

издаваемого подъ редакцію Г. Б. СЛЮЗБЕРГА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ іюля и августа)
въ количествѣ 10 книгъ въ годъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	на годъ	по полугодіямъ	
		Январь	Іюнь
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 р. — к.	4 р. — к.	4 р. — к.
” ” ” съ доставкою	8 ” 50 ”	4 ” 50 ”	4 ” — ”
Въ другихъ городахъ съ доставкою	9 ” — ”	5 ” — ”	4 ” — ”
За-границей	12 ” — ”	7 ” — ”	5 ” — ”

Подписывающіеся на одинъ мѣсяць платятъ 1 р. 20 к. съ доставкою.

Съ приложеніемъ сборника рѣшеній Кассационныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Сената, въ официальномъ изданіи, разсылаемого подписчикамъ немедленно по выходѣ листовъ изъ Сенатской типографіи (въ распоряженіи редакціи имѣется 500 экземпляровъ): за Журналъ съ Сборникомъ, съ доставкою въ С.-Петербургѣ 12 р. 50 к., съ пересылкою въ другіе города—13 р., или по полугодіямъ—въ январѣ 8 р. и въ іюнѣ 5 р.

Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности и учащіеся платятъ при подпискѣ по 4 р. 50 к. въ годъ съ доставкою и пересылкою, а съ приложеніемъ рѣшеній 8 р. 50 к. Подписчики на 1902 г. могутъ получить всѣ 10 книгъ 1899 г. при вступленіи 5 р. 50 к., а 10 книгъ 1900 г. съ приложеніемъ 3 томовъ проектовъ новой редакціи учр. суд. уст., уст. гражд. суд. и уст. угол. суд. за 6 р.

Подписка принимается въ конторѣ: „Вѣстника Права“, Верейская д. № 12 и кромѣ того:

Въ С.-Петербургѣ: 1) Н. К. Мартынова, Невскій пр. уголъ Б. Садовой № 50—15; 2) „Новое Время“ А. С. Суворина, Невскій 38; 3) Общество французской книжной торговли, бывш. Мелье, преемникъ А. Ф. Цинзерлингъ, Невскій пр. 20; 4) Магазины Юридической Литературы Д. В. Чичинадзе, Невскій пр. 59; 5) Книжный магазинъ Н. П. Карбасникова, Литейный пр 46.

Въ Москвѣ: Въ книжномъ магазинѣ Журнала „Русская Мысль“ Б. Никитская.
Въ Киевѣ: 1) Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ 33; 2) И. А. Розова, Крещатикъ, домъ Марръ.

Въ Варшавѣ: С.-Петербургскій книжный складъ, Новый Свѣтъ, 67.

Въ Одессѣ: 1) И. А. Розова, Дерибасовская, противъ сада.

Въ Харьковѣ: Кн. Маг. Дредера.

Въ Казани: 1) Вр. Башмаковыхъ, Городской Пассаажъ; 2) А. А. Дубровина, Гостинный дворъ № 1.

Въ Перми: О. П. Петровской, Сибирская, домъ Еврепновой.

Въ Полтавѣ: Книжный Магазины Перельвейга.

Въ Томскѣ: Центральная книжная торговля.

Въ Томскѣ и Иркутскѣ: Сибирскій книжный магазинъ Макушина.

Объявленія для напечатанія въ „Вѣстникѣ Права“ принимаются въ Конторѣ по расчету 16 руб. за страницу.

Адресъ Редакціи:
Спб., Сергіевская, 62.

Адресъ Конторы:
Верейская ул. д. № 12.

РЕДАКТОРЪ Г. Б. СЛЮЗБЕРГЪ.

Къ сему № прилагается объявленіе объ изданіяхъ „Брокгаузъ-Ефронъ“.